

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:

ИМПЕРИЯ
И
ПОЛИС

XV

СИМФЕРОПОЛЬ 2023

Институт археологии Крыма РАН
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

XV Международный Византийский семинар

ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС

Севастополь – Балаклава
5 – 9 июня 2023 г.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2023

УДК 93/94(3)
ББК 63.3(0)4
Х39

*Рекомендовано к изданию Учёным Советом ФГБУН
«Институт археологии Крыма РАН»
(Протокол № 2 от 17 марта 2023 г.)*

Рецензенты: д. и. н. М. В. Бибииков, к. и. н. М. А. Курышева

Редакционная коллегия:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь) – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ;

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) – ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ;

МАЙКО ВАДИМ ВЛАДИСЛАВОВИЧ, доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН (Симферополь);

ВИНОГРАДОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ, доцент, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Центра византийско-кавказских исследований Института востоковедения РАН (Москва);

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes médiévales (Paris IV – Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН (Симферополь) – СЕКРЕТАРЬ-КООРДИНАТОР

Х39 **ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:** империя и полис. XV Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 5–9 июня 2023 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2023. – 328 с. ISBN 978-5-907656-79-6

УДК 93
ББК 63.3(0)4

© Коллектив авторов, 2023

© Алексеенко Н. А., составление, оформление, 2023

© Институт археологии Крыма РАН, 2023

© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2023

ISBN 978-5-907656-79-6

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАТОРЫ И ОРГКОМИТЕТ	13
УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ	15
МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ	21
АЙБАБИН А. И. (КрФУ, Симферополь) К дискуссии о дате обретения Готией независимости от Византии	23
АЛЕКСЕЕНКО Н. А. (ИАКр РАН, Симферополь) Карьера Василия (Ксира), Великого хартулярия логофессии геникона	27
АРЖАНОВ А. Ю. (ГИАМЗ ХТ, Севастополь) Несколько ранневизантийских моливдовулов из раскопок Южного пригорода Херсонеса	37
АФИНОГЕНОВА О. Н. (МДА, Москва, Сергиев Посад) Мученик Уар как молитвенник о некрещеных: история аспекта почитания	45
БУТЫРСКИЙ М. Н. (ГМВ, Москва) Бронзовая отливка со сценой Рождества из Старого Крыма	49
ВИНОГРАДОВ А. Ю. (НИУ ВШЭ, Москва) Торонумиса pontica 4. К вопросу о древнем названии Мангупа	53
ГАНЦЕВ В. К. (КрФУ, Симферополь) Виноградарство и виноделие у хазар по письменным и археологическим данным	57

ГЕРЦЕН А. Г. (ТА КрФУ, Симферополь) Бронзовая статуэтка Меркурия из раскопок Мангуца	63
ГИНЬКУТ Н. В. (ГИАМЗ ХТ, Севастополь), НЕССЕЛЬ В. А. (ГИАМЗ ХТ, Севастополь) Позднесредневековое поселение в устье Балаклавский бухты (современная Кадыковка, Балаклава) по данным археологических исследований в 2009–2013 гг.	71
ДЕНИСОВА И. В. (НИУ БелГУ, Белгород), БОЛГОВ Н. Н. (НИУ БелГУ, Белгород) Ранневизантийские интеллектуалы – кто они?	89
ЕВДОКИМОВА А. А. (ИЯз РАН, Москва) Системы акцентуации в византийских греческих надписях на металле из Италии.....	97
ЗИЛИВИНСКАЯ Э. Д. (ИЭА РАН, Москва), Византия в Нижнем Поволжье: крымская сполия в Золотой Орде	111
ЗЫКОВА А. В. (ВолГУ, Волгоград) Все средства хороши. Инструментарий борьбы за власть константинопольского триумvirата в гражданской войне 1341–1347 гг.	119
ИВАНОВ А. В. (ИАКр РАН, Симферополь) Деятельность Балаклавского городского самоуправления по благоустройству территории крепости Чембало в 1910 г.	125
ИОЖИЦА Д. В. (КрФУ, Симферополь) Наземные однопнефные храмы Мангупского городища	133
КАЗАНСКИЙ М. М. (КрФУ, Симферополь) Два вида портупей в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов.....	141

КАРАШАЙСКИ К. М. (ТА КФУ, Симферополь) Отряд Сфенга, «брата Владимира», в составе экспедиции Варды Монга 1016 г. в Хазарию: наемники или союзники Византийской империи?	149
КИРИЛКО В. П. (ИАКр РАН, Симферополь) Фрагмент мергелевого карниза из Партенита	155
КУЩ Т. В. (УрФУ, Екатеринбург) Городские легенды Константинополя XV в.	163
ЛИТОВЧЕНКО Е. В. (НИУ БелГУ, Белгород) К вопросу о коммуникации между духовенством Запада и Востока в VI в.: письмо епископа Авита патриарху Иерусалима о «даре Святой Земли»	173
ЛЫСИКОВ П. И. (ВолГУ, Волгоград) Миллион иперпиров для Рожера де Флора: финансовый вопрос как причина конфликта между Византией и каталонскими наёмниками в начале XIV в.	177
МАЙКО В. В. (ИАКр РАН, Симферополь), ВАХОНЕЕВ В. В. (ИИМК, Санкт-Петербург) К вопросу о хронологических реперах византийских древностей Таврики XII в.	187
МАСТЫКОВА А. В. (ИА РАН, Москва) Ранневизантийские бусы поселения Эж-Жаузе (Ej-Jaouzé) в Ливане	195
НАБОКОВ А. И. (КрФУ, Симферополь) Архитектура грунтовых склепов второй половины VI–VIII вв. на раннесредневековых могильниках округи Мангупа	203
НАУМЕНКО В. Е. (КрФУ, Симферополь) , АЛЕКСЕЕНКО Н. А. (ИАКр РАН, Симферополь) Новая ранневизантийская печать из раскопок Мангупа-Дороса	215

НАУМЕНКО В. Е. (ТА КФУ, Симферополь), ДУШЕНКО А. А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Строительная периодизация укреплений западного фланга северного фронта Главной линии обороны Мангупа (по материалам исследований 2020–2022 г.)	227
ОШАРИНА О. В. (ГЭ, Санкт-Петербург) Эллинистические и ближневосточные влияния на амулетах-апоτροπείαх VI–VII вв. из собрания Эрмитажа	237
РОМЕНСКИЙ А. А. (ГИАМЗ ХТ, Севастополь) Херсон и Воспор в Житии Иоанна Психаита	249
РУДНЕВА М. А. (НИУ БелГУ, Белгород) К вопросу о влиянии сейсмической активности на историческое развитие Александрии в ранневизантийское время	255
СЕЙДАЛИЕВ Э. И. (КИПУ, ИАКр РАН, Симферополь; ИИ АН РТ, Казань) Византийская тарная керамика из раскопок городища Солхат	261
СИДОРЕНКО В. А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Мамай и «Симферопольский» клад	273
СМЫЧКОВ К. Д. (Беловодск) Несколько новых печатей Византии из частного собрания	283
СТЕПАНЕНКО В. П. (УрФУ, Екатеринбург) Несколько нерешённых вопросов истории Боспора Киммерийского X–XII вв.	289
СТЕПАНОВА Е. В. (ГЭ, Санкт-Петербург) Начало византийской сфрагистики: конусовидные печати	295
ТОЛМАЧЕВА Е. Г. (РПУ Иоанна Богослова, Москва) Предметы средневекового восточного костюма по археологическим данным: некоторые результаты изучения археологического текстиля на памятнике Дерахейб (Судан).....	297

УСТАЕВА Э. Р. (ТМК, Тамань), ЧХАИДЗЕ В. Н. (ИВ РАН, Москва) Два византийских керамических просфорных штампа с Таманского полуострова	305
ХАЙРЕДИНОВА Э. А. (ИАКр РАН, Симферополь) Костюм населения средневекового города на плато Эски-Кермен X–XIV вв. по археологическим материалам	309
ХРАПУНОВ Н. И. (КрФУ, Симферополь) Эбenezер Хендерсон – забытый исследователь крымских древностей	317
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	325

CONTENTS

CONFERENCE ORGANIZERS	13
LIST OF PARTICIPANTS	15
ABSTRACTS OF PRESENTATIONS	21
AIBABIN A. I. (Simferopol) On the Discussion of the Date when Gothia Became Independent of Byzantium	23
ALEKSEIENKO N. A. (Simferopol) The Career of Basileios (Xeros), megas chartoularios tou genikou logothesiou	27
ARZHANOV A. Yu. (Sevastopol) A Few Early Byzantine Molybdoboulla Excavated at the Southern Suburb of Chersonese	37
AFINOGENOVA O. N. (Moscow, Sergiev Pasad) Martyr Ouaros as the One Praying for the Non-Baptised: A History of the Veneration Aspect	45
BUTYRSKII M. N. (Moscow) A Bronze Cast Featuring the Nativity from Staryi Krym	49
VINOGRADOV A. Yu. (Moscow) Toponymica pontica 4. On the Question of the Ancient Name of Mangup	53
GANTSEV V. K. (Simferopol) Viticulture and Wine-making among the Khazars according to Written and Archaeological Accounts	57

GERTSEN A. G. (Simferopol) The Bronze Statue of Mercurius Excavated at Mangup	63
GINKUT N. V. (Sevastopol), NESSEL V. A. (Sevastopol) The Late Mediaeval Settlement at the Mouth of the Bay of Balaklava (Present-day Kadykovka, Balaklava) according to the 2009–2013 Archaeological Researches	71
DENISOVA I. V. (Belgorod), BOLGOV N. N. (Belgorod) The Early Byzantine Intellectuals – Who Were They?	89
EVDOKIMOVA A. A. (Moscow) Accentuation Systems in the Byzantine Greek Inscriptions on the Metalware from Italy	97
ZILIVINSKAYA E. D. (Moscow) Byzantium in the Lower Volga Area: A Crimean Spolia in the Golden Horde	111
ZYKOVA A. V. All Is Fair: The Tools of the Struggle for Power of the Constantinople Triumvirate in the Civil War of 1341–1347	119
IVANOV A. V. (Simferopol) The Works of the Town Self-government of Balaklava for the Development of the Chembalo Castle Area in 1910	125
IOZH TSA D. V. (Simferopol) The Above-ground Aisleless Churches of the Ancient Town of Mangup	133
KAZANSKI M. M. (Paris) Two Types of Sword-Belts in the Late Roman and Great Migration Periods	141

KARASHAYSKI K. M. (Simferopol) The Troop of Sphengos, the “Brother of Vladimir,” in Bardas Mongos’ Raid of 1016 into Khazaria: The Mercenaries or Allies of the Byzantine Empire?	149
KIRILKO V. P. (Simferopol) A Marl Cornice Fragment from Partenit	155
KUSHCH T. V. (Ekaterinburg) The Fifteenth-century Urban Legends of Constantinople	163
LITOVCHENKO E. V. (Belgorog) On the Question of the Communication between the Clergy of the West and the East in the Sixth Century: An Epistle from Bishop Avitus to the Patriarch of Jerusalem on the “Gift of the Holy Land”	173
LYSIKOV P. I. (Volgograd) The Million of Hyperpyra for Roger de Flor: The Financial Question as the Reason for the Conflict of Byzantium and the Catalanian Mercenaries in the Early Fourteenth Century	177
MAIKO V. V. (Simferopol), VACHONEEV V. V. (St. Petersburg) On the Question of the Chronological Reference Points for the Twelfth-century Byzantine Antiquities of the Taurica	187
MASTYKOVA A. V. (Moscow) The Early Byzantine Beads from the Settlement of Ej-Jaouzé in Lebanon	195
NABOKOV A. I. (Simferopol) The Architecture of the Underground Burial Vaults from the Second Half of the Sixth to the Eighth Century at the Early Mediaeval Cemeteries in the Vicinity of Mangup	203
NAUMENKO V. E. (Simferopol), ALEKSEIENKO N. A. (Simferopol) A New Early Mediaeval Seal Excavated at Mangup-Doros	215

NAUMENKO V. E. (Simferopol), DUSHENKO A. A. (Simferopol) The Building Periodization of the Fortifications on the Western Flank of the Northern Face of the Main Line of the Defences of Mangup (According to the 2020–2022 research Materials)	227
OSHARINA O.V. (St. Petersburg) Hellenistic and Near East Influences on the Apotropaic Amulets from the Sixth and Seventh Centuries Residing in the State Hermitage Museum	237
ROMENSKII A. A. (Sevastopol) Cherson and Bosporos in the Life of St John Psychaites	249
RUDNEVA M. A. (Belgorod) On the Question of the Seismic Activity’s Influence on the Historic Development of Alexandria in the Early Byzantine Period	255
SEIDALIEV E. I. (Simferopol, Kazan’) The “Byzantine” Transport Ware Excavated at the Ancient Town of Solkhat	261
SIDORENKO V. A. (Simferopol) Mamay and the “Simferopol” Hoard	273
SMYCHKOV K. D. (Belovodsk) A Few New Seals of Byzantium from a Private Collection	283
STEPANENKO V. P. (Yekaterinburg) A Few Unsolved Questions of the History of Cimmerian Bosporos from the Tenth to Twelfth Centuries	289
STEPANOVA E. V. (St. Petersburg) The Origin of the Byzantine Sigillography: The Conic Seals	295

TOLMACHEVA E. G. (Moscow) The Parts of Mediaeval Eastern Costume according to the Archaeological Data: Several Results of the Research of Archeological Textile at the Site of Deraheib (Sudan)	297
USTAEVA E. R. (Taman'), CHKHAIDZE V. N. (Moscow) Two Byzantine Host Stamps from the Taman Peninsula	305
KHAIREДИNOVA E. A. (Simferopol) The Costume of the Population of the Mediaeval Town on the Platea of Eski-Kermen from the Tenth to Fourteenth Century According to the Archaeological Data	309
KHRAPUNOV N. I. (Simferopol) Ebenezer Henderson – a Forgotten Researcher of the Crimean Antiquities	317
ABBREVIATIONS	325

ОРГАНИЗАТОРЫ

**Институт археологии Крыма Российской Академии Наук
(Симферополь)**

**Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(Симферополь)**

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь);

БИБИКОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, руководитель Центра истории Византии и восточно-христианской культуры Института Всеобщей истории РАН (Москва);

СЕДИКОВА ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь);

КООРДИНАТОР:

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь);

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

КАЗАНСКИЙ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

docteur habilité, directeur de Recherches de Centre national de la recherche scientifique (SNRS) – UMR 8167 «Orient et Méditerranée» (Caen, France) et Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France);

ИВАНОВ СЕРГЕЙ АРКАДЬЕВИЧ,

доктор исторических наук, профессор факультета филологии Национального научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Института высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского Российского Государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва);

МАЙКО ВАДИМ ВЛАДИСЛАВОВИЧ,

доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН (Симферополь);

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург);

ЧХАИДЗЕ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат исторических наук, заведующий Центра по изучению Византии и Кавказа Института востоковедения РАН, научный сотрудник Института археологии РАН (Москва).

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

АЙБАБИН Александр Ильич, д. и. н., проф.

НИЦ истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета
им. В. И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

**АЛЕКСЕЕНКО Николай Александрович,
dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), к. и. н.**

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

АРЖАНОВ Алексей Юрьевич

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
E-mail: Aleksar71@gmail.com

АФИНОГЕНОВА Ольга Николаевна, к. и. н., доц.

Московская духовная академия (Москва – Сергиев Посад)
E-mail: helgaharen@mail.ru

БОЛГОВ Николай Николаевич, д. и. н., проф.

Белгородский Государственный Национальный
исследовательский университет (Белгород)
E-mail: Bolgov@bsu.edu.ru

БУТЫРСКИЙ Михаил Николаевич

Государственный музей Востока (Москва)
E-mail: chalkites@mail.ru

ВАХОНЕЕВ Виктор Васильевич

Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
E-mail: vvkerch@mail.ru

ВИНОГРАДОВ Андрей Юрьевич, д. фил. н., к. и. н., доц.

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Институт востоковедения РАН (Москва)

E-mail: ampelios@gmail.com

ГАНЦЕВ Валентин Константинович

Таврическая академия

Крымского Федерального университета

им. В. И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: valentin.gancev@mail.ru

ГЕРЦЕН Александр Германович, к. и. н., проф.

Таврическая академия

Крымского Федерального университета

им. В. И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: gertsenag@yandex.ru

ГИНЬКУТ Наталия Виталиевна

Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

E-mail: n-ginkut@yandex.ru

ДЕНИСОВА Ирина Викторовна, к. и. н., доц.

Белгородский Государственный Национальный

исследовательский университет (Белгород)

E-mail: Denisova@bsu.edu.ru

ДУШЕНКО Антон Анатольевич, к. и. н.

НИИ истории и археологии Крыма

Крымского Федерального университета

им. В. И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: tnu.dushenko@mail.ru

ЕВДОКИМОВА Александра Алексеевна, к. и. н.

Институт языкознания РАН (Москва)

E-mail: arochka@gmail.com

ЗИЛИВИНСКАЯ Эмма Давидовна, д. и. н.

Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)

E-mail: eziliv@mail.ru

ИВАНОВ Алексей Валерьевич, к. и. н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: ivav@yandex.ru

ИОЖИЦА Дарья Васильевна

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: arhi-ari@mail.ru

КАЗАНСКИЙ Михаил Михайлович, dr habilité, prof.

Le Centre national de la recherche scientifique (SNRS),

UMR 8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France),

Лаборатория «Византийский Крым»

НИЦ истории и археологии Крыма

Крымского Федерального университета

им. В. И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

КАРАШАЙСКИ Кемран Меметович

Таврическая академия Крымского Федерального университета

им. В. И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: kemkarr@mail.ru

КИРИЛКО Владимир Петрович, к. и. н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: kir.vlad33@gmail.com

КУЩ Татьяна Викторовна, д. и. н.

Уральский Федеральный университет

им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

E-mail: tkushch@yandex.ru

ЛИТОВЧЕНКО Елена Викторовна, д. и. н., доц.

Белгородский Государственный Национальный

исследовательский университет (Белгород)

E-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

ЛЫСИКОВ Павел Иванович

Волгоградский Государственный университет (Волгоград)

E-mail: blademaster18@mail.ru

МАЙКО Вадим Владиславович, д. и. н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: vadimmaiko@ukr.net

МАСТЬКОВА Анна Владимировна, д. и. н.

Институт археологии РАН (Москва),

Лаборатория «Византийский Крым»

НИЦ истории и археологии Крыма

Крымского Федерального университета

им. В. И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: amastykova@mail.ru

НАБОКОВ Артур Игоревич

Институт археологии Крыма РАН

E-mail: artur-nabokov@rambler.ru

НАУМЕНКО Валерий Евгеньевич, к. и. н., доц.

Таврическая академия Крымского Федерального университета

им. В. И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: byzance@rambler.ru

НЕССЕЛЬ Виктория Александровна

Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

E-mail: v_nessel@mail.ru

ОШАРИНА Ольга Владимировна, кандидат искусствоведения

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

E-mail: oosharina@yandex.ru

РОМЕНСКИЙ Александр Александрович, к. и. н.

Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

E-mail: pergamen-romen@mail.ru

РУДНЕВА Мария Александровна, к. и. н.

Белгородский Государственный Национальный

исследовательский университет (Белгород)

E-mail: mariya.rudneva.91@mail.ru

СЕЙДАЛИЕВ Эмиль Исаевич, к. и. н., доц.

Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова,
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь), Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)

E-mail: codexcummanicus@gmail.com

СИДОРЕНКО Валерий Анатольевич, к. и. н.

НИЦ истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета
им. В. И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: crimeastor@rambler.ru

СМЫЧКОВ Константин Дмитриевич

Независимый исследователь (Беловодск, ЛНР)

E-mail: smkonstantin46@mail.ru

СТЕПАНЕНКО Валерий Павлович, д. и. н., проф.

Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

E-mail: v.stepanenko49@mail.ru

СТЕПАНОВА Елена Владимировна, к. и. н.

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

E-mail: stepanovaespb@yandex.ru

ТОЛМАЧЁВА Елена Геннадиевна, к. и. н., доц.

Российский православный университет Иоанна Богослова,
Центр палеоэтнологических исследований (Москва)

E-mail: etolma@mail.ru

УСТАЕВА Эльмира Радифовна

Таманский музейный комплекс –
Филиал Краснодарского Государственного
археологического заповедника им. Е. Д. Фелицина (Тамань)

E-mail: ustaeva@mail.ru

ХАЙРЕДИНОВА Эльзара Айдеровна, к. и. н.
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: khairedinovaz@rambler.ru

ХРАПУНОВ Никита Игоревич, к. и. н.
Лаборатория «Византийский Крым»
НИЦ истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета
им. В. И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: khrapunovn@gmail.com

ЧХАИДЗЕ Виктор Николаевич, к. и. н.
Институт археологии РАН,
Институт востоковедения РАН (Москва)
E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ докладов и сообщений

А. И. АЙБАБИН

Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского
Лаборатория «Византийский Крым»

(Симферополь)

К ДИСКУССИИ О ДАТЕ ОБРЕТЕНИЯ ГОТИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИЗАНТИИ¹

По утверждению А. А. Васильева, в XII в. Византия дважды лишалась господства в Климатах Готии. Цитируя завершённый в 1154 г. труд арабского географа ал-Идриси и сочинение побывавшего в Солдае в 1253 г. Гийома де Рубрука, учёный утверждал, что некоторые населённые готами регионы горного Крыма в XII в. на протяжении длительного времени платили дань куманам-половцам [Vasiliev, 1936, p. 136, 137]. Согласно переводу А. Я. Гаркави, ал-Идриси отметил, что путь от Херсона до Джалиты лежит в стране куман [Гаркави, 1891, с. 244]. В современном издании текста ал-Идриси нет ни слова о взимании дани: «От Карсуна (Херсона) до Джалита (Djalita) (Ялты) тридцать миль; это город [принадлежавший] к стране ал-Куманийя» [Коновалова, 2006, с. 60, 115, 177]. То есть речь идёт о принадлежности куманам вновь основанного на Южном берегу порта. Не вызывают доверия пересказанные Гийомом де Рубруком и слухи о взимании куманами дани с городов и укреплений, собранной в Солдае в 1253 г. [Кеппен, 1837, с. 46–49, прим. 58; Путешествия, 1957, с. 90; Айбабин, 2020, с. 60, 61].

А. А. Васильев обратился к косвенным свидетельствам взаимоотношений Готии и Восточной Римской империи. В Соборном эдикте 1166 г. [Mango, 1963, p. 317, 324] в титулатуре Мануила I (1143–1180) император назван властителем многих народов, в том числе и готов (γοτθικός), то есть Готии [Vasiliev, 1936, p. 140–144], а в договоре 1169 г. Византия разрешила Генуэзским кораблям торговать в Чёрном и Азовском

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

морях. Основываясь на этих документах, А. А. Васильев утверждал, что при Мануиле I Комнине Крымская Готия «снова перешла к Византии» и могла не платить дань куманам [Vasiliev, 1936, p. 144, 145].

По словам А. П. Каждана, в эдикте 1166 г. Мануил I принял титул, который должен был указывать на его реальные или воображаемые победы. Он назван правителем венгров, боснийцев, хорват, грузин, болгар, сербов и других. В этом триумфальном перечне народов есть зихи, хазары и готы из Крыма и Приазовья. Как писал А. П. Каждан, через несколько лет, в договоре с Генуей 1169 г., Мануил I прямо заявил, что считает Тмутаракань (τὰ Μάτραχα) частью его империи [Kazhdan, 1983, p. 347–349]. По мнению учёного, византийские владения в Крыму упомянуты и в письме № 3 митрополита Афин Михаила Хониата (около 1180 г.), адресованном некоему Константину Пигониту [Успенский, 1879, с. 390; Michaelis Choniatae, 2001, p. 5, 6, 50*, 51*, 321]. В этом документе рассказывается о частых поездках назначенного сборщиком налогов (πρὸς τῶν φορολογικῶν παρεσύρῃς πραγμάτων) Пигонита к жителям Климатов Понта (τὰ κλίματα Ποντικῆ). А. П. Каждан локализовал «Климаты Понта» в Южном Крыму и предположил, что Византия около 1180 г. обладала реальной властью в Климатах и на Киммерийском Боспоре и отправляла византийских чиновников собирать в этих краях налоги [Kazhdan 1983, p. 348–353].

В 1198 г. византийский император Алексей III Ангел (1195–1203) подписал «хрисовул», повторявший «хрисовул» 1192 г. Исаака II Ангела (1185–1195, 1203–1204), и указал области, открытые для венецианцев. Отсутствие в содержащемся в «хрисовуле» перечне крымских портов дало основание А. А. Васильеву утверждать об «уходе Крыма уже в 1198 г. из-под управления Византии» [Vasiliev, 1936, p. 159]. А. Л. Якобсон повторил утверждение А. А. Васильева [Якобсон, 1964, с. 80].

Другую дату прекращения правления Византии в Крыму предложил К. Цукерман. По мнению французского исследователя, около 1070 г. в Херсоне и Климатах завершился фемный период, а в конце XI в. власть перешла «в руки местных верхушек». К. Цукерман отверг приведённые выше косвенные свидетельства и проигнорировал сообщение Анны Комниной [Zuckerman, 2017, p. 312–314, 327–328; Цукерман, 2019, с. 242], из рассказа которой следует, что в 1092 г. Херсон всё ещё принадлежал Византии и торговавшие под городскими стенами куманские купцы содействовали побегу сосланного в город самозванца Диогена [Анна Комнина, 1996, с. 266].

По мнению В. П. Степаненко, фема Херсона продолжала существовать до конца XI в. Отсутствие печатей в Крыму совсем не исключение, а общеимперская тенденция. С конца XI в. сведения о фемах

исчезают не только из сочинений византийских авторов, но и сходят на нет печати провинциальных чиновников как в столице, так и в других имперских провинциях [Степаненко, 2018, с. 713, 714].

В Восточной Римской империи почти отсутствуют источники и документальные свидетельства о повседневной деятельности различных ветвей провинциальной администрации в XII в. в большинстве провинций империи. Во второй половине XII в. в империи изменились роль и характер управления как военных, так и гражданских властей. Должности на государственной службе часто покупались, продавались и передавались через приданое и наследство. Самые богатые провинциальные семьи боролись за посты в центральной администрации, которые гарантировали место в придворной иерархии, в то время как менее состоятельные искали синекеры на местном уровне. Это, несомненно, способствовало слабости Константинопольской администрации [Herrin, 1975, p. 255, 256]. При Комнинах главному должностному лицу феми вместо титула «стратиг» присваивали титул «дука». В последней четверти XII в. феми распались [ODB, 1991, p. 2035].

Очевидно, тогда же прекратила существование и фема Херсона. Происходящие с территории Климатов Готии печати византийских аристократов [Степаненко, 2018, с. 716; 2019, с. 465] свидетельствуют о сохранении в регионе правления администрации Восточной Римской империи до её разгрома в 1204 г. крестоносцами.

Библиография

- АЙБАБИН А. И. Крымская Готия в первой половине XIII века // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2020. Т. 25. № 6. С. 56–68.
- АННА КОМНИНА. Алексиада / пер. с греч. Я. Н. Любарского. – СПб.: Алетей, 1996. – 704 с.
- ГАРКАВИ А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды IV археологического съезда. – Казань, 1891. Т. 2. С. 239–248.
- КЕПШЕН П. И. О древностях Южного Берега и гор Таврических. – СПб., 1837. – 409 с.
- КОНОВАЛОВА И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М.: Восточная литература, 2006. – 325 с.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред. Н. П. Шастина. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. – 272 с.
- СТЕПАНЕНКО В. П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII в.). (К постановке проблемы) // МАИЭТ. – 2018. Вып. XXIII. С. 713–720.
- СТЕПАНЕНКО В. П. Поствизантийский Крым в XIII в. // МАИЭТ. – 2019. Вып. XXIII. С. 464–469.
- УСПЕНСКИЙ Ф. И. Неизданные речи и письма Михаила Акомината // ЖМНП. – 1879. Ч. 201. С. 112–396.

- ЦУКЕРМАН К. Закат византийской власти в Крыму: полемический отклик // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный византийский семинар (Севастополь – Балаклава, 3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь, 2019. С. 237–244.
- ЯКОБСОН А. Л. Средневековый Крым. – М.; Л.: Наука, 1964. – 232 с.
- HERRIN J. Realities of Byzantine provincial government: Hellas and Peloponnesos, 1180–1205 // DOP. – 1975. Vol. 29. P. 253–284.
- KAZHDAN A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources // Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. – Harvard, 1983. P. 344–358. (Harvard Ukrainian Studies 7).
- MANGO C. The Conciliar Edict of 1166 // DOP. – 1963. Vol. 17. P. 317–330 (= Studies in Constantinople. – Aldershot, 1993. No. XVIII).
- Michaelis Choniatae epistulae / rec. F. Kolovou. – Berolini, Novi Eboraci, 2001 (CFHB. Vol. XLI). No 100. 398 p.
- The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazdan. – New York; Oxford, 1991. Vol. 1–3. – 2232 p.
- VASILIEV A. A. The Goth in the Crimea. – Cambridge, Mass.: The Medieval Academy of America, 1936. – 292 p.
- ZUCKERMAN C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. – 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

КАРЬЕРА ВАСИЛИЯ (КСИРА), ВЕЛИКОГО ХАРУЛЯРИЯ ЛОГОФЕССИИ ГЕНИКОНА

Продолжая работу со сфрагистическим материалом одной из российских частных коллекций нам удалось выделить и ввести в научный оборот целую группу византийских моливдовулов, своим происхождением обязанным находкам печатей на территории различных областей Малой Азии, где некогда простирались обширные византийские территории восточных фем с важными административными, торговыми и епархиальными центрами империи. К сожалению, печати в большинстве своём утратили сведения о непосредственных местах их находок, сохранив лишь информацию о региональном происхождении, но, тем не менее, благодаря полученным данным, наши знания в известной степени расширились не только в области самой сфрагистики, но и в отдельных аспектах изучения византийской истории, просопографии, иконографии и топонимики [основную библиографию об издании печатей из коллекции см.: Алексеевко, 2022а, с. 124, 125, прим. 1].

В одном из достаточно давних докладов, сделанном на сфрагистическом форуме, состоявшемся в Стамбуле почти десятилетие назад¹ (11th International Symposium of Byzantine Sigillography, Suna et İnan Kıraç Foundation, Istanbul 9th and 10th may 2014), материалы которого, к сожалению, тогда не были опубликованы, нами была представлена ещё одна из интересных турецких находок: печать XI в., владельцем которой был протоспафарий ἐπί τοῦ Χρυσοτρικλίου Василий, занимавший посты Великого хартулярия (логофессии) геникона и протонотария (Рис. 1).

¹ Alekseeenko N. Several Seals from the Asia Minor and Anatolia // 11th International Symposium of Byzantine Sigillography (Istanbul, 9th and 10th may 2014). – Istanbul: Suna et İnan Kıraç Foundation, 2014, nr. 7 (материалы конференции не издавались).

Рис. 1. Моливдовул Василия, протоспафария ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου, Великого хартулярия геникона и протонотария. Первая половина XI в. (Фото И. Горшкова).

1. М-048. Бывшая коллекция И. Горшкова (Москва).

Д – 27 мм; толщина пластинки 2–3 мм; вес 13,7 г.

Аверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин погрудное изображение св. Марка в нимбе, анфас. В левой руке святой держит Евангелие, правая приподнята в жесте благословения. В поле по сторонам фигуры надпись в столбик: слева – ☉ | . | . | . ; справа – κ | ο | σ – 'Ο (ἅγιος) [Μᾶρ]κος – Святой Марк.

Реверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин семистрочная надпись, сверху украшенная жемчужиной (?) между двух лепестков; снизу – горизонтально расположенными чёрточками по сторонам конечной литеры легенды в последней строке:

+R ACIA
 ΑΣΠΑΘΕΠΙ
 ΤΘ.ΤΡΙΓΚ
 ΠΙΧΑΡΤΘ.
 Τ.ΓΕΝ..
 ΣΑΝΟ..
 -P-

+ Βασίλ(ειος)
 (πρωτο)σπαθ(άριος) ἐπὶ
 τοῦ [Χρ(υσο)]τριγκ(λίνου)
 Μ(ε)γ(ας) χαρτου[λ(άριος) τ[οῦ] γενικοῦ
 (καὶ) (πρωτο)νο[τά]
 ρ(ιος)

+ Βασίλειος πρωτοσπαθάριος ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου,
 Μεγας χαρτουλάριος τοῦ γενικοῦ καὶ πρωτονοτάριος
 – Василий, протоспафарий τοῦ Χρυσοτρικλίνου,
 великий хартулярий (логофессий) геникона и протонотарий.

Стилистически печать принадлежит к традиционным памятникам сфрагистики XI столетия. Эту датировку подтверждают и иконографический тип моливдовула, и лигатура *мю* и *гаммы*, использованная при передаче термина *Μεγας*.

В своё время два самых первых, введённых в научный оборот, экземпляра не вполне удовлетворительной сохранности из коллекции К. Оргидана и собрания Dumbarton Oaks [Laurent, 1952, p. 90, nr. 166; 1981, p. 163, nr. 338] не позволили с уверенностью определить имя изображённого святого: на булле из румынского собрания с утраченным именем собственника В. Лоран предполагал возможное изображение св. Николая, а на моливдовуле, поступившем в американский византийский центр из коллекции Шоу – образ одноимённого владельцу св. Василия.

Однако оказалось, что существуют ещё и другие буллы, которые можно отнести к рассматриваемому сегодня персонажу. В дальнейшем Н. Икономидис приводит уже 11 экземпляров, указывая при этом, что лишь один моливдовул (Шоу, 135) отличается от печатей данного типа, остальные же принадлежат не менее четырём буллотириям, которые следовали друг за другом в хронологическом порядке и повторяли тот же образ святого на аверсе с небольшими эпиграфическими отличиями на реверсе. Особо греческий учёный отмечает, что часть из матриц была подвергнута редактированию – то есть были перерезаны мастером, подчёркивая мысль о том, что заказчик стремился сохранить облик каждой из своих последующих печатей в первоизданном виде [Oikonomides, 1983, p. 153, 154].

Наш моливдовул принадлежит к немногочисленной группе *г-s-t*, печати которой отличаются от всех остальных тем, что написание должности хартулярия в четвёртой строке выполнено с использованием лигатуры дифтонга *о микрон* и *и псилон* (ΧΑΡΤῸΛΑ).

Моливдовулы аналогичные нашему известны в двух широко известных коллекциях Георгия Закоса и Генри Серига [Zacos, 1984, p. 221, nr. 390; Cheynet, Morisson, Seibt, 1991, p. 71, 72, nr. 87].

Памятники сфрагистики, предоставляя нам сведения о своих владельцах, не только сообщают данные об их общественном статусе, но и в известной мере дают беспристрастную информацию о существовавшем в тот период религиозном мировоззрении и прекрасно иллюстрируют формирующиеся и развивающиеся религиозные традиции в византийском обществе, в том числе и с учётом определённых региональных особенностей. На лицевой стороне булл заказчики печатей, как правило, помещали различные изображения сакрального характера,

призванные обеспечивать им персональное божественное покровительство и защиту. Ассортимент таких изображений весьма широк: это и божественные лики, и символы веры, и библейские сцены, и даже фантастические образы. В своё время мы уже обращали внимание на редкие иконографические типы, представленные на моливдовулах из коллекции И. Горшкова: тогда речь шла об образах святых Ахиллия, Онуфрия и Иоанна Каливита (Кушника), а также цитатах из Священного Писания [Алексеенко, 2009, с. 270–272, № 9; 2010, с. 101–116]. Главной и особой отличительной чертой рассматриваемой сегодня буллы является использование в качестве сфрагистического типа одного из таких редких изображений – образа св. Марка Евангелиста.

Как показывает анализ священных образов, представленных на памятниках сфрагистики, из 129 фигурантов лишь 10% принадлежат святым Нового завета (доминируют исключительно ветхозаветные), [Cotsonis, 2020, p. 80]. Дж. Котсонис отмечает, что с наименьшей частотой, на большинстве моливдовулов изображаются святые, которые либо носят имя своего владельца, либо являются олицетворением местного культа там, где собственник печати занимал какое-либо официальное положение [Cotsonis, 2020, p. 90]. Для образа св. Марка американский исследователь указывает лишь на единственную печать, принадлежавшую александрийскому патриарху Иоанну [Laurent, 1965, p. 348, 349, nr. 1511], престолу которого Евангелист являлся покровителем, и на целых два десятка булл с именем рассматриваемого нами Василия, печатям которого в своё время была посвящена достаточно широкая дискуссия [DOSeals, 1994, p. 30, 31]. В последнее время Б. Казо показала, что редкое изображение св. Марка использовалось в качестве семейного покровителя на печатях представителей аристократического рода Ксиров [Caseau, 2011, p. 81–109]. Ж.-Кл. Шене для ряда лондонских печатей, несущих изображение св. Марка, также не исключает их принадлежность к представителям этого семейства [Cheynet, 2008, p. 149–152, nr. 4–6]. Учитывая данные обстоятельства, очевидно, следует согласиться с мнением наших французских коллег и признать, что рассматриваемый нами вельможа также должен относиться к этой знатной фамилии. Совпадение иконографического типа и имени собственника на многочисленной серии однотипных моливдовулов, а также его вполне определённый статус в обществе, даже наряду с изменением отдельных должностных функций заставляет видеть в массе печатей с именем Василия, иногда всё-таки сопровождаемого и родовым именем [Cheynet, 2011, p. 3–11, a–g], свидетельства активной корреспондентской деятельности одного и того

же персонажа. Б. Казо отмечает на этот счёт, что нередко сигиллянта можно было отождествить даже при отсутствии фамилии на печати, лишь по изображению святого или его имени. Ксиры были одной из тех византийских аристократических семей, на чьих буллах присутствовали постоянно повторяющиеся святые образы (в основном, святой Марк и Богородица). При этом отдельные представители рода были эксклюзивны именно в выборе образа св. Марка, который при очень редком появлении на печатях фактически стал отличительным знаком этой фамилии [Caseau, 2011, p. 82, 83].

Сопоставляя все известные на сегодня данные источников, в том числе и сфрагистических, попробуем представить основные этапы служебной карьеры владельца рассмотренной выше печати Василия, которого мы также считаем следует причислить к роду Ксиров.

Итак, все указанные на моливдовуле достоинства Василия хорошо известны. Почётный титул протоспафарий ἐπί τοῦ Χρυσοτρικλίνου, достаточно высоко стоял на иерархической лестнице придворной аристократии, что очень хорошо засвидетельствовано для XI в. [Oikonomidès, 1972, p. 297, 299]. По представленной титулатуре видно, что он также занимал высокое положение в секрете геникона, находясь на посту Великого хартулярия, то есть был хартулярием, прикрепленным к центральному ведомству в Константинополе (в отличие от фемных хартуляриев, относившихся к офисам провинций) [Oikonomidès, 1972, p. 113, 313]. Это, безусловно, свидетельствует и о том, что он был достаточно зажиточным человеком, так как для того, чтобы занять это положение, им должна была быть куплена эта должность. Согласно источникам, от каждого претендента на пост Великого хартулярия требовалась огромная сумма инвестиционного вклада в 65 литр золотом [Constantini Porphyrogeniti, 1829, p. 694; cf. Lemerle, 1967, p. 81]. Помимо этого, Василий занимал и другую административную должность – протонотария, которая была, несомненно, самой важной и значительной в его титулатуре, поскольку, по наблюдениям Н. Икономидиса, наивысший и, соответственно, более значимый ранг на печати всегда упоминается последним в указании статуса сигиллянта [Oikonomidès, 1972, p. 284, note 14]³⁴. К сожалению, на печати отсутствует указание, в каком офисе или феме Василий был протонотарием. Однако известно, что в XI столетии впервые появляются протонотарии, прикрепленные к центральным финансовым управлениям, включая геникон [Oikonomidès, 1983, p. 155, note 36]. Именно такое назначение более вероятно для человека со статусом владельца нашего моливдовула.

Но, так или иначе, Василий, судя по всему, долгие годы служил протонотарием, так как успел использовать по крайней мере четыре буллотирия, которые при этом подвергались редактированию матриц при истирании или повреждении нанесённых на них изображений и легенд.

Примечательно, что другие его печати с образом св. Марка являются практическими копиями тех, где присутствует должность протонотария: совпадают не только имя и часть титулов, но и, особенно, детали иконографии, декора и общего изображения.

Здесь можно также обратить внимание ещё на пару моливдовулов с именем Василия и близкой титулатурой из собрания *Dumbarton Oaks*, которые обойдены вниманием исследователей.

На одном моливдовуле с изображением процветшего креста (конец X – начало XI в.) владелец повторяет указанную выше титулатуру, связанную со службой в логофессии геникона, но без должности протонотария [Laurent, 1981, p. 164, nr. 340]. На втором он назван хартулярием и императорским епискепитом Пелопоннеса [DOSeals, 1994, p. 65, nr. 22.5]. К сожалению, на печати не сохранилось имя святого из-за слабого оттиска по краям заготовки (тем не менее, издатели не исключают возможности изображения здесь образа св. Василия ?), однако характерная стилистика изображения и общий дизайн: одежда, причёска святого, положение правой руки у Евангелие дают основания полагать, что здесь может быть изображён именно св. Марк, как на моливдовулах Василия в должности великого хартулярия геникона. Вероятно, в этом случае мы имели бы ещё один этап ранней карьеры рассматриваемого нами персонажа, когда он был прикреплен к императорскому домену Пелопоннеса (отсюда и прилагательное *βασιλικός*). В *Partitio Romaniae*, тексте, написанном крестоносцами на основе византийских фискальных документов (1204 г.), упоминаются несколько епискепсий на Пелопоннесе, некоторые из которых принадлежали аристократам или членам императорской фамилии, либо имперским монастырям Константинополя [Von, 1951, p. 101, note 1, 102].

В то же время моливдовулы Василия Ксира показывают, что наш персонаж, оставаясь в том же ранге, начинает осваивать новую сферу деятельности и связывает свою карьеру, в основном, с юриспруденцией.

По мнению Н. Икономидиса, после того, как Василий пребывал на посту протонотария, он, должно быть, преуспел на новом поприще и сумел стать членом Константинопольского трибунала Ипподрома – назначение, присуждавшееся на всю жизнь [Oikonomidès, 1972, p. 322, 323], а затем получил и мандат судьи на объединённые фемы Эллады и Пелопоннеса [Oikonomidès, 1983, p. 156]. Как известно, в XI в. судья, также

называемый претором (πραιτωρ), был высшим гражданским административным постом в провинции (выше стратига и протонотариев) и, конечно же, имел возможность извлекать большую выгоду от финансовых преимуществ своего статуса [Glykatzki-Ahrweiler, 1960, p. 69 ff].

На памятниках сфрагистики представлены и другие места несения юридической службы Василия Ксира. Известны, к примеру, его печати с изображением бюста св. Марка (с типичной бородой и прической) в статусе протоспафария ἐπί τοῦ Χρυσотρικλίνου, Великого логофета и судьи Вукелариев, датированные 1040–1060-ми гг. [DOSeals, 2001, p. 4, 5, nr. 1.9-10; Cheynet, 2011, p. 4, b); Cheynet, Goökyildirim, Bulgurlu, 2012, p. 272, 273, nr. 3.29]; протоспафария ἐπί τοῦ Χρυσотρικλίνου (?), судьи Ипподрома и Анатоликов (с изображением и бюста Богоматери, и фигуры св. Марка) [Лихачёв, 1911 (приложение), с. 30, № 23, табл. VII,23; DOSeals, 1996, p. 151, 152, nr. 86.23-24; Cheynet, 2011, p. 4–6, c), note 13; Cheynet, Goökyildirim, Bulgurlu, 2012, p. 34, 35, nr. 3.9]; вестарха (с изображением фигур св. мученика Димитрия и св. Марка) [Wassiliou-Seibt, 2011, S. 106, Nr. 125; Cheynet, 2011, p. 4–6, d), note 18], а также вестарха и судьи Пелопоннеса и Эллады (с изображением фигур св. мученика Феодора и св. Марка) [Wassiliou, Seibt, 2004, S. 188, 189, Nr. 183; Cheynet, 2011, p. 8, 9, e), note 19]; магистра и судьи Кивириотов (с изображением Богоматери на троне) [Лихачёв, 1911 (приложение), с. 35, № 17, табл. VIII,17; Laurent, 1932, p. 150, nr. 260; DOSeals, 1994, p. 154, 155, 59.8; Cheynet, 2011, p. 8, 9, f), note 20] и, аналогично, проедра и главного логофета [Laurent, 1981, p. 156, 157, nr. 327; Cheynet, 2011, p. 8, 9, g), note 21].

При этом с именем Василия Ксира известна и, очевидно, наиболее ранняя печать билатерального типа с двусторонней легендой, на которой указан лишь ранг протоспафария [Cheynet, 2011, p. 3, 4, a)].

Исследователи предполагают, что собственниками печатей с именем Василия может быть как одно лицо, так и несколько одноимённых персонажей. По мнению Ж.-Кл. Шене, владельцами булл, несомненно, были близкими родственниками и между разными сигиллянтами в достоинстве протоспафариев и судей, скорее всего, было не более одного поколения [Cheynet, 2011, p. 6].

Василий Ксир известен и по письменным источникам. Из поэмы Христофора Митиленайоса мы узнаём о некоем Василии Ксире, протоспафарии и судье, который был подвергнут резкой критике автора за алчность и жадность, истощавшие ресурсы Эллады [Mitylenaios, 1903, Nr. 20]. Н. Икономидис определяет дату написания этого литературного

памятника временем до 1041 г. [Oikonomides, 1990, S. 2, 11], что вполне согласуется с периодом, когда известный по печатям Василий исполнял должность судьи в Пелопоннесе и Элладе. Ещё один судья из рода Ксиров упоминается в Пейре, и, соответственно, его деятельность выпадает на 1020–1030-е гг. [Zeros, Zeros, 1931, p. 48, 188].

Возвращаясь к моливдовулам, с уверенностью можно констатировать, что определённая часть членов семьи Ксиров XI в. имели особую преданность св. Марку, несмотря на то, что некоторые использовали на своих печатях более привычные и распространённые изображения Богородицы и некоторых других византийских святых.

Конечно, не исключено (а скорее действительно), что некоторые из перечисленных выше моливдовулов могут принадлежать двум или трём разным лицам, происходившим из одного семейства и примерно в одно и то же время занимавшим очень схожие административные должности. Для Византии это совсем не удивительно, так как в империи существовала тенденция иметь много омонимичных двоюродных братьев, племянников или других близких родственников, которые поддерживали друг друга в продвижении по служебной лестнице. Известно, что в административных учреждениях порой работали даже по несколько членов одной семьи. Например, Питакион Анны Далассины (1088 г.) сообщает, что Василий и Фома Халкутцы служили в секрете геникона, а Николай Халкутц в соседнем столичном ведомстве – логофесии стратиотиков; Василий Романик вместе со своим сыном Феодором являлись чиновниками секрета императорского домена, там же несли службу ещё двое выходцев из семейства Романиков – Стефан и Михаил [Patmos, 1980, p. 349].

В то же время, по нашему мнению, печати Василия без патронима с изображением погрудного образа св. Марка всё-таки следует считать отнести к одному исполнителю, который, безусловно, имеет отношение к роду Ксиров. Об этом свидетельствуют многие совпадающие и детали в стилистике изображений, и схожая титулатура владельца. И здесь не должна смущать широкая география его служебной деятельности. Как показывают памятники византийской сфрагистики, в таком многообразии юридической практики нашего персонажа нет ничего необычного. Очевидно, в Византии XI столетия такая тенденция проявлялась достаточно широко. Примером тому может служить аналогичная карьера ещё одного судебного чиновника – Константина Промундина, который за время своей службы также успел побывать на посту судьи в нескольких малоазийских округах империи (фемах Анатоликов, Харсиан, Вукеллариев, Фракийцев, Армениаков и Пафлагонии) [Алексеенко, 2022b].

Анализируя печати рода Ксиров, Ж.-Кл. Шене приходит к выводу, что последние иллюстрируют две характерные черты византийского общества: провинциальные корни своего происхождения и офисное кумовство, когда несколько родственников занимают важные посты в одном ведомстве. И, как показывают моливдовулы с именем Василия, последний практически полностью соответствует этой семейной традиции.

Библиография

- АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Несколько византийских печатей из болгарских находок // НСЭ. – София, 2009. Т. 5. С. 263–275.
- АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Редкие типы изображений на византийских моливдовулах (иконография местночтимых святых и инвокативные легенды) // NOMOS. Kwartalnik Religioznawczy. – Kraków: Nomos, 2010. Nr. 71/72. Sakralne fenomeny: wczoraj i dziś. S. 101–116.
- АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Моливдовул Льва Спелеота из Крыма // АДСВ. – Екатеринбург, 2022а. Вып. 50. С. 123–136.
- АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Два новых моливдовула фемы Пафлагония из частного собрания // Научная конференция «Византия в контексте мировой культуры», посвящённая памяти А. В. Банк. – Санкт-Петербург, 11–14 октября 2022 г. – СПб., 2022b (материалы не издавались).
- ЛИХАЧЕВ Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. – СПб., 1911. 223 с. (+ 51, VIII табл.).
- BON A. Le Péloponnèse byzantine jusqu'en 1204. – Paris, 1951. – 232 p. (Bibliothèque byzantine, Etudes 1).
- CASEAU B. Sant Mark? A Family Saint? The Iconography of the Xeroi Seals // Ἡπειρώνας. – 2011. P. 81–109.
- CHEYNET J.-CL. The London Byzantine Seals // La société byzantine. L'aport des sceaux. – Paris: ACHSByz, 2008. Vol. 1. P. 145–159.
- CHEYNET J.-CL. Les Xeroi, administrateurs de l'Empire // SBS. – 2011, Vol. 11. P. 1–34.
- CHEYNET J.-CL., GOKYILDIRIM T., BULGURLU V. Les sceaux byzantins du Musée archaéologique d'Istanbul. – Istanbul, 2012. – 1095 p.
- CHEYNET J.-CL., MORRISSON C., SEIBT W. Sceaux byzantins de la collection Henry Seyerig. Catalogue raisonné. – Paris, 1991. – 299 p. Pl. I–XXVIII.
- Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine / rec. I. I. Reiskii. – Bonn, 1829.
- COTSONIS J. A. The contribution of the Byzantine lead seal to the study of the cult of the saints (sixth – twelfth century) *Byzantion* 75 (2005), 383–497 // The Religious Figural Imagery of Byzantine Lead Seals II. Studies on Images of the Saints and on Personal Piety. – London; New York: Routledge, 2020. P. 52–151.

- DOSeals, 1994 – Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / J. Nesbitt, N. Oikonomides (Eds.). – Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1994. Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor. – 234 p.
- DOSeals, 1996 – Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / J. Nesbitt, N. Oikonomides (Eds.). – Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1996. Vol. 3. West, Northwest and Central Asia Minor and Orient. – 240 p.
- DOSeals, 2001 – Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides (Eds.). – Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001. Vol. 4. The East. – 236 p.
- GLYKATZI-AHRWEILER H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IX-e – XI-e siècles. – Paris, 1960 – 111 p.
- Mitylenaios – Die Gedichete des Christophoros Mitylenaios / Ed. E. Kurtz. – Leipzig, 1903.
- LAURENT V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine // ΕΛΛΗΝΙΚΑ. – Athens, 1932. T. V. P. 137–174 (№№ 225–331), 389–420 (№№ 331a–423).
- LAURENT V. Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. – Paris, 1952. – 342 p., pl. I–LXX.
- LAURENT V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. – Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1965. T. V: L'Église. Partie 2. – 340 p.
- LAURENT V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. T. II : L'administration central. – Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. – 744 p.
- LEMERLE P. «Roga» et rute d'Etat aux X–XI-ème siècles // REB. – Paris, 1967. Vol. 25. P. 77–100.
- OIKONOMIDÈS N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. – Paris. 1972.
- OIKONOMIDÈS N. The usual lead seals // DOP. – Washington, 1983. Vol. 37. P. 147–157.
- OIKONOMIDÈS N. Life and Society in Eleventh Century Constantinople // Südost-Forschungen. – 1990. Bd. 49. S. 1–14.
- Patmos – Βυζαντινά έγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου, Α' – Αὐτοκρατορικά / éd. É. Vranoussi. – Athènes, 1980. Vol. I.
- WASSILIU-SEIBT A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. – Wien, 2011. T. 1. – 619 S. Taf. 1–8.
- WASSILIU A.-K., SEIBT W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. – Wien, 2004. 2. Teil. 404 S.
- ZACOS G. Byzantine Lead Seals. – Berne, 1984. Vol. 2. – 542 p.
- ZEPOS J., ZEPOS P. Jus Graecoromanum. I–VIII. – Athens, 1931. T. IV.

А. Ю. АРЖАНОВ

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

НЕСКОЛЬКО РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ МОЛИВДУВУЛОВ ИЗ РАСКОПОК ЮЖНОГО ПРИГОРОДА ХЕРСОНЕСА

Данным сообщением мы продолжаем публикации сфрагистического материала, происходящего из раскопок в Южном пригороде Херсонеса, проводимых под руководством ИИМК РАН¹.

Все рассматриваемые в настоящей публикации моливдувулы происходят из участка раскопа № 2, который занимает тальвег и нижние террасы южного склона Херсонесской балки. Северо-восточный борт раскопа проходит параллельно 19-й куртине на расстоянии около 60 м к юго-западу от неё.

Первые три из представленных печатей по археологическому контексту связаны с объектом 2, который представляет собой широкую (3,5–4,0 м), трёхслойную двулицевую стену, расположенную параллельно протейхизме на расстоянии 53–55 м от неё. Топография расположения этого объекта очень напоминает описанный Прокопием Кессарийским передовой оборонительный рубеж, построенный при императоре Юстиниане Великом в Дарах. Согласно источника «та сторона крепости, которая обращена к югу, выходит на полого поднимающуюся равнину с мягкой почвой, где очень удобно было проводить рвы. С этой стороны город очень доступен для врагов. Вот здесь-то император и провёл глубокий ров на большом расстоянии в виде полумесяца, соединив оба его края с передовыми укреплениями, и наполнил его водой. Таким образом, он сделал его совершенно непроходимым для неприятелей. По внутреннему краю этого рва он

¹ Автор искренне признателен руководителю экспедиции ИИМК РАН С. Л. Соловьеву за возможность опубликовать данный материал, а также В. В. Дорошко и Е. В. Неделькину за пояснения относительно археологического контекста публикуемых печатей.

выстроил ещё вторую предохранительную стену; во время осады здесь стояли сторожевые отряды римлян, не беспокоясь за стены и укрепления перед главной стеной» [Прокопий Кесарийский, 1939, с. 227]. Аналогия с Херсонесом, на наш взгляд, достаточно близкая. Надеемся, что представленные ниже печати, вместе с подробным анализом остального археологического материала, помогут уточнить время строительства данного объекта.

1. Стефан, нотариий (Рис. 1,1).

Моливдовул найден на участке № 2 в квадрате 122/169 в одиннадцатом пласте, в слое, подстилающем основание стены.

Диаметр – 23–25 мм; толщина заготовки – 5,5 мм; вес – 14,3 г.

Аверс. Крестообразная монограмма. Внизу – А; в центре – Ф; слева – лигатура Ё; справа – С, сверху – Т, над ним – Ъ.

Реверс. Крестообразная монограмма. Внизу – А; слева – N; справа – P; сверху – Т, над ним – Ъ.

Предлагаемое прочтение: Στεφάνου νοταρίου – (печать) Стефана, нотариия.

Монограммы, содержащие греческие литеры А, Е, N, О, С, Т, V, и Ф, практически всегда расшифровываются как Στεφάνου [Fiend, 2010, р. 154]. Прямые аналогии нашей монограмме лицевой стороны, хотя и с другими легендами на обороте, также не единичны, в качестве примера приведём печати из собрания Dumbarton Oaks [BZS.1947.2.1777, BZS.1955.1.120, BZS.1958.106.1148, BZS.1958.106.1796, BZS.1958.106.2393].

Монограммы, содержащие буквы А, I, N, O, P, T и V, в большинстве случаев расшифровываются как νοταρίου, хотя возможны и варианты имён Ταυρίνου, Τραϊανοῦ [Fiend, 2010, р. 202].

Печати с крестообразными монограммами, содержащие имя, титул и должность владельца датируются от второй половины VI в. до начала VIII в. [Oikonomides, 1986, р. 152], являясь доминирующим типом в VII в. Тем же периодом можно датировать форму альфы с ломанной перекладиной [Шандровская, 1968, с. 251; Oikonomides, 1986, р. 159], и начертание лигатуры Ъ с наклоном верхних перекладин [Oikonomides, 1986, р. 162].

2. Неизвестный по имени, апоипат (Рис. 1,2).

Печать найдена в квадрате 124/169 при разборе кладки стены, в её заполнении.

Диаметр – 25 мм; толщина заготовку – 5,5 мм; вес – 12,7 г.

Аверс. Крестообразная монограмма, от которой различима только располагавшаяся внизу лигатура Δ и Ω.

Реверс. Трёхстрочная надпись:

ΑΠ.	ἀπ[ὸ]
.ΠΑ	[ὸ]πά
ΤΩΝ	των

... ἀπὸ ὑπάτων – ... про ипата.

Лигатура Δ|Ω в монограмме лицевой стороны даёт нам ограниченное количество имён. Наиболее распространённые – Θεόδωρος, Θεοδόσιος; реже встречающиеся – Δωρόθεος, Θεόδотος, Θεοδώριχος; редкие, но, тем не менее, зафиксированные в византийской просопографии – Θεοδώρητος, Ἰσίδωρος, Μακεδόνιος, Ἡλιόδωρος. К сожалению, состояние представленной печати не позволяет нам реконструировать имя владельца. Что касается датировки, то сочетание крестообразной монограммы имени с палеографическими особенностями надписи (альфа с ломанной перекладиной) и титулом апоипата позволяют говорить о широком временном периоде второй половины VI – VII в.

3. Феодор (Рис. 1,3).

Печать найдена в квадрате 120/172 во втором слое северной бровки квадрата. Слой определяется как предшествующий строительству стены.

Печать фрагментированная, реконструируемый диаметр – 23 мм, толщина заготовки – 3 мм; вес сохранившегося фрагмента – 4,3 г.

Аверс. Изображение орла с поднятыми крыльями, вверху между ними крестообразная инвокативная монограмма [Laurent, 1952, pl. LXX, type V].

Реверс. Четырёхстрочная (?) надпись, от которой частично сохранились две верхние:

ΘΕΟ	Θεο
.ΩΡ	[δ]ώρ
...	[ου ...]
...	[...]

Θεοτόκε βοήθει Θεοδώρου – Богородица помоги, Феодору ...

Размещение букв в первых двух строках легенды позволяет предположить, что на печати ниже имени есть место для указания титула или должности владельца, однако данных для реконструкции не сохранилось. По причине же неполной сохранности невозможно дать узкую дату, мы можем лишь отметить, что изображение орла с поднятыми вверх крыльями бытовало на печатях с середины VI до начала VIII в. [Oikonomides, 1986, p. 153].

Следующие печати, хотя и близки по времени к представленным выше и найдены вблизи предыдущих, но относятся к иному археологическому контексту, который перекрывает и вышеописанную

стену, и другие объекты. Слой имеет наибольшую мощность у северо-восточного борта раскопа, постепенно истончаясь в юго-западном направлении, по мере удаления от городских стен. Массовый материал этого слоя датируется в широких пределах – от позднеантичного времени по X в. включительно. По предположению В. В. Дорошко, он может представлять собой отвалы, образовавшиеся за городскими стенами при перестройке цитадели. Косвенным подтверждением этого может являться довольно высокая концентрация сфрагистического материала (14 моливдовулов) на сравнительно небольшом по площади участке исследований. Две печати, найденные в этом слое и относящиеся к IX–X вв., были введены в научный оборот ранее [Аржанов, Чхаидзе, 2022, с. 39–41, 45, №№ 2, 3, рис. 1,2-3],

Сегодня мы имеем возможность представить два новых ранневизантийских моливдовула.

4. Печать императорского вестияриона (рис 2,1).

Моливдовул найден в квадрате 120/167, на границе второго и третьего пласта.

Диаметр – 23 мм; толщина заготовки – 5 мм; вес – 8,9 г.

На обеих сторонах надписи.

Аверс. Надпись в три строки:

TOV	τοῦ
.ΕΙ	[θ]εῖ
.Υ	[ο]υ

Реверс. Надпись в три строки:

ΒΕΣ	βες
ΤΙ	τί
ΟΥ	ου

τοῦ θεῖου βεστίου – (печать) божественного облачения
(или службы священных одежд).

Аналогичные печати, но происходящие от другой пары матриц, известны в собрании Думбартон Оакс [BZS.1958.106.4999; BZS.1955.1.5096], где они датированы второй половиной VI – первой половиной VII в. Авторы электронной базы моливдовулов предполагают, что это печать дворцовой службы священных одежд (seal of the sacra/divine vestis).

Должность комита священных одежд (comite sacrae vestis) известна по Кодексу Феодосия [Codex Theodosianus, 1740, XI, XVIII, 1], позднее она трансформируется в должность протовестиария [Oikonomidès, 1972, p. 305, 316]. Различались государственный вестиярион, бывший департаментом, исполнявшим в том числе фискальную функцию, и личный императорский гардероб (включая, возможно, и сокровищницу)

[Bury, 1911, p. 125]. Вероятно, к ведомству последнего и относится рассматриваемая печать.

Возникает вопрос, каким образом она могла оказаться в Херсоне? Выскажем осторожное предположение, что данной печатью могли сопровождаться некие императорские подарки властителям сопредельных варварских территорий. Так, по сообщению Хронографии Иоанна Малалы, император Юстиниан подарил савирской царице Воа «много царской одежды, различной серебряной посуды и немало денег» [Малала, 2001, с. 469]. Различные предметы престижного женского убора византийского происхождения фиксируются в ряде захоронений Северного Кавказа и Приазовья [Казанский, Ахмедов, 2007; Мастыкова, 2009, с. 144]. Вполне возможно, что такие дары проходили и через Херсон, оставив нам свидетельство в виде печати вестияриона из херсонского пригорода.

5. Анонимная, анэпиграфная печать (Рис. 2,2).

Найдена в квадрате 120/168 в пятом пласте, в слое, аналогичном предыдущему.

Диаметр – 22 мм, толщиной 6,5–8,0 мм; вес – 11,7 г.

Аверс. Изображение орла с поднятыми крыльями. Легенды нет.

Реверс. Изображение лошади, идущей влево; вверх – восьмилучевая звезда. Легенды нет.

Следов надписи не обнаруживается ни на аверсе, ни на реверсе моливдовула. Сохранность нижнего края печати не позволяет в полной мере применить критерии датировки печатей с орлом, разработанных И. В. Соколовой на основе каталога Г. Закоса и А. Веглери [Zacos, Veglery, 1965]. Сохранившееся изображение орла на нашей находке ближе всего к V типу, датируемому второй половиной VII – началом VIII в. [Соколова, 1998, с. 305, табл. II,5]. В собрании Думбартон Оакс представлены три печати с аналогичной иконографией лошади на лицевой стороне, однако же, на оборотной стороне этих печатей изображены крестообразные монограммы, предлагаемое прочтение которых во всех случаях имя владельца, Феофилакт [BZS.1955.1.4510; BZS.1955.1.4511; BZS.1955.1.4512]. Датируются эти печати второй половиной VI – первой половиной VII в. Также в качестве аналогий приведём ещё одну печать из собрания Думбартон Оакс, датированную тем же периодом. На её лицевой стороне изображён орёл, расправивший крылья, под ним лошадь влево, держащая в пасти змею; на оборотной стороне изображена монограмма, в которой содержится имя и должность владельца – Теодора, хартулярия [BZS.1955.1.4509]. В нашем случае, конечно, также возможно предположить присутствие змеи в пасти лошади,

однако нет никаких намёков на имя владельца. Соответственно, на данном этапе исследований, вряд ли возможно предложить какую-либо версию атрибуции данной печати.

Рассмотренные в настоящей публикации моливдовулы дополняют и расширяют корпус византийских печатей средневекового Херсона, а также являются необходимым материалом при анализе общей археологической ситуации в Южном пригороде Херсонеса.

Библиография

- АРЖАНОВ А. Ю., ЧХАИДЗЕ В. Н. Несколько моливдовулов из раскопок Южного пригорода Херсонеса // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный Византийский семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 2 июня 2022 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеев. – Симферополь, 2022. С. 37–46.
- КАЗАНСКИЙ М. М., АХМЕДОВ И. Р. Происхождение византийских вещей и ранг их владельцев // И. П. Засецкая, М. М. Казанский, И. Р. Ахмедов, Р. С. Минасян. Морской Чулук: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племён Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. – СПб.: ГЭ, 2007. С. 92–100.
- Иоанн Малала. Хронография // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и коммент. А. А. Чекаловой. – СПб., 2001.
- МАСТЫКОВА А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. – М., 2009. – 502 с.
- Прокопий. О постройках / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. – 1939. № 4. С. 203–283.
- СОКОЛОВА И. В. О некоторых критериях датировки орлов на византийских печатях VI – первой половины VIII веков // Нумизматический сборник 1998 / Государственный Эрмитаж. – СПб., 1998. С. 301–310.
- ШАНДРОВСКАЯ В. С. Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже // ВВ. – М., 1968. Т. XXIX. С. 244–253.
- BZS – Dumbarton Oaks Byzantine Seals collection (см. на сайте – <https://www.doaks.org/resources/seals>).
- BURY J. B. The Imperial Administrative System of the Ninth Century - With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. – London, 1911.
- Codex Theodosianus cum perpetuis commentariis Iacobi Gothofredi. – Lipsiae, 1740. Т. IV.
- FEIND R. Byzantinische Monogramme und Eigennamen. Alphabetisiertes Wörterbuch – Battenberg, 2010. – 393 S.
- LAURENT V. Documents de sigillographie Byzantine. La collection C. Orghidan. – Paris, 1952. – 342 p.
- OIKONOMIDÈS N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. – Paris. 1972. – 403 p.
- OIKONOMIDES N. A collection of dated byzantine lead seals. – Washington, 1986. – 175 p.
- ZACOS G., VEGLERY A. Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. Vol. I. Part I–III. – 1965 p., 260 pl.

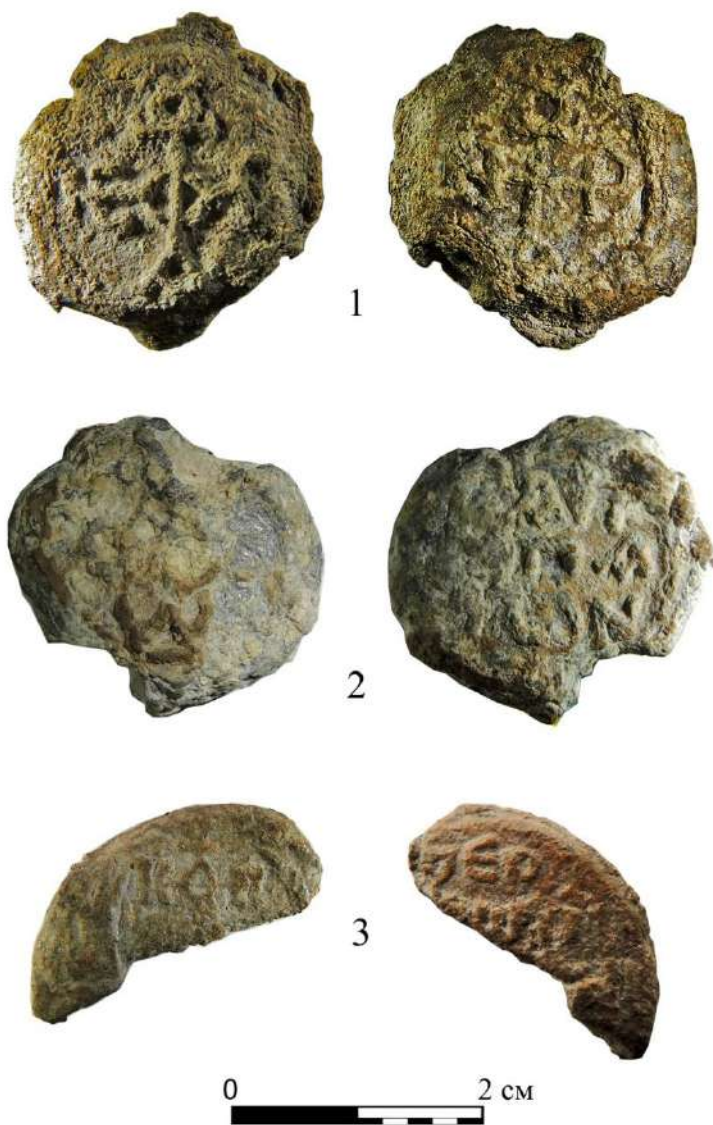

Рис. 1. Византийские печати из раскопок Южного пригорода Херсонеса.
1 – печать Стефана, нотариуса (VII в.); 2 – печать неизвестного по имени
апо ипата (VI–VII вв.); 3 – печать Феодора, ... (VII в.).

Рис. 2. Византийские печати из раскопок Южного пригорода Херсонеса.
1 – печать ведомства священных одежд – вестиариона (VI–VII вв.);
2 – анонимная (анэпиграфная) печать (VI–VII вв.).

О. Н. АФИНОГЕНОВА

Московская духовная академия
(Москва – Сергиев Посад)

**МУЧЕНИК УАР
КАК МОЛИТВЕННИК О НЕКРЕЩЁНЫХ:
ИСТОРИЯ АСПЕКТА ПОЧИТАНИЯ**

В русской православной традиции мученик Уар всегда был весьма почитаем, причём он наделен уникальной функцией – ему определено предстательство перед Богом о некрещёных. Считается, что особенно явно этот аспект стал проступать ещё в период Смутного времени, когда появилось много умерших без Крещения. И в постсоветское время произошёл новый взлёт почитания мученика с обращением к этой его функции по тем же понятным причинам – вновь обратившимся в православие гражданам было тяжело принять факт, что их некрещёные родственники окажутся в тяжёлом посмертном положении, причём Церковь тут не может сделать вообще никаких исключений (но, например, чтобы поминать в Церкви самоубийцу (крещёного), достаточно представить справку о душевном расстройстве покойного). И здесь вспоминается единственный «легальный» ходатай о некрещёных – мученик Уар.

Сегодня почитание Уара приобретает поистине всенародный характер, на кладбищах особенно часто можно встретить храмы или часовни в его честь. И в самих храмах служатся молебны Уару, что ставит священноначалие в двусмысленное положение: с одной стороны, молебен святому – каноническое действие, а с другой стороны, фактически, на этих молебнах в Церкви возносятся молитвы о некрещёных людях, что каноническим действием назвать никак невозможно.

Забегая вперёд, скажем, что ещё при патриархе Алексии II этот казус был взят на заметку, и буквально несколько лет назад из богослужебных книг была исключена одна из служб Уару, как неканоническая (подробнее об этом ниже).

Рассмотрим историю возникновения столь уникального аспекта почитания египетского мученика, погибшего около 307 г., т. е. во время Великого гонения на христиан, открытого императором Диоклетианом. Сохранилось два анонимных греческих Мученичества Уара и шести христиан, пострадавших с вместе ним [ВНГ, 1969, нр. 1861, 1862a], а также Мученичество в переработке Симеона Метафраста [ВНГ, 1969, нр. 1863]. Стоит сразу отметить, что текст представляет собой очень психологичный, проникновенный рассказ, затрагивающий эмоции читателя – это довольно редкий пример древних мученичеств, обычно, изобилующих повторениями и общими местами, которые почти не дают представления об индивидуальности героя.

Воздерживаясь от пересказа, напомним кратко, что Уар был военным, христианином, который, чем мог, облегчал страдания единоверцев, заключённых в темницах. Однако сам открыто идти на мученичество боялся. Его переубедили шесть христиан, которых он навещал в тюрьме. После того, как Уар открыто объявил себя христианином, его подвергли очень жестоким истязаниям и, в конце концов, отсекали голову, а тело бросили в скотомогильник. Оттуда его забрала богатая вдова Клеопатра. Позже она под видом останков своего мужа вывезла мощи Уара к себе на родину в Палестину, где положила их в родовом склепе. У Клеопатры был сын Иоанн и, по прошествии нескольких лет, он был призван на военную службу. Клеопатра пришла к погребению Уара, где просила устроить судьбу сына с наибольшей пользой. В ту же ночь юноша умер. Безутешная мать бросилась к мощам мученика, где стала укорять его за то, что он не сохранил сына. Тогда Уар и Иоанн явились ей в сиянии славы, продемонстрировав, что их судьба как раз и есть наивысшее благо для любого человека.

Во время укорения Клеопатры между ней и явившимся мучеником происходит драматичный, эмоциональный диалог. В греческом тексте Уар говорит, что помнит её благодеяние, он молился о её родителях и честно выполнил её просьбу – наилучшим образом устроить судьбу сына. В славянском же тексте читаем буквально следующее: «Разве я не помню, что ты нашла моё тело среди трупов животных? Я все это время молился за «твой поганый род» и получил отпущение их грехов». У Метафраста же этой фразы нет совсем.

Как установила Л. В. Прокопенко, изменения в тексте, касающиеся не только фразы про «поганый», то есть языческий род Клеопатры, были внесены в текст составителем славянского Пролога пространной редакции XII в. [РГАДА. Типогр. собр., № 164, л. 57в–59б].

Позже Димитрий Ростовский совместил в одном тексте мученичество Метафраста, добавив и фрагмент из Пролога, где говорится об отпущении грехов родственникам Клеопатры [Державин, 2012, с. 131–135].

Таким образом, сегодня с определённой уверенностью можно констатировать, что источник почитания Уара как предстателя о некрещёных происходит из славянского Пролога XII в.

Что касается неуставной службы Уару, она называется «Ина служба, бденная, святому мученику Уару, ему же дана бысть благодать умолити за умершие Клеопатрины прародители, не сподобльшиися прияти свягаго Крещения». Согласно исследованию иерея Иоанна Нефёдова [Нефедов, 2018], она была помещена в Минею за Октябрь при первом издании минейного корпуса в 1980-х гг., а сама по себе возникла в среде старообрядцев-беспоповцев. Из современного издания Минеи служба удалена, а прихожанам разъясняется, что молиться мученику Уару, конечно же, нужно, но питать иллюзии насчёт того, что он «гарантированно вымалывает» некрещёных, не стоит.

Библиография

ДЕРЖАВИН А. М. Радуют верных сердца: Четии-минеи Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник – М., 2012. Ч. 1. С. 131–135.

НЕФЕДОВ И. Ина служба мученику Уару в зелёных Менаех. – 2018. Интернет-ресурс (код доступа): <https://ier-in-nefedov.livejournal.com/30068.html> (дата обращения 20.01.23).

АФИНОГЕНОВА О. Н., ПРОКОПЕНКО Л. В. ЖЕЛТОВ М. Уар, мученик Египетский // Православная Энциклопедия — М., 2023. Т. 69 (в печати).

VHG – Bibliotheca hagiographica graeca – Brussels, 1969 / Ed. F. Halkin (Subsidia Hagiographica 47).

Рис. 1. Мученик Уар. Монастырь Грачаница (Сербия). XIV в.

М. Н. БУТЫРСКИЙ

Государственный музей Востока
(Москва)

БРОНЗОВАЯ ОТЛИВКА СО СЦЕНОЙ РОЖДЕСТВА ИЗ СТАРОГО КРЫМА

В 2022 г. в Старом Крыму был найден круглый бронзовый медальон¹, гурт которого сохранил литьевые заусеницы. Вес предмета – 72 г, диаметр – 54 мм. Одна сторона гладкая, другая, лицевая, несёт рельефное изображение Рождества Христова (Рис. 1).

Композиция этой сцены выстроена в соответствии с иконографией, сложившейся в доиконоборческий период на территории Палестины. В центре высокие, прямоугольной формы, ясли, частично перекрытые ложем Богоматери. Их передняя стенка прорезана двумя нишами с арочным завершением. Над лежащим спелёнутым Младенцем склонившиеся головы вола и осла, как бы заглядывающих через высокие окна или навес. Центральная группа фигур фланкирована образами полулежащей Богородицы, касающейся Младенца правой рукой (слева), и сидящего св. Иосифа (справа), обращённых лицами друг к другу. В верхней части поля надпись: ΝΓΕ-ΝΗC-Ι-C – Ἡ Γέν(v)ησις – Рождество.

Подобная «трёхчастная» композиционная схема предшествовала «концентрической» композиции Рождества, утвердившейся в постиконоборческий период в Константинополе. Соответствующую ей иконографию имеют сцены Рождества на крышке реликвария из Санкт-Санкторум в Риме (ок. 600 г.), иконе из Синайского монастыря Св. Екатерины (VIII–IX вв.) и др. Вместе с тем, Рождество на медальоне из Старого Крыма отличает приметная деталь, не встречающаяся ни на этих, ни на подавляющем большинстве византийских памятников, но характеризующая группу миниатюрных литиков-иконок Рождества: трактовка ложа Богородицы в виде кровати на четырёх ножках [Wentzel,

¹ Информация от находчика; предмет находится в частной коллекции.

1959, s. 64; Ross, 1962, nr. 108; Стерлигова, 2006, с. 185; Foscolou, 2004, с. 57–59]. Известно «около десяти» [Стерлигова, 2013, № 52] подобных изделий со сценой Рождества в сиро-палестинском изводе, различающихся как размерами матрицы, так и вариантом зеркального отображения композиции, а также наличием или отсутствием надписи. Они считаются евлогиями; местом их изготовления называют либо Венецию (Х. Вентцель), либо Константинополь (М. Росс), датируются XIII в., несмотря на архаическую иконографию. Находки подобных литиков в Крыму в научной литературе не зафиксированы.

Согласно классификации, предложенной Х. Вентцелем, бронзовый медальон из Старого Крыма относится к так называемой версии С, самой «ранней» в этой группе [Foscolou, 2004, с. 58], где его ближайшими аналогами являются, по крайней мере, два подобных стеклянных литика: 1) найденный при раскопках в Новогрудке в 1974 г. [Гуревич, 1982, с. 178] (Рис. 2,1); 2) находящийся в собрании Ашмолеанского музея (Оксфорд) [Vickers, 1974, p. 18, 19] (Рис. 2,2).

Помимо близости размеров (43×47 мм – стеклянные литики, 54 мм – бронзовая отливка), на их связанность общей матричной формой указывает и дефект при литье в виде полосы в нижнем правом углу композиции.

Находка литого бронзового медальона в Старом Крыму и его отнесение к группе изделий с вышеописанными типологическими и иконографическими характеристиками поднимает ряд вопросов. Они касаются практики изготовления в общей форме стекловидных и бронзовых изделий, наряду с уточнением функции последних. Нуждается в объяснении и особенность иконографии Рождества, отмеченная выше: ложе Богородицы в виде кровати могло появиться в результате заимствования из иконографии Рождества Марии, однако причины и степень распространённости данного извода также необходимо прояснить. В единообразно исполненных литиках с широкой географией находок резонно видеть паломнические евлогии Святой Земли эпохи крестоносцев. Однако на мозаике 1167–1169 гг. в пещере вифлеемской базилики изображено богородичное ложе, обычное для средневизантийской иконографии.

Библиография

- ГУРЕВИЧ Ф. Д. Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // ВВ. – М., 1982. Т. 43. С. 178–182.
- СТЕРЛИГОВА И. А. Малоизвестные произведения средневизантийской глиптики в Музеях Московского Кремля // Византийская идея: Византия в эпоху Комнинов и Палеологов / Науч. ред. В. Н. Залеская. – СПб., 2006. С. 180–186.
- СТЕРЛИГОВА И. А. (Отв. ред.-сост.). Византийские древности. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля. – М., 2013.
- FOSCOLOU V. Glass medallions with religious themes in the Byzantine Collection at the Benaki Museum: a contribution to the study of pilgrim tokens in Late Middle Ages // Μουσείο Μπενάκη. – Athens, 2004. Τ. 4. Σ. 51–73.
- ROSS M. C. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. – Washington, 1962. Vol. 1.
- VICKERS M. A note on Glass medaillons in Oxford // Journal of Glass Studies. – New York, 1974. Vol. XVI. P. 18–21.
- WENTZEL H. Das Medallion mit dem Hl. Theodor und die venezianischen Glaspaten im byzantinischen Still // Festschrift für Erich Meyer. – Hamburg, 1959. S. 50–67.

Рис. 1. Бронзовый литой медальон. Старый Крым, 2022 г.
Фото автора.

1

2

Рис. 2. Стекланные литики со сценой Рождества:
1 – из раскопок Новоградка, 1974 г.; 2 – Ашмолеанский музей, Оксфорд
[по: Гуревич, 1982, рис. 1, 2].

А. Ю. ВИНОГРАДОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Институт востоковедения РАН
(Москва)

ТОΡΟΝΥΜΙΣΑ ΡΟΝΤΙΣΑ 4. К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕМ НАЗВАНИИ МАНГУПА

Древнее название городища Мангуп-Кале неоднократно становилось предметом дискуссии. Главным же вопросом в ней, пожалуй, был следующий: существовало ли у него, наряду с названием Дорос/Феодоро, встречающимся, преимущественно, в греческих источниках, имя Манк-т / Манк-п, известное, как одно из хазарских владений, по ивритоязычному «Письму царя Иосифа» (в пространной редакции) середины X в.?

Помимо спора об отождествлении городища Мангуп-Кале с этим топонимом Манк-т/Манк-п, стоящем в «Письме» между Алубихой (Алупкой) и Кутом (Готией?), с одной стороны, и загадочным Бурк-ом и Ал-мой (Алма-Сарай или Алма-Кермен на р. Альма), существует также проблема оригинальной формы этого имени. Приведём цитату из П. К. Коковцева: «В настоящее время в рукописи здесь читается Ман-куп, מַאנְכּוּפּ, с начальным ם в конце (согласно позднекараимской практике при передаче звука *n*), но последняя буква слова написана на несомненно подчищенном месте. Ср. соответствующие указания Гаркави в Russ. Rev., 1. с., стр. 87 («das *p* schien mir ans einem *t* umgemacht zu sein, sollte urspruenglich Mankut gestanden haben?») и стр. 95 («dass das *p* sich auf Rasur befindet bemerkten wir schon oben»). Судя по остающемуся свободному месту в строке и сохранившимся остаткам буквы, стоявшей за буквой Каф, в конце слова первоначально могла стоять только буква Тав, т. е. в первоначальном тексте значилось Ман-к-т (מַאנְכּוּת). Однако, Д. А. Хвольсон в своём труде «Corpus inscriptionum Hebraicarum» (Хвольсон 1882, р. 521 сл.) категорически утверждает, что в рукописи до появления чтения מַאנְכּוּפּ стояло Ман-гупף מַאנְגוּף, с буквой ך, а не ך» [Коковцев, 1932, с. 102, прим. 27].

Эта дискуссия имеет важное значение как для вопроса о трансформации топонима из «Письма» в позднесредневековый Мангуп, так и для этимологии данного имени. Между тем, недавно появилась, как кажется, возможность прояснить этот вопрос. В 2019 г. по инициативе В. Е. Науменко была очищена от копоти надпись над аркосолием в северной стене пещерного храма Северного монастыря на Мангупе [см.: IOSPE³ V 174], известная прежде только по плохой копии Ю. С. Воронина и потому ясно не читавшаяся (Рис. 1). На любезно присланной мне В. Е. Науменко цифровой фотографии (Рис. 2) текст надписи читается почти целиком:

Ἐτους ,ςχγ´.
+ Γύνετα(ι) ἐν Μαγ-
κοῦτ π[αρ]ὰ δ[ού]λου
θ(εο)ῦ, ὁ ναὸς ὁ παρῶν ιερ-
5 ος τοῦ ἀ[γίου] Ἰ[ακ]ώβου.

«В 6603 году. Строится в Манкуте рабом Божиим настоящий священный храм святого Иакова».

Надпись датирована 1094/5 г. и сообщает о строительстве неким человеком, не пожелавшим сообщить свое имя, пещерного храма св. Иакова. Поскольку пещерный монастырь, в состав которого он входит, разрезает и лишает оборонительной функции нижнюю стену 994/5 г. [Виноградов, 2009], то очевидно, что та была к концу XI в. уже заброшена, а на северном склоне горы возникла небольшая монашеская обитель.

Формула строительной надписи с глаголом γίνεσθαι в презенсе нам не известна, однако существуют аналогичные формулы с перфектом γέγονε и аористом ἐγένετο [см.: IOSPE³ V 1, 11]. Обозначение места, где создан храм, занимает в надписи конец строки 1 и начало строки 2. В конце строки 1, после предлога ἐν («в»), хорошо видна буква *μ*ю (с прогнутой серединой), к которой справа несколько необычным образом присоединены в лигатуре *альфа* (с наклонной перекладиной) и *гамма* (с апексом на конце горизонтали) — возможно, из опасения не вписаться в правый край надписи. В начале строки 2 прекрасно читается ΚΟΥΤ. Таким образом топоним надписи однозначно читается как ΜΑΓΚΟΥΤ («Манкут»).

Итак, мы видим, что греческое население Мангупа называло его не только обычным для греческой традиции именем Дорос/Феодоро, но и негреческим по происхождению именем Манкут. Это последнее, несомненно, идентично имени в «Письма царя Иосифа», которое первоначально должно было читаться действительно как ΜΑΝΚ-Τ (с «Манк-т»); более того, в нем может уверенно восстановлен гласный *υ* во втором слоге. Наконец, что самое главное, отпадают все сомнения

в тождестве Манкута «Письма» городищу Мангуп-Кале. Но действительно ли хазарский царь в середине X в. владел Мангупом или это было воспоминание о реалиях IX в., мы оставляем судить историкам.

Библиография

- ВИНОГРАДОВ А. Ю. Надпись из Табана-Дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. – Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 262–271.
КОКОВЦЕВ П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л.: АН СССР, 1932.
МОГАРЫЧЁВ Ю. М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь: Таврия, 1997.

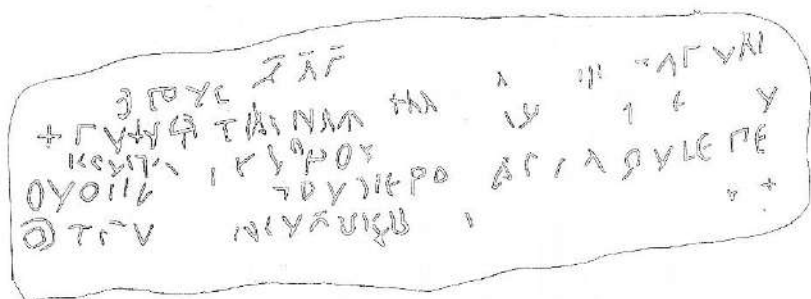

Рис. 1. Прорисовка строительной надписи, 1094/95 г. из храма Северного монастыря на Мангупе, выполненная Ю. С. Ворониным [по: Могарычѐв, 1997, с. 313, рис. 265].

Рис. 2. Строительная надпись, 1094/95 г., над аркосолием в северной стене пещерного храма Северного монастыря на Мангуле. Современное состояние. Фото В. Е. Науменко (2019 г.).

В. К. ГАНЦЕВ

Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского
Лаборатория «Византийский Крым»
(Симферополь)

ВИНОГРАДАРСТВО И ВИНОДЕЛИЕ У ХАЗАР ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ¹

В 841 г. Таврика вошла в состав византийской фемы [Науменко, 2016а]. Основной отраслью сельскохозяйственной деятельности местного населения становится виноградарство и экспортное виноделие [Ганцев, 2021б]. На это указывают открытые в Юго-Западной части Крымского полуострова скальные виноградодавильни – более 200. Тем не менее, в историографии встречается довольно широкая датировка этих комплексов – VIII–X вв. [Ганцев, 2021в, с. 142]. Возникновение и развитие этих отраслей связывают с установлением в Крыму хазарского влияния, как пример: [Веймарн, Чореф, 1976, с. 34–35; Айбабин, 2021, с. 489]. В связи с этим возникает вопрос, было ли у хазар развито собственное виноградарство и виноделие, традиции которого могли заимствовать гото-аланы Таврики?

Письменных источников, в которых упоминалось бы виноградарство у хазар, не много. К ним, в первую очередь, относится еврейско-хазарская переписка 50-х гг. X в. В ответном послании царя Иосифа к Абу-Юсуфу Хасдау ибн Шапруту, сказано – «...с месяца Нисана [апрель] мы выходим из города [Итиль] и идем каждый к своему *винограднику* и своему полю и к своей (полевой) работе» [Коковцев, 1932, с. 102]². Из этого отрывка следует, что рядом со столицей находились сельскохозяйственные поля и виноградники, которыми владел не только царь, но и аристократия. В «Книге путей и стран» Ал-Истахри при описании садов, окружающих хазарский город Самандар, говорит, что они «...содержат в себе приблизительно около

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

² В переводе П. К. Коковцева при описании резиденции царя, среди его приближённых упоминаются виночерпии [Коковцев, 1932, с. 102], что является письменным доказательством употребления этого напитка хазарами.

4000 виноградных лоз» [Караулов, 1901, с. 47; Калинина, Флёров, Петрухин, 2014, с. 34]. Конечно, количественные данные о виноградных лозах следует считать довольно условными, тем не менее, ал-Истахри передаёт их со слов очевидцев. В то же время, сомневаться в выращивании хазарами винограда на нижней Волге и в Предкавказье не приходится.

Материальным свидетельством развития у хазар виноградарства является обнаружение специальных виноградных ножей. Нам известно три экземпляра, которые найдены на салтово-маяцких городищах Подонья (Маяцкое [Михеев, 1985, с. 42, 128, рис. 19,8], Правобережное Цимлянское [Плетнева, 1967, с. 147; 1994, с. 323, 384, рис. 47,8] и Сухая Гомольша [Колода, 2012, с. 31])³. В основном эти ножи (два экземпляра) относятся к подгруппе черешковых ножей без «топорика», которыми срезали спелые гроздья винограда. Ножом с втулкой и лезвием с «топориком» из Правобережного Цимлянского городища могли срезать не только виноградные лозы, но и ветки плодовых деревьев [Ганцев, 2021а, с. 155, 156]. Это вполне согласуется с письменными свидетельствами, в которых, наряду с виноградниками, упоминаются и сады. В целом, эти виноградные ножи датируют VIII–X вв.

Достоверных сведений о развитии собственного виноделия у хазар нет. Переносных или стационарных виноградодавилен не обнаружено. Впрочем, в современных работах предприняты попытки интерпретации хозяйственных ям на территории поселения Белинское с обнаруженными в них целыми экземплярами причерноморских амфор, как мест процеживания и отстаивания вина. Это предположение позволило исследователям говорить о его домашнем производстве [Зубарев, Майко, Маркова, Могучева, 2022, с. 265; Зубарев, Майко, Могучева, 2022]. С этими выводами авторов трудно согласится.

В «Геопониках» довольно подробно описан винный погреб [Геопоники, 1960, с. 125, 126]. Хазары вряд ли были знакомы с этим производением, тем не менее, основные технологические этапы производства вина были и остаются довольно универсальными. Виноградный муст проходил этап брожения в пифосах с широким горлом, которые на расстоянии друг от друга вкапывали на две трети или до половины в землю, закрывались крышкой и замазывались, из-за того, что накапливающиеся газы в процессе брожения вина могут её сорвать. Известно, что такое происшествие произошло, например, в усадьбе Велизария [Прокопий Кесарийский, 1996, с. 35].

Вертикальная установка сосудов с молодым вином вызвана необходимостью своевременной проверки состояния вина. Судя по

³ Отметим находку трёх ножей в Юго-Восточном Крыму (Кородон-Оба [Баранов, 1990, с. 71, рис. 27,2] и Теплень [Майко, 2004, с. 226, 227, рис. 130,1-2,6]), который находился под контролем Хазарии в период её наибольшего территориального расширения.

фотографии ямы № 8 с амфорами, приведенной в статье, сосуды располагались горизонтально [Зубарев, Майко, Могучева, 2022, с. 93, рис. 3:7], что полностью противоречит технологическому процессу.

В амфоры переливали уже готовое вино, прошедшее стадию ферментации [Геопоники, 1960, с. 136]. Поставленный под сомнение В. Г. Зубаревым и В. В. Майко тезис об использовании этих хозяйственных ям в виде погребов для хранения привезенного вина, учитывая технологию его производства и хранения, является более убедительным. Нет уверенности и в том, что «жидкость тёмного цвета», фиксируемая в одной из амфор в яме № 116, является вином [Зубарев, Майко, Могучева, 2022, с. 92]. Без проведения её химического анализа делать подобные выводы, как нам видится, преждевременно.

Следует отметить открытие в Таматархе одной цемянковой давилни для винограда, которая, казалось бы, и является доказательством развития собственного виноделия у хазар [Чхаидзе, 2008, с. 65, 139, рис. 77]. Довольно общая датировка этой винодельни – VII–X вв. и указание на то, что в грунте под давилней встречены фрагменты керамики античного времени, не позволяют с уверенностью отнести её к хазарскому времени. Тем более, что её конструкция не находит аналогий в Юго-Западном Крыму, где виноградадавилни вырубали в скале.

Таким образом, приведённые данные свидетельствуют о занятии частью населения Хазарии виноградарством. При этом письменные свидетельства о виноградарниках имеют довольно позднее происхождение (X в.). Следует не забывать, что виноград могли употреблять сразу или производить изюм [Геопоники, 1960, с. 122]. О виноделии у хазар нет упоминания в письменных источниках, неизвестны и достоверные материальные остатки винодельческого производства непосредственно на коренных землях Хазарии. Скорее всего, вино в Придонские и Приазовские районы привозили из Юго-Западного Крыма [Флёров, 2010, с. 165]. Косвенно об этом свидетельствует надпись на тулове амфоры крымского (?) производства, найденная при раскопках городища Маяки [Кляшторный, 2005, с. 100, 101]. Вероятно, в связи с этим обстоятельством отсутствовала необходимость развития собственной отрасли. Основным занятием носителей салтово-маяцкой культуры было выращивание зерновых культур и животноводство [Плетнева, 1967, с. 147; Михеев, 1985, с. 97, 98; Колода, Горбаненко, 2010; Пономарёв, 2012, с. 67, 69]. Система обмена «вино на зерно» вполне могла устраивать всех участников этого рынка, и хазар, и византийцев [Тортика, 2006, с. 483–485].

В связи с тем, что у носителей салтово-маяцкой культуры отсутствовала собственная традиция виноделия, следует поставить под сомнение прямую связь с появлением хазар в Юго-Западном Крыму в VIII в. и развитием в этом районе виноделия. Скальные

виноградодавильни и технология винопроизводства Юго-Западной Таврики находит аналогии в Анатолии, имеет средиземноморские общевизантийские корни [Ганцев, 2022]. Приобрести экспортное развитие эта отрасль в Таврике могла только с установлением здесь византийского контроля и под опекой имперской администрации.

Библиография

- АЙБАБИН А. И. Ранневизантийский и хазарский периоды эволюции городов на внутренней горной гряде Крыма // МАИЭТ. – 2021. Вып. XVI. С. 475–497.
- БАРАНОВ И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – Киев: Наукова думка, 1990. – 168 с.
- ВЕЙМАРН Е. В., ЧОРЕФ М. Я. «Корабль» на Каче. – Симферополь: Таврия, 1976.
- ГАНЦЕВ В. К. Виноградные ножи средневекового Крыма // АДСВ. – 2021а. Т. 49. С. 147–163.
- ГАНЦЕВ В. К. Производственные мощности средневековых скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма // УЗ КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021б. Т. 7(73), № 2. С. 53–65.
- ГАНЦЕВ В. К. Средневековые скальные виноградодавильни Юго-Западного Крыма: источниковая база и основные направления современных исследований // БИ. – 2021в. Вып. 43. С. 133–153.
- ГАНЦЕВ В. К. Технология производства вина в византийской Таврике // БИ. – 2022. Вып. 45. С. 144–162.
- Геопоники: византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Введ., пер. с греч. и ком. Е. Э. Липшиц. – М.; Л.: АН СССР, 1960. – 412 с.
- ЗУБАРЕВ В. Г., МАЙКО В. В., МАРКОВА К. О., МОГУЧЕВА М. Р. История изучения салтовского поселения Белинское в Восточном Крыму // ИАКр. – 2022. Вып. 16. С. 264–270.
- ЗУБАРЕВ В. Г., МАЙКО В. В., МОГУЧЕВА М. Р. Виноделие салтовцев Восточного Крыма. Пути расширения источниковой базы // РА – 2022. № 4. С. 90–95
- КАЛИНИНА Т. М., ФЛЁРОВ В. С., ПЕТРУХИН В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура. Выбор веры. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – 208 с.
- КАРАУЛОВ Н. А. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане: I. Ал-Истахрий: текст, пер. и примеч. – Тифлис, 1901.
- КОКОВЦЕВ П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л.: АН СССР, 1932.
- МАЙКО В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. – Киев: Академперіодика, 2004. – 314 с.
- КЛЯШТОРНЫЙ С. Г. Хазарские заметки // Тюркологический сборник 2003–2004 (тюркские народы в древности и средневековье). – М.: Восточная литература, 2005. – С. 95–117.
- КОЛОДА В. В., ГОРБАНЕНКО С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. – Киев: ИА НАНУ, 2010. – 216 с.

- КОЛОДА В. В. Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження / упорядник Г. Є. Свистун. – Харків: О. О. Савчук, 2012. Вип. 2. С. 30–36, 108–113.
- МИХЕЕВ В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – 148 с.
- НАУМЕНКО В. Е. От фемы Климагов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике в середине IX – начале X в. // ДГВЕ. 2014 г.: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. – М.: Университет Д. Пожарского, 2016. С. 475–506.
- ПЛИТНЕВА С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) // МИА. – М.: Наука, 1967. № 142. – 200 с.
- ПЛИТНЕВА С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. – 1994. Вып. 4. С. 271–396.
- ПОНОМАРЕВ Л. Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження / Упорядник Г. Є. Свистун. – Харків: О. О. Савчук, 2012. Вип. 2. С. 67–78.
- Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках / пер. С. П. Кондратьева. – М.: Арктос, 1996. – 300 с.
- ТОРТИКА А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). – Харьков: ХГАК, 2006. – 533 с.
- ФЛЁРОВ В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М.: Мосты культуры, 2010. – 260 с.

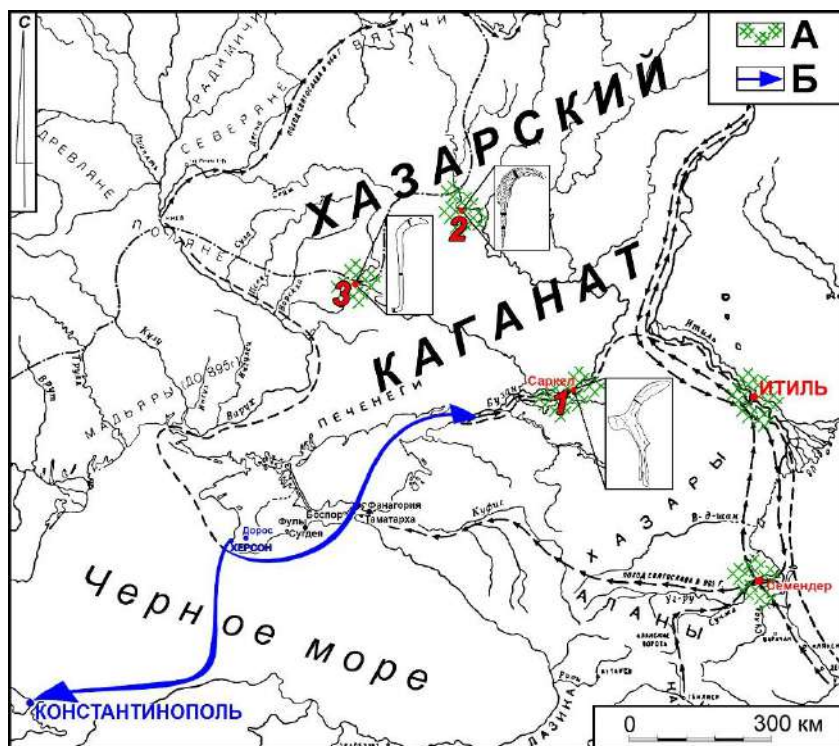

Рис. 1. Карта Хазарского каганата и сопредельных территорий.

А – места выращивания винограда в Хазарии по письменным и археологическим данным;

Б – предполагаемые пути экспорта вина из Юго-Западной Таврики во второй половине IX–X вв.

Места находок виноградных ножей:

1 – Правобережное Цимлянское городище;

2 – Маяцкое городище;

3 – городище Сухая Гомольша.

А. Г. ГЕРЦЕН

Таврическая Академия
Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского
(Симферополь)

**БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА МЕРКУРИЯ
ИЗ РАСКОПОК МАНГУПА**

При исследованиях в цитадели Мангупа на мысе Тешкли-бурун была обнаружена бронзовая статуэтка Гермеса-Меркурия. Она была найдена на поверхности материковой скалы при зачистке раската стены из бутового камня. Постройка, в пределах которой найдена статуэтка, относится к последнему периоду существования Мангупа как столицы княжества Феодоро. Погибла она в пожаре и впоследствии разбиралась населением окрестных сёл на строительный материал. Археологический контекст и стратиграфическая ситуация позволяют датировать разрушение этого здания, как и других построек на этом участке, у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели между октагональным храмом и осадным колодцем, второй половиной XV в. Наиболее вероятной причиной данного события был захват города и цитадели турками в конце 1475 г.

Описание находки. Высота фигуры 7,6 см. Гермес изображён свободно стоящим, опирающимся на выставленную вперёд, слегка согнутую правую ногу, с прямо поставленной ступней. Левая нога отставлена назад, пятка приподнята, ступня опирается на пальцы. Это положение ног и общая поза фигуры хорошо передаёт динамику неспешной походки. Кисть вытянутой, слегка выставленной вперед, правой руки не сохранилась. Однако на основании аналогичных скульптур можно уверенно предположить, что в ней удерживался кошель, обычно изображавшийся с тремя опущенными книзу ушками. Через левое плечо переброшен короткий плащ-хламида, покрывающий согнутую в локте левую руку. В её кисти, сжатой в кулак – сквозное вертикальное отверстие для крепления кадуцея. Черты лица сглажены коррозией. Волосы на голове курчавые, покрыты петасом с хорошо выраженными крылышками (Рис. 1).

Каковы могли быть обстоятельства появления этого позднеантичного изваяния на Мангупском плато? Городище широко известно, прежде всего, как памятник средневековой эпохи. Крепость на плато была основана в правление императора Юстиниана I и сохраняла своё боевое значение вплоть середины XVIII в., разумеется, не раз менялся её статус, политико-административная принадлежность, характер поселения, культурный комплекс. Материалы, соответствующие типологической датировке статуэтки, полученные в результате многолетних раскопок, исключительно малочисленны по сравнению с более поздними. До второй половины III – начала IV в., судя по имеющимся данным, плато было заселено весьма слабо. Участки с материалами первых веков н. э. выявлены в верховьях Лагерной балки и над верховьями Табана-дере на восточном склоне ущелья.

С северной стороны плато в верховье долины Каралез в 1984 г. во время раскопок руин раннесредневековой базилики была обнаружена мраморная плита с 23-строчной надписью, происходящая из Ольвии, датированная I в. и капители монументальной постройки античного времени [Сидоренко, 1996, с. 35–37]. По соседству, на территории села Ходжа-сала, расположен водосборный бассейн, сооруженный в начале прошлого века для снабжения жителей водой владельцем Мангупа Абдураманчиковым. Дно и борта бассейна выложены рустованными блоками, происходящими из постройки античного времени, местоположение которой не установлено. Культурный слой этого периода пока не выявлен.

Более возможным местом первоначального нахождения статуэтки представляется позднеантичное святилище на горе Бабулган в 5 км к югу от Мангупа [Герцен, 2004, с. 93–95]. Судя по материалам, полученным при охранных исследованиях этого памятника, подвергшегося разграблению в 90-е гг. XX в., оно функционировало в I–IV вв. Среди находок в большом количестве представлены фрагменты терракотовых статуэток. В VIII–IX вв. на этом месте появляется христианский храм и некрополь, функционировавшие и в период жизни княжества Феодоро. Не исключено, что при строительных работах или рытье могил могли быть подняты артефакты отдаленного времени, взятые в качестве экзотических сувениров. Несколько лет назад с этого объекта нам была передана случайная находка – мужская статуэтка высотой 4,55 см с обломанными головой, руками до предплечий и ног до колен (Рис. 2). Фрагментарность артефакта не позволяет его точно атрибутировать, хотя и очевидна принадлежность к персонажам олимпийского пантеона. Не исключено, что повреждения скульптуры имеют искусственный характер, связанный с распространенным ритуалом разрушения приношений в святилища [Новиченкова, 2002, с. 174, 175].

Находки ещё двух статуэток Гермеса были сделаны при раскопках святилища у перевала Гурзуфское седло. Благодаря публикации [Novicenkova, 1995, p. 129, №№ 16, 17] и любезно предоставленным нам Н. Г. Новиченковой фотографиям, можно судить о том, что близкой к нашей является статуэтка, укрепленная на бронзовом постаменте, имеющим двугавровую в плане форму. На левой его стороне должна была находиться другая не сохранившаяся фигурка. Возможно, это могла быть Тюхе, обычно сопутствующая Гермесу. Автор раскопок датировала находку I в. н. э. Однако и эта статуэтка не является аналогичной мангупской. При высоте 6,3 см хорошо заметны иные пропорции фигуры: подчеркнута узкие бедра по сравнению с массивным атлетическим торсом; более округлая голова развернута вправо; хорошо проработаны крупные грубоватые черты лица; на голове – массивный петас без крылышек (Рис. 3).

Фотография ещё одной статуэтки высотой 8,3 см любезно предоставлена нам В. А. Сидоренко (Рис. 4). По его словам, эта случайная находка происходит из Юго-Западного Крыма и по совокупности признаков входит в круг рассматриваемых нами артефактов.

Наиболее вероятным местом, откуда статуэтка Гермеса-Меркурия могла попасть на «варварскую» территорию Мангупа, или в его ближайшие окрестности, является находящийся в 20 км к западу Херсонес. Здесь в честь Гермеса в месяце Гермей проводились спортивные игры [Соломоник, 1963, с. 174, 175; Щеглов 1974, с. 54]. Хорошо известна характерная для позднеантичных городов большая популярность культа этого бога со многими присущими ему функциями: покровитель торговли и путешествий, проводник душ умерших, охранитель стад, пособник счастью и удаче. На это указывают находки гемм с изображением Гермеса, сделанные К. К. Косцюшко-Валюжиничем и Р. Х. Лепером при раскопках некрополя римского времени в Карантинной балке. Всего было собрано 11 таких артефактов, обстоятельная публикация которых была сделана В. С. Щербаковой. Статуарный тип Гермеса из Мангупа ближе всего передан на гемме из зеленоватого стекла, хранящейся в Государственном Эрмитаже (инв. №20570/2) [Щербакова, 1983, с. 87, рис. 1,5]. В качестве исходного типа для него мог послужить образ, лучше всего переданный мраморной скульптурой из Берлинского музея, восходящей, вероятно, к оригиналу Мирона.

Из бронзовой скульптуры Херсонеса отметим находку в 1903 г. статуэтки Меркурия высотой 8,35 см [Косцюшко-Валюжинич, 1905, с. 62]. Однако мангупский артефакт не вполне идентичен херсонесскому. Последний более статичен, он твердо стоит на выпрямленных ногах на квадратном низком постаменте. Сгиб левой руки меньше. Лучше проработан рельеф мускулатуры торса и черты лица, но зато петас

упрощённый, без крылышек. Ещё более оригинальна фигурка, найденная в 1891 г. на винограднике в районе Балаклавы. Гермес представлен в статичной позе, опирающимся на ступню правой ноги, левая отставлена чуть назад и в сторону, опираясь на переднюю часть стопы. На голове убор в виде шляпы с узкими полями и высокой тульей. Лицо хорошо проработано, рельефно выражено в профиль. Тело спереди задрапировано гиматием, спадающим крупными складками почти до щиколоток. В вытянутой вперёд правой руке зажат кошель; левая удерживает массивный кадуцей [ОАК, 1893, с. 131, рис. 138].

Култ Гермеса имел официальный характер в Горгииппии, где также в его честь с первой половины III в. устраивался спортивный праздник. Здесь была найдена и бронзовая статуэтка этого божества, но отличающаяся от крымских более глубокой проработкой рельефа мускулатуры тела; кошель зажат в правой прямо вытянутой руке, в левой – массивный кадуцей; хламида наброшена на плечи и свисает по бокам с двух сторон почти до колен [Алексеева, 1997, с. 224, 225, 558, табл. 176, 1-2].

Г. Д. Беловым отмечена многочисленность памятников, передающих в бронзе образ Гермеса, и приведены сведения о музейных собраниях, где они хранятся. Можно согласиться с выводом о не местном производстве подобного рода скульптур [Белов, 1968, с. 26–28]. Датируются такие Гермесы-Меркурии в пределах I–III вв. Скорее всего, они поступали на далекую восточную периферию греко-римской цивилизации из центральных районов империи. Особенно много их накоплено в музеях Эльзаса. Показательно здесь соотношение бронзовых скульптур божеств классического пантеона, абсолютно доминирующих над местными культурами: Меркурий – 20 экз., Юпитер – 7, Марс – 6, Нептун – 3, Вулкан – 1, Бахус – 2, Геркулес – 7, Апполон – 1, Юнона – 4, Диана – 3, Минерва – 9, Изобилие – 3, Изида – 1. Иконографическим источником для Меркурия в бронзе служила статуя авторства Поликлета. К исходному типу добавлялись специфические атрибуты: крылатый петас или крылья в локонах, кошелёк, кадуцей, экзомис или хламида. В коллекциях Эльзаса преобладают образы обнаженного Меркурия или с хламидой, просто перекинутой через плечо от каскада складок до обертывания вокруг руки. Только четыре произведения представляют более индивидуализированный иконографический тип [Les Musées de la Ville de Strasbourg, 1995, p. 18, 19]. Можно предполагать, что на западном и восточном флангах Империи религиозно-культуовая ситуация первых веков была сходной, что объясняется единством политики власти в этнокультурных структурах пограничных регионов.

Библиография

- АЛЕКСЕЕВА Е. М. Античный город Горгиппия. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 560 с.
- БЕЛОВ Г. Д. Бронзовые статуэтки из Херсонеса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Л.: Наука, 1968. С. 23–30.
- ГЕРЦЕН А. Г. Позднеантичное святилище на горе Бабулган // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов 5-х Боспорских чтений. – Керчь, 2004. С. 92–95.
- КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ К. К. Отчёт о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. – 1905. Вып. 16. С. 37–110.
- НОВИЧЕНКОВА Н. Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. – Ялта: РИО КГГИ, 2002. 215 с.
- Случайные находки, частные приношения и приобретения // ОАК 1891 г. – СПб., 1893. С. 123–132.
- СИДОРЕНКО В. А. Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // МАИЭТ. – Симферополь, 1996. Вып. V. С. 35–59.
- СОЛОМОНИК Э. И. Фрагмент агонистического каталога // ВДИ. – 1963. № 4. С. 172–175.
- ЩЕГЛОВ А. Н. Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. – Киев, 1974. С. 44–55.
- ЩЕРБАКОВА В. С. Геммы с изображением Гермеса из херсонесских находок // КСИА. – 1983. Вып. 174. С. 86–90.
- Les Musées de la Ville de Strasbourg. Bronzes antiques d'Alsace. – Paris, 1995. – 135 p.
- NOVICENKOVA N. G. Il santuario del passo di Gurzuf, monumento di epoca antica e Medierale nei Monti di Crimea // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. – Milano, 1995. – 249 p.

Рис. 1. Статуэтка Гермеса-Меркурия из раскопок цитадели Мангула на мысе Тешкли-бурун (фото автора).

Рис. 2. Мужская статуэтка с территории святилища на горе Бабулган (фото автора).

Рис. 3. Статуэтка Гермеса из раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло (фото Н. Г. Новиченковой).

Рис. 4. Статуэтка Гермеса из Юго-Западного Крыма
(фото В. А. Сидоренко).

Н. В. ГИНЬКУТ,

В. А. НЕССЕЛЬ

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В УСТЬЕ
БАЛАКЛАВСКОЙ БУХТЫ (СОВРЕМЕННАЯ КАДЫКОВКА,
БАЛАКЛАВА) ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ 2009–2013 ГГ.**

Интерес к историческому прошлому Балаклавы начался сразу же после присоединения Крыма к России в конце XVIII столетия [Адаксина, Мыц, 2004, с. 82–91] и не угасает до сих пор. Традиционно привлекает к себе внимание крепостной ансамбль середины XIV – XVIII в. на г. Кастрон, раскопки на территории которого активно ведутся в последние десятилетия [Гинькут, 2019, с. 43–45]. Спорадически археологические исследования проводятся в «старой», исторической части Балаклавы, в результате которых были изучены остатки рыбопромышленного комплекса III в. н. э., а также получены сведения о хозяйственной деятельности на восточном берегу Балаклавской бухты в позднеэллинистическое время [Савеля, 2013–2014, с. 181–193]. Современное состояние изученности средневековой Балаклавы отражено в работах А. В. Иванова и С. Г. Бочарова, которые, на основании картографических материалов конца XVIII – начала XIX в., выделяют три основных района в топографии средневекового города [Иванов, 1997, с. 46–52; 2011, с. 146–148; Бочаров, 2019, с. 322]. По их наблюдениям, такая структура Балаклавы, состоящая из крепости, городской застройки вне её стен и удаленного предместья, складывается к XIV–XV вв. и продолжает существовать в османский период. Одно из селений расположено в двух-трёх километрах от входа в Балаклавскую бухту. До османского завоевания оно называлось Нехора (от греч. Νέα Χώρα – Новое село), после 1475 г. получило название Кады Кой (от крымско-татар. Qadiköy –

Къадыкой) и являлось резиденцией кадия для местного татарского населения. В османский период на его территории проживали христианская и мусульманская общины [Бочаров, Неделькин, 2017, с. 17].

Археологическое изучение предместья Балаклавы началось с 1990-х гг., с обнаружения остатков военного лагеря, построенного вексилляцией римского войска провинции Нижняя Мезия [Савеля, 1997, с. 88–95; Сарновски, Савеля, 2000]. На месте современной Кадыковки был исследован участок его внутренней застройки, а также полностью раскопан храм Юпитера Долихена с прилегающим к нему «теменосом» [Сарновски, Савеля, 2000; Карасиевич-Щеперский, 2018, с. 110–112; Karasiewicz-Szczypiorski, 2015, p. 53–79; Karasiewicz-Szczypiorski, Savelâ, 2013, p. 123–137; 2014, p. 163–172] (Рис. 1). По мнению О. Я. Савели и Р. Карасиевича-Щеперского, одно из раскрытых раскопками зданий (на месте современного рынка) можно интерпретировать как дом командующего гарнизоном (praetorium); руины другого здания, вероятно, связаны с комплексом бани [Ср.: Karasiewicz-Szczypiorski, 2015, p. 74, 75; Karasiewicz-Szczypiorski, Savelâ, 2013, p. 136, 137; 2014, p. 170, 171]. Исследование строительных остатков и культурных слоёв римского времени было осложнено следами жилой и хозяйственной деятельности на этой территории, связанной с существованием средневекового поселения, а именно – многочисленными ямами, содержащими материалы от XIII до начала XIX в. Как следует из отчётов о полевых исследованиях, всего на территории возле Кадыковского рынка в период 2009–2013 гг. было зафиксировано 13 таких ям (Рис. 2). Кроме того, материал, не связанный с функционированием римского лагеря, повсеместно встречался на всей охваченной раскопками площади [Савеля, Карасиевич-Щеперски, Филиппенко, 2010; Савеля, Карасиевич-Щеперский, 2011; 2012; 2013].

Керамические находки на данном участке относятся к нескольким хронологическим периодам: позднеэллинистическому (II–I вв. до н. э. – I в. н. э.); первых веков н. э., византийско-золотоордынскому (60–70-е гг. XII – 40-е гг. XIV в.), генуэзскому (40-е гг. XIV в. – 1475 г.) и османскому (1475 г. – XVIII в.).

В настоящем исследовании предлагается предварительный обзор поливной керамики из раскопок средневекового предместья Нехоры/Кадыкоя (сельского пригорода, ныне вошедшего в административную территорию современной Балаклавы). Поливная керамика из ям представлена всем периодом существования предместья (60–70-е гг. XII – XVIII в.) и вплоть до современного времени.

*Яма № 1/2010*¹ [Савеля, Карасиевич-Щеперски, Филиппенко, 2010, л. 20]. В засыпи ямы обнаружены: фрагменты амфор с дуговидными ручками типа Günsenin IV (производство Ганос) или Класса 45 по Херсонесской классификации 1995 г. [Günsenin, 1993, p. 193–201; Романчук и др., 1995, с. 75, 76], которые датируются XIII–XIV вв.; фрагмент поливной чаши (ИКАМ 37371/8) (Рис. 3,2) группы «Zeuxippos Ware» derivate, декорированной врезными волнистыми линиями, близкой к подгруппе «Новый свет», которая датируется серединой XIII – началом XIV в. [Волков, 2005а, рис. 12–13; Зеленко, Тесленко, Ваксман, 2012, с. 130, рис. 5,1,5; Бочаров, Масловский, 2012, с. 26, рис. 2,22; Vavyloroulou-Charitonidou, 1989, с. 215, рис. 14]; фрагмент чаши, декорированной медальоном из двойной окружности, в центре которого плетёнка, выполнена в технике «sgraffito», под жёлтой поливой, также группы «Zeuxippos Ware» derivate, возможно, происхождения Никеи (Рис. 3,1) [Савеля, Карасиевич-Щеперски, Филиппенко, 2010, рис. 40,1], которая датируется 60–70-ми гг. – второй половиной XIII в. [Spieser, 1996, tav. 11, nr. 181, 182; Рыжов, Голофаст, 2000, с. 261, 262, рис. 8,6; Романчук, 2003, табл. 46,156-158; Бочаров, Масловский, 2012, с. 26, рис. 2,21-22; Vavyloroulou-Charitonidou, 1989, с. 215, рис. 17–20]; фрагмент дна чаши с мраморовидной декорировкой (аморфные пятна марганцевой краской), возможно, производства одного из крымских центров; датируются подобные сосуды в пределах второй четверти – середины XIV столетия (1330–1345 гг.) [Бочаров, Масловский, 2016, с. 22, 23, рис. 14,3,7], фрагменты стенок и доньев столовых кувшинов с росписью полосами ангоба (Рис. 3,6) второй половины XIII – первой половины XIV в., возможно, производства Константинополя [Зеленко и др., 2012, с. 132; Бочаров, Масловский, 2016, с. 32]. Подобные сосуды известны в данном регионе и встречались при исследовании хозяйственных ям конца XIII – XIV в. на ул. Рубцова (Балаклава) [Савеля, 1999, с. 12–16], а также в предместье крепости Чембало (ул. Кирова – ул. Историческая). Эта керамика практически не известна в слоях XV в. из раскопок Чембало [Гинькут, 2005, с. 105; 2022, с. 24–31; Гинькут и др., 2021, с. 64–70].

В яме присутствовало некоторое количество керамики XIV–XV вв. Это фрагменты чашек и мисок с вертикальным слегка отогнутым венчиком, с декорировкой в технике «sgraffito», с полихромной росписью, производства крымских центров, которая бытует с середины XIV в.; пик распространения этой керамики приходится на XV в. [Тесленко, 2021, с. 84]. Среди фрагментов выделяются чаши с бортом,

¹ Нумерация ям дана согласно отчётам о полевых исследованиях.

профилированным декоративным валиком типа 2а по И. Б. Тесленко, датируемые также XV в. [Герцен, Науменко, 2005, с. 262, рис. 12,7,9; Тесленко, 2021, с. 83, 84, рис. 83,2].

К османскому периоду существования поселения относится фрагмент бихромного толстостенного блюда с фестончатым краем (край с вдавлениями), с орнаментом, выполненным в технике «свободного» тонкого «sgraffito» (Polychrome [brownandgreen] sgraffitowares) (Рис. 6,1), которые известны с рубежа XV/XVI вв. и до середины XVII в., с периодом наибольшего распространения в середине – второй половине XVI в. [Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 487–489, рис. 12,1-3].

Яма № 2/ 2010 [Савеля, Карасиевич-Щеперски, Филиппенко, 2010, л. 20, 21]. Засыпь ямы состояла из фрагментов простых красноглиняных столовых кувшинов, а также фрагментов поливной посуды: чаш с вертикальным бортом и декорированных по внутренней поверхности орнаментом «sgraffito». Одна из них – с вертикальным бортом без орнаментации, украшенная по внутреннему полю многолепестковой розеткой (ИКАМ 37571/ 9) (Рис. 3,3). Аналогичные сосуды относятся к производству Юго-Восточного Крыма и датируются серединой – второй половиной XIV в. [Тесленко, 2018, с. 60, рис. 28,2; Масловский, 2017, с. 485, рис. 24,5]. Здесь же найдены фрагменты сосудов XIV – третьей четверти XV в. производства крымских центров [Тесленко, 2021, с. 84], мисок группы «MiletusWares» производства Изника, которые фиксируются на крымских памятниках после 1453 г. и вплоть до конца XV столетия [Тесленко, 2021, с. 96, 97] (Рис. 4,9). Также следует отметить находки керамики, относящейся к османскому времени, в основном, к XVII – началу XVIII в. Это тарные сосуды с горизонтальными ручками XVI–XVII вв., тазы на ножках, кувшины-куманы [Волков, 2005б, рис. 2,1; 3,1-8].

Яма № 3/2010 [Савеля, Карасиевич-Щеперски, Филиппенко, 2010, л. 21]. Засыпь ямы состояла из фрагментов монохромной поливной керамики под жёлтой глазурью, декорированной в технике «sgraffito», относящейся к XIV – первой половине XV в. [Тесленко, 2018, с. 60, рис. 28,2; Масловский, 2017, с. 485, рис. 24,5]. Также найдено некоторое количество куманов османского времени.

Яма 4/2010 [Савеля, Карасиевич-Щеперски, Филиппенко, 2010, л. 22]. В контексте присутствовало некоторое количество амфор с дуговидными ручками типа Günsenin IV (производство Ганос), которые датируются XIII–XIV вв. [Günsenin, 1993, р. 193–201; Романчук и др., 1995, с. 75, 76]; фрагментов полихромных поливных сосудов, которые имели широкое распространение на крымских памятниках в XV в. [Тесленко, 2021, с. 84].

Засыпь помещений X–XI/2010 [Савеля, Карасиевич-Щеперски, Филипченко, 2010, л. 25–30]. Представлена фрагментами пифосов, бытовавших в Крыму в XIV столетии [Тесленко 2021, с. 57, 58, рис. 16], фрагментами амфор с дуговидными ручками типа Günsenin IV (производство Ганос), которые датируются XIII–XIV вв. [Günsenin, 1993, p. 193–201; Романчук и др., 1995, с. 75, 76], простыми столовыми сосудами, а также монохромной керамикой середины – второй половины XIV в. Юго-Восточного Крыма [Тесленко, 2018, рис. 27,5] и полихромной поливной керамикой производства крымских центров, декорированной в технике «sgraffito», относящейся к XIV–XV вв. [Тесленко, 2021, с. 84], а также фрагментами чаш с подглазурной росписью ангобом (Рис. 5,4) середины – конца XIV в. [Тесленко 2018, с. 44, рис. 22].

Яма 1/2011 [Савеля, Карасиевич-Щеперски, 2011, л. 13]. Заполнение включало в себя фрагменты стенок и дна чашки группы Elaborate Incised Ware, украшенных геометрическим орнаментом и с изображением голубя (Рис. 4,1) (ИКАМ 37581/37), которые датируются в регионе серединой 60–80-х гг. XIV в.? производства Византии (Константинополь или Фессалоник) [Waksman et al, 2009, p. 457–467; Тесленко, 2018, с. 471; Rapanicola-Bakirtzi, 1999, p. 190–198, pp. 215–219, 223; Гинькут, 2005, с. 19–21], а также фрагменты полихромной поливной керамики крымских центров XV в., декорированной в технике «sgraffito» [Тесленко, 2021, с. 84]. К османскому времени относятся две фрагментированные курительные трубки XVIII в. (Рис. 6,7-8).

Яма 2/2011 [Савеля, Карасиевич-Щеперски, 2011, л. 13, 14]. Заполнение включало фрагменты простой столовой и кухонной посуды средневекового времени, а также монохромной и полихромной поливной керамики производства крымских центров XIV–XV вв. [Тесленко, 2021, с. 60, 84].

Яма 3/2011 [Савеля, Карасиевич-Щеперски, 2011, л. 14]. Помимо находок античного времени, заполнение включало немногочисленные фрагменты монохромной поливной керамики крымских центров XIV – рубежа XIV/XV вв., декорированной в технике «sgraffito» [Тесленко, 2021, с. 60].

Яма 4/2011 [Савеля, Карасиевич-Щеперски, 2011, л. 14]. Заполнение включало фрагменты простой столовой и кухонной посуды средневекового времени, а также полихромной поливной керамики производства крымских центров XIV–XV вв. [Тесленко, 2021, с. 60, 84] и дна сосуда открытого типа группы «MiletusWares» (Рис. 5,10) производства Изника 1453 г. – конца XV столетия [Тесленко, 2021, с. 96, 97]. Наиболее ранним среди поливных материалов из этой ямы является фрагмент лостровой чаши испанского производства (Рис. 5,8),

относящейся к группе «Пула» («Pula» или «loza valencia nadorada del grupo Pula», IVDP [исп.]), поступление которой в Северное Причерноморье фиксируется во второй четверти – конце XIV в. [Тесленко, 2021, с. 102, рис. 125,3].

К османскому периоду существования поселения относится фрагмент дна на кольцевом поддоне бихромного толстостенного блюда с орнаментом, выполненным в технике «свободного» тонкого «sgraffito» (Рис. 6,2) (Polychrome [brown and green] sgraffito wares). Такие сосуды известны с рубежа XV/XVI до середины XVII в., с периодом наибольшего распространения в середине – второй половине XVI в. [Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 487–489, рис. 12,1-3].

Яма 1/2012 (кв. 9) [Савеля, Карасиевич-Щеперски, 2012, л. 23–25]. Помимо находок античного времени, в яме присутствовали фрагменты керамики, относящиеся к позднесредневековому периоду – от золотоордынского времени до XV–XVI вв. [Савеля, Карасиевич-Щеперски, 2012, л. 25].

Яма 2/2012 (кв. 5) [Савеля, Карасиевич-Щеперски, 2012, л. 18]. Представлена следующими находками средневекового времени: фрагментами амфор конца IX–XI вв., фрагментами простых кувшинов XIV–XV вв., а также фрагментами сосудов открытого типа крымских центров с мраморовидной декорировкой (аморфные пятна марганцевой краской) (Рис. 5,3), которые датируются в пределах первой половины XIV столетия (1330–1345 гг.) [Бочаров, Масловский, 2016, с. 22, 23, рис. 14,3,7], и с декорировкой в технике «sgraffito», с дополнительной подцветкой коричневыми и зелеными пятнами; бытует эта керамика с середины XIV в., пик распространения приходится на XV в. [Тесленко, 2021, с. 84].

Помимо ям, находки средневекового материала были встречены в слоях некоторых помещений. Среди находок вне ям присутствовали фрагмент и целый экземпляр специальной треножной подставки для обжига поливной керамики (Рис. 6,5-6). Аналогичные подставки известны при раскопках крепости Чембало, а также посада у Восточной линии обороны крепости, и относятся они к остаткам производства поливной керамики крепости в XIV – третьей четверти XV в. [Гинькут, 2014, с. 314, 315, рис. 3].

Яма 2/2013 (кв. 16). Помимо находок античного времени, в засыпи ямы присутствовали фрагменты поливной посуды крымских центров XIV–XV вв., а также керамика более позднего времени, в том числе фрагмент китайского (?) фарфорового блюда (или имитации) конца XVI – XVII вв. группы Blue and White ware по Дж. Хейсу [1992].

Таким образом, поливная керамика, относящаяся к византийско-татаро-генуэзскому периоду истории Крыма, определяется следующими основными типами:

1. Чаши группы «Zeuxippus Ware» derivate, декорированной врезными волнистыми линиями, близкой к подгруппе «Новый свет», производства византийских или находящихся под влиянием Византии центров, которые датируются рубежом серединой XIII – началом XIV в. (Рис. 3,2).

2. Чаши под жёлтой поливой, декорированные медальоном из двойной окружности, в центре которого плетёнка, выполненная в технике «sgraffito», производства Византийских центров (Никеи), которые датируются серединой – концом XIII в. (Рис. 3,1).

3. Кувшины на плоском дне, с подглазурной росписью ангобом (вертикальные полосы), возможно, производства византийских (Константинополь) или других центров; датируются сосуды в пределах 1260–1270-х гг. – конца XIII – XIV в. (Рис. 3,6).

4. Чаши с мраморовидной декорировкой (аморфные пятна марганцевой краской), производства одного из крымских центров, датируются подобные сосуды в пределах первой половины XIV столетия (1330–1345 гг.) (Рис. 5,3).

5. Чаши с подглазурной росписью ангобом, производства крымских центров середины – конца XIV в. (Рис. 5,4).

6. Сосуды открытого типа (чашки, чаши, миски, тарелки) с декорировкой в технике «сграффито», под поливой жёлтого или зелёного тонов, датируются серединой – второй половиной XIV в. (Рис. 3,3-4,7; 4,3-5; 5,1-2), производства крымских центров.

7. Чашки группы Elaborate Incised Ware, украшенные геометрическим орнаментом и с изображением голубя, производства Византии (Константинополя или Фессалоник), которые датируются в Северном Причерноморье серединой 60–80-х гг. XIV в. (Рис. 4,1).

8. Чаша с люстровой росписью испанского производства, относящейся к группе «Pula», второй четверти – конца XIV в. (Рис. 5,8).

9. Сосуды открытого типа (чашки, чаши, миски, тарелки) с декорировкой в технике «sgraffito», под поливой жёлтого или зелёного тонов, производства крепости Чембало, датируются от четвёртой четверти XIV до третьей четверти XV в. (Рис. 4,2,6; 5,7).

10. Сосуды открытого типа (чашки, чаши, миски, тарелки) с декорировкой в технике «sgraffito», с полихромной росписью, производства крымских центров, которые бытуют с середины XIV в.; пик распространения этой керамики приходится на XV в. [Тесленко, 2021, с. 84] (Рис. 5,5-6).

11. Миски производства Изника группы «Miletus Wares», которые датируются по крымским памятникам после 1453 г. и вплоть до конца XV столетия (Рис. 5,9-10).

В более поздний период (османский) следует отметить присутствие следующих типов поливной керамики в качестве хроноиндикаторов:

12. Чаши, блюда толстостенные, с орнаментом, выполненным в технике «свободного» тонкого граффито, с бихромной росписью, которые датируются с рубежа XV/XVI до середины XVII в., с периодом наибольшего распространения в середине – второй половине XVI в. (Рис. 6,1-2).

13. Сосуды открытого типа, фаянсовые, производства Изника XI–XVII вв. (Рис. 6,4).

14. Сосуды фарфоровые, группы Blue and White ware, производства Китая (?) (или его имитации), конца XVI – XVII в. (Рис. 6,4).

15. Чашки фаянсовые, тонкостенные, производства Кютахьи, XVIII в.

Присутствие на данном поселении поливной керамики фиксируется начиная с 60–70-х гг. – конца XIII в. К этому же периоду можно отнести и довольно стабильно присутствующее некоторое количество амфор с дуговидными ручками типа Gunsenin IV (производство Ганос). Комплексы этого периода пересекаются с находками из хозяйственных ям на ул. Рубцова, обнаруженных непосредственно на восточном берегу Балаклавской бухты [Савеля, 1999, с. 12–16]. Наибольшее количество поливной посуды, встреченной в ямах и слоях поселения в Кадыковке, относится к середине – второй половине XIV в., а также к XV столетию, и связано с производственными центрами как Юго-Восточного Крыма, так и Чембало. Эти материалы синхронизируются с керамическими находками из раскопок непосредственно крепости Чембало и его предместья, расположенного у Восточной оборонительной стены (ул. Кирова – ул. Историческая) [Гинькут, 2005, с. 99–120; Гинькут и др., 2021, с. 64–70]. Остатки производства поливной керамики (триподы), найденные на участке поселения в Кадыковке, в том числе и при предшествующих исследованиях [Иванов, Савеля, Филиппенко, 1998, с. 108–112], позволяют утверждать, что наряду с мастерскими, которые действовали непосредственно в крепости или в примыкающем к ней предместье, производственные комплексы располагались и в Нехоре (Кадыковке). Вероятно, они были синхронны по времени с работой крепостных мастерских и обслуживали запросы консульства и прилегающих территорий. Материалы из раскопок на территории поселения фиксируют наиболее раннюю фазу существования поселенческих структур в районе Балаклавской бухты в 60–70 гг. – конце XIII в. (т. е. так называемого византино-золотордынского периода). Относительно синхронизации поселения в Кадыковке с другими,

аналогичными структурами, можно предположить, что наиболее близкими являются поселения на восточном берегу Балаклавской бухты, они предшествовали строительству крепости Чембало. О существовании докрепостных структур, вероятно, поселений (стоянок для захода судов) нам свидетельствует упоминание о нотариусе для регистрации сделок Роландо Саличето (1344 г.) в 40-е гг. XIV в. [Бочаров, 2017, с. 206; Адаксина, Мыц, 2017, с. 109].

С приходом осман на территорию полуострова и захватом прибрежной полосы, жизнь в устье бухты не остановилась, и Кады Кой становится одним из ключевых поселений в регионе, здесь располагалась резиденция кадия, проживали христианская и мусульманская общины [Бочаров, Неделькин, 2017, с. 17]. Среди керамических материалов отмечаются поступавшие сюда товары высокого качества, близкие по своему составу к материалам из прибрежных поселений османского периода.

Таким образом, археологические исследования в предместье Балаклавы демонстрируют нам активную жизнь в регионе на протяжении 60–70-х гг. XIII в., и вплоть до XVIII столетия.

Библиография

АДАКСИНА С. Б., МЫЦ В. Л. Крепость Чембало в историографии последней трети XVIII – первой половины XIX вв. // О древностях Южного берега и гор Таврических. Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеплена / Гл. ред. В. Л. Мыц. – Киев: Стилос, 2004. С. 82–93.

АДАКСИНА С. Б., МЫЦ В. Л. Генуэзская крепость Чембало: основные этапы формирования оборонительной системы и инфраструктуры города в XIV–XV вв. // ТГЭ. – СПб., 2017. Т. LXXXIX. Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984). С. 103–139.

АЛЯДИНОВА Д. Ю., ТЕСЛЕНКО И. Б., МАЙКО В. В. Керамика из раскопок зольника османского периода в портовой части Сугдеи (по материалам исследований 2010 г.) // Археологический альманах. – Киев: Видавць Олег Філюк, 2015. № 33. Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной / Ред.-сост. И. Б. Тесленко. С. 482–511.

ВОЛКОВ И. В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Киев: Стилос, 2005а. С. 122–159.

ВОЛКОВ И. В. Крепость Лютик – Сед-Ислам (предварительное сообщение и керамический комплекс) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. – Киев: Стилос, 2005б. С. 482–492.

- БОЧАРОВ С. Г., МАСЛОВСКИЙ А. Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV в.) // ПА. – 2012. № 1. С. 20–36.
- БОЧАРОВ С. Г., МАСЛОВСКИЙ А. Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда) / Материалы Первого Маджарского археологического форума (Пятигорск – Будённовск – 2012 год) // Археология евразийских степей. – Казань: Казанская недвижимость, 2016. Вып. 23. С. 20–38.
- БОЧАРОВ С. Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское // Поволжская археология. – 2017. № 2. С. 204–223.
- БОЧАРОВ С. Г., НЕДЕЛЬКИН Е. В. Селения Чембальского консульства в XIV–XV вв.: материалы к археологической карте // УЗ КФУ. – Симферополь, 2017. Том 3 (69), № 1. С. 17–41.
- БОЧАРОВ С. Г. Балаклава: введение в историческую топографию османского города 1475–1774 годов на Крымском полуострове // Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. – 2019. № 6. С. 321–330.
- ГЕРЦЕН А. Г., НАУМЕНКО В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья: X–XVIII вв. – Киев, 2005. С. 257–287.
- ГИНЬКУТ Н. В. Поливная керамика византийского круга из раскопок «консульской» церкви генуэзской крепости Чембало // ХСб. – Севастополь, 2005. Вып. XIV. С. 99–120.
- ГИНЬКУТ Н. В. Производство поливной керамики во второй половине XIV – середине XV в. в крепости Чембало // МАИЭТ. – 2014. Вып. XIX. С. 311–344.
- ГИНЬКУТ Н. В. Генуэзская крепость Чембало в изображениях и рисунках путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. и современный археологический контекст // Византийское содружество: традиции и смена парадигм: тезисы докладов XXII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ (Екатеринбург, 24–28 сентября 2019 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 43–45.
- ГИНЬКУТ Н. В., ИВАНОВ А. В., САВЕЛЯ Д. Ю. Керамика генуэзского времени из предместья крепости Чембало (по результатам охранных исследований в 2003 – 2005 гг., г. Балаклава, ул. Кирова – Историческая). Предварительный обзор // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы V Международной научной конференции. – М., 2021. С. 64–70.
- ГИНЬКУТ Н. В. Редкие типы поливной кухонной и столовой керамики из раскопок крепости Чембало и её окружи // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции. – Симферополь: Антикава, 2022. С. 24–31.
- ЗЕЛЕНКО С. М., ТЕСЛЕНКО И. Б., ВАКСМАН С. Й. Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (Морфологическая типология и лабораторные исследования) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека VITA ANTIQUA. Збірка наукових праць. – Київ, 2012. С. 129–148.
- ИВАНОВ А. В. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы // ХСб. – Севастополь, 1997. Вып. 8. С. 46–52.

- ИВАНОВ А. В., САВЕЛЯ О. Я., ФИЛИППЕНКО А. А. Комплекс поливной керамики средневекового Кадыкоя // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. – Симферополь: Каламо-пресс, 1998. С. 108–112.
- ИВАНОВ А. В. Средневековый город при Балаклавской бухте: очерк археологического исследования и некоторые данные к его исторической топографии // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 146–148.
- КАРАСИЕВИЧ-ЩЕПЕРСКИ Р. От тавров к татарам. Эволюция заселения Балаклавской долины по данным полевых исследований // ХСб. – Севастополь: Альбатрос, 2018. Вып. XIX / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. С. 109–118.
- МАСЛОВСКИЙ А. Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Казань; Кишинев, 2017. С. 455–490.
- РЫЖОВ С. Г., ГОЛОФАСТ Л. А. Поливная керамика из раскопок квартала Ха Северного района Херсонеса // АДСВ. – 2000. Вып. 31. С. 251–265.
- САВЕЛЯ О. Я. Отчёт об охранных раскопках и разведках в Балаклавском районе г. Севастополя в 1999 г. // Научный Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. 3446.
- САВЕЛЯ О. Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // ХСб. – Севастополь: Ахтиар, 1997. Вып. VIII / Ред. М. И. Золотарев. С. 88–95.
- САВЕЛЯ О. Я. Итоги археологических наблюдений на ул. Калича в Балаклаве в 2012 году // ХСб. – Севастополь, 2013–2014. Вып. XVIII / Ред. Н. А. Алексеенко. С. 181–193.
- САРНОВСКИ Т., САВЕЛЯ О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. – Warschau, 2000 (Światowit. Supplement. Series A: Antiquity, vol. V).
- САВЕЛЯ О. Я., КАРАСИЕВИЧ-ЩЕПЕРСКИ Р., ФИЛИППЕНКО А. А. Отчёт об охранных исследованиях в Балаклаве (Кадыковке) в 2010 г. // НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. Д. 4105. 101 л.
- САВЕЛЯ О. Я., КАРАСИЕВИЧ-ЩЕПЕРСКИ Р. Отчёт. Археологические исследования Кадыковского городища в Балаклаве в 2011 г. // НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. Д. 4288/1. 131 л.
- САВЕЛЯ О. Я., КАРАСИЕВИЧ-ЩЕПЕРСКИ Р. Отчёт. Археологические исследования в Балаклаве (Кадыковка) в 2012 г. // НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. Д. 4231/1. 154 л.
- САВЕЛЯ О. Я., КАРАСИЕВИЧ-ЩЕПЕРСКИ Р. Отчёт. Археологические исследования в Балаклаве (Кадыковка) в 2013 г. // НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. Д. 4280/1. 164 л.
- ТЕСЛЕНКО І. Б. Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. – Київ, 2018. Вип. 4 (29). С. 2–83.
- ТЕСЛЕНКО І. Б. Кераміка Крима XV века. – Киев: ИА НАНУ, 2021. 308 с.
- GÜNSENIN N. Ganos, centre de production d'amphores a Ferooue Byzantine // Anatolia an-tique (Eski Anadolu). – Paris, 1993. Vol. 2. P. 193–201.

KARASIEWICZ-SZCZYPIORSKI R. The Roman Fort in Balaklava and Its Surroundings // *Światowit. Annual of the Institute of Archaeology of the University of Warsaw. Vol. XII (LIII) (2014). Fasc. A. Mediterranean and Non-European Archaeology.* – Warsaw. 2015. P. 53–79.

KARASIEWICZ-SZCZYPIORSKI R., SABELA O. *Â.* Balaklava (Sevastopol, Ukraine) – season 2012. Some remarks on the chronology and spatial layout of the Roman fort // *Światowit. Annual of the Institute of Archaeology of the University of Warsaw. Vol. X (LI) (2012). Fasc. A. Mediterranean and Non-European Archaeology.* – Warsaw. 2013. P. 123–137.

KARASIEWICZ-SZCZYPIORSKI R., SABELA O. *Â.* Balaklava (Sevastopol, Ukraine) – season 2013. Discovery of praetorium // *Światowit. Annual of the Institute of Archaeology of the University of Warsaw. Vol. XI (LII) (2013). Fasc. A. Mediterranean and Non-European Archaeology.* – Warsaw. 2014. P. 163–172.

PAPANIKOLA-BAKIRTZI D. (Ed.) *Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito.* – Athens, 1999.

SPIESER J.-M. *Die Byzantinische Keramik aus der Stadtgrabung von Pergamon // Pergamenische Forschungen.* – Berlin, New York, 1996. Band 9.

VAVYLOPOULOU-CHARITONIDOU A. *Céramique d'Offrande trouvée dans des tombes Byzantines tardives de l'Hippodrome de Thessalonique // Bulletin de Correspondence Hellénique.* – 1989. Sup. XVIII. P. 210–232.

WAKSMAN S. Y., ERHAN N., ESKALEN S. *Les ateliers de céramiques de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2008 // Anatolia Antiqua.* – 2009. T. XVII. P. 457–467.

Рис. 1. Северная окраина Кадыковки-Балаклавы с указанием исследованных участков:
I – святилище Юпитера Долихена;
II – часть внутренней застройки римского военного лагеря на месте современного рынка (спутниковый снимок).

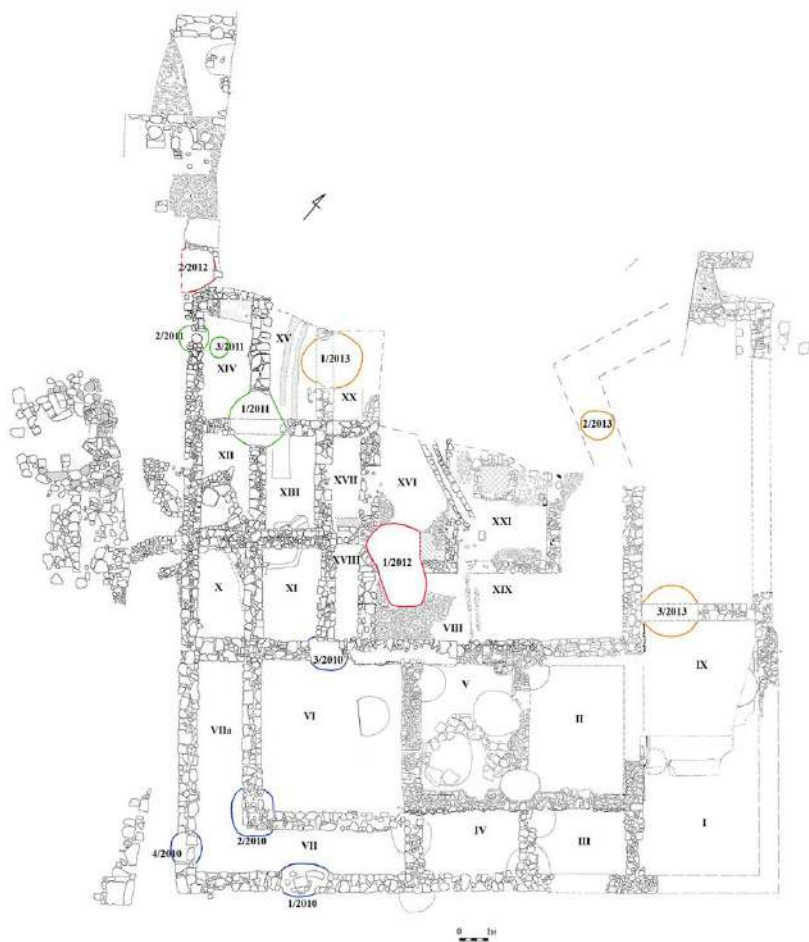

Рис. 2. Сводный план исследованной части Кадыковского городища (раскопки 1992, 2009–2013 гг.) с обозначением помещений и средневековых ям.

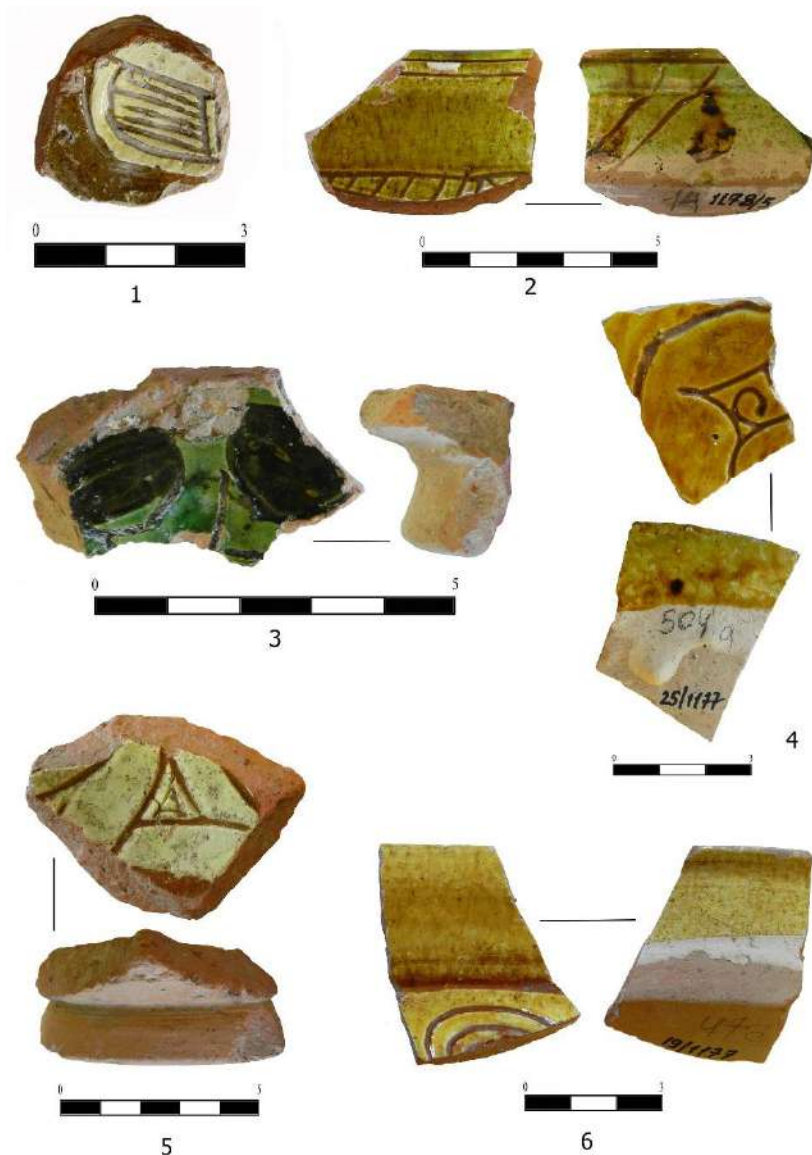

Рис. 3. Поливная керамика из раскопок Кадыковского городища:
1 – НВФ 1178/5; 2 – ИКАМ 37571/8; 3 – ИКАМ 37571/9;
4 – НВФ 1248/32; 5 – НВФ 1248/38; 6 – НВФ 1178/1.

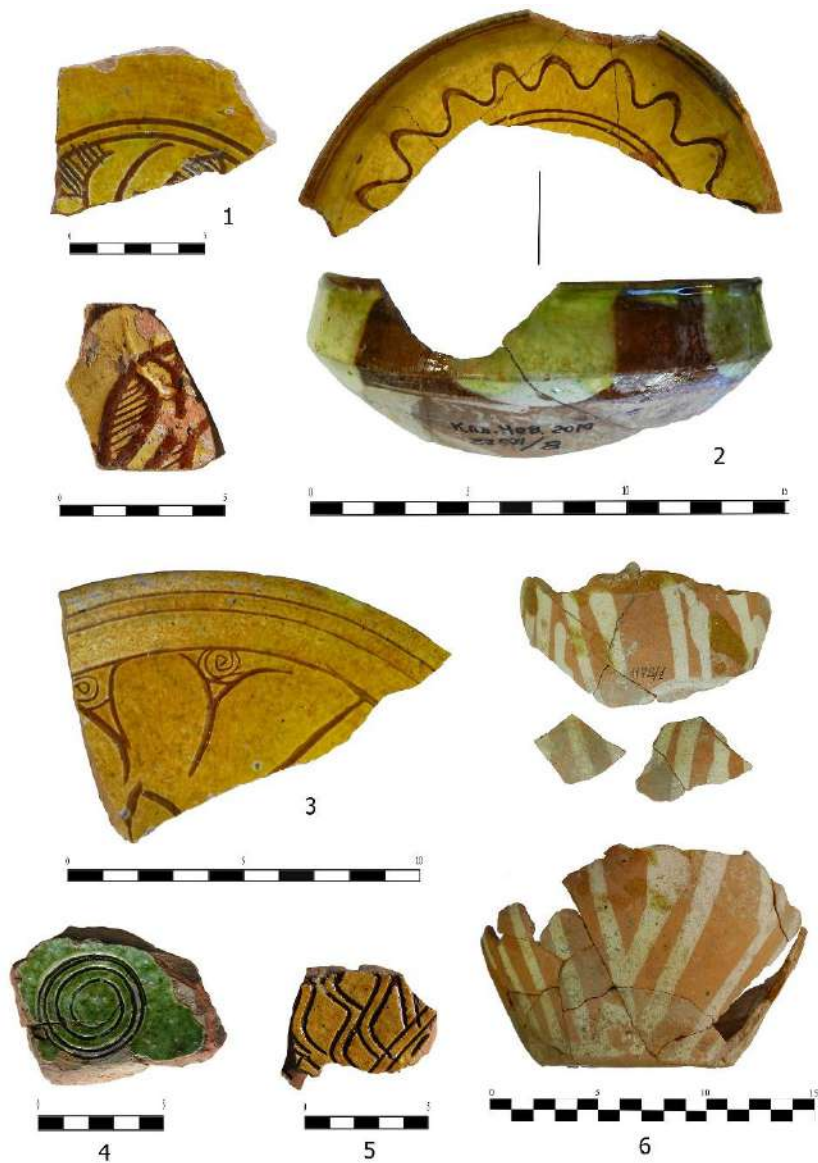

Рис. 4 Поливная керамика из раскопок Кадыковского городища:
1 – ИКАМ 37581/37; 2 – НВФ 1178/5; 3 – НВФ 1177;
4 – НВФ 1177/25; 5 – НВФ 1177; 6 – НВФ 1177/19.

Рис 5. Поливная керамика из раскопок Кадыковского городища:
1 – НВФ 1248/25; 2 – НВФ 1248/24; 3 – НВФ 1248/15; 4 – НВФ 1127/27;
5 – НВФ 1248/40; 6 – ИКАМ 37581/5; 7 – ИКАМ 37581/7;
8 – ИКАМ 37581/41; 9 – ИКАМ 37571/11; 10 – ИКАМ 37581/40.

Рис. 6. Поливная керамика (1–4), подставки для обжига поливной керамики (5–6), керамические курительные трубки (7–8) из раскопок Кадыковского городища:
1 – ИКАМ 37571/10; 2 – ИКАМ 37581/36; 3 – ИКАМ 37581/43;
4 – ИКАМ 37581/44; 5 – НВФ 1248/51; 6 – ИКАМ 37610/80;
7 – ИКАМ 37610 /82; 8 – НВФ 1248/58.

**И. В. ДЕНИСОВА,
Н. Н. БОЛГОВ**

Белгородский Государственный Национальный
исследовательский университет
(Белгород)

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ — КТО ОНИ?

Экономическая, политическая, культурная и идеологическая перестройка Восточной Римской империи в ранневизантийский период, её христианизация, сложение ранневизантийского культурного синтеза не могли осуществляться без широкого слоя интеллектуалов, которые выражали различные идеи. Один из важных вопросов – кто они? Каково их социальное и территориальное происхождение? Занимались ли они «чистым искусством» и творчеством, или прагматически строили карьеру? Насколько они связаны с религиозными представлениями и культурами?

Высокий уровень жизни, достигнутый Римской империей во II в. («эра благоденствия»), продолжал сохраняться в значительной мере до IV–VI вв., в первую очередь, в Восточном Средиземноморье, где сохранилось государство. Благодаря этому, многочисленные лица свободных профессий – грамматики и риторы, философы и юристы пользовались привилегированным положением, имели налоговый иммунитет, а зачастую их услуги оплачивались из муниципальной или имперской казны. Рядом эдиктов для важнейших городских общин были учреждены кафедры грамматиков, риторов, философов.

Этих представителей гуманитарного знания, как правило, не только генерировавших тексты [Wilson, 1975, p. 1–15], но и занимавшихся практическим преподаванием, можно выделить в обширную группу «интеллектуалов» (*literati, scholars*), людей знания [Wilson, 1996], часть которых были свободными (часто «странствующими») учителями, другая

часть находилась на официальной службе у города, а самая удачливая оказывалась на императорской службе или в том или ином звене административного аппарата.

В отличие от средневековых сословий, данная социальная группа, как и все прочие в античности, не была отделена непреодолимой стеной от прочих. Теоретически любой способный или трудолюбивый юноша, как правило, из городской общины любой провинции, имел шансы войти в это «сословие».

Существует проблема корректности и правомочности употребления термина «интеллектуал» применительно к античности. Для классического периода интеллектуалами могут быть названы почти все свободные граждане полиса, имевшие досуг и занимавшиеся умственным трудом. Есть и иной подход, при котором античный интеллектуал противопоставляется «обычному гражданину», поскольку первого отличает интенсивное интеллектуальное творчество, элементы особого образа жизни и т. п. Видимо, второе – более характерно для эллинизма и римского времени. В античном мире не существовало единого и точного определения интеллектуального труда. Однако, в качестве главных критериев античного (в том числе позднеантичного) интеллектуала можно выделить тесную связь с продуцированием текстов (собственных произведений) и отношением к той или иной школе или направлению мысли.

Есть ещё одна сложность выделения интеллектуалов из общей массы населения позднеантичного мира. Общим местом является представление о почти полном умении этих людей читать и писать. В целом этот уровень сохраняется и в Ранней Византии (IV–VII вв.). При этом, конечно, можно выделить несколько уровней грамотности – от простого умения читать, что давалось школой грамматика, до «высшего образования», которое давали риторические и философские школы, сохранявшиеся на всём позднеантичном и постантичном цивилизационном пространстве [Markopoulos, 2013, p. 29–44], создавая среду интеллектуалов, социальный слой (или даже «сеть») образованных людей.

Проблема генерирования и трансляции знания, передача культурной традиции через специальные институты – школу (высшую школу) – особенно важна в позднеантичную эпоху, когда происходили сложные процессы трансформации, переформатирования всех основных элементов цивилизации в пределах политических границ Восточной Римской империи (Ранней Византии).

В античности и Византии не существовало устойчивых институций высшего образования в том специфическом смысле, в котором этот термин используется сегодня. Школа выросла из потребностей полиса

(городской общины) почти исключительно благодаря личности и инициативной частной деятельности схоларха – создателя школы (грамматика, ритора или философа).

В процессе христианизации позднеантичного общества, в противовес смене основных парадигм цивилизации, школа и образование остались преимущественно классическими, античными. Этот феномен нуждается в объяснении, так как во многом именно благодаря образованию сохранилась культурная преемственность (континуитет) между античностью и византийским Средневековьем.

В христианизированном обществе сохранились классические представления о греческом и латинском языках (грамматика). Даже в богословских школах будущие священники учились правильно и красиво говорить на классических примерах (риторика). Античная философия как таковая, связанная с античной религией, ушла в прошлое, но философские школы ещё действовали в течение всего ранневизантийского периода.

Общая схема истории высшей школы в Ранней Византии представляется ныне следующим образом [Bolgov, Bolgova, etc., 2017, p. 268–276]. Начальное и среднее образование сосредотачивалось преимущественно на уровне грамматики и элементов риторики. Высшее образование состояло из следующих ступеней:

1. *грамматика* как преимущественно средний, так и начальный уровень «высшего образования» (более простой вариант грамматики составлял начальное и среднее образование) [Kaster, 1988]; ученик получал от грамматика, кроме собственно грамотности, и курс истории греческой литературы [Kaster, 1983, p. 323–346];

2. *риторика*; в этой школе досконально изучалась греческая мифология и история, причём разницы между первой и второй не было [Kustas, 1973]; на этой же «ступени» находились естественные науки; специальные (медицинские, юридические) школы;

3. *философия* (классическая); на этом этапе завершалась классическая античная система «высшего образования»; в Ранней Византии содержательно здесь доминировал неоплатонизм, но присутствовал и аристотелизм;

4. *христианская теология*; этот уровень в Ранней Византии стал считаться самым высшим и следовал либо после трёх вышеупомянутых (чаще), либо после начальной христианской (или монастырской) школы (значительно реже). Очень важно, что эта ступень осталась внутрицерковной; попыток сделать её обязательной для всех христиан никогда не предпринималось.

Эти ступени могли в полный профиль присутствовать в одной школе (в Кесарии с III в.; школа в Газе в V–VI вв. осталась преимущественно риторической, но выпускала служителей церкви), но значительно чаще та или иная школа была сосредоточена на чём-то одном [Markopoulos, 2006, p. 85–96].

Также можно проследить определённую эволюцию в организации школ на протяжении позднеантичного периода: от античных школ, строившихся всецело вокруг личности схолаха, идёт движение в сторону христианизации (надстройки преподавания богословия в уже имевшихся школах) и огосударствления (Константинопольский «университет»).

Образование в Восточной Римской империи продолжалось, с одной стороны, строиться на классических образцах, с другой стороны – было платным и постепенно становилось доступным не всем. Со временем, чем дальше, тем больше, чтобы получить хорошее образование, надо было происходить из достаточно состоятельной семьи, которая способна его оплатить. Интеллектуалы ранневизантийской эпохи, писатели и историки зачастую происходили из семей социальной верхушки провинциальных городов, их родители занимали различные курiales должности или были имперскими чиновниками разного ранга.

Вместе с аристократизацией (элитаризацией) муниципальной жизни в городах образование превращается в один из важнейших социальных лифтов. Наличие хорошего образования в Ранней Византии стало важнейшим фактором карьерного продвижения в условиях высокой вертикальной социальной мобильности [Browning, 1978, p. 39–54].

Основное образование, которое родители стремились дать своим детям, связано с риторикой и юриспруденцией. При этом для будущих работников администрации, государственного аппарата в роли профессионального стало выступать юридическое образование [Lewis, 1981, p. 149–166].

В более широком диапазоне важнейшую роль играла риторика (софистика), формировавшая «универсальные компетенции». Софистика не претендовала на то, чтобы обучать людей научным знаниям или абстрактным теориям, выполнение этой задачи было оставлено на усмотрение более узких специалистов и различных философских школ, но она готовила к активным гражданским обязанностям и предоставляла широкую и разнообразную культуру, и эту задачу она выполняла в целом удовлетворительно и эффективно в течение нескольких сотен лет. Это было общее наследие античного мира, то, что отличало его от варваров.

В этом смысле это означало образование, культуру, гуманизм, даже цивилизацию. Софистика обеспечивала литературную подготовку по классическим направлениям и одновременно развивала в них внутреннюю и нравственную стороны личности мальчика. В целом, софистическое образование действительно обеспечивало удовлетворительную подготовку к профессиональной и официальной жизни того времени.

Кодекс Феодосия (14.1.1) утверждал: «Никто не может получить должность первого ранга, если не будет доказано, что он преуспевает в длительной практике гуманитарных исследований и что он настолько совершенен в литературных вопросах, что слова безупречно текут из его пера».

Интеллектуал (человек гуманитарного (литературного) образования) мог своим мудрым руководством спасти государство, и в нём же имелись средства для его собственного спасения. Это был человек широкого образования и общей культуры, обученный видеть различия между добром и злом и действовать со ссылкой на них на службе своего города или всего государства [Walden, 1910].

Вызывает интерес терминология, связанная с интеллектуальными занятиями и образованием. В ранневизантийских источниках естественным образом существует собственная греческая терминология, связанная с учебным образовательным процессом и образовательными институциями. Однако, как и всё греческое, эта терминология, в отличие от латинской университетской Средневековья, значительно менее чёткая, более расплывчатая и синонимичная. Поэтому единообразия и универсализма достичь невозможно.

Школа грамматики была ответственна за *προπαιδεία* (введение в общее высшее образование). Школы риторики и философии давали *ἐγκύκλιος παιδεία* – общее гуманитарное образование [Markopoulos, 2005, p. 183–200]. Собственно «высшая школа» обозначается чаще всего в источниках словами *Σχολα*, *Παιδευτέρια*, *Παιδαγωγεία*, *Πανεπιστήμιον*. Для Константинопольского «университета» также используется *Πανδιδασκάλιον*.

Глава школы: *Σχολάρχος* – сшоларх; *ἡγεμών* – руководитель Газской школы; *ὁ τοῦ χοροῦ προστάτης* – глава школы («простат хора»).

Преподаватели (профессора): *Παιδαγωγοί* – педагоги; *Παιδοτρίβαι*; *Παιδεῦται*; *Γραμματισταί* – преподаватели грамматики; *Διδάσκαλοι* – преподаватели; *καθηγητής* – профессор; *διδασκάλου διδάσκαλος* – учитель учителей; *χορευτής* – «хоревт, предводитель хора» – руководитель совокупности, группы студентов (иносказательно); *ἐκκριτοί* – «выбранные выше других» – ассистенты профессора из старших студентов.

Студенты: *ακροατής* – технический термин, который применялся для обозначения нерегулярного (случайного) студента (современный англ. эквивалент – «underclassman», новичок, вольный слушатель,

студент «подготовительного отделения»); *μυσταί* – «мисты», младшие студенты, новички, «посвящаемые»; *νεήλυδες* – новые студенты, только что поступившие; *ἐπόπται* – эпопты, продвинутые студенты, ассистенты преподавателя (старшие); *σχολαστικός* – школяр, студент; *μαθητής* – обучающиеся (в широком смысле); *φοιταν*, *φοιτητής* – студент, официально зарегистрированный у профессора; *ομιλητής* – студент, официально зачисленный в списки (*Katalogos*) учителя; *ζηλωτής* – «ревнитель», старательно занимающийся студент; *Ποίμνιον* – «паства», совокупность студентов; *Αγέλη* – «стадо», совокупность студентов; *Χορός* – «хор», совокупность студентов; *παῖς* – «дитя», студент в переносном смысле; *εταῖρος* – «товарищ», студент в переносном смысле.

Жалованье: *σιτήσεις* – муниципальное жалованье учителям.

Учебный процесс: *ακαδημαϊκή κινητικότητα* – академическая мобильность; *άσκηση* – упражнение; *διάλεξη* – лекция; *τα άτομα της μελέτης* – дисциплина учебная; *διδασκεία ύλη* – курс обучения; *συνείναι* – посещать занятия на курсах; *μάθημα* – урок; *Συνουσία* – сессия; *εξέταση* – экзамен; *μελέτη* – изучение; *ομιλία* – речь; *επιστήμη* – наука; *διατριβαί* – научные труды в школе.

В региональном аспекте крупнейшими и старейшими интеллектуальными центрами были Афины и Александрия, где развивались как риторические, так и философские школы [Watts, 2008], а в столице Египта – ещё и медицинские. Александрия, помимо Египта, где крупным центром культуры был Панополь, имела связи с Палестиной, где под её влиянием развивались свои центры: в Кесарии Палестинской, Газе, — ориентированные на христианство [Ciccolella, 2006, p. 12–27]. Ещё одним важным центром образования стала Антиохия, административная столица префектуры Восток, где были сильные риторические традиции. Антиохия же была точкой пересечения греческого и сирийского христианского интеллектуализма, там развивались богословские школы. Крупнейшая юридическая школа существовала в Берите. Стремительно развивались школы новой имперской столицы – Константинополя, пользующиеся особой поддержкой имперских властей: в начале V в. при императорском дворе сформировался кружок интеллектуалов «Панэлленион», а в 425 г. был открыт константинопольский протоуниверситет Аудиториум.

Студенты прибывали в школы со всех провинций и регионов империи без исключения. Вся Малая Азия вплоть до Каппадокии и Армении, Сирия, Египет, острова дают нам просопографические сведения о студентах, которые зачастую обучались не в одной, а в двух-трёх различных школах в разных городах. В последнее время в отечественной науке разрабатывается проблема античного и позднеантичного интеллектуализма в региональном аспекте, в том числе

и в Северном Причерноморье [Лейбенсон, 2018]. Такая же «академическая мобильность» характерна и для преподавателей, и для прочих интеллектуалов. Они в большинстве случаев меняли от двух до пяти центров своей жизни и деятельности.

По сравнению с классической античностью, в римско-ранневизантийское время нарастает тенденция к полиматии, «многознанию»; полимат, человек многих знаний, пользовался уважением и вызывал восхищение.

Медиевализация гуманитарного знания в Ранней Византии (превращение его из античного в средневековое) шла по многим направлениям. Это, прежде всего, отказ от аристотелевской картины мира (спор Прокла и Иоанна Филопона о вечности мира или его сотворённости Творцом), искажение географических и страноведческих представлений (Козьма Индикоплов), искажение глобальной картины мира (земля – плоский диск под неподвижной сферой с ангелами: антиохийское богословие) и др.; искажение и упрощение исторического знания, подмена истории хроникой и антикварианизмом (Иоанн Малала, отчасти Иоанн Лид и др.). Причина медиевализации и упадка знаний — не христианизация, а конец античности как локальной цивилизации. Интеллектуалы сыграли важную роль в процессе культурного континуитета, но не могли предотвратить общего культурного упадка в «Тёмные века».

Библиография

- ЛЕЙБЕНСОН Ю. Т. Интеллектуалы античных государств Северного Причерноморья. Дисс. – Симферополь, 2018.
- BOLGOV N., BOLGOVA A., RYABTSEVA M., LOPATINA M., SEMICHEVA E. An Investigation on an Early Byzantine Higher School in Russian Historiography // Journal of History Culture and Art Research. – 2017. Vol. 6 (4). P. 268–276.
- BROWNING R. Literacy in the Byzantine world // BMGS. – 1978. Vol. 4. P. 39–54.
- CICCOLELLA F. «Swarts of the Wise Bee»: *Literati* and Their Audience in Sixth-Century Gaza // EA. – Louvain; Paris, 2006. Vol. IV. P. 12–27.
- KASTER R. A. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. – Berkeley, 1988. – 525 p.
- KASTER R. A. Notes on ‘Primary’ and ‘Secondary’ Schools in Late Antiquity // ТРАП. – 1983. Vol. 113. P. 323–346.
- KUSTAS G. Studies in Byzantine rhetoric. – Thessaloniki: Patriarchikon Idryma Paterikōn Melesōn, 1973. – 215 p.
- LEWIS N. *Literati* in the service of Roman Emperors: Politics before culture // Coins, Culture and History in the Ancient World: Numismatic and Other Studies in Honor of Bluma L. Trell. – Detroit, 1981. P. 149–166.

- MARKOPOULOS A. De la structure de l'école byzantine. Le maître, les livres et le processus éducatif // Lire et écrire à Byzance. – Paris, 2006. P. 85–96.
- MARKOPOULOS A. In search for «Higher Education» in Byzantium // ЗРВИ. – 2013. Т. 50. P. 29–44.
- MARKOPOULOS A. Βυζαντινή εκπαίδευση και οικουμενικότητα // Byzantium as Oecumene. – Athens, 2005. P. 183–200.
- WALDEN J. W. H. The Universities of Ancient Greece. – New York: Charles Scribner's Sons, 1910. – 368 p.
- WATTS E. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. – Berkeley, 2008. – 288 p.
- WILSON N. Books and readers in Byzantium // Byzantine Books and Bookmen. – Washington, 1975. P. 1–15.
- WILSON N. G. Scholars in Byzantium. – London: Duckworth, 1996. – 286 p.

А.А. ЕВДОКИМОВА

Институт языкознания РАН
(Москва)

**СИСТЕМЫ АКЦЕНТУАЦИИ
В ВИЗАНТИЙСКИХ ГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЯХ
НА МЕТАЛЛЕ ИЗ ИТАЛИИ**

Данная статья продолжает серию наших исследований, посвященных акцентуированным греческим памятникам разных регионов Византийской империи [Евдокимова, 2009а; 2009б; 2009в; 2010; 2019а; 2019б; 2022а; 2022б]. Поскольку исследование сфрагистического материала [Евдокимова, 2021; 2022в] позволило выявить три новые системы акцентуации: со сдвигом влево, со сдвигом вправо и сочетание этих систем, то возникла необходимость проверить гипотезу, насколько выявленные системы зависят от материала, на котором начертана надпись. Что в свою очередь привело к необходимости проанализировать надписи, выполненные на металле, что мы предлагаем реализовать на подборке, которую опубликовал Андре Гийу [Guillou, 1996]. Из 231 надписи его собрания из разных регионов Италии, разберём 20, выполненных на металле, как полностью, так и частично акцентуированных текстов.

Крест-мошевик [Guillou, 1996, nr. 2], хранится в Бари, возможно, по происхождению из Константинополя (начало XI в.). В центральной перекладине креста циркумфлекс в наречии "πιστῶς" ровно над гласной, а в "α'ρῦρου" придыхание смещено вправо и оказывается между гласной и согласной, а акут ровно над гласной. В следующем слове καὶ гравис чуть смещен влево и оказывается между гласной и согласной, по своему виду напоминает знак сокращения. Такой же знак мы видим выше после каппы в κ'ρῦλτοντα, возможно, это сочетание каппы с грависом является особенностью палеографии. В начале этой строки придыхание над "ε'ξ" также смещено вправо и оказывается между гласной и согласной, а в следующем слове знак, похожий на циркумфлекс, заменяет и придыхание, и акут: "ὄλης". В глаголе сдвинут вправо акут "σω'ζο[ις]", а в союзе сдвинут влево и попадает на первую часть дифтонга "καί".

Обращение к Симеону Стилиту на реликварии Василия Лекапина, реликвия, фрагмент черепа [Guillou, 1996, пг. 16], хранится сейчас во Флоренции (Буонсолацио). Циркумфлекс в самом начале надписи ровно над гласной в слове "στῦλος". В предлоге "ἐῖς" придыхание сдвинуто вправо и попадает между гласной и согласной "ἄλο", а в следующей строке сдвинуто влево и приходится на первую часть дифтонга "Αἰγυλτίας".

Ставротика [Guillou, 1996, пг. 19], хранится в провинции Салерне, монастырь св. Джованни, происхождение из Константинополя (X в.). На первой стороне, на горизонтальной перекладине дважды циркумфлекс: "ἰδεοῦς σοῦ". В трех случаях на оборотной стороне густое придыхание и акут сдвинуты вправо от сокращения "ἄ(γυος)", один раз внизу пропущено придыхание. А акут в имени "Γεωργίους" оказывается над безударным слогом, остальные слова не содержат знаков акцентуации.

Крест из Эфеса [Guillou, 1996, пг. 21], где он находился до второй половины XIII в., когда он был увезен в Италию и теперь хранится в кафедральном соборе Генуи, датируется XIII в. в том числе по палеографии [см. Mango, Shevchenko, 1978]. В артикле "τὸ" гравис чуть смещен вправо, по начертанию похож на циркумфлекс, развернутый по диагонали. Циркумфлекс в "θεῖον" оказывается между элементами дифтонга, т.е. смещен влево, что необоснованно материалом. В существительном "ὄλλον" ударение и придыхание сдвинуты вправо настолько, что акут оказывается на пробеле, в следующей строке в имени, также акут сдвинут вправо и попадает между гласным и согласным. На перекладине в имени "Ἰσαὰκ" использован знак сокращения и гравис, написанный после него, смещен вправо и попадает на каппу. В глаголе "ἀνεκάνθηεν" акут сдвинут влево и попадает на первую часть дифтонга, придыхание над гласной, трема тоже, хотя не оправдана лингвистически. Остальные акцентные надписи стоят в рамках византийской системы акцентуации.

Легенда об Абгаре на серии металлических икон [Guillou, 1996, пг. 22], хранится в Генуе. Придыхание в артикле [Guillou, 1996, пг. 22a] сдвинуто вправо (Рис. 1), а в имени "Αῦγαρος" влево ближе к первому элементу дифтонга, а акут вправо ближе к согласному. Грависы в предлоге и в артикле сдвинуты влево и попадают на согласные. В сокращении "Κ(υρίο)ν" ударение, стоящее после знака сокращения над "ν", больше похоже на точку, поэтому сложно определить гравис или акут перед нами. В последующем артикле гравис ровно над гласной, а имя в строке без ударения и без придыхания. В последнем слове этой надписи только придыхание ровно на гласной. Во втором [Guillou, 1996, пг. 22b] и в третьем [Guillou, 1996, пг. 22c] фрагментах все слова с

сокращениями имеют акуты после знака сокращения и сдвинутые чуть вправо. Остальные ударения стоят ровно над гласными. Гравис в сокращении "X(ριστό)ς" [Guillou, 1996, пг. 22d] сдвинут влево и стоит до знака сокращения, либо это знак придыхания, который с артикля сместился вправо и попал на хи. Гравис в следующем за ним артикле ровно над гласной, другие сокращения без ударений. Часть ударений пропущены, гравис в "ἐπιστολῆν" сдвинут чуть влево, как и акут в "Ἀνανία", а в глаголе "δίδους" находится ровно над гласной и имеет другую форму, более тонкий и длинный знак. В двух существительных [Guillou, 1996, пг. 22e] придыхание сдвинуто вправо и попадает на согласные: "Α'νανία" и "ἐπιστολῆν", а ударение находится ровно над гласными. Придыхание на первой части дифтонга, ударение отсутствует: "Ἀυαρω". Ударения ровно над гласной: "τῶ", "διακομίζων". Придыхание [Guillou, 1996, пг. 22f] сдвинуто влево и оказывается на первой части дифтонга: "ἄυαρος", циркумфлекс в третьей строке сдвинут влево и оказывается на первой части дифтонга "τοῦ". Придыхание в первой строке правой половины сдвинуто влево и изменен его характер, внешне знак скорее похож на гравис: "εἶδωλον". Однако, во второй строке придыхание сдвинуто вправо и оказывается над согласными: "ἰ'στησι". Придыхание в артикле "ὁ" [Guillou, 1996, пг. 22g] сдвинуто вправо и оказывается между артиклем и существительным, а в глаголе, наоборот, влево и оказывается почти над конечным согласным предыдущего слова: "ἀλοκαλυπει". Остальные слова не акцентуированы. Придыхание [Guillou, 1996, пг. 22h] ровно над гласной: "ἀλοκαλυπει", акут ровно над гласной: "μανδήλιον", циркумфлекс чуть сдвинут налево и оказывается на первой половине лигатуры дифтонга: "τοῦ", вместо ожидаемого грависа стоит циркумфлекс "τῆν", остальные слова не акцентуированы. Придыхание [Guillou, 1996, пг. 22i] похоже на гравис и сдвинуто вправо: "ὁ", придыхание сдвинуто вправо и попадает между гласной и согласной: "ἐπισκολος", циркумфлекс над гласной "τῶ", вместо грависа придыхание, чуть смещенное влево: "τοῦς". Циркумфлекс в первой строке [Guillou, 1996, пг. 22j] сдвинут влево и оказывается на первой части дифтонга "τοῦν". В последней строке акут сдвинут вправо, а придыхание ровно над гласной: "ἰάθη".

Императорский крест-реликварий [Guillou, 1996, пг. 52], сделан в Константинополе и теперь хранится в соборе Св. Петра в Риме, датируется либо 1028–1034, либо 1068–1071 гг. Большая часть текста акцентуирована в византийской системе акцентуации, некоторые слова чаще с ударениями на дифтонгах в александрийской системе: "ῳράιον", "γέυσει", "ῳράιος", "θείας", "θεού" с акутом на первой части дифтонга.

Надпись изготовлена в Константинополе [Guillou, 1996, nr. 54] (Рис. 2), сейчас в бронзовой двери собора Св. Павла в Риме, датируется 1070 г. В местоимении "ε'μοῦ" в первой строке придыхание сдвинуто вправо и оказывается почти между гласной и согласной, а циркумфлекс сдвинут влево и оказывается на части согласной и на сокращении для лигатуры дифтонга "ου". Придыхание стоит над гласной "ἐκαμ(θη)", ударение пропущено, а в следующем существительном акут сдвинут влево и оказывается над первой частью дифтонга "χείρι", придыхание поставлено над ро. Акут попадает на первую часть дифтонга "σταυράκ(ου)", при этом рядом с ро стоит придыхание. Акут чуть сдвинут влево к началу гласной "χ(ου)", хотя сам знак сокращения отсутствует. Придыхание попадает на первую часть дифтонга в артикле, а выглядит, как акут: "οι". Придыхание в третьей строке сдвинуто вправо и оказывается между гласным и согласным "ἀναγινωσκοντες", знак ударения отсутствует, в следующем слове придыхание чуть сдвинуто влево, но ещё над вторым элементом дифтонга, вместо ударения точка, чуть сдвинутая влево, поэтому нельзя сказать акут или гравис перед нами, в четвертой строке: "ε'μοῦ" придыхание сдвинуто вправо и оказывается между гласной и согласной, а циркумфлекс ровно над гласной.

Реликварий был изготовлен в Константинополе [Guillou, 1996, nr. 78] либо в X в., либо на век позже, дожем Энрико Дандоло привезен в Венецию в 1204 г. На первом [Guillou, 1996, nr. 78a] и втором [Guillou, 1996, nr. 78b] фрагментах акуты над гласными в рамках византийской системы акцентуации: "ζωηφόρου", "λόγου", "εξ ακηράτου". В нижней части предмета [Guillou, 1996, nr. 78c] (Рис. 3) акут "ῥέντος" смещен влево и попадает на предыдущую безударную гласную, а придыхание над р фактически лежит над буквой. Циркумфлекс же в "πλευρῶς" чуть смещен влево на переднюю часть буквы. В верхней строке циркумфлекс при смещении влево оказывается на первой части дифтонга "ει": "δοχείου".

Реликварий руки св. Марины [Guillou, 1996, nr. 79], хранился в одном из монастырей недалеко от Константинополя, позже Иоанном де Бореа перевезен в Венецию, датируется началом XI в. Надпись написана маюскулом, знаки акцентуации крупные. В первой строке [Guillou, 1996, nr. 79a] циркумфлекс попадает сразу и на весь дифтонг, написанный лигатурой, и согласную σ в глаголе: "ζητεῖσθε". Акут чуть сдвинут вправо в "καράς". Во второй строке гравис сдвинут вправо и также попадает на согласный "κοσμίᾶς", а дальше придыхание стоит над первой частью дифтонга, а циркумфлекс чуть сдвинут вправо "ἀντην". Гравис сдвинут вправо [Guillou, 1996, nr. 79b], а придыхание ровно над

буквой "αὐτά", акут и трема ровно над гласной «τίνος», в артикле придыхание над гласной "ή", ударение пропущено, трема стоит: "χεῖρ", "τύχαι" "μαρτύρος". И ударение, и придыхание стоят, акут немного смещен вправо: "ἦδε". Во второй строке гравис стоит высоко с небольшим смещением влево: "πρὸς". Также с небольшим смещением влево, но не так высоко гравис вместо акута: "ζητοῦσα". Акут ровно над буквой, как и трема: "ζήτησῖν". Придыхание и акут смещены влево и попадают на первое полукружие омеги, а трема ровно над буквой: "ῶτρῶε". Акут в виде точки или какой-то иной знак со смещением влево и циркумфлекс ровно над буквой в существительном "σχ᾽εσίς". Два акута [Guillou, 1996, nr. 79c], возможно первый из них – царапина на поверхности «μαρίνης», придыхание чуть смещено вправо и оказывается между гласной и согласной «α΄ίας». Циркумфлекс длинный и попадает сразу на гласный и согласный "ής". Во второй строке придыхание смещено влево, а акут ровно над гласной, над юпсилоном трема: "ἔτῶον", придыхание также смещено влево и попадает на первую часть дифтонга, а циркумфлекс чуть влево: "ἀυτῆς". Циркумфлекс чуть больше обычного и смещён чуть влево, попадает на конец первого элемента дифтонга и на весь второй элемент «ουῖν», в предлоге «ἐκ» ударение ровно над гласной. Акуты в первой строке [Guillou, 1996, nr. 79d] ровно над гласной, хотя знаки длинные, как и гравис во второй строке в "πρὸς". Циркумфлекс над "οῖν" длинный, попадает на второй элемент дифтонга и на согласный [Guillou, 1996, nr. 79e] (Рис. 4). В этом фрагменте автор надписи придерживается византийской системы акцентуации, однако встречаются и небольшие отклонения: "μικρὸς" циркумфлекс большой и попадает сразу на оба элемента дифтонга "οὔτος". Акут смещен влево и оказывается между гласным и согласным: «π'οθος». Акут смещен влево и попадает на первый элемент дифтонга: «τῶῖν», над йотой и юпсилоном стоят тремы. Знак диэрезы смещён вправо и попадает на гласную и акут смещен чуть вправо и оказывается между гласной и согласной: "δ᾽άπειρος". И придыхание, и акут смещены вправо и оказываются между гласным и согласным, над йотой стоит трема: "α΄μαρ᾽ντίων". Придыхание ровно над буквой, а акут смещен вправо и попадает между гласной и согласной: «ά΄νθος». Акут смещен влево и попадает между гласной и согласной: «ρ'ουον». Циркумфлекс смещён вправо и попадает на часть гласной и часть согласной «νοητῶν». Оба знака, сокращение гласного и придыхание оказались на первом элементе дифтонга, циркумфлекс на месте: «κατ᾽ουτῶν» Акут смещён влево и попадает на согласный ро: «κρ᾽ατος», и между гласной и согласной: "παρ᾽εχοις". Акут смещён чуть вправо: "ἀναλογον". Трема стоит над вторым элементом дифтонга: «σχεσεῖ».

Инвокация на кресте [Guillou, 1996, пр. 80], украшенном императрицей Марией, скорее всего женой Михаила VII Дуки, возможно, происходит из св. Софии Константинополя. Сейчас крест хранится в санктуарии Сан-Марко в Венеции, текст написан двенадцатисложником, датируется 1071–1081 гг. В верхней строке придыхание на первой части дифтонга в артикле $\delta\iota$, гравис также смещён влево и оказывается между элементами дифтонга "σταλαγμο'ι". Циркумфлекс в обоих словах "τοῦ θεοῦ" находится над вторыми элементами дифтонга, а в артикле τῶν смещен вправо и оказывается над согласным. Придыхание в последнем слове, которое полностью видно на пр. 80b, располагается между элементами дифтонга "α'ιμάτων". В боковых строках и в 80a, и в 80b акцентные знаки длинные и стоят ровно над гласными. В сокращении "στρε̄" гравис стоит после знака сокращения, но над той гласной, где бы он располагался при полном написании слова.

Реликвия [Guillou, 1996, пр. 81], *медальон с ликом Христа* на серебре, происходит из Константинополя, хранится в санктуарии Сан-Марко (инв. № 68), датируется XI в., написан двенадцатисложником. В первой строке акут стоит над знаком придыхания, в четвёртой строке акут сдвинут чуть вправо, а в пятой строке чуть влево и фактически попадает на согласный "φ'ε|ρων".

Реликвия [Guillou, 1996, пр. 82], *святой саван*, происходит из Константинополя, хранится в санктуарии Сан-Марко (инв. № 29), датируется XI в. Знак циркумфлекса чуть смещен вправо, имеет форму галочки, где правая часть прочерчена более четко, придыхание в первом слове "ἐκ" был ровно над гласной, даже немного смещен влево. Во второй строке придыхание и акут смещены вправо, как и акут в третьей строке.

Часть святого пояса Девы Марии [Guillou, 1996, пр. 83] происходит из Константинополя, хранится в санктуарии Сан-Марко (инвентарный номер 30), датируется XI веком. Дважды повторена лигатура "τη̄" и с небольшим смещением вправо стоит циркумфлекс, остальные ударения и придыхания имеют небольшое смещение вправо. Акут над сокращением "ΘΚΥ" для "θ(εοτό)κου" стоит над лигатурой "ου", которая уже не под титлой.

Реликвия [Guillou, 1996, пр. 84], *пеленки младенца Иисуса*, привезена из Константинополя, хранится в санктуарии Сан-Марко (инвентарный номер 28), датируется XI в. В первой строке сдвинуты оба акцентных знака влево, а во второй и четвертой строке вправо. При этом в первой строке над "αλὸ" отсутствует знак придыхания, а циркумфлекс над "τῶν" близок по своему начертанию гравису, но чуть больше и длиннее, чем он же в первом слове.

Часть полотенца для омовения ног Иисуса Христа [Guillou, 1996, пг. 85] происходит из Константинополя, хранится в санктуарии Сан-Марко (инв. № 27), датируется XI в. В первой строке ударение и придыхание стоят ровно над гласными буквами, циркумфлекс над лигатурой "ου" во второй строке и в четвертой акуты чуть смещены вправо, а придыхание, также смещенное вправо, оказывается между гласной и согласной.

Реликварий св. Стефана [Guillou, 1996, пг. 86] был вывезен из Константинополя, хранится в санктуарии Сан-Марко (инв. № 175), датируется XI в. В пг. 86а акут в "αίου" располагается с небольшим смещением вправо, почти ровно над буквой. Остальные слова без ударений и придыханий.

Чаша [Guillou, 1996, пг. 87], сделана в Константинополе, хранится в санктуарии Сан-Марко (без инвентарного номера), датируется XI в. Акут смещен влево и попадает между гласной и согласной "π'ιετε". Придыхание чуть смещено влево и попадает между последней гласной предыдущего слова и той гласной, к которой относится: "έξ", а в следующем слове оказывается при таком же смещении влево на первом элементе дифтонга "άουθ". Ударения в словах "πάντες", "τούτο", "καινής", "τό" стоят ровно над гласными. Грависы сдвинуты вправо: "έστι", "τό". В следующем слове циркумфлекс длинный и попадает на оба элемента дифтонга: "αίμα". Ударения чуть сдвинуты вправо и попадают на согласный в том числе, так как гласный написан в лигатуре: "τής", "διαθήκης". Во второй строке придыхание над гласной, а гравис довольно длинный, сдвинут чуть вправо и попадает между гласной и согласной "ύτε ρ". Придыхание ровно над гласной, а циркумфлекс чуть сдвинут влево и попадает на первое полукружие омеги: "ύμῶν". Гравис и циркумфлекс стоят ровно над гласными в словах: "καί", "πολλῶν", "αμαρτιῶν". Акут сдвинут чуть вправо и оказывается между гласной и согласной: "έκχυνο'μεν". Придыхание сдвинуто влево и попадает на первую часть дифтонга "έις" и акут с придыханием сдвинуты немного вправо и попадают между гласной и следующей гласной, поскольку первый гласный надписан над второй буквой слова: "α'φ'εσιν".

Молитва Императрицы-монахини Ирины Дуки перед смертью [Guillou, 1996, пг. 90], начертанная на кресте, происходит из Константинополя, хранится в санктуарии Сан-Марко (инв. № 58), датируется 1133–1138 гг. и написана двенадцатисложником. Акут [Guillou, 1996, пг. 90b] смещен влево и попадает между гласной и согласной "προσφ'ερω", "ξ'υλον", "παρ'εθου" гравис смещен влево и попадает на первый элемент дифтонга "θ'ειον", "ζ'ωης", "κ'αι". Акут смещен вправо и попадает на согласный: "προσεγγί'σας", "τεκο'ντι".

Вместо придыхания гравис: "ἀνάθημα", вместо циркумфлекса точка над буквой "ταῖς" и "ἀδοῦ". Остальные знаки акцентуации в рамках византийской системы акцентуации. Циркумфлекс с придыханием [Guillou, 1996, nr. 90c-d] (Рис. 5) смещены влево и попадают на первый элемент дифтонга: "ὄις", гравис также смещен влево и попадает на первый элемент дифтонга: "κᾶ". Акут смещен влево и попадает между согласной и гласной: "δ᾽οσιν" и двумя гласными: "πο᾽ηω", гравис также смещен влево и оказывается между гласной и согласной: "βασιλ᾽ις". Акут смещен вправо и попадает между гласной и согласной: "κατεκρίθη". Циркумфлекс сдвинут влево и попадает на первый элемент дифтонга: "επ᾽εῖσας", придыхание сдвинуто влево и попадает на первый элемент дифтонга, над вторым циркумфлексом на безударном слоге на третьем от конца при акуте над следующей гласной: "εἰρήνη", в заударной позиции также циркумфлекс "δ᾽ιδῶμι", а акут на ударном слоге сдвинут влево и попадает между гласной и согласной. Также ведет себя и придыхание при сдвиге влево: "κ᾽αγῶ". Гравис сдвинут вправо и попадает на согласный ню: "πρ᾽ι". Циркумфлекс вместо акута "ρακενδῶτ", "πορφῶρας". Циркумфлекс маркирует оба безударных слога, при этом в заударном смещен влево и попадает на первый элемент дифтонга: "βῦσσιν᾽οις", ударный слог не имеет знака акцентуации, т.е. перед нами классическая александрийская система. Акут над безударным слогом чуть смещен вправо и попадает между гласной и согласной: "στε᾽ρῶυσα". Некоторые из смещений ударений оказываются в рамках александрийской системы, другие поставлены согласно стихотворному размеру. Акуты [Guillou, 1996, nr. 90e] смещены влево и попадают между гласной и согласной: "κρ᾽ινοῦσα", "δ᾽εδοκτος", "μακαρ᾽ιοις", "σεσωσμένοις". Придыхание смещено влево и оказывается перед гласной "ἔχουσα". Гравис и придыхание смещены вправо и попадают между гласной и согласной: "τη᾽ν", "ε᾽[ν]". Акут до и после гласной: "σὺδ᾽αντιδ᾽ο᾽ιης", несколько ударений в слове, придыхание над ро и акут над йотой смещены влево: "Πορφῶ᾽ρ᾽ιδ[α]".

Воззвание к 4 мученикам в Трабзоне, происходит из Трабзона, сейчас хранится в Сан-Марко в Венеции (инв. № 133), XI–XII вв. Акут [Guillou, 1996, nr. 91b] сдвинут влево и попадает между гласной и согласной "ἦθλ᾽ησατε", придыхание сдвинуто влево и попадает на первый элемент дифтонга "ἄυτος". Остальные знаки стоят в рамках византийской системы акцентуации. Акут сдвинут вправо и попадает между двумя гласными "Εω᾽ας", тремы над обеими йотами под ударением и без: "δ᾽ιδῶσι" [Guillou 1996, nr. 91c]. Придыхание [Guillou 1996, nr. 91d] смещено влево и попадает на первый элемент дифтонга: "ἐυγενιον". Акут

смещён вправо и попадает между гласной и согласной: "πρω'ταθλον", "δ'ἀκου'λαν". Придыхание чуть смещено вправо: "ἐμῆς", акут над йотой сопровождается тремой: "μεσίτας", "σρίας".

Воззвание к кресту происходит из Константинополя, хранится в Сан-Марко в Венеции (инв. № 4), XII в. [Guillou, 1996, nr. 92]. Гравис на последней гласной в сокращении в рамках византийской системы: "στρῆ", как и гравис над омикроном: "καθò". Два циркумфлекса в слове, один смещен влево, второй вправо и попадает между гласным и согласным: "ζωῆς". Циркумфлекс смещён чуть влево и оказывается между элементами дифтонга "θεῖον", гравис смещен влево и попадает на первый элемент дифтонга: "κὰ", акут чуть смещен вправо "ξύλον".

Как мы видим, во всей подборке много примеров как александрийской системы акцентуации, со сдвигом ударения или придыхания влево и попаданием акцентных знаков на первый элемент дифтонга, так и различных вариаций сочетаний систем со сдвигом вправо и влево, представленных в сфрагистических памятниках. Часть из примеров носит стихотворный характер и эти сдвиги обусловлены размером. В ряде случаев наблюдается ошибочный выбор знака или их путаница по палеографическим причинам, когда знак по начертанию похож на точку. Также представлена и византийская система акцентуации, но она, скорее, носит добавочный характер и реализована как сопутствующая.

Библиография

- ЕВДОКИМОВА А. А. Палеография акцентуированных греческих надписей: разные системы акцентуации // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Материалы XXI международной научной конференции (Москва, 29–31 января 2009 г.). – М., 2009а. С. 155–159.
- ЕВДОКИМОВА А. А. Византийские системы акцентуации на материале акцентуированных надписей // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Международный Византийский семинар (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 25–31 мая 2009 г.). Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2009б. С. 24–26.
- ЕВДОКИМОВА А. А. Акцентуированные греческие надписи в Грузии: византийская или александрийская системы акцентуации или влияние понтийского диалекта? // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. – М., 2009в. С. 39–43.
- ЕВДОКИМОВА А. А. Гравис и его функции в греческих оксиринских папирусах в сопоставлении с византийскими надписями // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». II Международный Византийский семинар (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 31 мая – 4 июня 2010 г.). Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2010. С. 10–11.

ЕВДОКИМОВА А. А. Переход с александрийской на византийскую систему акцентуации с лингвистической точки зрения // V международная конференция по эллинистике памяти И. И. Ковалёвой. Тезисы и материалы конференции. – М., 2019а. С. 39–45.

ЕВДОКИМОВА А. А. Диалог византийской и александрийской систем акцентуации в греческих граффити из разных балканских памятников // Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах. – М.: 2019б. С. 31–38.

ЕВДОКИМОВА А. А. Системы акцентуации в легендах византийских моливдовулов XI–XII вв. из коллекции Dumbarton Oaks // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 111–126.

ЕВДОКИМОВА А. А. Системы акцентуации в византийских надписях на фресках богородичных церквей Троодоса (Кипр) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 3 июня 2022 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022а. С. 83–92.

ЕВДОКИМОВА А. А. Синонимия акцентных знаков или знак переноса (ἐνωτικόν) в византийских надписях // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – СПб.: ИЛингИ РАН, 2022. Т. 26, № 1. С. 387–401.

ЕВДОКИМОВА А. А. Системы акцентуации византийских моливдовулов XIII–XV веков из коллекции Dumbarton Oaks (<https://www.doaks.org/resources/seals>) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2022б. Т. 27, № 6. С. 65–73.

GUILLOU A. Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie. – Paris; Rome, 1996. – 216 p., ill.

MANGO C., SCHEVCHENKO I. Some recently acquired Byzantine inscriptions // DOP. – 1978. Vol. 32. P. 1–27.

Рис. 1. Икона «Легенда об Абгаре».
Подарок Иоанна V Палеолога. Генуя
[по: Guillou, 1996, № 22a].

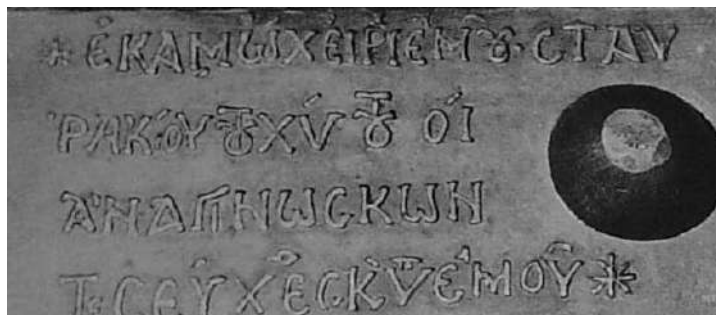

Рис. 2. Фрагмент бронзовой двери собора Св. Павла в Риме, 1070 г.
[по: Guillou, 1996, № 54].

Рис. 3. Реликварий X–XI вв. Санктуарий Сан-Марко. Венеция
[по: Guillou, 1996, № 78с].

Рис. 4. Реликварий руки св. Марины. Начало XI в.
[по: Guillou, 1996, № 79e].

Рис. 5. Фрагмент молитвы императрицы-монахини Ирины Дуки на кресте из Константинополя. Санктуарий Сан-Марко (инв. № 58). 1133–1138 гг. [по: Guillou, 1996, № 90d].

Э. Д. ЗИЛИВИНСКАЯ

Институт этнологии и антропологии РАН
(Москва)

ВИЗАНТИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: КРЫМСКАЯ СПОЛИЯ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Для средневековой культовой архитектуры характерно использование *сполий*, то есть элементов декора, из других, более ранних сооружений. Так, при возведении христианских церквей в них часто устанавливались колонны, взятые из разрушенных языческих храмов. Например, для строительства собора Святой Софии в Константинополе были доставлены восемь порфировых колонн из храма Солнца в Риме и восемь колонн зелёного мрамора из Эфеса [Успенский, 1996, с. 331].

Сполии использовались и в мусульманской архитектуре. Ярким примером этого является Большая Кордовская мечеть или Месquita. Двойные арки, на которое опирается перекрытие этого грандиозного комплекса, поддерживают около 1000 колонн из яшмы, оникса, мрамора и гранита. Они были заимствованы из разрушенных построек вестготов и античных храмов [Stierlin, 1996, p. 89].

Известно применение сполий в Крыму. Самым ярким примером является мечеть Узбека в Старом Крыму (Солхате). Она получила своё название, так как на портале здания имеется арабская надпись, в которой говорится, что мечеть построена по повелению Узбека в 1314 г. [Акчокраклы, 1927, с. 14]. Однако, археологические исследования показали, что временем Узбека датируется только портал. Здание мечети было построено на рубеже XV–XVI вв., а портал, а также, вероятно, михраб и колонны были принесены из другой, более ранней мечети [Крамаровский, 2005, с. 113, 114]. Выполненный в сельджукских традициях михраб мечети в Шейх-Кой, также, вероятнее всего, является сполией [Кирилко, 2016], так как встроен он был в здание мечети типично османской архитектуры.

Весьма интересный случай применения споллий в строительстве золотоордынского периода зафиксирован в Нижнем Поволжье. В Волгоградской области, на Водянском городище, которое соотносится с провинциальным золотоордынским городом Бельджаменом [Егоров, 1985, с. 109], была раскопана пятничная мечеть [Егоров, Федоров-Давыдов, 1976]. Она была построена во второй половине XIV в. и просуществовала вплоть до разгрома Золотой Орды Тимуром. Мечеть представляла собой прямоугольное здание размерами 26×35 м, вытянутое в меридиональном направлении и ориентированное михрабом на юго-юго-восток. Стены постройки были сложены из рваного камня на глиняном растворе и оштукатурены внутри и снаружи белым известковым раствором. Вход в мечеть находился с северной стороны и был смещён к востоку относительно центральной оси. Снаружи вход обрамлял портал, пилоны которого были сложены из больших тёсаных плит. Южная стена по центру снаружи имела прямоугольный выступ, в толще которого сделана михрабная ниша. У северо-восточного угла мечети располагался минарет, от которого сохранилось основание прямоугольного в плане цоколя.

Внутри пространство мечети было разделено пятью рядами колонн на шесть нефов. При раскопках найдены 24 базы колонн из серого гранита призматической формы со скошенными в верхней части углами для перехода к восьмиграннику. На поверхности баз имелась насечка для установки деревянных колонн. Глинобитный пол мечети, скорее всего, был выстлан досками. По центру южной стены сделана михрабная ниша полукруглой формы. Стенки её были оштукатурены белым алебастровым раствором. С правой и левой сторон михрабную нишу обрамляли два кирпичных уступа, украшенных профилированными пилонами из белого ганча. Также михраб был декорирован прямоугольной доской со штампованной надписью на арабском языке. Белая выпуклая надпись была сделана на синем фоне, обрамлённом красным бордюром. Она гласила: «Царство единому Богу, всемогущему» [Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 125]. Перед михрабом находилась прямоугольная (8,14×8,40 м) площадка, ограниченная стенками из обломков кирпичей высотой в три слоя. В толще всех трёх стенок находились грубо обтесанные в форме квадратов плоские камни, которые служили базами для деревянных колонн, поддерживавших крышу. В центре площадки была вкопана часть круглой мраморной колонны с канелюрами, которая возвышалась на 45 см над уровнем пола и служила подставкой (*рехаль*) для *ляуха* с кораном. Колонна была поставлена расширяющимся концом вверх, а в качестве упора под неё на дно ямы, в которую был вкопан её нижний конец, положена мраморная капитель. Авторы раскопок

определяют капитель, как ранневизантийскую, и предполагают, что капитель и колонна были принесены из какого-то древнегреческого города [Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 128].

На этом исследовании данных архитектурных остатков было закончено, капитель передали в Волгоградский музей, её периодически экспонируют на различных выставках и упоминают как некий курьёз. Рассматривая цивилизационные аспекты государства Золотая Орда, М. Г. Крамаровский указывает на отсутствие в ней связи с цивилизацией в её европоцентристском восприятии, в основе которого лежат античные ценности. «Что уж говорить о Джучидах, пришедших с демонической стремительностью в европейскую зону степей, нарушив сонную тишь половецких веж, нарастивших в короткий срок многие десятки неведомых степи городов, чьи обитатели, увы, так и не прониклись эллинским мифом об Ифигении в Тавриде. А если и перевезли из Крыма на Волгу капитель, оценив все-таки эллинскую красоту, то использовали её как подставку под коран в одной из мечетей» – восклицает исследователь [Крамаровский, 2005, с. 24].

Однако, было бы интересно попытаться узнать больше о происхождении этих колонны и капители. Для этого можно сравнить их с архитектурными деталями Херсонеса, которые хорошо изучены. Колонна и капитель с Водянского городища сделаны из серого мрамора. Анализируя декоративные мраморы Херсонеса, А. Л. Якобсон, пишет, что «все они выполнены из одного материала – сероватого с голубыми прожилками мрамора, будучи при этом абсолютно тождественны не только по материалу, но и по стилю с декоративными мраморами византийских городов, причем не только на европейском континенте (в Константинополе, Равенне, Паренцо и других менее крупных городах), но и в Малой Азии и Африке» [Якобсон, 1959, с. 132]. Материал добывался в каменоломнях на о. Проконесс в Пропонтиде (о. Мрамора в Мраморном море) и здесь же и обрабатывался. Различные колонны, капители, преграды и прочие архитектурные детали, начиная с IV в. производились здесь и распространялись по всему Средиземноморскому бассейну. Мраморные изделия Херсонеса почти исключительно проконесского происхождения, о чём писали ещё Н. П. Кондаков и А. Л. Бертье-Делагард [Якобсон, 1959, с. 132]. Судя по материалу, колонна с Водянского городища, также могла быть сделана в тех же мастерских.

Колонны Херсонеса А. Л. Якобсон разделяет на две группы:

- 1) диаметром 45–50 см и высотой 2,3–2,95 м;
- 2) диаметром 32–35 см и высотой 1,95–2,65 м.

Колонны первой группы использовались в центральном нефе базилик, второй группы – в боковых нефах, в колоннадах верхних галерей и других второстепенных частях базилик [Яacobсон, 1959, с. 146]. Колонна из мечети Водянского городища имела длину 119 см и диаметр 35 см [Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 128]. То есть, её можно отнести ко второй группе.

Наибольший интерес представляет капитель колонны. Её размеры 57×57×30,5 см. Нижняя часть утрачена, однако в целом определить декор возможно. В основе его лежит образец коринфской капители, украшенной листьями аканфа. Наш памятник опоясывают четыре листа мягкого аканфа, расположенные по углам абака, переходя на смежные стороны капители. Грань абака украшена выпуклой полосой, над которой в ряд расположены небольшие листочки. Шишки абака частично отбиты, одна сохранившаяся украшена растительным орнаментом. Небольшие завитки под абаком по углам соединены тонкой рельефной полосой, образующей закругление, обращённое вниз. Такая капитель в литературе называется «лирной», так как закруглённая фигура напоминает по форме лиру [Kautzsch, 1936, p. 59, 60]. У «лирных» капителей обычно два яруса: в нижнем расположены пять листьев аканфа, в верхнем – четыре. Мы имеем только верхнюю часть, в которой расположены четыре широких листа аканфа. Крупные листья под углами абака не отогнуты. По середине верхних листьев идёт широкая выступающая полоса; поверхность листьев разделена на шесть долей (с каждой стороны по три), состоящих из трёх побегов. Листья аканфа трактуются довольно пластично. Доли листьев образуют овальные вырезы. Так как нижняя часть капители отсутствует, мы можем лишь предполагать, как она должна была выглядеть. Если мы имеем дело с классической «лирной» капителью, то можно предполагать, что её нижняя часть была опоясана пятью аканфовыми листьями с выступающими из плоскости капители и свешивающимися вниз концами. Как утверждает Р. Кауч, «лирные» капители были распространены по всему Средиземноморью со второй половины V в. и до 30-х гг. VI в. [Kautzsch, 1936, p. 60]. Такие капители известны и в Херсонесе. Причём по сведениям Л. Г. Хрушковой, они занимают значительное место в коллекции. Всего их известно 17 экземпляров. Примечательно, что одна капитель установлена на колонну фасада музея. Ещё одна херсонесская капитель этого типа хранится в коллекции ГИМа [Хрушкова, 2019, с. 306, 307].

В то же время возможен и другой вариант: нижнего яруса у капители Водянского городища не было совсем. Такой «однорусный» тип капителей также известен. А. Л. Яacobсон пишет о том, что в мастерских

Проконесса был выработан специальный тип капителей, стилистически примыкающих к коринфско-византийским капителям с листвой мягкого аканфа, но в сильно упрощённом, схематизированном виде. Корпус капители окружают лишь четыре листа, нижний ярус листвы отсутствует. Поэтому такие капители в два раза ниже больших коринфских, а диаметр их составляет 28–38 см. При этом сама резьба на этих архитектурных деталях утрачивает рельефность; зачастую круглые и ромбовидные впадинки лишь намекают на завитки и контуры листьев. Такая грубость обработки, по мнению исследователя, объясняется не поздним происхождением капителей, а специфическим применением: они венчали второстепенные по своему конструктивному значению устои, например, колоннаду кивория. Датируются такие капители, скорее всего, VI в. [Якобсон, 1959, с. 138]. Однако абак нашей капители имеет сторону 57 см, высота при наличии нижнего яруса должна составлять не менее 60 см. Четырёхлистные одноярусные капители, предназначенные для колонн кивория или алтарной преграды, обычно имеют меньшие размеры.

Таким образом, колонна с капителью, найденная на Водянском городище в здании мечети XIV в., действительно, скорее всего, привезена из Крыма. Она сделана в мастерских Проконесса из местного серого мрамора. Капитель колонны относится к типу коринфско-византийских «лирных» капителей с листвой мягкого аканфа. Небольшой диаметр колонны и некоторая грубость декоративного оформления свидетельствуют о том, что колонна поддерживала перекрытие второстепенной части базилики. Сходство с подобными капителями Херсонеса позволяет отнести её к V–VI вв. После этого времени господствующей формой христианского храма становится крестово-купольный с массивными устоями и колонны с капителями становятся не нужны. В связи с этим довольно странным кажется описание поволжской капители в каталоге выставки (и, вероятно, в каталоге Волгоградского музея), где говорится, что она относится к типу византийских капителей X–XI вв. [Золотая Орда, 2005, с. 207].

Мраморные архитектурные детали античного и ранневизантийского времени в средние века активно использовались как споллии и просто как строительный материал. Причём ареал их распространения выходил далеко за пределы Крыма. Например, в Саркеле были найдены мраморные колонны и капители византийско-коринфского и византийско-ионического типов, как целые, так и в обломках. По мнению М. И. Артамонова, они были привезены в Саркел из Херсонеса Петроной, который собирался построить в крепости христианский храм [Артамонов,

1958, с. 22, 23]. В Золотой Орде строились христианские храмы [Зиливинская, 2014, с. 70–96], однако мраморную колонну привезли из Крыма явно не с целью украсить ей церковь. Две подобные колонны могли быть установлены перед михрабом. В мечетях довольно часто близкие к михрабу колонны были выполнены более пышно, нежели все остальные. Например, в мечети Селитренного городища они, скорее всего, были каменными, в то время как все остальные представляли собой обычные деревянные столбы [Зиливинская, 2014, с. 25, 26]. Но так как на Водянском городище колонна была всего одна и с неполным стволом, из неё сделали подставку под коран. А поскольку капитель была разбита и не могла служить декором, её положили в виде упора. Сходным образом использовали колонну с ионической капителью и широким импостом в Херсонесе: в базилике № 15 она была поставлена в алтаре как престол.

Вообще, отдельные мраморные изделия и их фрагменты встречаются на многих золотоордынских городищах и везде они, вне всякого сомнения, привозные. Из Крыма в Золотую Орду привозили самые разнообразные архитектурные детали и блоки мрамора. Среди таких «трофеев» встречаются весьма интересные. В частности, А. П. Смирнов обратил внимание на то, что одна половина херсонесского декрета II в., в честь судовладельца Кая Евтихиана из города Синопы, была найдена в Херсонесе в 1893 г., а другая – на золотоордынском Царевском городище в 1822 г. [Латышев, 1909, с. 218, 219; Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 128].

Библиография

- АКЧОКРАКЛЫ О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XV вв. – Симферополь: 1-я гостиполит. «НПТ», 1927. – 15 с.
- АРТАМОНОВ М. И. Саркел-Белая Вежа // МИА. – М.; Л., 1958. № 62. С. 7-84.
- ЕГОРОВ В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 246 с.
- ЕГОРОВ В. Л., ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г. А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. – М.: Наука, 1976. – С. 108–167.
- ЗИЛИВИНСКАЯ Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культурное зодчество. – Москва; Казань: Отечество, 2014. – 448 с.
- Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. – СПб.: Славия, 2005. С. 193–263.
- КИРИЛКО В. П. Михраб мечети в Шейх-Кой // ПА. – 2016. № 2(16). С. 138–150.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. – СПб.: Славия, 2005. С. 13–172.
- ЛАТЫШЕВ В. В. Pontika. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1909. – 430 с.
- УСПЕНСКИЙ Ф. И. История Византийской империи VI–IX вв. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.

ХРУШКОВА Л. Г. Ранневизантийские капители из Херсонеса Таврического // МАИАСП. – М.; Тюмень; Нижний Новгород, 2019. Вып. 11. С. 1–167.

ЯКОБСОН А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. – М.; Л., 1959. № 63. – 364 с.

KAUTZSCH R. Kapitelstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten vom vierten bis siebenten Jahrhundert // Studien zur spätantiken Kunstgeschichte. – Berlin; Leipzig, 1936. Bd. 9. – 267 S.

STIERLIN H. Islam. Early Architecture from Baghdad to Cordoba. Vol. 1. – Köln: Taschen, 1996. – 240 p.

Рис. 1. Подставка под коран перед михрабом мечети
Водянского городища.

Рис. 2. Капитель колонны из мечети Водянского городища.

А. В. ЗЫКОВА

Волгоградский государственный университет
(Волгоград)

**ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ.
ИНСТРУМЕНТАРИЙ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ТРИУМВИРАТА
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1341–1347 ГГ.**

Поздневизантийский период был временем нестабильности и постоянных военных конфликтов. Периодические гражданские войны XIV в. в значительной мере подорвали социально-экономическое и военно-политическое состояние империи в целом. Наиболее катастрофической как для внутри-, так и для внешнеполитического положения Византии была гражданская война 1341–1347 гг. Несмотря на свою масштабность, этот конфликт не отличался большим количеством боестолкновений, а невоенные меры зачастую превалировали над военными. Первыми к таким мерам стали прибегать представители константинопольского триумvirата, которые посредством их применения хотели ослабить положение и авторитет Иоанна Кантакузина в обществе. Последний также использовал такие меры, однако здесь мы сосредоточимся только на изучении действий триумvirата. В рамках данного исследования мы рассмотрим виды невоенных мер, применяемых Константинополем в ходе внутреннего конфликта 40-х XIV в., а также определим их значимость для его хода и окончания.

Несмотря на то, что положение константинопольского триумvirата (императрица Анна Савойская, патриарх Иоанн XIV Калека и великий дука Алексей Апокавк) в начале гражданской войны было более выигрышным, чем положение Иоанна Кантакузина, тем не менее, его представители изыскивали дополнительные способы борьбы против своего противника. Они начали прибегать к ним незадолго до начала вступления конфликта в открытую фазу (26 октября 1341 г.), когда в столице бушевали политические интриги и шло формирование противоборствующих сторон, и не переставали их использовать вплоть до

входа Кантакузина в Константинополь (3 февраля 1347 г.). Ни один из участников триумvirата не оставался в стороне. Наиболее активным являлся, несомненно, Алексей Апокавк, действия которого позволили на первых двух этапах войны (до лета 1343 г.) обеспечивать превосходство правящей группировки над кантакузинистами и привлекать на сторону регентского совета различные категории византийского населения и потенциальных союзников. Анна Савойская и Иоанн Калека также использовали те инструменты, что имелись в их распоряжении.

Стоит отметить, что мы понимаем под понятием «невоенные меры» – это совокупность конкретных действий во внутренней и внешней политике, которые осуществляются государством (в отношении внешних конфликтов) или противоборствующими сторонами внутри государства (в отношении внутренних конфликтов) в тех случаях, когда необходимо дополнить или усилить деятельность, относящуюся к военной политике. Невоенные меры предназначены для привлечения на свою сторону дополнительных сил (союзников, наёмников), уменьшения возможностей противника (лишение его доступа к ресурсам (экономическим или военным), изоляция, создание негативного образа политического противника и иные способы устранения угроз (договоры, соглашения и т. д.).

В источниках представлено значительное количество невоенных мер, применяемых триумvirатом против Иоанна Кантакузина, которые можно типологизировать следующим образом:

1) *психологические меры* – нацелены на подрыв психологического и эмоционального состояния противника. Наиболее ярким примером здесь могут выступать события октября 1341 г., когда Алексей Апокавк заключил в тюрьму членов семьи Кантакузина – его мать Феодору, младшего сына Андроника и Ирину Палеологину, жену его старшего сына Матфея [Gregoras, 1830, p. 609¹⁰; Cantacuzenus, 1831, p. 136¹⁸⁻²⁰; Nicol, 1968, p. 32, 129]. В результате подобных действий Феодора скончалась в заточении 6 января 1342 г., что Кантакузин в своём сочинении интерпретирует как унижение (буквально: подвергся «и прочему дурному обращению» (καὶ ἄλλη κακώσει) [Cantacuzenus, 1831, p. 327⁵⁻⁶] и «совершали в отношении него многие чудовищные дерзости» (καὶ πολλῶν ἀτόπων ἄλλων ἐφ' ὕβρει ἐκεῖνου εἰργασμένων) [Cantacuzenus, 1831, p. 327⁶⁻⁷]). К тому же на всём протяжении гражданской войны многие родственники, друзья и сторонники Кантакузина также подвергались жестокому обращению – их бросали в тюрьмы и пытали [Gregoras, 1830, p. 607⁴⁻⁶; Cantacuzenus, 1831, p. 325¹⁻⁴; Vries-van der Velden, 1989, p. 67, 72]. Алексей Апокавк, разослав царские грамоты во все города, назвал Кантакузина врагом (πολέμιον [Cantacuzenus, 1831, p. 144²; Vries-van der Velden, 1989, p. 67]), тем самым оказывая давление

на его предполагаемых сторонников. Как следствие, многие представители аристократии отказывались поддерживать Кантакузина (особенно в первые годы конфликта) по причине того, что они опасались прямого столкновения с Константинополем, не хотели подвергнуться аресту и разграблению своего имущества [Cantacuzenus, 1831, p. 241¹⁹⁻²²; Weiss, 1969, p. 34].

2) *социально-экономические меры* – включают в себя лишение противника доступа к ресурсам (деньгам, продовольствию), нанесение ему экономического ущерба, агитирование *ἄλλοις* выступать против знати и разорять их имущество. Сторонниками Иоанна Кантакузина являлись в основном представители аристократии, обладавшие значительным состоянием. Алексей Апокавк, понимая настроения населения и его отношение к знати, подстрекал низшие слои грабить дома и имущество друзей и родственников Кантакузина [Gregoras, 1830, p. 608²³⁻²⁴; Cantacuzenus, 1831, p. 137¹⁰⁻¹¹, 165¹²⁻¹³; Guiland, 1921, p. 535]. Многие земельные владения кантакузинистов были конфискованы представителями триумvirата не только в столице, но и в других крупных городах империи, а затем распределены между жителями [Gregoras, 1830, p. 610¹⁻²]. Подобные действия коснулись и имущества самого Иоанна Кантакузина и его матери Феодоры. Из источников мы знаем, что семья Кантакузинов обладала большим состоянием до 1340-х гг. Впрочем, в результате целенаправленного грабежа его владений со стороны сторонников константинопольского триумvirата, большую часть имущества, вероятно, он и его семья утратили [Gregoras, 1830, p. 609¹⁰⁻¹¹; Cantacuzenus, 1831, p. 184²²⁻²³–185¹⁻¹¹]. Следует предположить, что его собственность была разграблена в значительной степени и в других областях империи. Все эти действия со стороны столицы подорвали финансовое состояние Кантакузина, что вынудило последнего бежать в Сербию и изыскивать новые способы оплаты услуг потенциальных союзников.

3) *политико-дипломатические меры* – направлены на поиск новых союзников и одновременно лишение противника уже имеющихся в его распоряжении союзных сил, ослабление его военной мощи. Это самая многочисленная и разнообразная группа, в которой следует выделить: меры по поиску союзников внутри византийского общества и меры, направленные на привлечение потенциальных союзников со стороны иностранных государств. На первом этапе гражданской войны представители константинопольского триумvirата прибегали только к первой группе мер, поскольку им необходимо было заручиться поддержкой среди византийского населения, прежде всего от представителей аристократии, обеспечить их лояльность и укрепить их

связь с Константинополем. Для этого они обещали всем, кто присоединится к ним, различные привилегии – новые источники доходов, титулы, которые приблизили бы их к императорской фамилии [Gregoras, 1830, p. 610⁵⁻⁶] (таким образом, к примеру, получили новые назначения Иоанн Гавала, Георгий Хумн или Ги де Лузиньян [Cantacuzenus, 1831, p. 139¹⁻⁵, 218¹⁰, 191²⁴–192¹⁻⁴; Gregoras, 1830, p. 696²⁰⁻²²; PLP №№ 93286, 30945, 92566]). Подобную политику триумвират в лице патриарха Иоанна Калеки распространял и на представителей церкви. Он, к примеру, назначал на высшие церковные посты в крупные города империи, помимо своих сторонников, также и тех, кто изначально поддерживал Кантакузина. В результате этих мер последние переходили на сторону столицы (к примеру, после предательства Кантакузина митрополит Макарий [PLP № 92599; Βίος Σάβα, 1985, σ. 293, στήμ. 512] был поставлен во главе Фессалоник [Cantacuzenus, 1831, p. 212¹⁸⁻²⁰]). Для привлечения на свою сторону представителей военной аристократии, в том числе и родственников Иоанна Кантакузина, применялись и другие инструменты. К примеру, его тесть Андроник Асан [PLP № 1489] решил не оказывать поддержку своему зятю по причине того, что он отказался освободить из тюрьмы его сыновей, в то время как Алексей Апокавк согласился выполнить эту просьбу, в результате чего приобрёл достаточно сильного сторонника [Cantacuzenus, 1831, p. 112–116; Weiss, 1969, p. 33]. Триумвират также стремился заручиться поддержкой иностранных государств или же предпринимал попытки лишить Кантакузина его союзников. Для этого представители регентского совета изыскивали различные меры дипломатического воздействия для достижения своих собственных целей: отправляли предложения о заключении династических браков (такой союз был заключён в 1343 г. между сестрой Иоанна V Палеолога и сыном сербского короля и будущим наследником престола Стефаном Урошом V [Gregoras, 1830, p. 642¹⁻¹⁰; Чиркович, 1996, С. 153]) или церковной унии с латинянами (Константинополь вёл переговоры с папой Клементом VI о таком союзе в 1343 г. [Cantacuzenus, 1831, p. 540¹⁻⁷; Clément VI, 1925, p. 206, 207, nr. 466, p. 228, nr. 490; Regesten, 1965, S. 9, N 2890]); применяли инструменты финансового поощрения, чтобы иностранные наёмники выступили на стороне Константинополя (Анна Савойская преподносила щедрые подарки Орхану, правителю османов, за союз против Кантакузина [Cantacuzenus, 1831, p. 498¹¹⁻¹⁵]) или же перестали оказывать поддержку Кантакузину и покинули его войско (василисса выплатила Умуру, правителю бейлика Айдын, 10 000 золотых, чтобы он вернулся в Смирну [Gregoras, 1830, p. 694⁹⁻¹¹; Жуков, 1988, С. 39, 40]); жаловали иностранным наёмникам титулы и привилегии (Момчил получил от Анны

Савойской титул деспота [Gregoras, 1830, p. 704²⁰⁻²¹]; и даже обменивали собственные стратегически и экономически значимые территории в Македонии и Родопских горах на потенциальную помощь со стороны соседних государств [Gregoras, 1830, p. 642¹⁰⁻¹⁵; Cantacuzenus, 1831, p. 306³⁻⁶, 406¹⁸⁻²²].

4) *идеологические меры* – направлены на лишение поддержки противника со стороны церкви, которая играла важную роль во внутривизантийских конфликтах, или обретение новых союзников, главным образом в лице представителей духовенства. Патриарх Иоанн Калека не только отлучил Иоанна Кантакузина от церкви после того, как тот объявил себя императором в Дидимотихоне, но и предавал анафеме тех, кто поддержал последнего [Gregoras, 1830, p. 614¹⁻⁵]. Лишив Кантакузина поддержки церкви, он, таким образом, поставил под сомнение законность его власти, фактически сделав узурпатором. Поскольку Кантакузин являлся приверженцем учения Григория Паламы, а тот, не раз открыто выражая своё недовольство действиями патриарха, фактически поддержал великого доместика [Philothei, 1865, Col. 602; Мейендорф, 1997, с. 83], многие сторонники и того, и другого были подвергнуты отлучению, сняты со своих постов, заключены в монастыри или тюрьмы, включая самого Паламу. Некоторые из них ради сохранения своего положения перешли на сторону константинопольского триумвирата. Так или иначе, когда в конце гражданской войны положение регентского совета, прежде всего, Анны Савойской, оказалось под угрозой, она попыталась приблизить к себе последователей Паламы [Gregoras, 1830, p. 767²³–768¹⁻⁴], тем самым стремясь найти опору в их кругах.

В заключение отметим, что невоенные меры сыграли совсем не последнюю роль в гражданской войне 1341–1347 гг. Константинопольский триумвират постоянно использовал их на протяжении всего конфликта. Не имея ресурсов для открытого военного удара по противнику, он прибегал к широкому спектру различных невоенных мер, стремясь ослабить Кантакузина любыми средствами. Если политико-дипломатические меры были направлены на то, чтобы лишить его возможности оказывать вооружённое сопротивление или выступить против Константинополя, то психологические, социально-экономические и идеологические меры имели своей целью пошатнуть положение противника в византийском обществе, лишить его опоры и поддержки со стороны тех или иных категорий населения. Однако не все попытки константинопольского триумвирата увенчались успехом. Зачастую вновь приобретённые союзники из числа иностранных государств в последний момент отказывались выполнять свои обязательства перед

столицей империи, а представители аристократии в завершающей стадии конфликта, предчувствуя скорый крах регентского совета, стали переходить на сторону Иоанна Кантакузина, что не позволило триумvirату достичь поставленной цели – победы в гражданской войне. Тем не менее, невоенные меры сделали конфликт затяжным, поскольку Кантакузину приходилось постоянно изыскивать новые способы борьбы со своими политическими противниками. Невоенные меры оказывали прямое влияние и на вялотекущий характер междоусобицы.

Библиография

- МЕЙЕНДОРФ И., прот. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. – СПб., 1997. – 479 с.
- ЖУКОВ К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. – М, 1988. – 190 с.
- ЧИРКОВИЧ С. Сербия. Средние века. – М., 1996. – 271 с.
- Clément VI (1342–1352). Lettres closes, patentes et curiales publiées ou analysées d'après les registres du Vatican / Ed. E. Déprez. – Paris, 1925. T. 1, Fasc. 2. – 552 p.
- GUILLAND R. Études de civilization et de littérature byzantines. I. Alexios Apocaucos // Revue du Lyonnais. – Lyon, 1921. Nr. 1 (Série 6). P. 523–541.
- Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV / Ed. L. Schopen. – Bonna, 1831. Vol. II. – 615 p.
- Nicephori Gregorae. Byzantina historia / Ed. L. Schopen. – Bonna, 1830. Vol. II. P. 569–1385.
- NICOL D. M. The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus) ca. 1100–1460. // A Genealogical and Prosopographical Study. – Washington, 1968. – 265 p.
- Philothei Cpolitani patriarchae Encomium Palamae // Gregorii Palamae, Thessalonicensis archiepiscopi, opera omnia. – Paris, 1865. Col. 551–656. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; Vol. 151).
- Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit: CD-ROM Version / Hrsg. E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer [et al.]. – Wien, 2001.
- Regesten der Kaiserurkunden des Östromischen Reiches von 565–1453 / Bearb. von F. Dölger. – München ; Berlin, 1965. T. 5 : Regesten von 1341–1453. – xxxii, 138 S. (Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters end der neueren Zeit. Reihe A; Abt. 1).
- VRIES-VAN DER VELDEN, E. de. L'élite Byzantine Devant L'avance Turque a L'époque de la Guerre Civile de 1341 à 1354. – Amsterdam, 1989. – 296 p.
- WEISS G. Joannes Cantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. – Wiesbaden, 1969. – 174 S.
- Βίος ἁγίου Σάβα τοῦ νέου // Φιλοθέου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Κοκκίνου ἀγιολογικὰ ἔργα. Α΄. Θεσσαλονικεῖς ἄγιοι / ἐκδ. Δ. Γ. Τσάμη. – Θεσσαλονίκη, 1985. Σ. 159–325.

А. В. ИВАНОВ

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАЛАКЛАВСКОГО ГОРОДСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ ТЕРРИТОРИИ
КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО В 1910 Г.**

В начале XX в. заштатный город Севастопольского градоначальства Балаклава динамично развивается в качестве курорта. На его территории ведётся активное строительство и проводится значительный объём работ по, соответствующему времени, благоустройству. Руинированный комплекс фортификационных сооружений генуэзской крепости Чембало рассматривался в числе главных достопримечательностей Балаклавы и гостям города настоятельно рекомендовалось познакомиться с ним поближе. Несмотря на популярность, посещение руин крепости для неподготовленной публики оставалось мероприятием сложным и даже небезопасным, о чём сохранились и письменные свидетельства. Перемещаться по территории памятника можно было только по стихийно сложившейся сети тропинок, расположенных на сложном рельефе. Эти обстоятельства побудили администрацию города к вполне оправданным действиям по созданию благоустроенного прогулочного маршрута, ставшего логическим продолжением городской набережной и позволяющего посетить памятник и оценить выдающиеся морские пейзажи, открывающиеся с видовых площадок горы Кастрон.

Анализ сохранившихся фотоматериалов позволяет отнести работы по обустройству променада на утёс Балаклавской бухты к 1899–1900 гг. (Рис. 1). Самое раннее известное автору упоминание в печати содержится в первом издании «Путеводителя по Крыму» А. Безчинского (1901 г.). «Пешеходная дорожка на скалу начинается в конце Набережной и ведёт по изгибу к открытому морю, на дорожке разставлено несколько скамеек... Выход на скалу, на которой стояла крепость довольно удобен, вначале идет дорога, устроенная городским управлением до южного

выхода скалы в море, а отсюда ведут к развалинам крепости несколько тропинок более или менее крутых» [Безчинский, 1901, с. 180, 184]. В позднейших редакциях путеводителя (1908 г.) автор упоминает о совершенствовании благоустройства променада, его озеленении и устройстве освещения [Безчинский, 1908, с. 186]. Несколько не доходя до поворота над выходом из бухты была устроена площадка, где разместился летний буфет, «павильон с молочным продуктам и прохладительными напитками» [Крым, 1914, с. 455] (Рис. 2). По сообщению газеты «Крымский вестник» от 20 мая 1901 г., на холме генуэзской крепости в Балаклаве состоялась закладка соборного храма Св. Николая. К счастью, проект не получил развития и означенное мероприятие фатальных последствий для памятника не имело.

Применительно к задачам изучения комплекса укреплений генуэзской крепости Чембало трассировка променада рубежа XIX/XX вв. увязывается с реконструкцией топографии северной (северо-западной) оборонительной линии крепости, сохранившейся фрагментарно и к настоящему времени недостаточно исследованной археологически.

Трасса променада начинается на городской набережной у подножия г. Кастрон ниже узла фортификационных сооружений, связанных с башней № 1 (консула Барнабы Грилло, 1463 г.)¹, её первые 150 м представляют собой марши лестницы, устроенные на террасе, вырубленной в скальном грунте, ограниченной со стороны бухты аккуратным ступенчатым парапетом – крепидой, сложенным из бута на известковом растворе. Представляется соблазнительным предположить, что выбор трассы променада на рассматриваемом участке был связан со следами некой древней транспортной коммуникации (дороги или лестницы), имевшей отношение к планировке генуэзской Чембало, однако анализ имеющихся картографических и фотоматериалов это не подтверждает. Очевидно, крепостные коммуникации всё-таки были привязаны к расположенной выше калитке в барбакане при башне № 1.

После достаточно крутого лестничного марша трасса променада устроена по возможности пологой, с плавным подъёмом в сторону выхода из бухты. Правомочен вопрос, насколько её трассировка была привязана к некогда располагавшимся здесь оборонительным сооружениям и использовались ли их строительные остатки при её обустройстве?

¹ Нумерация элементов комплекса Чембало приводится в соответствии с альбомом обмерных чертежей памятника, выполненных севастопольским филиалом проектного института «КымНИИпроект» по заказу Херсонесского музея в 1977 г.

К середине XIX в. проходящая над бухтой линия укреплений средневековой крепости утратила вид целостного фортификационного ансамбля. Автор плана, опубликованного А. С. Уваровым в 1851 г., уже затруднялся изобразить начертание куртины между сохранившимися башнями № 1 и № 15²; ситуацию подтверждают и близкие по времени фотографии. Есть основания полагать, что устройство террасы для променада и строительство крепиды на данном участке происходило без учёта существовавших ранее сооружений и строители руководствовались лишь соображениями удобства трассировки. Однако, это, естественно, не исключает того, что археологические остатки средневековой фортификации могут быть перекрыты или даже разрушены строительной деятельностью нового времени на более или менее протяжённых участках (Рис. 3).

От башни № 15 и практически до конца линии фортификационных сооружений крепости Чембало над западным входным мысом Балаклавской бухты променад проходит вдоль крепостной оборонительной стены, используемой на рассматриваемом участке в качестве крепиды. Очевидно, гребень её сохранившейся части при благоустройстве был выровнен и закреплён раствором (Рис. 4). Сохранность следующего участка оборонительной линии, проходящего по обрыву над морем в южном направлении, настолько фрагментарна, что его начертание не поддается реконструкции без проведения археологических исследований. Даже ранние планы отображают находившиеся в этом месте руины весьма неуверенно, к тому же в 1770 г. здесь была устроена русская береговая батарея³. По субъективным наблюдениям автора, к сожалению, пока не подкреплённым раскопками, подрезка склона для устройства террасы променада на самом мысу Балаклавской бухты была проведена несколько выше средневековой оборонительной линии (Рис. 6, 7).

К рекреационным работам на внутрикрепостной территории власти города вернулись в 1915 г. Очевидным недостатком Балаклавы как курорта справедливо рассматривалось его недостаточное озеленение, на его исправление

² На рисунке фасада северо-западной оборонительной линии Чембало со стороны бухты, сопровождающем весьма ранний план крепости [РГВИА ф. 846 ВУА. оп.16. д. 21669; дата не позже 1775 г.], между башнями № 1 и № 15 изображена протяжённая куртина с изломом ближе к башне № 1 [Иванов, 2021, с. 133, рис. 3]; в то же время, на плане А. С. Уварова и ряде позднейших планов, очевидно составленных под его влиянием, между указанными фортификационными сооружениями изображена изолированная прямоугольная башня с открытой горжей. Вопрос её существования требует археологических изысканий.

³ Батарея фигурирует на ряде карт и планов последней четверти XVIII в., в том числе и упомянутом выше, в настоящее время археологически пока не зафиксирована.

в 1915–1920 гг. планировалось ассигновать сумму в 20 000 руб., в том числе на «разведение парка на утесе где находится остаток генуэзской крепости» [Михели, 1915, с. 104]. Работы сразу приняли весьма масштабный характер, охватив значительную площадь северо-западного склона г. Кастрон. Здесь были заложены четыре протяжённые террасы-пандусы, зигзагообразно поднимавшиеся по склону от основания скального массива, увенчанного консульским замком, до восточного участка оборонительной линии крепости. Ширина террас составляла около 2–3 м, для их устройства велась подрезка склона, доходившая до 1 м, добытый камень употреблялся для сооружения крепид, первоначально сложенных сухой кладкой. Отдельная терраса была устроена от существующего променада к комплексу руин башни № 1 (Рис. 5).

Естественно, никакого археологического контроля за строительными инициативами городских властей Балаклавы не велось, что привело к скандальным последствиям, свидетельством чему стал рапорт члена Императорской археологической комиссии, заведующего раскопками и складом древностей в Херсонесе Л. А. Моисеева председателю ИАК графу А. А. Бобринскому, копия которого сохранилась в архиве музея-заповедника «Херсонес Таврический». В рапорте сообщается, что «в конце октября 1915 г. по распоряжению Балаклавского городского управления были начаты земляные работы на замковой горе. При проведении дороги наверх к генуэзским крепостным стенам, продолжая наверх террасы приморского бульвара, снесена часть культурного слоя более 1 м толщиной, материал – византийская и генуэзская керамика, монеты, водопровод, плитовая могила без инвентаря» [Дела музея, 1916, л. 35]. Были ли со стороны ИАК предприняты по указанному поводу какие-либо официальные действия, автору в настоящее время не известно.

Очевидно, что работы не были завершены, четвёртая терраса обрывается на середине склона, но причина этому, полагаем, банальный недостаток средств, имевшихся в распоряжении балаклавского городского управления. Любопытно, что уже спустя относительно непродолжительное время проведённые строительные работы воспринимались исследователями памятника как следы исторической городской планировки Чембало, в этом качестве они попали и на обмерные чертежи памятника, выполненные в 1977 г.

В настоящее время вопрос благоустройства и доступности посещения территории памятника федерального значения сохраняет актуальность. Представляется весьма полезным учесть существование сохранившихся трассировок земляных работ, проведённых в 1915 г., в процессе современного проектирования, что будет способствовать минимизации возможного ущерба археологическим объектам и культурному слою

памятника. Однако первостепенной задачей видится реконструкция исторического променада с полным восстановлением уникальных видовых раскрытий на акваторию бухты и прилежащие ландшафты.

Библиография

- БЕЗЧИНСКИЙ А. Путеводитель по Крыму. изд. 1. – М., 1901. – 462 с.
БЕЗЧИНСКИЙ А. Путеводитель по Крыму. изд. 6. – М., 1908. – 486 с.
Крым: путеводитель. [В 2-х ч.] / под ред. К. Ю. Бумбера и др. – Симферополь, 1914. – 688 с.
Дела музея за 1916 г.; разная переписка // Научный архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». – Севастополь, 1916. Д. № 145. Л. 30–37.
ИВАНОВ А. В. Об утраченном элементе ансамбля крепости Чембало. Маяк на западном входном мысу Балаклавской бухты // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 127–134.
МИХЕЛИ Г. Я. Состояние города Балаклавы как курорта и ее нужды // Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей, состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством. – Петроград, 1915. Т. 1. Вып. 1. С. 99–106.

Рис. 1. Общий вид крепости Чембало после обустройства променада на утёс Балаклавской бухты (фото до 1908 г.).

Рис. 2. Буфет на балаклавском утёсе. Открытка начала XX в.

Рис. 3. Участок променада на северо-западном склоне г. Кастрон.
Открытка начала XX в.

Рис. 4. Западный участок променада. Открытка начала XX в.

Фото 5. Променада на утёс и террасы 1915 г. на склоне г. Кастрон.
Открытка, 1918 г.

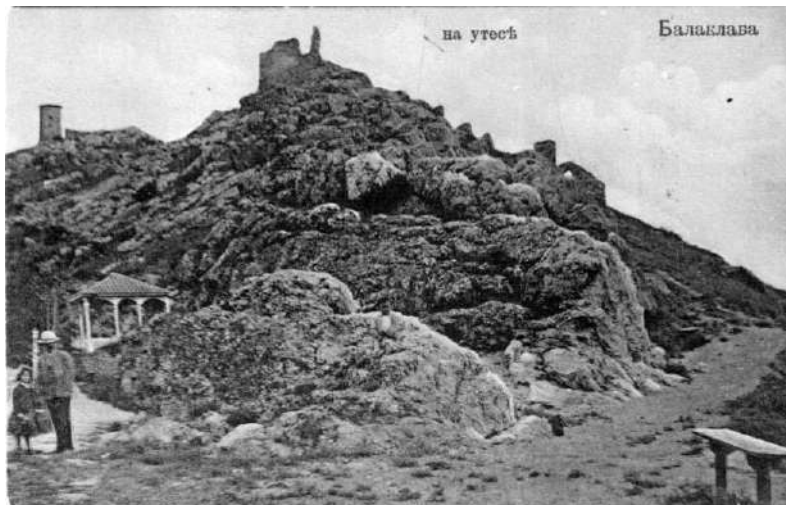

Рис. 6 Участок променада над западным мысом Балаклавской бухты.
Открытие, около 1910 г.

Рис. 7. Южный участок променада над обрывом у входа в бухту.
Открытие начала XX в.

Д. В. ИОЖИЦА

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Лаборатория «Византийский Крым»
(Симферополь)

НАЗЕМНЫЕ ОДНОНЕФНЫЕ ХРАМЫ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА¹

Мангуп является крупнейшим «пещерным городом» средневековой Таврики. Археологическими исследованиями на территории городища и его окружи, начиная с середины XIX в., выявлено 27 культовых христианских объектов, относящихся к разным периодам истории крепости. Значительная их часть представлена однефными храмами как наземными, так и пещерными. Степень сохранности и изученности памятников различная.

Следует признать, что до настоящего времени архитектурные особенности христианских храмов Мангупского городища изучены слабо. Обобщающие исследования отсутствуют. Публикации, посвящённые отдельным церквям, как правило, носят описательный характер, с акцентом на результаты археологических раскопок либо наиболее яркие находки, происходящие из них. Лишь некоторые памятники изданы с подробным архитектурно-археологическим анализом [Мыщ, 1990, с. 224–242; Хрушкова, 2017, с. 107–138; Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 56–87; Науменко, Иожица, 2018, с. 170–196]. Также отметим недавнюю работу, в которой представлена современная периодизация христианских культовых объектов Мангупа [Науменко, Герцен, Иожица, 2021, с. 255–281].

Ситуация с изучением пещерных храмов городища мало чем отличается. Ещё в 90-х гг. XX вв. в отдельной монографии были подведены общие итоги их многолетнего комплексного исследования

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

[Герцен, Могаричев, 1996]. Авторы уделили много внимания истории изучения этих памятников, архитектурному описанию строительных остатков на основе имеющейся графики и фотографий, сделав вывод о том, что все они относятся к одному историческому периоду в пределах XIV–XV вв. Однако, как показывают дальнейшие археологические работы, устоявшиеся датировки пещерных церквей Мангупа всё же требуют корректировки, и почти все комплексы заслуживают продолжения изучения. Необходимо также отметить работы Ю. Г. Лосицкого, в которых архитектор-исследователь попытался разработать классификацию христианских храмов средневекового Крыма, обращая внимание на их планировку, строительные приемы и методы проектирования [Лосицкий, 1990, с. 33–47; 2015, с. 179–199]. Однако однефные храмы Мангупского городища в них совершенно не рассматриваются.

На сегодняшний день, на территории Мангупа и в его округе известно всего семь однефных наземных храмов (Рис. 1), планировка которых сохранилась полностью: «церковь св. Георгия» (Рис. 2,1), «церковь св. Константина» (Рис. 2,2), «церковь 1969 г.» (Рис. 2,3), «церковь 1967 г.» (Рис. 2,4), «церковь 1968 г.» (Рис. 1,5), «церковь на г. Илька» (Рис. 2,6) и «часовня» на месте более раннего крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе (Рис. 2,7).

Вполне возможно, что таких христианских культовых комплексов было значительно больше, и что подобную планировку имели ещё пять памятников² – так называемая «церковь 2005 г.» на территории Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун, надвратная церковь со скальными усыпальницами на месте Главных крепостных ворот в верховьях балки Капу-дере, два пещерных храма, входящих в состав Юго-Восточного монастыря и церковный комплекс на г. Бабулган к югу от Мангупского плато. Однако, реконструкция их композиции сейчас крайне затруднительна ввиду их плохой сохранности либо, как в случае с храмом на г. Бабулган, его раскопки так и остались не завершёнными.

Помимо перечисленных памятников, в округе городища известно также два христианских храма, планировка которых видоизменялась со временем, от более сложного к более простому архитектурному типу композиции. Примерами этого являются крестообразный храм на холме Мазар-тепе, на месте которого позднее была возведена обычная однефная церковь, и так называемая «Каралезская базилика» у северного подножия Мангупского плато. Н. И. Бармина предполагает также

² Выражаю благодарность В. Е. Науменко за помощь и советы при работе над материалом.

эволюцию и для Большой Мангупской базилики, от небольшого однефного храма до крупного (трёхнефного) епископского базиликального комплекса [Бармина, 2008, с. 305–313], но эта гипотеза не имеет никаких археологических оснований.

Следует также отметить, что однефные церкви являются наиболее распространённым и одновременно наиболее вариативным типом христианских культовых сооружений в Византии и сопредельных территориях [Иоаннисян, 2013, с. 64–116; Winfield, Wainwright, 1962, p. 131–161]. По мнению некоторых исследователей, даже в небольших по размерам храмах прослеживаются некоторые закономерности в их пропорциях [Кузнецов, 1977, с. 98; Оустерхаут, 2005, с. 52–79]. Считается, что длина и ширина прямоугольной в плане формы основного объёма церковного здания должны соотноситься между собой в пропорции 5:3 [Кирилло, 2015, с. 38], но это не всегда так.

Однефные храмы Мангупского городища относятся к двум этапам в истории местной христианской общины города: золотоордынскому (конец XIII в. – около 1395 г.) и феодоритскому (около 1400–1475 гг.) [Герцен, Науменко, Иожица, 2021, с. 262].

В первую группу определено включены «церковь 1967 г.» и «церковь 1968 г.», расположенные на эспланаде цитадели, на мысе Тешкли-бурун на расстоянии 165 м между ними. По мнению В. Л. Мыца, в это же время была построена малая однефная часовня на руинах крестообразного храма, которая продолжала функционировать затем вплоть до XVIII в., после чего она была заброшена и разобрана на камень. Это предположение сделано на основе находки во время раскопок поливного детского горшка (тувака), датированного автором XVIII в. [Мыц, 1990, с. 224–242], а также керамид малой формы XII–XIII вв. [Мыц, 1984, с. 57–66]. С этой хронологией вряд ли можно согласиться. По наблюдениям И. Б. Тесленко, такие туваки появляются под влиянием золотоордынской моды и продолжают использоваться до конца третьей – начала четвертой четверти XV в. [Тесленко, 2010, с. 220, 221]. К тому же археологическими разведками Е. В. Веймарна в 1938 г. здесь было открыто турецкое кладбище XV–XVI вв. [Веймарн, 1953, с. 420], что позволяет ограничить верхнюю дату существования храма концом XV в. Таким образом, однефная церковь на месте крестообразного храма, очевидно, относится к феодоритскому периоду в истории Мангупской крепости.

Анализируя архитектурно-строительные особенности христианских храмов золотоордынского времени на Мангупе, выделим среди них некоторые закономерности. Обе церкви имеют близкую планировку. Они спроектированы на хорошо выровненных скальных площадках, ограниченных водосливами либо небольшими скальными ступенями.

Цоколь стен скальный, выступает в пределах 0,10–0,50 м от уровня дневной поверхности. Храмы имеют одинаковую ориентацию по оси юго-восток – северо-запад, азимуты 122° и 121°. В их наосах вырублены могилы, перекрывавшиеся плитами в уровень скального пола. Ещё одной особенностью является наличие к востоку от апсиды церквей мемориальных скальных склепов.

Основные различия между «церковью 1967 г.» и «церковью 1968 г.» заключаются в их пропорциях. Размеры строительных («церковных») площадок составляют, соответственно, 12,0×8,0 м и 8,0×8,5 м, соотношение сторон храмов – 5:3 и 4:3 м, соотношение площадей строительных площадок к площадям церквей – 8:3 и почти 1:1. Отличаются и архитектурно-литургические особенности памятников. Так, в «церкви 1967 г.» открыты солея, алтарная преграда, престол и киворий над ним, в то время как в «церкви 1968 г.» фиксируются лишь подрубки под алтарную преграду и престол. Очевидно, и функции церквей были разными. Если «церковь 1967 г.» являлась обычной кладбищенской часовней, то «церковь 1968 г.», скорее всего, выполняла роль квартального храма для прилегающего к нему участка городской застройки.

Группу однефных храмов периода княжества Феодоро составляли «церковь св. Георгия», «церковь св. Константина», «церковь 1969 г.», Илькинский храм и «часовня» на месте крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе.

Церкви, расположенные на Мангупском плато, имеют одинаковую ориентацию по оси северо-восток – юго-запад. Они возведены на поверхности скалы без тщательной её подтёски. Для нивелировки неровностей материка применялась небольшая грунтовая подсыпка. В «церкви св. Константина» фиксируется ленточный фундамент в один камень в южной и апсидной стенах, в «церкви св. Георгия» – ступенчатый фундамент с небольшой подсыпкой. Одинаковы и соотношения сторон храма – 5:3 или близко к этим параметрам. Азимуты различны – 35°, 52°, 65°. По своим архитектурно-литургическим особенностям, памятники также отличаются. Так, в «церкви св. Константина» зафиксированы солея, алтарная преграда и престол, в то время как в «церкви св. Георгия» можно лишь предположительно говорить о наличии алтарной преграды и престола [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 56–108].

Однефные храмы в округе Мангупа – «церковь на г. Илька» и «часовня» на месте крестообразного храма были ориентированы по оси восток – запад и северо-восток – юго-запад, их азимуты, соответственно, – 65° и 154°. Соотношение сторон храмов – 4:3 и 3:2. Они сооружены на грунте – материковом суглинке (Илькинский храм) либо на поверхности нивелировочной подсыпки из строительного мусора, перекрывшего более

раннюю церковь (часовня на Мазар-тепе). Архитектурно-литургические элементы прослежены лишь для церкви на г. Илька, где они представлены престолом в виде столба с плитой перекрытия в алтарной части [Науменко, Иожица, 2018, илл. 2, 6, 11, 12].

Отличаются, по всей видимости, и функции однефных храмов XV в. Все известные церкви такого типа на Мангупском плато являлись квартальными. «Церковь на г. Илька» выполняла роль отдельной придорожной часовни, в то время как культовый комплекс на Мазар-тепе являлся кладбищенской часовней.

Проведённое исследование позволяет сделать два наиболее важных вывода. Прежде всего, несмотря на множество примеров, не наблюдается «типового» проекта для всех известных на территории Мангупского городища и в его округе однефных храмовых комплексов. По всей видимости, все они строились в разное время в пределах XIV–XV вв., без какого-либо, раз и навсегда заданного, плана, по мере необходимости. Отсюда же и различные функции памятников – квартальные, кладбищенские и отдельные придорожные церкви. Другой вывод заключается в констатации значительной разницы между местоположением храмов золотоордынского и феодоритского периодов в истории Мангупа. Если христианские однефные комплексы XIV в. были сосредоточены исключительно вблизи юго-восточного обрыва Мангупского плато, то церкви более позднего периода фиксируются в верховьях балок Гамам-дере и Капу-дере, куда к этому времени сместилась жилая застройка крепости, либо в округе городища, где активно, после длительного перерыва, функционирует система новых поселений и дорожных коммуникаций.

Библиография

- БАРМИНА Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. – СПб., 2008. Т. XLII. С. 305–313.
- ВЕЙМАРН Е. В. Мангуп. Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34. С. 419–429.
- ГЕРЦЕН А. Г., МОГАРИЧЕВ Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. – Симферополь, 1996. 128 с.
- ГЕРЦЕН А. Г., НАУМЕНКО В. Е., ШВЕДЧИКОВА Т. Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). – М.; СПб., 2017. 272 с.
- ИОАННИСЯН О. И. Однефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология // ТГЭ. – СПб., 2013. Т. LXIX. С. 64–118.

- КИРИЛКО В. П. Древности Семидворья. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы // Археологический альманах. – Киев, 2015. № 32. С. 17–63.
- КУЗНЕЦОВ В. А. Зодчество феодальной Алании. – Орджоникидзе, 1977. – 176 с.
- ЛОСИЦКИЙ Ю. Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. – 1990. № 2. С. 33–47.
- ЛОСИЦКИЙ Ю. Г. Храмы средневекового Крыма IV–XIV вв. (соображения по реконструкции и реставрации) // АА. – Донецк, 2015. № 33: Древняя и средневековая Таврика. С. 179–199.
- МЫЦ В. Л. Загородный храм и некрополь Мангула // АДСВ. – 1984. Т. 21. С. 57–66.
- МЫЦ В. Л. Крестообразный храм Мангула // СА. – 1990. № 1. С. 224–242.
- НАУМЕНКО В. Е. ИОЖИЦА Д. В. Церковь на горе Илька в округе Мангупского городища (Юго-Западный Крым). Архитектурный анализ и объемная реконструкция памятника // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – М., 2018. Вып. 10. С. 170–196.
- НАУМЕНКО В. Е., ГЕРЦЕН А. Г., ИОЖИЦА Д. В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории // МАИЭТ. – Симферополь, 2021. Вып. XXVII. С. 170–196.
- ТЕСЛЕНКО И. Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть I. Типология, распространение, происхождение // Древности 2010. – Харьков, 2010. С. 216–254.
- ХРУШКОВА Л. Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 107–138.
- OUSTERHOUT R. Master Builders of Byzantium. – Princeton; New Jersey, 1999. 320 p.
- WINFIELD D., WAINWRIGHT J. Some Byzantine churches from the Pontus // Anatolian studies. – 1962. Vol. 12. P. 131–161.

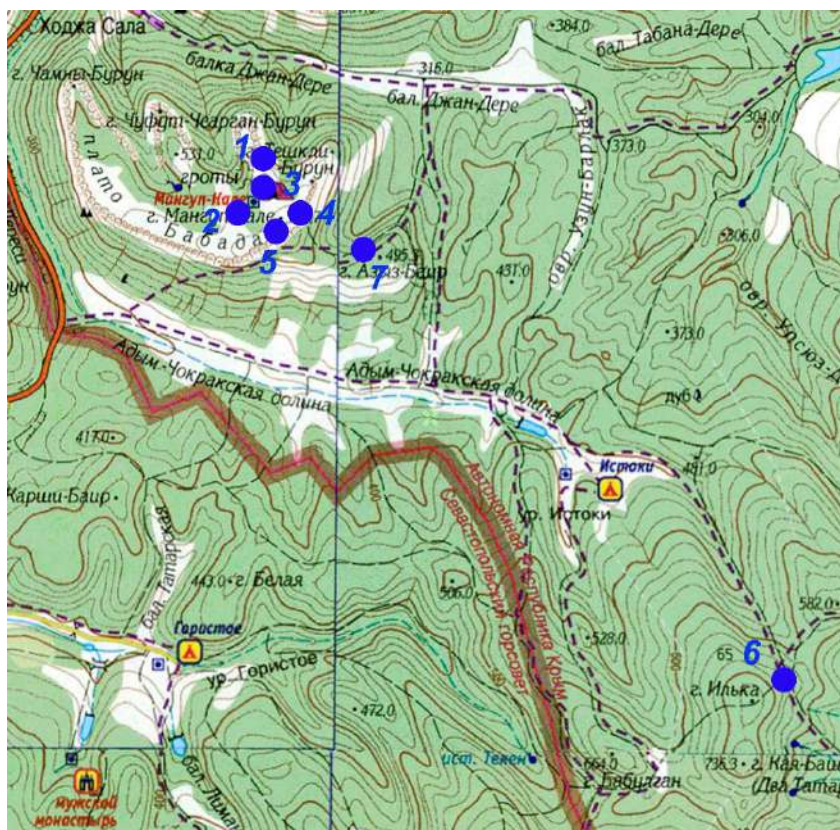

Рис. 1. Топография однефных храмов
Мангупского городища и его округи:

- 1 – «церковь св. Георгия»; 2 – «церковь св. Константина»;
- 3 – «церковь 1969 г.»; 4 – «церковь 1967 г.»; 5 – «церковь 1968 г.»;
- 6 – «церковь на г. Ильяка»; 7 – «часовня» XIV–XV вв. на вершине Мазар-тепе.

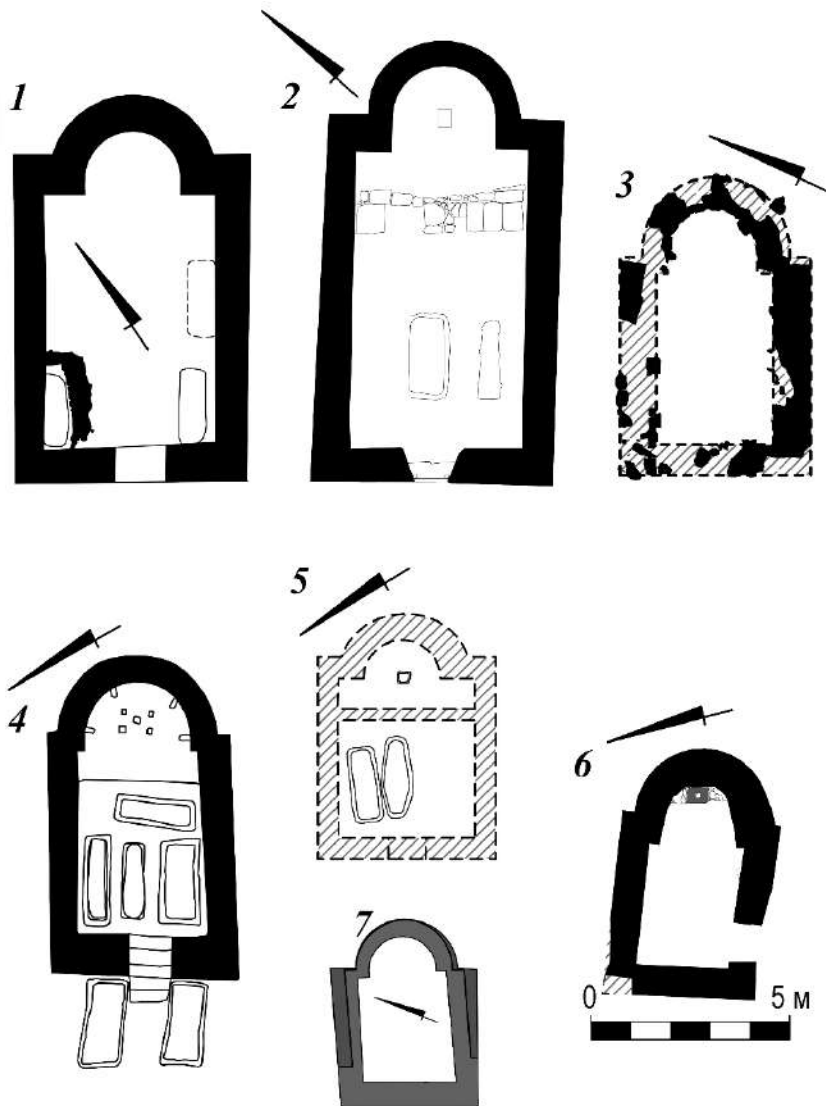

Рис. 2. План-схемы однефных храмов Мангупского городища и его округи: 1 – «церковь св. Георгия»; 2 – «церковь св. Константина»; 3 – «церковь 1969 г.»; 4 – «церковь 1967 г.»; 5 – «церковь 1968 г.»; 6 – «церковь на г. Илька»; 7 – «часовня» XIV–XV вв. на вершине Мазар-тепе.

М. М. КАЗАНСКИЙ

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Лаборатория «Византийский Крым»
(Симферополь)

ДВА ВИДА ПОРТУПЕЙ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ И В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Данная работа посвящена рассмотрению портупейных ремней позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, лучше всего представленных в иконографических источниках¹. Для позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов в Европе, Средиземноморье и на Среднем Востоке по иконографическим данным зафиксированы два способа ношения меча на портупейных ремнях – «римский» [Kazanski, 1991, fig. 3,10-15; Казанский, 2019, с. 113, рис. 1,4-9] (Рис. 1) и «иранский» [Seyrig, 1937, p. 27, 28; Kazanski, 1991, fig. 3,18-22; Казанский, 2019, с. 118, рис. 1,12-16] (Рис. 2, 3). Показательно, что, если для поздней Римской империи зафиксированы оба вида портупейных ремней, то в сасанидском Иране, а в более раннее время у парфян мне известны изображения лишь «иранских» портупей. Здесь будут проиллюстрированы эти два способа ношения мечей.

«Римские» портупей

В Римской империи, если верить иконографическому материалу, доминирует способ ношения меча на портупейном ремне через плечо. Такие портупей известны уже в ранней Римской империи [см., например: Miks, 2007, Taf. 295,А, 296, 298,А, 299 и т. д.], они хорошо представлены и в позднеримское время. Для середины – второй половины III в. в качестве примера можно назвать изображения императоров Валериана (253–260)

¹ This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Mega grant project No. 075-15-2022-1119; Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

и Филиппа I Араба (244–249) на сасанидском рельефе в Бишапуре (266 г. – дата основания Бишапура). Императоры здесь изображены в униженной позе перед Шапуром I (240–270), при этом у римлян отчётливо видны мечи на портупейном ремне через плечо [Vanden Berghe, 1983, Relief 2; Miks, 2007, Taf. 336, B, D] (Рис. 1, I).

Для более позднего времени (IV–V вв.) можно назвать в качестве примеров изображения императора, вероятно, Констанция II (337–361), на чаше из Гордиковского склепа 1891 г. в Керчи [Мацулевич, 1926, табл. 1; об идентификации см.: Мацулевич, 1926, с. 53–59; Засецкая, 1994, с. 225–237]² (Рис. 1, 2), консула Проба на диптихе из Аосты, 406 г. [Grabar, 1966, fig. 329] (Рис. 1, 3), а также аллегорического персонажа на пластине из слоновой кости, из Трира, конца V в. [A l'aube de la France, 1981, p. 238, N° 405, fig. 175] (Рис. 1, 4).

«Иранские» портупепи

В восточной воинской традиции по иконографическим данным представлен другой способ ношения меча. Здесь портупейные ремни закрепляются на поясе, «по ирански» [Seurig, 1937, p. 27, 28]. Такие ремни изображены на парфянских статуях, например, на изображении военачальника из Хатры, I–III вв. [Scott Smith, 2019] (Рис. 2, I). Изображения таких портупей известны и в Пальмире для I в. н. э. [Miks, 2007, Taf. 304, 305] (Рис. 2, 2).

«Иранский» способ ношения меча хорошо представлен в сасанидских изображениях, в частности, на рельефах из Накш-и-Рустама и Бишапура. Портупейные ремни, прикреплённые к поясу, хорошо видны как на изображениях царствующих особ (Рис. 2, 3), так и на презентациях рядовых воинов (Рис. 2, 4), в то время как на фигурах римлян, как уже говорилось, изображена «римская» портупея, носимая через плечо [Miks, 2007, Taf. 336, 337, A, B].

Для несколько более позднего времени можно назвать в качестве примеров изображения сасанидских царей Шапура II (309–379) на блюде из Турушева (Урал) [Тревер, Луконин, 1987, илл. 8, 9; Splendeur des Sassanides, 1993, N° 52] (Рис. 2, 5), Пероза (459–484) на блюде из Большой Аниковской (Урал) [Тревер, Луконин, 1987, илл. 17; Splendeur des Sassanides, 1993, N° 60] (Рис. 2, 7), Хосрова (Хосроя) II (591–628) на блюде

² По мнению О. В. Шарова, на данном блюде изображён скорее император Константин Великий (306–337) [Шаров, 2009].

из Стрелки (Урал), VI в. [Тревер, Луконин, 1987, илл. 19; Splendeur des Sassanides, 1993, N° 61] (Рис. 2,6) или неизвестного царя на блюде VII–VIII вв. из Ново Баязида (Армения) [Splendeur des Sassanides, 1993, N° 56].

На Западе, в Римской империи, «иранские» портупеи тоже известны. Они использовались, в первую очередь, для ношения коротколезвийного оружия, такого, как гладиусы и кинжалы [см., например: Miks, 2007, Taf. 306, A, C, 308, A, B], хотя в отдельных случаях можно предполагать наличие такой портупеи и для оружия с довольно длинным лезвием [см., например: Miks, 2007, Taf. 310, A, C, D]. Но в целом, «иранский» способ ношения мечей оставался в Римской империи довольно экзотическим. Чаще эти портупеи фиксируются на изображениях позднеримского времени. В качестве примера можно назвать изображение на диптихе из Монцы, 396 г., приписываемом Стилихону [Killerich, Torp, 1989, fig. 1, 15] (Рис. 3,1), на порфировой императорской статуе из Берлинского музея, IV в. [Delbrueck, 1932, Taf. 47, Abb. 37] (Рис. 3,2), или же на другой императорской порфировой статуе из Турина, также IV в. [Mercando, 1995, pl. 64, 4] (Рис. 3,3).

Итак, для поздней Империи более отчётливо, чем для предшествующего времени, фиксируется «иранский» способ ношения меча, прикрепленного портупейными ремнями к поясу. При этом порфировые статуи императоров и диптихи высших сановников свидетельствуют о распространении «иранских» портупей среди правящих римских элит. Вполне возможно, речь идёт лишь об одном из проявлений некоей «восточной», условно иранской моды, затронувшей и престижную воинскую экипировку. Напомним, что согласно «Истории августов», восточную моду в Римской империи, в частности на ношение драгоценных камней, завёл император Элагабал (218–222). Однако сейчас считается, что эта мода, скорее, распространилась при Диоклетиане (284–305) [Histoire auguste, Antonin Elagabal, XXIII.3; Šćukin et alii, 2006, p. 66]. В частности, убор с драгоценными камнями хорошо засвидетельствован в позднеримском иконографическом материале [см. подробнее: Гороховский, Корниенко, 1993] (Рис. 4).

Библиография

- ГОРОХОВСКИЙ Е. Л., КОРНИЕНКО П. Л. Вбрання Констанція II на Верхівнянському медальйоні // Археологія – Київ, 1993. № 2. С. 130–152.
ЗАСЕЦКАЯ И. П. О месте изготовления серебряной чаши с изображением Констанция II из Керчи // МАИЭТ. – 1994. Вып. IV. С. 225–237.

- КАЗАНСКИЙ М. М. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. С. В. Белецкий. – СПб., 2019. С. 113–124.
- МАЦУЛЕВИЧ Л. А. Серебряная чаша из Керчи. – Л., 1926 (Памятники Государственного Эрмитажа. Вып. II).
- ТРЕВЕР К. В., ЛУКОНИН В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. – М., 1987.
- ШАРОВ О. В. Блюдо с изображением триумфа императора из склепа Гордиковых в Керчи // Боспорские чтения – 2009. Вып. X. С. 508–514.
- A l'aube de la France. La Gaule de Constantin à Childéric. – Paris, 1981.
- DELBRUECK R. Antike Porphyrwerke. Studien zur spätantiken Kunstgeschichte. – Berlin 1932. Bd. 6.
- GRABAR A. L'âge d'Or de Justinien. – Paris, 1966.
- Histoire Auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles / Ed. A. Chastagnol. – Paris, 1994.
- KAZANSKI M. A propos des armes et des éléments de harnachement "orientaux" en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. – 1991. Vol. 4. P. 123–139.
- KILLERICH B., TORP H. *Hic est: hic Stilicho*. The Date and Interpretation of a Notable Diptych // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. – 1989. T. 104. S. 319–371.
- MERCANDO L., LAZZARINI M. L. Sculture greco-romane provenienti dell'Egitto nel Museo di Antichità di Torino // Alessandria e il mondo ellenistico-romano: 1. centenario del Museo greco-romano: Alessandria, 23–27 novembre 1992: atti del 2. Congresso internazionale italo-egiziano. – Rome, 1995. P. 356–367.
- MIKS C. Studien zur Römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. – Rahden/Westf., 2007.
- SEYRIG H. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. – 1937. T. 18. P. 4–31.
- ŠCHUKIN M., KAZANSKI M., SHAROV O. Des Goths aux Huns. Le nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l'époque des Grandes migrations. – Oxford, 2006 (BAR International Series 1535).
- SCOTT SMITH P. Ancient Parthian Warfare // Ancient History Encyclopedia. – 2019. <https://brewminate.com/ancient-partian-warfare> (дата обращения: 6.11.2022).
- VANDEN BERGHE L. Reliefs rupestres de l' Iran ancien. – Brussels, 1983. <https://www.livius.org/articles/misc/vanden-berghe-list/> (дата обращения – 7.11.2022).

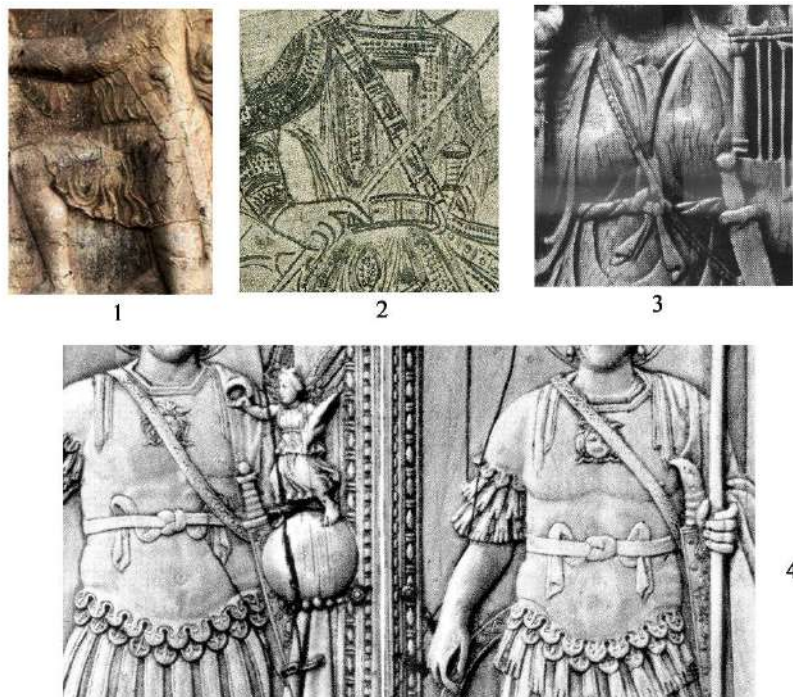

Рис. 1. «Римские» портупей поздней Империи.

- 1 – Бишапур, изображение римского императора (<https://www.livius.org/pictures/iran/bishapur/bishapur-relief-2/bishapur-relief-2-central-scene-shapur-gordian-philip-valerian-courtiers/> – 7.11.2022 г.);
2 – Керчь, Гордиковский склеп 1891 г. [по: Мацулевич, 1926, табл. 1];
3 – Трир [по: Grabar, 1966, fig. 329]; 4 – диптих Проба, Аоста [по: A l'aube de la France, 1981, p. 238, N° 405, fig. 175].

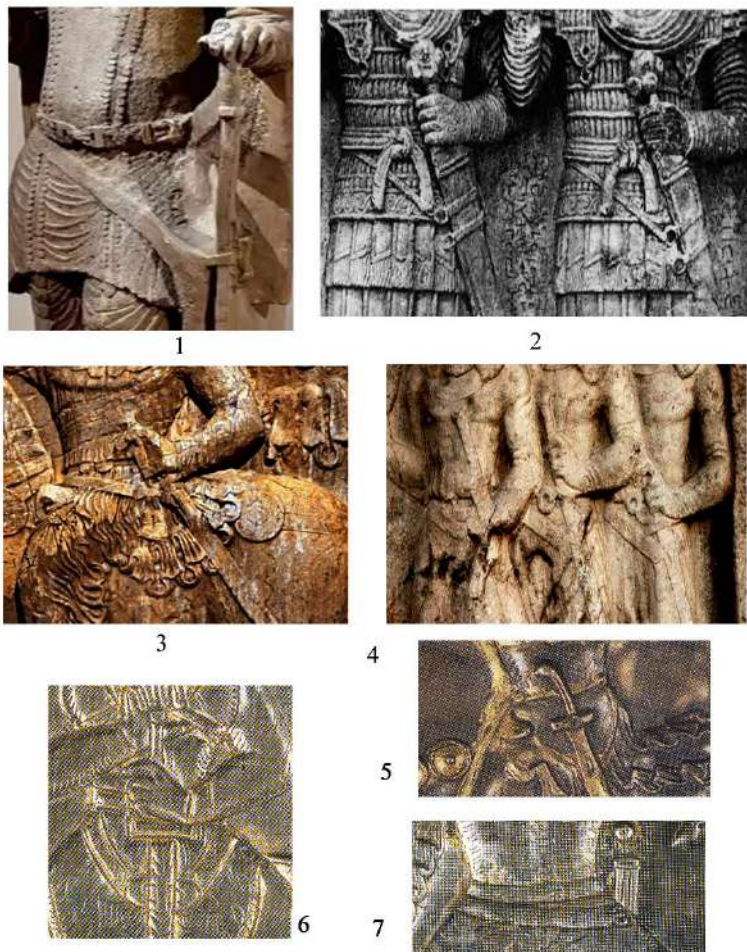

Рис. 2. «Иранские» портупей.

- 1 – Хатра (по: [https:// brewminate.com/ancient-partian-warfare](https://brewminate.com/ancient-partian-warfare) – 6.11.22);
2 – Пальмира [по: Miks, 2007, Taf. 304,A]; 3 – Накш-и-Рустам (по: [https://www.livius.org/pictures/iran/naqs-e-rustam/naqs-e-rustam-relief-of-shapur-i/](https://www.livius.org/pictures/iran/naqs-e-rustam/naqs-e-rustam-relief-of-shapur-i/naqs-e-rustam-relief-of-shapur-i/) – 8.11.22); 4 – Бишапур (по: <https://www.livius.org/pictures/iran/bishapur/bishapur-relief-2/bishapur-relief-2-infantry-2/> – 8.11.22 г.;
5 – Турушева [по: Splendeur des Sassanides, 1993, N° 52]; 6 – Стрелка [по: Splendeur des Sassanides, 1993, N° 61]; 7 – Большая Аниковская [по: Splendeur des Sassanides, 1993, N° 60].

1

2

3

Рис. 3. «Иранские» портупеи на позднеримских изображениях.
1 – диптих, Монца (Стилихон?) [по: Killerich, Topf, 1989, fig. 1,15];
2 – порфиновая статуя, Берлин; 3 – порфиновая статуя, Турин
(2 и 3 по: http://laststatues.classics.ox.ac.uk/database/browse.php?All_Records_page=50 – 7.11.22 г.).

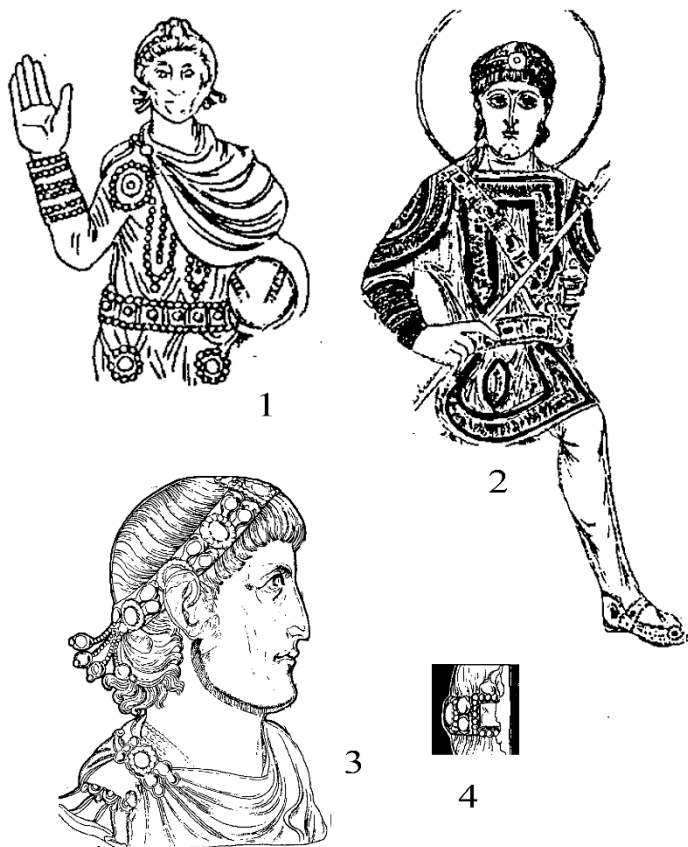

Рис. 4. «Восточная» мода на драгоценные камни
в позднеримской иконографии.
1– медальон, Констанций II; 2 – Керчь, Гордиковский склеп,
Констанций II; 3, 4 – Верхивна, медальон, Констанций II.
[по: Гороховский, Корниенко, 1993, рис. 2,5,6; 9,1,2].

К. М. КАРАШАЙСКИ

Таврическая Академия
Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского
(Симферополь)

ОТРЯД СФЕНГА, «БРАТА ВЛАДИМИРА», В СОСТАВЕ ЭКСПЕДИЦИИ ВАРДЫ МОНГА 1016 Г. В ХАЗАРИЮ: НАЕМНИКИ ИЛИ СОЮЗНИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ?

Краткий пассаж Скилицы о походе 1016 г. под руководством Варды Дуки (Монга) [Scylitzae, 1973, p. 354] породил несколько острых дискуссионных вопросов, связанных, в частности, с локализацией упомянутой хронистом области Хазарии, персоной её архонта Георгия Цулы и участием в боевых действиях некоего Сфенга, названного братом киевского князя Владимира Святославича. Мы попытаемся дополнить предположения, касающиеся личности последнего, и дать характеристику возглавляемому им отряду с точки зрения статуса в византийском войске, численности и этнического состава данного контингента.

Существует несколько версий идентификации Сфенга: 1) Мстислав Тмутараканский, обладающий, в таком случае, вторым, скандинавским именем [Мавродин, 1980, с. 178, 179; Франклин, Шепард, 2000, с. 293]? либо некий воевода и советник Мстислава скандинавского происхождения; 2) возможный родственник князя Владимира, отправленный в качестве союзника из Киева [Артамонов, 1962, с. 437], единокровный брат князя [Пашуто, 1968, с. 77; Литаврин, 2000, с. 215–223] либо побратим [Сорочан, Роменский, 2013, с. 329]; 3) независимый предводитель отряда варяго-русского корпуса на византийской службе, изначально участвовавший в экспедиции из Константинополя [Гадло, 2004, с. 254; Степаненко, 2008, с. 35]; 4) ярл Ладе (Хладира) и один из правителей Норвегии в 1000–1015 гг. Свейн Хаконарсон, служивший в качестве наемника у Ярослава Владимировича [Прицак, 1997, с. 449; Филипчук, 2009; Цукерман, 2019, с. 475–479]. Наши дальнейшие исследования будут выстраиваться на основе последней гипотезы, в настоящее время представляющей наиболее вероятной.

Содержащиеся в скандинавских нарративных источниках сведения о Свейне подробно разобраны Т. Н. Джаксон [Джаксон, 1994, с. 144–147]. Нас интересуют события, последовавшие после поражения ярла Свейна в битве при Несьяре – его уход на восток, в Гардарики/Аустррики/Аустрвег/Русцию (в зависимости от источника), то есть последние два года его жизни (1015–1016 гг.).

Этот период детально реконструируется К. Цукерманом [Цукерман, 2019, с. 475–479]. Кратко напомним приводимую им хронологию событий: 2–3 апреля 1015 г. – битва при Несьяре, поражение и бегство Свейна в Швецию; середина – конец апреля 1015 г. – прибытие Свейна в Швецию к своему тестю Олаву Шетконунгу; апрель – май 1015 г. – отряд Свейна вербуются в качестве наемников в войско новгородского князя Ярослава; октябрь – декабрь 1015 г. – участие в междоусобной войне и сражении под Любечем; взятие Киева в январе 1016 г.; март – апрель 1016 г. – отплытие Свейна из Киева в Византию; июнь – июль 1016 г. – поход Варды Дуки (Монга) в Хазарию; осень 1016 г. – смерть Свейна на пути в Скандинавию.

Для периода 1015–1016 гг. точно известен один предводитель варяжских наемников на службе у новгородского князя – Эймунд Хрингссон. Предположим, что варяжский контингент при Ярославе состоял из двух дружин при доминирующем положении Эймунда. Договор найма с ними был заключен сроком на 12 месяцев [Прядь об Эймунде, 2009, с. 124]. После занятия Киева отношения между Ярославом и его наемниками портятся: князь с неохотой выплачивает жалованье и порывается расторгнуть договор. Вероятно, недовольный своим положением при Ярославе, незначительностью добычи и выплат, ярл Свейн, цель которого сага определяет выражением «добыть себе добра», обращается к князю с той же просьбой, с которой наемные варяги обратились к его отцу в 980 г.: «покажи ны путь въ грѣкы».

Г. Г. Литаврин справедливо трактует эти слова в качестве требования разрешения (грамоты) для найма на службу к императору [Литаврин, 2000, с. 226]. Поставки киевским князем воинских контингентов можно считать одним из важнейших аспектов русско-византийских договоренностей X – начала XI в. Киев является центром, регулирующим поток северных наемников. Судя по всему, такое положение дел не устраивало Константинополь и после смерти князя Владимира в июле 1015 г. император Василий II в одностороннем порядке отказывается от посреднической роли его наследников, переходя к практике заключения индивидуальных договоров с предводителями наёмников [Филипчук, 2010, с. 13]. Исходя из этого, Свейн поступает на службу к императору не в качестве начальника союзного контингента, направленного дружественным киевским князем, но как независимый лидер вольной

компании. Основываясь на предложенной К. Цукерманом хронологии, Свейн должен был прибыть в Константинополь в традиционный период конца весны – начала лета 1016 г., фактически по истечении двенадцатимесячного срока договора с Ярославом.

Поход Свейна, на наш взгляд, необходимо рассматривать по аналогии с походами Хрисохира и Харальда Сигурдарсона, близкими по сути и хронологически. В каждом случае мы имеем дело с типичными наёмными дружинами под предводительством представителей скандинавской знати, отправлявшимися в Византию с целью обогащения. Хрисохир пребывает в Константинополь летом 1023/1024 гг. [Литаврин, 2000, с. 224] или 1019 г. [Цукерман, 2009, с. 222], Харальд – летом 1034 г.

Относительно личности трёх вождей источники (Скилица и Кекавмен) делают акцент на их знатном происхождении: «брат» Владимира Сфенг, «родич» киевского князя Хрисохир и «сын василевса Варангии» Аральт. Высокое значение придается факту благородного происхождения. Иноплеменные наемники делятся на людей «из простонародья» и «из царского рода своей страны» [Кекавмен, 2003, с. 294, 295]. Для занятия сколь-либо значимого положения, получения доступных иноземцам титулов и участия в разделе военных трофеев на выгодных условиях, предводитель должен был представить себя соответствующим образом.

В рассуждениях о возможности братских отношений между Сфенгом/Свейном и киевским князем, можно выделить ряд непротиворечащих версий: 1) династические связи Рюриковичей с ярлами Ладе [Филипчук, 2009]; 2) институты побратимства [Сорочан, Роменский, 2013, с. 329]; 3) иерархическое равенство; 4) «родство» как понятие в рамках дипломатической традиции, указывающее на высокий статус пришельца.

Известно, что после 999/1000 г. ярл Свейн был обручен с Хольмфрид, дочерью Олава Шетконунга [Джаксон, 1994, с. 145]. Сестра последней, Ингигерд, известна как жена князя Ярослава. Исходя из известия «Пряди об Эймунде», выходит, что к моменту прибытия варяжских дружин в Новгород в 1015 г. Ингигерд уже находится при князе в качестве его супруги. Разумеется, нельзя обойти стороной проблемы датировки этого брака, помещаемого исследователями в интервале 1014–1020 гг. [Джаксон, 1994, с. 156]. Но даже не подтверждая факт брака между Ингигерд и Ярославом для 1015–1016 гг., нельзя исключать возможности как ведения в этот период переговоров о его заключении, так и позднейшей информации о подобном родстве, дошедшей до византийского автора.

Таким образом, Сфенг/Свейн, действительно, оказывается «братом» (свояком) киевского князя, но не Владимира, а Ярослава.

Говоря о возможной численности дружины Свейна? приведем данные о подобных отрядах, участвовавших в военных кампаниях империи в первой половине X – первой половине XI в. Контингент росов в Критской экспедиции 910–911 г. – 700 человек [Haldon, 2000, p. 202, 203]; экспедиция в Лонгобардию 935 г. – 415 воинов-росов на 7 судах [Haldon, 2000, p. 212, 213]; Критская экспедиция 949 г. – 629 человек [Haldon, 2000, p. 218, 219]; отряд Хресохира – 800 человек [Scylitzae, 1973, p. 367, 368]; дружина Харальда Сигурдарсона – 500 «отважных воинов» [Кекавмен, 2003, с. 298, 299]; норманны под командованием Вильгельма и Дрого де Готвилей в войске Георгия Маниака в 1038–1040 гг. – 300–500 воинов [D'Amato, 2005, p. 3]. Исходя из этих цифр, среднюю численность отдельной дружины северян для этого времени следует определять в пределах 400–800 воинов.

Принимая гипотезу о двух отдельных варяжских дружинах в войске Ярослава, попытаемся определить примерную численность каждой из них. Летописные свидетельства дают общее число в 1000 воинов [НПЛ мл., 1950, с. 175; ПВЛ, 1950, с. 96], в то время как количество дружинников Эймунда определяется в 600 человек [Прядь об Эймунде, 2009, с. 125]. Отряд Свейна, таким образом, должен был состоять из около 400 воинов на 7–8 судах (из расчета экипажа в 50–60 человек). Этот результат соответствует военным возможностям, которыми, судя по всему, обладала высшая норвежская знать при формировании собственных дружин. Так, ярл Эйнар Брюхотряс, зять Свейна и соправитель Норвегии, во второй половине 1030-х – 1040-х гг. мог собрать 500 воинов на 8–9 судах [Стурлусон, 1980, с. 426]. После потерь, понесенных в сражении при Несьяре, норвежская дружина ярла Свейна, по-видимому, частично пополняется шведскими воинами [Стурлусон, 1980, с. 193–195].

Прибыв в Константинополь в конце весны – начале лета 1016 г.? этот отряд поступает на службу и усиливает войско Варды Дуки (Монга), готовящееся к походу в Хазарию. Включение в состав экспедиции контингента варяжских наёмников – стандартный шаг в рамках византийской военной практики X – первой половины XI в. Перечень подобных кампаний чрезвычайно широк: 910–911 гг. – Крит, Кипр и сирийское побережье; 935 г. – Лонгобардия; 949 г. – Крит; 954–955 гг. – Сирийская кампания Варды Фоки; 964–965 гг. – поход Мануила Фоки и Никиты Аваланда на Сицилию; 988–989 гг. – подавление мятежа Варды Фоки; походы Василия II в Сирию 994–995 гг. и 999 г., Болгарию в 1001–1018 гг. (точно известно об участии варяжских отрядов для 1016 г.) и Закавказье 1000–1001 гг. и 1021–1022 гг. [D'Amato, 2010, p. 4, 5];

экспедиции против лангобардских восстаний под предводительством Мелуса из Бари в Южной Италии 1009–1011 гг. и 1017–1019 гг. [Васильевский, 1908, с. 203–206]; 1031–1033 гг. – Сирийская кампания Феокиста и Георгия Маниака [Васильевский, 1908, с. 213, 214]; рейд против арабских пиратов в Эгейском море осенью 1034 г. [Shepard, 1973, p. 148–150]; 1035–1036 гг. – Сирийский поход Харальда Сигурдарсона; 1036–1040 гг. – первая экспедиция Георгия Маниака на Сицилию и в Южную Италию; подавление восстания Петра Деляна в Болгарии весной – летом 1041 г. [Бибииков, 1990, с. 165].

Поход Варды Дуки (Монга) при содействии / соучастии (τῆ συνεργίᾳ) или вместе со Сфенгом/Свейном, на наш взгляд, стоит рассматривать как один из череды случаев участия скандинавских наёмников в подавлении сепаратистских выступлений на имперской периферии. Среди таковых можно выделить лангобардские восстания Мелуса из Бари (1009–1011 гг., 1017–1019 гг.) и его сына Аргира (1040–1042 гг.), болгарские восстания архонта Гавраса и Элинага Сфрандзи (1018–1019 гг.), Петра Деляна (1041 г.), армянское восстание сыновей Сенекерима Арцруни в Себастеи (1040 г.) и, очевидно, восстание 1016 г. в Хазарии [Cheynet, 1996, p. 35, 36, 48, 53].

Таким образом, мы предлагаем следующий вариант трактовки сообщения Скилицы: готовящаяся для отплытия в Хазарию экспедиция под командованием Варды Дуки (Монга) в конце весны – начале лета 1016 г. была усилена прибывшим из Киева отрядом варяжских наёмников, незадолго до того завершивших годовую службу у князя Ярослава Владимировича. Шведско-норвежская дружина ярла Свейна (Сфенга), свояка Ярослава, численностью около 400 воинов на 7–8 судах, была завербована на одну летнюю кампанию в традиционной для подобных контингентов роли – силы для подавления антивизантийского выступления на окраине империи. Вероятно, используя варягов в качестве морского десанта, экспедиция быстро достигла успеха, в первом же сражении разбив архонта Цулу, после чего Свейн/Сфенг вместе с отрядом отправляется в обратный путь, где и умирает осенью 1016 г.

Библиография

- АРТАМОНОВ М. И. История хазар. – Л., 1962. – 523 с.
БИБИКОВ М. В. К варяжской просопографии Византии // ScSl. – 1990. Т. 36. С.161–171.
ВАСИЛЬЕВСКИЙ В. Г. Труды. – СПб., 1908. Т. 1. – 403 с.
ГАДЛЮ А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб., 2004. – 358 с.
ДЖАКСОН Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – М., 1994. – 256 с.

- Кекавмен. Советы и рассказы / Подгот. текста, пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. – СПб., 2003. – 711 с.
- ЛИТАВРИН Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб., 2000. – 398 с.
- МАВРОДИН В. В. Тмутаракань // ВИ. – М., 1980. № 11. С. 177–182.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. – М.; Л., 1950. – 642 с.
- ПАШУТО В. Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968. – 472 с.
- ПРИЦАК О. Й. Походження Русі. – Київ, 1997. Т. 1. – 1074 с.
- ПВЛ – Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. – М.; Л., 1950. Часть 1. Текст и перевод. – 407 с.
- Прядь об Эймунде // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. Древнескандинавские источники / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М., 2009. С. 121–138.
- СОРОЧАН С. Б., РОМЕНСКИЙ А. А. Корсунский поход и Херсон XI в.: к завершению научного проекта // ВВ. – М., 2013. Т. 72 (97). С. 322–332.
- СТЕПАНЕНКО В. П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2008. С. 27–35.
- Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот.: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. – М., 1980. – 688 с.
- ФИЛИПЧУК О. М. Перечитуючи Іоанна Скілицю: хто був Сфенг – брат Володимира Святого? // Исторична панорама: Збірник наукових статей ЧНУ. – Чернівці, 2009. Вип. 8. С. 58–70.
- ФИЛИПЧУК О. М. Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники: автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Чернівці, 2010. – 20 с.
- ФРАНКЛИН С., ШЕПАРД Д. Начало Руси: 750–1200. – СПб., 2000. – 625 с.
- ЦУКЕРМАН К. Английский след в ранней летописи, или летописец шутит // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко. – М., 2019. С. 457–482.
- ЦУКЕРМАН К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // БГСб. – Париж, 2009. Вып. 1. С. 183–305.
- СНЕУНЕТ J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). – Paris, 1996. – 523 p.
- D'AMATO R. The Varangian Guard 988–1453. – Oxford, 2010. – 48 p.
- D'AMATO R. The equipment of Georgios Maniakes and his Army according to the Skylitzes miniatures and other artistic sources of the middle Byzantine period // ПОРФУРА. – 2005. Vol. 4. P. 1–75.
- HALDON J. F. Theory and practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies // ТМ. – Paris, 2000. Т. XIII. P. 201–345.
- Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / Ed. I. Thurn // CFHB. – 1973. Vol. 5.
- SHEPARD J. A Note on Harold Hardrada: the Date of his Arrival at Byzantium // JÖB. – 1973. Bd. 22. S. 145–150.

В. П. КИРИЛКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ФРАГМЕНТ МЕРГЕЛЕВОГО КАРНИЗА ИЗ ПАРТЕНИТА

В Средневековом зале Алуштинского историко-краеведческого музея экспонируется обломок резной архитектурной детали под названием «Капитель (фрагмент)», выполненной из светло-серого камня (Рис. 1). В книге поступлений и инвентарной карточке вещь представлена как «часть архитектурного украшения в виде вырезанного из песчаника объёмного растительного орнамента сложной конфигурации» и датируется VIII–XV вв. Учётные документы сообщают также, что она происходит из Партенита, найдена на территории санатория «Фрунзенское», поступила на хранение 26.11.1985 г., передана Е. А. Паршиной, имеет регистрационный номер КП-3320 / А-497¹.

На тыльной стороне изделия сохранилась его первоначальная маркировка в виде шифра Фр – 85 / № 69, обычно применяемого при археологических исследованиях. Судя по отчёту о раскопках в посёлке Фрунзенское (бывш. Партениты, совр. пгт. Партенит), предпринятых Е. А. Паршиной в сентябре – ноябре 1985 г., основные работы велись на участке котлована под спальный корпус № 9, где изучались остатки раннесредневекового поселения. Сведения о переданном в музей предмете содержатся только в коллекционной описи находок, в которой он получил название «Капители резной фрагмент» и определён как подъёмный материал. Отмечено, что для изготовления архитектурной детали был использован известняк. Датировка отсутствует. Точное место обнаружения артефакта в отчёте не указывается [Паршина, 1985, л. 2, 35].

¹ Сердечно благодарю заведующую Алуштинским историко-краеведческим музеем В. Ф. Вахновскую, а также его сотрудников И. А. Александрову и О. В. Бобылёву, оказавших мне неоценимую помощь в работе с экспонатом.

Находка представляет собой нижнюю угловую часть массивной плиты с тремя частично уцелевшими смежными сторонами (Рис. 2). Размеры обломка: высота – 12 см, ширина – 14 см, длина – 11 см. Судя по однородной мелкозернистой структуре, умеренной плотности, а также характерному светло-серому цвету, камень принадлежит к осадочным породам и, возможно, является известковым мергелем. Передняя и боковая поверхности изделия были лицевыми. Они имеют криволинейный профиль с несколькими уступами у основания, по отношению к которому развёрнуты наружу под углом 113° и 109° соответственно. Нижняя грань архитектурной детали плоская.

Резное убранство фасадов сильно повреждено сколами, а его первоначальные формы на многих местах утрачены. Максимальная высота рельефа на сохранившихся участках составляет 1,3–1,8 см, минимальная – около 0,4 см. Нижняя кромка плиты по ребру украшена слегка уплощёнными круглыми бусами. С тыльной стороны жемчужник обрамлён треугольным в сечении выступом, немного западающим по отношению к основанию. Спереди над ним находится узкая полочка, к которой сверху примыкает растительный орнамент, непрерывной лентой равномерно покрывающий основную часть лицевой поверхности. В качестве раппорта выступает вертикально расположенный и чётко вписанный в прямоугольник лист аканфа. Он имеет симметричную форму, широкую плоскую жилку посередине и три ряда относительно крупных зубцов – заострённых на конце, немного отогнутых книзу, приблизительно одинаковых по величине и конфигурации, с желобчатыми засечками в основании. В его нижней части находятся дуговидно изогнутые боковые отростки, по одному с каждой стороны. Они примыкают к листовой пластине верхним краем и двумя, обращёнными вовнутрь, маленькими зубчиками.

При соединении отдельных раппортов в общую композицию листья аканфа повсеместно соприкасаются друг с другом заостренными концами соседних зубцов, в результате чего между ними появляются глубокие ромбовидные выемки, придающие объёмность и выразительность рельефу. Стык смежных боковых отростков оформлен в виде прямолинейного желобка, причём в угловой части плиты те полностью отсутствуют. Лицевые поверхности порезки гладкие, рисунок орнамента чёткий. Для выборки фона и проработки мелких деталей использовалось сверло диаметром около 0,3 см. Пробуренные отверстия затем увеличивались до необходимых размеров и приобретали окончательную форму при помощи стамески с узким плоским концом. Судя по следам на поверхности камня, использовался инструмент с шириной лезвия 0,5 см.

Примеры подобных произведений каменной пластики, отчасти сопоставимых с ранневизантийскими карнизами [Niewöhner, 2017, p. 316–327, fig. 23, 122, 130–132, 134, 150–157, 162, 176, 177; Biernacki, 2009, s. 54–55, 278–279, 283, tabl. 125, 126], в Крыму известны. Наиболее показательными являются два изделия.

Крупные обломки одного из них были обнаружены М. А. Тихановой в 1938 г. при археологическом изучении Большой базилики Мангупа и расположенной рядом с ней крещальни, неоднократно перестраивавшихся в течение VI–XV вв. Они принадлежат плите «из местного серого известняка», выпуклая передняя грань которой украшена резным ленточным орнаментом, однотипным с партенитским. Верхняя плоскость архитектурной детали гладкая, покрыта многочисленными граффити в виде надписей и рисунков. Её нижняя сторона выровнена зубаткой и имеет прямоугольный в сечении паз, расположенный вдоль лицевой поверхности [Тиханова, 1953, с. 386, рис. 42, в; Хрушкова, 2017, с. 162, рис. 10, 11]. По свидетельству А. Ю. Виноградова, высота изделия равна 10,5 см [IOSPE³, V 183, V 193].

М. А. Тиханова называет находку фризом, предполагает его использование в первоначальной постройке. По мнению исследовательницы, центральная надпись одного из обломков выполнена унциальным письмом V–VI вв., что, по сути, определяет *terminus ante quem* артефакта [Тиханова, 1953, с. 386, рис. 42, в]. В. П. Яйленко датирует граффити VI в. [Яйленко, 1987, с. 163]. А. И. Айбабин подверг сомнению выводы предшественников и, обратив внимание на специфическое сочетание лексем, аргументировано отнёс появление надписи ко времени не ранее XI в. [Айбабин, 1999, с. 123, 124]. А. Ю. Виноградов считает изделие ранневизантийским карнизом и предполагает, что его фрагменты при вторичном применении «были вмурованы в стену верхней стороной наружу и использовались для граффити». Инвокативные надписи на поверхности плиты он убедительно датирует IX–XI и X–XI вв., обосновывая свой вывод палеографическими особенностями текста [IOSPE³, V 183, V 193]. Таким образом, почти на пять столетий смещается и *terminus ante quem* самой архитектурной детали. Последняя датировка подверглась предметной критике со стороны М. А. Курышевой и Б. Л. Фонкича, обозначивших иные, более широкие, хронологические рамки лапидарного источника: IV–XV вв. [Курышева, Фонкич, 2017]. Одновременно с ними Л. Г. Хрушкова, ссылаясь на выводы М. А. Тихановой, относит изделие к VI в. и утверждает, что в этом «можно не сомневаться». Причём находку она называет столбиком, выемка которого «служила пазом для крепления плиты, возможно, от алтарной преграды» [Хрушкова, 2017а, с. 117; 2017б, с. 162, рис. 10].

Вскоре к дискуссии² вновь подключился А. И. Айбабин, дополнивший свои прежние наблюдения результатами изучения стратиграфии. По мнению исследователя, карниз первоначально принадлежал крещальне, которая могла быть возведена в конце VI в., разрушена в период с 784 по 787 гг. и восстановлена в конце VIII столетия. Следовательно, вторичное использование его обломков в качестве обычного строительного камня при возобновлении здания и появление на их поверхности граффити произошло не ранее IX в. – «либо в IX в., либо позднее» [Айбабин, 2021, с. 9–11, рис. 3].

Сравнительный анализ материалов искусствоведческого и археологического исследования резных архитектурных деталей из светло-серого известкового мергеля, рассмотренных совместно с произведениями крымской каменной пластики «из серого известняка, который расщепляется, слоится и крошится» (определение М. А. Тихановой [Тиханова, 1953, с. 378, 386]), свидетельствует о том, что эти изделия, в основном, изначально принадлежат монументальным постройкам IX–X вв. и, как правило, применяют одинаковые формы и орнаментальные мотивы, характерные для популярного в IX–X вв. так называемого «пережиточного античного» стиля [Кирилко, 2022]. Следовательно, нет веских оснований считать находку М. А. Тихановой ранневизантийской, хотя, безусловно, своё вдохновение местные мастера черпали в классическом наследии и ориентировались на доступные им образцы³. Предполагаемое же использование на лицевых участках кладки спойлий в виде вертикально выставленных обломков тонкой плиты (причём дополнительно отшлифованных снаружи под будущие граффити) спорно по целому ряду причин. В частности, хотя бы потому, что, судя по материалам раскопок [Тиханова, 1953, с. 380, 384, рис. 47], здание внутри было оштукатурено и покрыто фресками. На мой взгляд, надписи на поверхности камня могли появиться ещё до разрушения архитектурной детали. Что касается назначения самого карниза, то, учитывая его относительно небольшую высоту (всего 10,5 см), достаточно гладкую верхнюю плоскость и наличие специального паза с нижней стороны для крепления плиты, вероятнее всего, он обрамлял по

² Детальнее о самой дискуссии см.: [Виноградов, Коробов, 2018]. Кстати, нельзя не согласиться с одним из её достаточно концептуальных выводов: «Очевидно, что хронологическое определение появления мангупских надписей будет решаться не рассуждениями их издателя относительно появления минускула в начале IX в., а соображениями о трансформации здания базилики и доступности отдельных его частей для нанесения на них каких бы то ни было текстов» [Курьшева, Фонкич, 2017, с. 177, 178].

³ В этом плане показателен пример мраморного карниза VI в. из Херсонеса [Biernacki, 2009, s. 278, 279, tabl. 126, № 546/973], сопоставимого с мангупским изделием не только декором, но и конструкцией.

периметру менсу престола, имевшего форму ковчега. Либо, как вариант, крышку каменного ящика, использовавшегося в качестве гробницы или костницы. Украшавшая его композиция из листьев аканта является относительно близкой аналогией растительному орнаменту алуштинского экспоната, но сам рельеф выполнен более схематично и без применения жемчужника.

Второе изделие, сопоставимое с находкой Е. А. Паршиной, было обнаружено в 1907 г. Н. И. Репниковым при раскопках партенитской базилики св. апостолов Петра и Павла. Исследователь сообщает о многочисленных фрагментах подобного карниза и публикует графическое изображение одного из них, почти полностью сохранившего лицевую поверхность (Рис. 2,4). По его свидетельству, ширина орнаментированного пояса изделия составляла 11 см [Репников, 1909, с. 115, рис. 55]. Другие размеры не указываются, а масштабная линейка на чертеже отсутствует. Нынешнее местонахождение этого обломка, равно как и всей лапидарной коллекции, полученной при археологическом изучении памятника, неизвестно. В 1998–2001 гг. храм вновь был исследован С. Б. Адаксиной, что позволило убедительно датировать его возведение последней третью X в. [Адаксина, Мыц, 2013, с. 423–427].

Судя по рисунку, резной растительный орнамент, украшавший карниз партенитской базилики, был ленточным и располагался между двумя горизонтальными рядами круглых бус, что роднит его с алуштинским экспонатом, который также мог иметь подобную композицию. Всё изделие завершалось полочкой. Вместе с тем, используемый в качестве раппорта лист аканфа не имеет в нижней части боковых отростков. Отличается он также оформлением зубцов, которые внутри декорированы желобками – двумя в виде канта вдоль края и одним продольным посередине, изображающим жилку. Несмотря на это, карниз из раскопок Н. И. Репникова является наиболее близкой аналогией находке Е. А. Паршиной, что с учётом мангупского примера позволяет уверенно соотнести их по времени и датировать исследуемый артефакт X в. Причём оба изделия вполне могли принадлежать одной постройке – базилике св. апостолов Петра и Павла, резной декор которой даже на одинаковых архитектурных деталях был достаточно разнообразным [Репников, 1909, с. 114, 115, рис. 53–55, 58]. Форма плана, характерный профиль и незначительная высота дают основание считать, что алуштинский экспонат не является фрагментом капители, а представляет собой обломок угловой части карниза или импоста.

Библиография

- АЙБАБИН А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь: Дар, 1999. – 352 с.
- АЙБАБИН А. И. К дискуссии об эпиграфических свидетельствах о деятельности Византии в горном Крыму в VI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. Т. 26. № 6. С. 6–18.
- АДАКСИНА С. Б., МЫЦ В. Л. Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) // ХВ. – 2013. Т. 6(XII). С. 401–503.
- ВИНОГРАДОВ А. Ю., КОРОБОВ М. И. Два критических отклика на публикацию готских граффити с Мангупа // СВ. – 2018. Вып. 79 (1). С. 176–188.
- КИРИЛКО В. П. Искусствоведческие и археологические реалии резного декора из мергеля в архитектуре средневекового Крыма // Актуальные проблемы теории и истории искусства / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – СПб.: СПбГУ, 2022. Вып. 12. С. 135–147.
- КУРЫШЕВА М. А., ФОНКИЧ Б. Л. К палеографической интерпретации греческих граффити Мангупской базилики // СВ. – 2017. Вып. 78 (3). С. 167–179.
- ПАРШИНА Е. А. Отчёт об археологических раскопках в поселке «Фрунзенское» в 1985 г. // Научный Архив ИА Крыма РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 447. – 184 л.
- РЕПНИКОВ Н. И. Партенитская базилика // ИАК. – 1909. Вып. 32. С. 91–140.
- ТИХАНОВА М. А. Базилика // МИА. – 1953. № 34. С. 334–389.
- ХРУШКОВА Л. Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. – Симферополь, 2017а. Вып. XXII. С. 107–138.
- ХРУШКОВА Л. Г. Об одном маленьком юбилее: изучение византийского мрамора в Херсонесе Таврическом // УЗ КФУ. Исторические науки. – 2017б. Т. 3 (69), № 2. С. 147–168.
- ЯЙЛЕНКО В. П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. – 1987. Вып. 48. С. 160–171.
- IOSPE³ – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE³). URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> (дата обращения: 28.01.2023).
- BIERNACKI A. B. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonezu Taurydzkiego. – Poznań, 2009. – 328 s., 266 tab.
- NIEWÖHNER P. The Decline and Afterlife of the Roman Entablature. The Collection of the Archaeological Museum Istanbul and other Byzantine Epistyles and Cornices from Constantinople // Istanbul Mitteilungen. – 2017. Band 67. P. 237–328.

Рис. 1. Общие виды фрагмента. 2022 г. Фото автора.

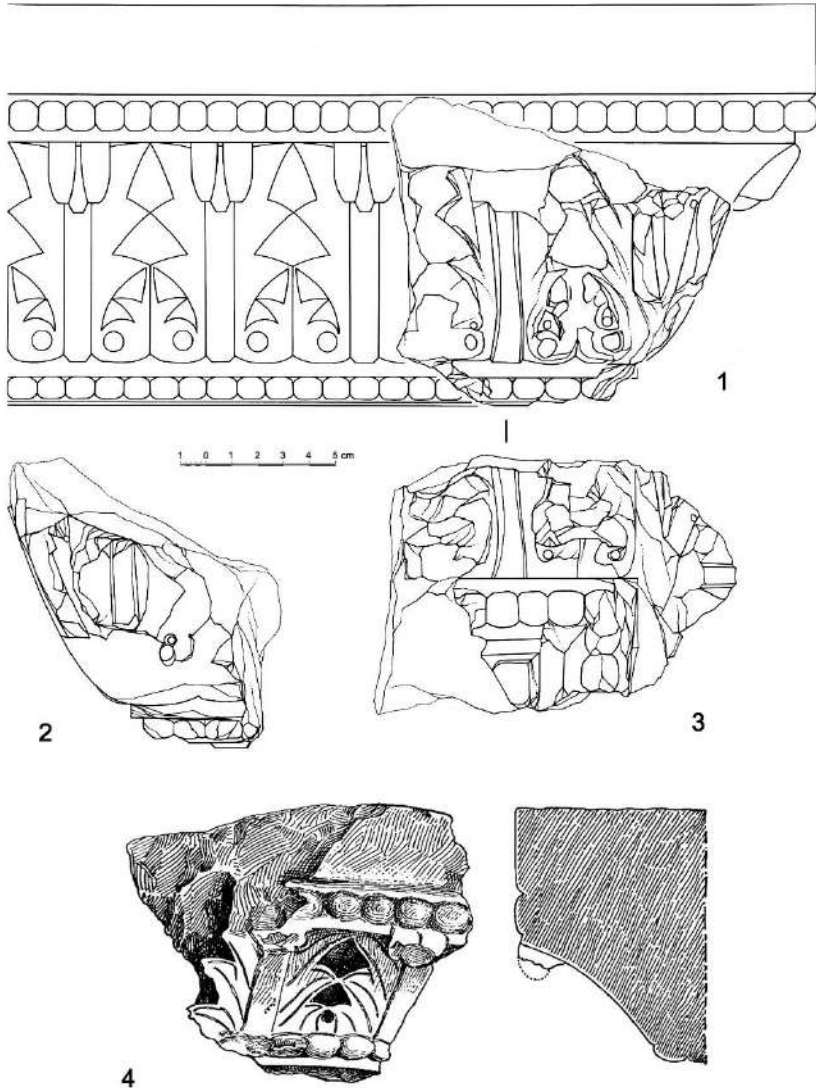

Рис. 2. Виды фрагмента с реконструкцией первоначальной формы:
1 – передний; 2 – боковой; 3 – нижний (чертёж автора);
4 – фрагмент карниза из раскопок Парthenитской базилики
[по: Репников, 1909, рис. 55].

Т. В. КУЩ

Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

ЛЕГЕНДЫ КОНСТАНТИНОПОЛЯ XV ВЕКА¹

Городские легенды – неперенный атрибут истории любого города. Рассказы о прошлом, циркулирующие среди горожан на бытовом уровне, отчасти описывают реальные события, отчасти являются порождением народной фантазии. В византийское время предания, связанные с историей города, имели широкое хождение среди жителей столицы. В них отражалась историческая и культурная память ромеев, сохранявшая значимые образы прошлого. Подобные, часто мифологизированные рассказы бытовали преимущественно в устной форме. Передаваемые из уст в уста истории о людях, событиях и памятниках прошедших эпох со временем обрастали дополнительными деталями, по-новому истолковывались, что приводило к искажению исходной информации, смешению реального и воображаемого, изменению акцентов и появлению новых смыслов, актуальных для рассказчика и слушателей. О подобной трансформации свидетельствуют сохранившиеся источники, в которых повествуется о древностях Константинополя. Таким, к примеру, является сборник *Patria Konstantinupoleos* [Constantinople, 2013; Легенды Царьграда, 2021], где в занимательной форме рассказывается о столичных достопримечательностях [Виноградов, 2022, с. 190]. Истории, имевшие хождение в Константинополе поздневизантийского времени, зафиксированы и в рассказах путешественников. О прошлом города они узнавали от греков, которые делились с ними местными преданиями. Некоторые рассказы сохранились в их путевых заметках и дневниках. Благодаря этим записям мы узнаем о том, что хранила историческая память византийцев и о чём они считали важным поведать иностранцам.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

Прибывавшие в Константинополь путешественники, независимо от целей своего визита, стремились своими глазами увидеть его красоты. Осмотр столицы сопровождался рассказами местных гидов об истории империи и города. Экскурсоводы сообщали о великих правителях и событиях далекого и совсем недавнего прошлого, украшая своё повествование легендами, где сочетались быль и небыль, реальное и чудесное. О том, что услышанное из уст греков производило впечатление на чужеземцев, свидетельствует включение подобных историй в их путевые записки. Так какие же городские легенды были популярными в поздней Византии?

То, что источником информации о прошлом города для чужеземцев выступали сами греки, свидетельствует, в частности, безличный оборот «говорят», с помощью которого в повествование вводились экскурсии в историю или описывались чудеса. Мы можем обнаружить его в записках испанских путешественников Руи Гонсалеса де Клавихо, побывавшего в Константинополе в 1403 г. [Клавихо, 1990], и Перо Тафура, совершившего в 1437–1439 гг. большое путешествие по Средиземноморью [Тафур, 2006]. Оба включили в описание достопримечательностей столицы некоторые городские легенды, о которых слышали во время прогулок по Константинополю (Рис. 1–2).

Одна из расхожих легенд, сохранявшая популярность и в поздне-византийское время, повествовала о строительстве храма Св. Софии [Легенды Царьград, 2021, с. 169, 170]. Перо Тафур пересказывает предание о том, как мальчику, оставленному стеречь на стройке инструменты, явился ангел, обещавший хранить возводимый храм [Тафур, 2006, с. 180]. Правда, он приписывает строительство Св. Софии Константину Великому. Кастильский идальго воспроизводит эту популярную легенду в контексте рассказа о недавней осаде турками Константинополя (1422), о которой он мог узнать только от местных гидов. В изложении Перо Тафура султан, осадивший город, увидел «всадника, ездившего по стене на коне» [Тафур, 2006, с. 179]. Пленный грек объяснил османскому правителю, что это сам ангел охраняет городские стены, и поведал ему о чуде, произошедшем во времена строительства храма Св. Софии. Автор тревелога, составлявший свой труд спустя годы после возвращения из путешествия, в данном случае допускает *lapsus memoriae*. На самом же деле с осадой 1422 г. в обыденном сознании византийцев было связано другое чудо – появление на крепостных стенах Богородицы, которой и приписывали спасение города [Куц, 2019, с. 215–217]. Так, в записках путешественника древняя легенда об ангеле, ставшим хранителем главного храма империи, и новая легенда о явлении небесной заступницы во время недавней осады

наложились друг на друга. Вероятно, путешественник услышал от местных жителей эти два независимых рассказа о чуде, но со временем в его памяти они слились воедино.

Другой испанский путешественник, Руи Гонсалес де Клавихо, описал посещение храма Св. Софии и упомянул о мистическом происхождении одной иконы, которую, как утверждал, он сам там видел. Испанец сообщает, что на верхних хорах находилась икона Богоматери с Иисусом на руках и Иоанном Предтечей, которая чудесным образом проявилась на мраморной плите. Ссылаясь на внешний источник информации, он так передает историю появления нерукотворного образа: «Говорят, что когда камень был обработан и привезён, чтобы быть поставленным в этом священном месте, то заметили на нём эти удивительные святые изображения. И увидев это таинственное и великое чудо, привезли этот камень сюда, так как эта церковь должна была быть главной в городе. Эти изображения казались как бы подернутыми слабой дымкой, подобной лёгкому покрывалу, при ясном небе среди облаков» [Клавихо, 1990, с. 39, 40]. В этом синкретичном рассказе, в котором можно выявить архетипичный сюжет о нерукотворном образе, описание деисуса на хорах Св. Софии и пятничное чудо поднятия покрывала иконы Одигитрии во Влахернской церкви, вероятно, смешались личные впечатления и разные истории, которые он слышал в Константинополе.

Легендами были окутаны и другие памятники столицы. Одной из главных достопримечательностей Константинополя, производившей сильное впечатление на жителей и гостей, была колонна Юстиниана на площади Августин (Рис. 3). Её венчала конная статуя императора – в левой руке он держал шар с крестом, правая была простёрта на восток. В раннюю эпоху жест императорской руки трактовали как предостережение персам, главным врагам империи во времена Юстиниана, от попыток вторжения в ромейские земли; шар же символизировал богоизбранность императора, ведь «благодаря вере в крест стал он властителем всей земли» [Легенды Царьграда, 2021, с. 55]. В поздневизантийское время символическая трактовка образа императора несколько изменилась: шар скорее напоминал о былом величии империи («знак того, что мир был у него в руках»), простертая же рука указывала теперь в сторону турок и предупреждала ромеев, откуда «придет погибель Греции» [Тафур, 2006, с. 174]. Так, в travelogue кастильца, составленном уже после падения Константинополя, императорский жест получил ещё и эсхатологическое истолкование. Но то, что ромеи были уверены: статуя указывает на нового врага, – подтверждает описание колонны у Клавихо. В его рассказе врагом Юстиниана выступали вовсе не персы, а турки, против которых великий

император «совершил в своё время великие и замечательные подвиги» [Клавиho, 1990, с. 39, 40]. Так, в поздневизантийское время колонна воспринималась ромеями не только как «место памяти», но и как указание на новый внешний вызов, брошенный империи, а его идеологический посыл соответствовал текущей политической ситуации.

От местных жителей Перо Тафур услышал и историю о том, что некогда статуя Юстиниана получила повреждения. Во время сильной бури огромный шар («величиной с большой кувшин в пять арроб»), напоминавший испанцу яблоко или апельсин, выпал из рук всадника, и потребовалась значительная сумма денег (восемь тысяч дукатов), чтобы водрузить его на место и укрепить статую цепями [Тафур, 2006, с. 175]. Кастильского идадьго впечатлил и размер шара, и сумма, потраченная на восстановление статуи.

Судя по запискам путешественников, при посещении Ипподрома им рассказывали разные истории, связанные с объектами, здесь находившимися. Так, Клавиho упоминает об обелиске Феодосия, который, впрочем, не сильно заинтересовал его и его спутников: «на постаменте есть надпись, в которой говорится, кто велел поставить этот камень и по какому случаю, но она сделана на латинском и греческом языке, а было уже поздно, и [посланники] не могли задержаться, чтобы прочесть её. Но говорили, что [памятник] был поставлен в честь какого-то великого подвига, совершённого в то время» [Клавиho, 1990, с. 37]. А вот городская легенда, связанная со Змеиной колонной, Клавиho запомнилась (Рис. 4–5). В его вольном пересказе воспроизводится весьма популярная городская легенда о том, что некогда в этой местности водилось много змей, и правивший тогда император с помощью колонны их «заколдовал», избавив таким образом город от их засилья [Клавиho, 1990, с. 37]. Русский паломник Игнатий Смольянин, видевший за десятилетие до Клавиho колонну и детально ее описавший («стоит там столп мѣдян, аки в три пряти свит, вверху разведены, а на кемждо конци по змиевѣ главѣ»), сообщает, что якобы в ней «заклепан» змеиный яд [Majeska, 1984, р. 93]. В записях анонимного русского паломника начала XV в. зафиксирована фольклорная история, что «тыи змии поворачиваются трижды лѣтом» [Majeska, 1984, р. 145]. Местные жители продолжали верить в апотропейный характер колонны и охотно пересказывали гостям столицы связанные с ней многочисленные мифы и легенды.

Особый интерес представляют рассказы местных гидов, в которых отразилась живая память византийцев о разграблении Константинополя крестоносцами в 1204 году. При посещении монастыря Богородицы Перивлелты Клавиho не преминули поведать, что находившаяся там гробница императора Романа III Аргира (1028–1034) была покрыта золотом

и драгоценными камнями, но подверглась разграблению: «Но когда латиняне взяли этот город, около девяносто лет тому назад, то разграбили её» [Клавихо, 1990, с. 34, 35]. Кто допустил путаницу в хронологии – рассказчик или слушатель, не столь важно в данном случае. Важно то, что через двести лет событие казалось грекам не столь отдаленным и память о нём была свежа и болезненна. Важно и то, что ромеи не преминули поведать о бесчинствах латинян представителю Запада.

Особой популярностью среди горожан пользовались истории о чудесах, связанных с реликвиями. В том же монастыре Богородицы Перивлепты хранилась десница Иоанна Крестителя. Монахи поведали Клавихо фольклорную легенду о том, как в Антиохии в языческие времена каждый год местные жители должны были отдавать на съедение дракону одного из их числа. Отец девушки, которой выпал жребий стать очередной жертвой, «пошёл в церковь монахов-христиан в этом городе и сказал им, что не раз слышал, как Господь совершал многие чудеса через святого Иоанна, в которые он уверовал, и хотел бы поклониться этой руке его, хранящейся у них» [Клавихо, 1990, с. 35]. Когда же ему показали реликвию, то отчаявшийся отец «захватил зубами большой палец руки благословенного святого и оторвал его, спрятав во рту так, что монахи не заметили» [Клавихо, 1990, с. 35]. Продолжение рассказа вполне стереотипно: когда чудовище приготовилось заглотить девушку, её отец бросил в разверстую пасть украденную реликвию – дракон тут же умер, а отец, уверовав, обратился в христианство. Эта история, отражающая особенности народной религиозности, по мнению Н. П. Кондакова, является вольным переложением известной христианской легенды о чудесах десницы Иоанна Крестителя [Кондаков, 1886, с. 81].

От местных жителей Клавихо узнал и о действе, происходившем каждый вторник на площади возле монастыря Одигон [Барабанов, 2009, с. 243–258]. Клавихо, который, возможно, присутствовал на вторичном шествии с иконой Одигитрии и лично видел чудо, каждый раз происходившее во время выноса образа. После того, как три или четыре монаха с трудом выносили на площадь перед храмом икону Богородицы, каждый раз появлялся старик, легко поднимавший тяжелый образ, «словно в нём нет веса», нёс его во время шествия, а затем возвращал его в храм. Как замечает Клавихо: «говорят, что никто другой не может поднять его, кроме этого [человека], так как он происходит из рода, угодного Богу, и [потому] может его поднять» [Клавихо, 1990, с. 44]. Сообщение Клавихо о вторичном действе дополняет рассказ Перо Тафура, который, однако, в большей степени опирался на городской фольклор [Барабанов, 2009, с. 255].

Большинство городских легенд, о которых упоминают путешественники, имеют давнюю традицию, были популярны на протяжении не одного века и передавались из поколения в поколение. Однако у Клавихо зафиксирована одна «свежая» история, в которой реальные события приобрели полулегендарный характер. Он подробно рассказывает о противостоянии императора Иоанна V Палеолога (1341–1391) с сыном и соправителем Андроником IV (1376–1379) [Куц, 2014, с. 89], правда, в его изложении конфликт разгорелся между Андроником и его сыном Иоанном VII. Потому в рассказе Клавихо Андроник IV, а не Иоанн V, отказывает в наследстве старшему сыну и передаёт империю среднему сыну Мануилу (будущему императору Мануилу II). Но в целом перипетии конфликта описаны довольно точно: стовор восставшего наследника византийского престола с сыном турецкого султана, ослепление обоих заговорщиков, заточение бунтаря в башне Анема и последующее его бегство к генуэзцам в Галату. Но Клавихо добавил в историю одну «экзотическую» деталь – якобы сердце отца-императора, заключившего в темницу непокорного сына, смягчилось, когда тот задушил огромную змею, проникшую в камеру, после чего пленник и был освобождён [Клавихо, 1990, с. 45]. Очевидно, что такие «подробности» чужеземец мог услышать только из уст ромеев, для которых были ещё памяты события тридцатилетней давности. Народная же фантазия дополнила рассказ о реальных событиях деталями, придавшими истории полулегендарный характер.

Итак, занимательные истории, легенды и предания оставались частью городского фольклора и поздневизантийское время. Одни легенды, возникшие много столетий назад, продолжали жить в исходном или слегка трансформированном виде вплоть до падения империи, другие же, будучи приспособленными к изменившимся реалиям, приобретали новую смысловую нагрузку. Время же рождало и новые «места памяти», в которых факт дополнялся мифологическим содержанием и становился преданием. Популярность среди горожан легенд показывает, насколько для них было важно сохранить связь с прошлым, вновь и вновь актуализируя его, и поделиться этой памятью с теми, кто впервые знакомился с историей города, ведь легенды – один из способов рассказать о себе и собственной культуре.

Библиография

- ВИНОГРАДОВ А. Ю. Заметки о «древностях» Константинополя // АДСВ. – 2022. Т. 50. С. 185–204.
- БАРАБАНОВ Н. Д. Культ иконы Одигитрии в Константинополе в аспекте византийского народного благочестия // Море и берега. К 60-летию С. П. Карпова от коллег и учеников / отв. ред. Р. М. Шукурова. – М., 2009. С. 241–258.

КОНДАКОВ Н. Византийские церкви и памятники Константинополя. – Одесса, 1886. – 229 с.

КУЩ Т. В. Узники башни Анема // ВИ. – 2014. № 11. С. 82–95.

КУЩ Т. В. Чудесное спасение Константинополя от турецкой осады 1422 г. в представлениях византийцев // АДСВ. – 2019. Вып. 47. С. 210–223.

Легенды Царьграда / Пер. и сост. А. Ю. Виноградов. – М., 2021. – 307 с.

Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Перев. И. С. Мироковой. – М., 1990. – 210 с.

Перо Тафур. Странствия и путешествия / пер., предисл. и комм. Л. К. Маснеля Санчеса. – М., 2006. – 296 с.

Constantinople – Accounts of Medieval Constantinople: The Patria / transl. by A. Berger. – Cambridge (Mass.); London, 2013. – 357 p.

MAJESKA G. P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. – Washington, 1984. 463 p.

Рис. 1. Константинополь. Миниатюра (1436).

Рис. 2. Константинополь. Рисунок Кристофоро Буондельмонти (1422);

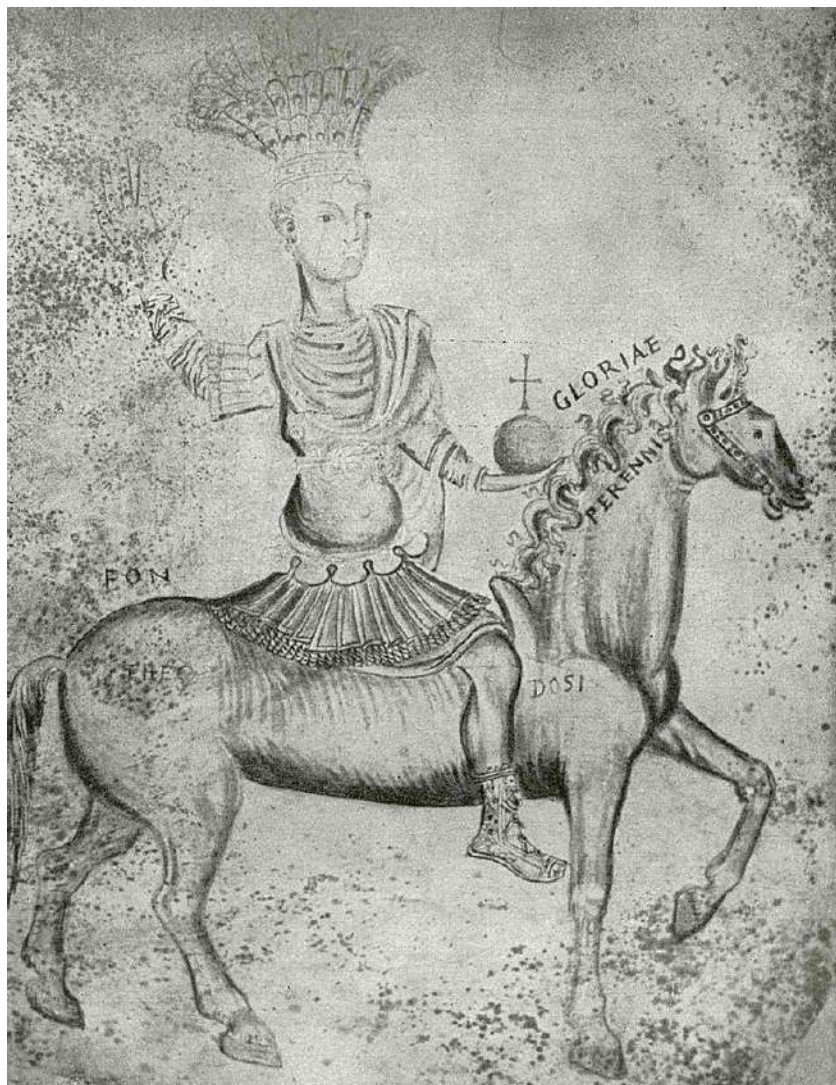

Рис. 3. Конная статуя Юстиниана на Августионе.
Рисунок Кириака Пиццеколли (1430).

Рис. 4. Константинополь. Вид на Святую Софию, Египетский обелиск, Змеиную колонну и обелиск Константина. Анонимный рисунок (ок. 1574).

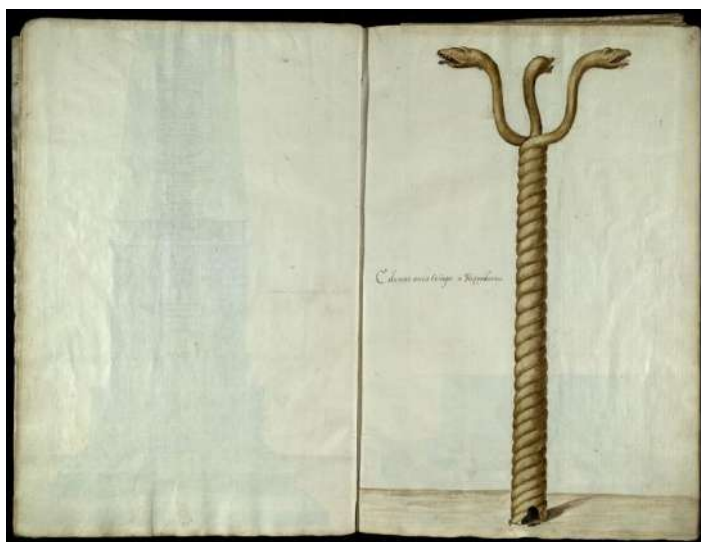

Рис. 5. Константинополь. Змеиная колонна
Анонимный рисунок (ок. 1574).

Е. В. ЛИТОВЧЕНКО

Белгородский Государственный Национальный
исследовательский университет
(Белгород)

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ДУХОВЕНСТВОМ ЗАПАДА И ВОСТОКА В VI В.: ПИСЬМО ЕПИСКОПА АВИТА ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМА О «ДАРЕ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ»

Связь между представителями западного и восточного духовенства после падения Западной Римской империи, как известно, была затруднена не только тем, что на её бывших территориях возникают новые государственные образования варварских народов, но и в силу религиозных разногласий и конфликтов, раздирающих как Восток (например, акакианская схизма 484–519 гг.), так и Запад (Лаврентиев раскол 498–506 гг.). Тем не менее, как с одной, так и с другой стороны, находились высокопоставленные церковники, желающие сохранять коммуникацию и добрососедские отношения. Одним из таких деятелей можно считать Авита, епископа Вьенна с 490 по 518 гг.

Галло-римский город Вьенн находился в ту пору на территории королевства бургундов. Сам Авит был представителем высшей сенаторской аристократии, вероятно, приходился дальним родственником Сидонию Аполлинарию [Mathisen, 1981, p. 100], и, по примеру последнего, выбрал для себя духовную карьеру, практически единственно возможный путь самореализации для интеллектуальной элиты Запада в конце V – первой половине VI в.

Эннодий называл Авита «самым выдающимся епископом Галлии, в котором мудрость заключена, словно в сияющей обители» (*Praestantissimus inter Gallos ... episcopus, in quo se peritita velut in diversorio lucidae domus inclusit*) (Ennod. Vita Epiph. 173), поскольку он способствовал выкупу итальянских пленников по просьбе епископа Павии Епифания после бургундского набега на север Италии. В силу того, что Авит занимал в церкви Бургундского королевства положение своего рода примаса [Pietri, 2009, p. 316], неудивительно, что, благодаря

этой власти, ему удалось утвердить себя в качестве привилегированного собеседника короля по вопросам веры, даже несмотря на то, что Гундобад (473–516) придерживался арианства, а Авит был ортодоксальным христианином. Епископ Вьенна с помощью некоторых высокопоставленных католических чиновников неоднократно призывал арианского короля обратиться, чтобы «вернуть Богу то, что принадлежит Богу, не щадя кесаря» (Avit. Ep. 53; 81 et 82), однако не преуспел с отцом, тогда как с сыном Гундобада, будущим королем бургундов, Сигизмундом, ему всё удалось: король бургундов с 516 по 524 гг. был твердым приверженцем Никейской веры.

В переписке Авита есть послания его коллегам – западным епископам Равенны, Арля, Валанса, Лиона и других городов, а также папам – Симмаху (498–513/514) и Гормизду (513/514–523). У последнего Авит пытался разузнать о духовных разногласиях на Востоке (акакианской схизме); Симмаха же просил ходатайствовать перед патриархом Иерусалима¹ о возможности обретения предмета благочестия, фрагмента истинного Креста² (Ep. 20). Авит пишет (начало письма не сохранилось): «...поэтому, хотя мы и думаем, что у Вас есть одна из частей Святого Креста в Риме, мы всё же верим, что этой щедрой милости следует испрашивать у досточтимого патриарха Иерусалимского ... Он может преподнести нам долю желанного дара таким образом, чтобы освободить нас от любых колебаний и сомнений» (Ibid.). Вряд ли Авит сомневался в подлинности римской реликвии, скорее, они имел в виду укрепление в христианской вере с помощью Животворящего Креста. И далее, собственно изложение просьбы: «В этом почтительном послании я прошу о великой милости: чтобы Ваше Апостольство вручило письмо, адресованное патриарху названной церкви, моему курьеру, чтобы с вашим совместным благословением пришла ко мне поддержка...», при этом, автор письма уповает на «авторитет папского престола» и на «доброту патриарха» (Ibid.).

Судя по всему, искомый предмет был доставлен в земли бургундов, так как Авит пишет патриарху Иерусалима с благодарностью за бесценный дар (Ep. 25). Начинает автор письма с замечания о том, что

¹ Элий, патриарх Иерусалимский (494–516); его патриархат пришёлся на времена акакианского раскола.

² Такого рода дары были типичными дарами с Востока среди священнослужителей, см., например, послания Павлина Ноланского, в одном из которых он упоминает о том, что Мелания Старшая привезла ему из Иерусалим фрагмент Креста Господня (Paul. Nol. Ep. 31.1).

престол Иерусалима занимает почётное место во вселенской Церкви, «демонстрируя не только Ваши привилегии, но и Ваши достоинства, Ваш престол украшает наш Закон³, а Вы сами – свою кафедру». Авит в самых цветистых выражениях благодарит своего восточного коллегу, подчеркивая, что они находятся далеко друг от друга, в разных концах земли: «Я передаю благодарность Вашей Щедрости, так как Ваши дары – награда – не в силу их стоимости, а в силу благостыни Спасения. Вы обогатили бедность нашего края земли своими священными дарами, рассеяли закатную тьму, поделившись с нами светом восходящего солнца». Далее Авит заверяет патриарха, что «дары отправлены достойным получателям» и послужат на благо его региону: «Пусть наши земли будут защищены сей животворящей реликвией, которой Вы поделились с нами, сочтя нас достойным окружением земного Иерусалима, готовым к жизни Небесной». Других писем церковнослужителям Востока у Авита нет, хотя он много раз писал от лица короля Сигизмунда императору Анастасию.

Итак, Авит просвещает монархов в религиозных вопросах, правда, не всегда компетентно, так как о сути конфликтов он узнаёт из третьих рук и часто несвоевременно, выступает посредником между светскими властями Запада и Востока, поддерживает отношения с Римским престолом, отдавая дань уважения папе, а также с восточными патриархами. В письме Элию Иерусалимскому он демонстрирует уважение восточному коллеге, витиевато благодаря его за присланный дар. Страстное желание епископа Вьенна быть востребованной фигурой среди высокопоставленных особ, входить в круг избранных, типичный случай для позднеантичной аристократии, демонстрирующей таким образом свои многочисленные и полезные связи, независимо от того, были ли они светскими людьми или же представителями клира.

³ *Lex Nostra*, речь о католицизме, возможно, в отличие от монофизитской ереси [Avitus of Vienne, 2002, p. 155].

Библиография

MATHISEN R.W. Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul // Transactions of the American Philological Association. – 1981. Vol. 111. P. 95–109.

PIETRI L. Les lettres d'Avit de Vienne. La correspondance d'un évêque «politique» // Correspondances. Documents pour l'histoire de l'Antiquité tardive. Actes du colloque international, université Charles-de-Gaulle-Lille 3, 20–22 novembre 2003 / Delmaire R., Desmulliez J., Gatier P.-L. (Eds.). – Lyon, 2009. P. 311–331.

Avitus of Vienne. Letters and Selected Prose / Transl. with an intr. and notes by D. Shanzer and I. Wood. – Liverpool, 2002. – 464 p.

П. И. ЛЫСИКОВ

Волгоградский государственный университет
(Волгоград)

МИЛЛИОН ИПЕРПИРОВ ДЛЯ РОЖЕРА ДЕ ФЛОРА: ФИНАНСОВЫЙ ВОПРОС КАК ПРИЧИНА КОНФЛИКТА МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И КАТАЛОНСКИМИ НАЁМНИКАМИ В НАЧАЛЕ XIV В.

Присутствие каталонских наёмников в Византии (1303–1311), кульминацией которого стал их мятеж против нанимателей (начался в 1305 г.), фактически парализовавший жизнедеятельность государства на полдесятилетия, является важнейшим событием внутри- и внешнеполитической истории империи в правление Андроника II (1282–1328). Это подтверждается, в том числе, значительным количеством исследований как специального, так и общего характера, посвящённым различным вопросам, связанным с нахождением «компаний» (кат. – *la companyia*) на Балканах вплоть до создания каталонцами собственного государства с центром в Афинах (1311). Так или иначе, в истории этой авантюрной экспедиции на Восток по-прежнему остаются эпизоды, которые нуждаются в дополнительной интерпретации и некотором уточнении. Один из таких эпизодов мы постараемся осветить в настоящей работе.

Начиная с прибытия каталонской дружины в Константинополь (сентябрь 1303 г.) и на всём протяжении её малоазийского похода против турок (до октября 1304 г.), отношения между Андроником II и наёмниками не были безоблачными, а с момента переправы и высадки последних на Галлипольском полуострове (октябрь 1304 г.) они в значительной степени обострились, достигнув кульминации 30 апреля 1305 г., когда в ставке сына и соправителя императора Михаила IX в Адрианополе был убит лидер каталонцев Рожер де Флор, что послужило для них сигналом к открытому мятежу (датировка: [Faiiller, 1990, p. 54–67]). В историографии первопричина конфронтации сторон традиционно виделась в неспособности василевса удовлетворить крайне

завышенные денежные требования Рожера и его солдат (см.: [d'Oliver, 1926, p. 70sq; Laiou, 1972, p. 141; Morfakidis, 1987, p. 27] и др.), с чем мы не можем не согласиться. Финансовый вопрос действительно выступал лейтмотивом претензий, которые каталонцы непрерывно адресовали императору в течение осени 1304 – весны 1305 г. Тем не менее, фундамент для этого неразрешимого, как показало дальнейшее развитие событий, противоречия был заложен ещё в период, предшествовавший прибытию «компании» в Византию.

Если принять истинность утверждения Андроника II, сделанного им на заседании синклита в октябре 1304 г. в адрес находившихся в Константинополе каталонцев, договорённости, достигнутые между ним и де Флором ориентировочно весной 1303 г. [см.: Regesten, 1960, Nr. 2252], с самого начала были грубо нарушены в одностороннем порядке. По его словам, в хрисовуле, отправленном последнему на Сицилию, указывалось точное количество каталонских солдат, которые должны были поступить на службу императору – 500 всадников и 1 000 пехотинцев [Pachymérès, 1999, p. 533²⁵⁻²⁸], тогда как в реальности численность наёмников, оказавшихся в сентябре 1303 г. в столичной гавани, значительно превысила эту цифру: по оценке византийского историка Георгия Пахимера, она составила 8 000 человек [Pachymérès, 1999, p. 431⁵], согласно каталонскому хронисту и участнику экспедиции Рамону Мунтанеру – 6 500 человек [Muntaner, 1860, p. 382; 1921, p. 485, 486]. В противовес своему византийскому оппоненту, тот же Мунтанер сообщает, что два рыцаря, отправленные в Константинополь с целью переговоров с Андроником II, в качестве одного из условий потенциального соглашения должны были предложить, чтобы «император выдал жалованье за четыре месяца всем тем, кого бы он (Рожер. – *П. Л.*) привёл» [Muntaner, 1860, p. 379; 1921, p. 482]; впрочем, неясно, вошло ли это положение в окончательный вариант изданного акта. Поскольку первоисточник – вышеупомянутый хрисовул – не сохранился до наших дней, мы не можем безапелляционно принять одну из имеющихся точек зрения. На наш взгляд, западная версия всё же вызывает некоторые вопросы: учитывая, что размер четырёхмесячного жалованья, которое получали люди де Флора, судя по всему, был установлен ещё во время переговоров между сторонами и включён в качестве условия в изданный по этому поводу хрисовул [см.: Muntaner, 1860, p. 379, 380; 1921, p. 482, 483; ср.: Pachymérès, 1999, p. 433²¹⁻²²], и общая – весьма значительная – сумма, подлежащая выплате наёмникам, таким образом, должна была быть хорошо известна императору, его нежелание в условиях ограниченности ресурсов

государства оговорить количество солдат, поступавших в его распоряжение, представляется, мягко говоря, сомнительным утверждением. Согласно Пахимеру, один из командиров наёмников, Ферран Хименис, в сентябре 1303 г. оказавшийся в столице в числе прочих членов каталонской дружины, «появился незванным» вместе со своим собственным отрядом, но при этом смог договориться с императором в отношении дальнейшей службы в рядах византийского войска (разумеется, с установленным жалованьем, размер которого, следует полагать, не отличался от того, что был ранее определён для людей Рожера де Флора) [Pachymérès, 1999, p. 431⁶⁻⁸]. Впрочем, спустя некоторое время, в результате конфликта между лидерами каталонцев, он покинул пределы империи [Pachymérès, 1999, p. 439¹⁻⁵]. Приблизительно в июле и октябре 1304 г. состав «компании» пополнился отрядами, которые привели с собой Беренгер де Рокафорт (1 200 чел.) [Muntaner, 1860, p. 393; 1921, p. 499] и Беренгер д'Энтенса (1 300 чел.) [Muntaner, 1860, p. 399; 1921, p. 506]. Подобные приращения до такой степени утяжелили финансовое бремя, которым ложились на бюджет государства услуги каталонцев, что к окончанию третьего расчётного периода (об этом ниже) Андроник II оказался не в состоянии оплачивать их в установленном ранее размере.

Прибыв в Константинополь в конце октября 1304 г., Рожер де Флор установил размер требуемых выплат в пределах значительной суммы в 300 000 иперпиров [Pachymérès, 1999, p. 531³⁴⁻⁵³³]. Впрочем, запросы каталонцев для византийского императора не должны были оказаться чрезмерно высокими, поскольку Андроник II за каждый четырёх-месячный расчётный период предположительно расходовал на содержание «компании» примерно аналогичную сумму. По словам Пахимера, на упомянутом выше синклите василевс объявил, что он к тому моменту, то есть примерно за год, прошедший с момента прибытия каталонских наёмников в Византию, уже выплатил им около 1 000 000 иперпиров [Pachymérès, 1999, p. 549³⁰⁻³¹]. Прежде всего, отметим, что любое число, полученное в рамках расчёта денежной суммы, уплаченной каталонцам за 1303–1304 гг., условно ввиду характера, содержания и объёма информации, доступной из имеющегося в нашем распоряжении источникового материала. Это достаточно очевидно иллюстрируют результаты уже проведённых исследований. Так, к примеру, в специальной работе, посвящённой расходам империи на войну в поздневизантийское время, В. А. Сметанин указал, очевидно, исходя из одного свидетельства Мунтанера (см. ниже), что на содержание каталонской

дружины «только в первый год» было израсходовано 100 000 иперпиров [Сметанин, 1975, с. 118]. В результате собственных вычислений А. Лайу предположила, что за восемь месяцев, в течение которых Андроник II содержал каталонскую дружину, он заплатил за её услуги 996 220 (должно быть 996 440) иперпиров (или 870 885 (должно быть 871 885) иперпиров, по данным Пахимера) [Laiou, 1972, p. 186sq., note 108] (цифры использованы М. Бартусисом в специальном исследовании о поздневизантийских военных расходах: [Bartusis, 1991, p. 82]). Американская исследовательница посчитала, что выплаты производились дважды в течение восьми месяцев в размере 58 000 унций, или 498 220 иперпиров (два расчётных периода по четыре месяца), или дважды в размере 43 500 (372 665 (должно быть 373 665) иперпиров) и 58 000 унций (два расчётных периода по три и четыре месяца соответственно). По подсчётам британского специалиста в области византийской нумизматики М. Ф. Хэнди, император трижды выплатил каталонцам по 50 000 унций, или 300 000 иперпиров, в итоге общая сумма выплат к октябрю 1304 г., т. е. за 12 месяцев, достигла 900 000 иперпиров [Hendy, 1985, p. 222sq.], что в целом коррелирует с утверждением Андроника II о выплате почти 1 000 000 иперпиров каталонцам. В своих расчётах оба исследователя полагались на цифры, предложенные Пахимером, а именно 3 унции золота в месяц для всадников и 2 – для пехотинцев [Pachymèrès, 1999, p. 461²⁷⁻²⁸], но пользовались разным эквивалентом: А. Лайу, опираясь на крайне сложные для интерпретации данные Д. А. Закифиноса, посвященные им в его уже ставшей классической работе, посвящённой финансовому кризису в поздней Византии [см.: Zakythinos, 1948, p. 24–26], ввиду чего ей пришлось выяснять соотношение унции и иперпира посредством конвертирования в иперпиры современные греческому византинисту франки Четвёртой Республики (!), определила в качестве эквивалента одной золотой унции 8,59 иперпиров, в то время как М. Ф. Хэнди, насколько это можно понять из его вычислений, руководствовался эквивалентом 6 иперпиров за 1 унцию.

Таким образом, исходя из сведений византийского историка, разница между выплатами тяжеловооружённому рыцарю-каталонцу и легковооружённому пехотинцу-альмугавару составляла всего 1 унцию, что представляется маловероятным. Данные Мунтанера, бывшего казначеем «компаний» и, следовательно, лучше осведомлённого о финансовой стороне её деятельности, на наш взгляд, более надёжны: 4 унции золота в месяц для тяжеловооружённых всадников (*cavall armat*), 2 – для легковооружённых

всадников (cavall alforrat) и 1 – для пехотинцев (home de peu) [Muntaner, 1860, p. 380; 1921, p. 483]. Тем не менее, даже располагая информацией об общей изначальной численности каталонцев, высадившихся в Константинополе в сентябре 1303 г., производить какие-либо расчёты крайне затруднительно:

1. Мы не знаем точное соотношение тяжело- и легковооружённых всадников в наёмном войске, в результате чего следует взять в качестве среднего значения 3 золотых унции на человека, или $1\ 500 \times 3 = 4\ 500$ в месяц, 18 000 за один четырёхмесячный расчётный период;

2. 5 000 чел. в пехотных частях – это общая цифра, получившаяся в результате сложения численности альмугаваров (4 000 чел.) и 1 000 прочих пехотинцев. Поскольку иные уточнения в тексте источника отсутствуют, и те, и другие должны были получать в совокупности 5 000 унций в месяц, или 20 000 унций за один четырёхмесячный расчётный период;

3. Эти расчёты не учитывают постоянные изменения численности каталонского войска в течение года: уход подразделения Феррана Химениса (численность личного состава неизвестна; к слову, согласно Мунтанеру, каждому наёмнику, желавшему покинуть Византию, полагалась выплата на обратную дорогу в размере 50% от четырёхмесячного жалованья [Muntaner, 1860, p. 380; 1921, p. 483]) в течение первого четырёхмесячного расчётного периода, прибытие отряда Беренгера де Рокафорта (1 200 чел.) на рубеже второго и третьего расчётных периодов, потери личного состава в сражениях против турок и т. д.;

4. Во внимание не принимаются ежемесячные выплаты корабельным командам, в частности: 4 унции – капитанам (comit), 1 унция – рулевым (potxer), 20 серебряных таринов – арбалетчикам (ballester) и 25 таринов – носовым гребцам (proher). Известно общее число галер, указанное Мунтанером – 36, однако нет сведений о том, к какому типу они относились, следовательно, затруднительно посчитать численность арбалетчиков и гребцов, которая варьировалась в зависимости от типа корабля [см.: Mott, 1990]. Во всяком случае, можно установить общую численность капитанов и рулевых в пределах 36+36 человек, которые получали 4+1 унции в месяц, или 180 унций в месяц, или 720 унций в четырёхмесячный расчётный период, а более мелкими суммами попросту пренебречь;

5. Наконец, получившаяся итоговая сумма в 38 720 унций за один четырёхмесячный расчётный период сильно отличается от суммы, которую предлагает Мунтанер далее по ходу повествования. Рожер де

Флор в марте 1304 г. заплатил каталонцам в целом за восемь месяцев (т. е. за истёкший и наступивший расчётные периоды) сумму, равнявшуюся ок. 100 000 унций золота, или 50 000 унций – всадникам и 60 000 пехотинцам [Muntaner, 1860, p. 390; 1921, p. 495, 496] (т. е. 110 000 унций золота), или в целом 55 000 за первые четыре месяца (и это без учёта выплат корабельным командам).

Самая сложная часть во всех вышеуказанных расчётах состоит в конвертировании получившейся суммы в иперпиры. Мы полагаем, что эквивалент, предложенный М. Ф. Хэнди, имеет право на существование, поскольку, следует думать, за основу его расчётов была взята простая норма чеканки золотых монет в Византии, соответствовавшая 1 экзагию, или 1/72 византийской литре [Пономарев, 2009, с. 29]. 1 унция, таким образом, равнялась 6 экзагиям [Schilbach, 1982, S. 185]. Вес иперпира постоянно изменялся на протяжении всего поздневизантийского времени, однако вне зависимости от того, сколько золотых монет реально чеканилось из одной литры, их номинальная стоимость прямо не коррелировала с их весом [см. об этом: Пономарев, 2008; 2009]. Если мы возьмём общий размер жалованья, выраженного в унциях и выплаченного Рожером де Флором своим людям за первые 8 месяцев службы в империи, грубо прибавим к ним (невзирая на вышеупомянутые проблемы) сумму выплат за третий расчётный период, аналогичную суммам за первый и второй периоды, или 55 000 унций, а затем получившееся число умножим на эквивалент 6, в конечном итоге мы получим 990 000 иперпиров за 12 месяцев, т. е. фактически ту сумму, которую имел в виду Андроник II, ссылаясь на почти 1 000 000 иперпиров, израсходованных на содержание «компании» за год (или 330 000 иперпиров за 4 месяца, что также соотносится с суммой требований со стороны лидера каталонцев). Наше предположение, кажется, подтверждается также фразой Мунтанера, который дал эквивалент вышеупомянутой суммы в 100 000 унций золота, выплаченной «компании» за 8 месяцев, в серебряных монетах – 6 000 000 [Muntaner, 1860, p. 390; 1921, p. 495, 496] барселонских сольдо, обменивавшихся в это время в пересчёте на иперпиры по курсу 10 к 1 [Muntaner, 1860, p. 408, 409; 1921, p. 518].

Кроме того, мы также считаем, что Андроник II заплатил наёмникам три, а не два раза, в чём следует, в противовес мнению А. Лайу, снова согласиться с М. Ф. Хэнди. Это доказывают несколько фактов, упомянутых в обоих источниках:

1. Мунтанер пишет, что приблизительно в июле 1304 г. Рожер, находясь в приморской крепости Ании, «подкреплял жалованьем всю компанию» [Muntaner, 1860, p. 395; 1921, p. 501]. С июля, по нашей оценке, начинался третий четырёхмесячный расчётный период;

2. Пахимер отмечает, что в октябре 1304 г., в последний месяц пребывания каталонцев в Малой Азии, они «требовали весьма большое жалованье, ... за то, что они *были готовы нести службу*» [Pachymérés, 1999, p. 529²⁻³], и явно не за те четыре месяца, что они провели в экспедиции, не получая денег. Если бы это было так, наёмники, очевидно, потребовали бы сначала уплату по долгам;

3. Наконец, подлежит сомнению само предположение, что Рожер и его люди продолжали вести военные действия в Азии в условиях прекращения выплаты жалованья, что, таким образом, должно было произойти в июне. Отметим, что ранее, в марте 1304 г., каталонцы отказывались выступать из Кизика до тех пор, пока не получили содержание на новый расчётный период [Pachymérés, 1999, p. 461¹⁴⁻¹⁶].

Итак, мы полагаем, что император оплачивал услуги наёмников трижды, и в третий раз Рожер получил деньги, находясь в Ании, вероятно, через посредство прибывшего недавно Беренгера де Рокафорта, до этого посетившего Константинополь, где он «говорил с императором» [Muntaner, 1860, p. 393; 1921, p. 499]. Таким образом, три расчётных периода можно ограничить следующими временными рамками: 1) ноябрь 1303 – февраль 1304 г., 2) март 1304 – июнь 1304 г., 3) июль 1304 – октябрь 1304 г. Окончание третьего расчётного периода совпало с приближающейся зимой и неудачей каталонцев во время осады крупного малоазиатского города Магнисия, где ранее, захватив обоз наёмников, закрепился некий Атталиот, в результате чего де Флор решил подчиниться требованиям Андроника II переправиться в европейскую часть империи.

Давление, которое каталонцы оказывали на императора, принуждая его оплатить их услуги в прежнем объёме на очередной расчётный период, поставило его на грань войны со своими ещё недавно подданными. Наёмники, лишившись содержания, начали усиленно грабить европейские территории государства, а Рожер вёл сложную дипломатическую игру со своим венценосным оппонентом. Чтобы хотя бы на время удовлетворить часть требований «компании», Андронику II пришлось прибегнуть к некоторым исключительным мерам, включавшим в себя введение экстраординарного налога на зерно – ситокрифона [Pachymérés, 1999, p. 539¹⁸⁻³⁰]. В конце концов стороны пришли к соглашению (10 апреля 1305 г.), однако император добился жёсткого ограничения числа наёмников, которые должны были остаться на его службе, в 3 000 чел. (остальных следовало

отправить по домам) [Pachymèrès, 1999, p. 571⁸⁻¹⁰], а также обязался выплатить 33 000 иперпиров [Pachymèrès, 1999, p. 571⁶⁻⁷] (5 500 унций при эквиваленте 6). Неясно, на какой срок была рассчитана эта достаточно скромная сумма, но при любом из возможных раскладов её едва ли хватило бы более чем на месяц. Отметим, что она была, очевидно, впервые за всё время выплачена серебряными монетами – василиконами [Muntaner, 1860, p. 398, 399; 1921, p. 505, 506], официальный курс которых по отношению к иперпиру составлял 12 к 1, но в рамках военной эмиссии он был временно понижен фактически до 40 к 1 [об этом см.: Laurent, 1952, p. 57; Henty, 1985, p. 531sq.; Пономарев, 2009, с. 25, 27]. Дальнейшее существование каталонцев, судя по всему, должно было быть обеспечено за счёт их поселения в Малой Азии [Pachymèrès, 1999, p. 553³²⁻³³; ср.: Muntaner, 1860, p. 401; 1921, p. 508], что являлось важнейшим результатом византийско-каталонских переговоров, несколько опередившим время, но так и не было реализовано. Очевидно, движимый стремлением получить ещё какую-либо денежную сумму от сына и соправителя императора Михаила IX, находившегося в то время в Адрианополе¹, Рожер отправился с частью войска к нему в ставку, где и был убит в результате заговора, оформившегося в окружении младшего василевса, 30 апреля 1305 года.

Таким образом, почва для конфликта между империей и наёмным каталонским войском была подготовлена задолго до его непосредственного начала – фактически ещё в период переговоров, когда одно из важнейших условий заключённого соглашения – ограничение численности наёмников – было грубо нарушено в одностороннем порядке. Очевидно, стремясь мирным путём урегулировать потенциально конфликтную ситуацию, назревавшую к тому же непосредственно в столице государства, Андроник II обеспечил жалованьем всех, кто прибыл с Рожером де Флором, тем самым оказавшись в «каталонской ловушке». Вынужденный уступить под давлением обстоятельств, он более уже не мог навязать свою политическую волю, чтобы тем самым не вступить в противостояние с «компанией», и в дальнейшем закрывал глаза на продолжавшиеся приращения последней. В конечном итоге император оказался неспособен содержать каталонцев на том уровне, который был установлен хрисовулом и затем дополнительно подтверждён в сентябре 1303 г., что привело к резкому обострению его отношений с

¹ Данная точка зрения обоснована в другой нашей статье: [см. Лыиков, 2020, с. 190].

наёмниками и поставило под удар византийские территории. Отметим, что каталонцы не требовали чего-то сверх меры, а настаивали лишь на том, чтобы император продолжал выполнять действующие соглашения в полном (на момент прибытия «компании» в империю) объёме. Попытка василевса уйти от прямого столкновения с «латинянами» оказалась обречена, поскольку по-прежнему нерешённый финансовый вопрос всё же заставил их лидера совершить ошибку и дать выход накопившимся византийско-каталонским противоречиям. Финансовый вопрос, ставший камнем преткновения в отношениях Византии и каталонцев, в значительной мере определил и начало их открытого военного столкновения.

Библиография

ЛЫСИКОВ П. И. Двоевластие? Специфика системы соправительства в Византии на рубеже XIII–XIV вв. и её влияние на ситуацию в государстве // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2020. Т. 25, № 6. С. 180–200.

ПОНОМАРЕВ А. Л. Кризис, которого не было: денежно-финансовая система Византии в конце XIII – середине XIV в. (часть 1) // ВВ. – 2008. Т. 67. С. 17–37.

ПОНОМАРЕВ А. Л. Кризис, которого не было: денежно-финансовая система Византии в конце XIII – середине XIV в. (часть 2) // ВВ. – 2009. Т. 68. С. 25–47.

СМЕТАНИН В. А. Расходы Византии на армию и флот (1282–1453 гг.) // АДСВ. – 1975. Вып. 12. С. 117–125.

BARTUSIS M. C. The Cost of Late Byzantine Warfare and Defense // Byzantinische Forschungen. – Amsterdam, 1991. Bd. XVI. S. 75–89.

D'OLWER L. N. L'expansió de Catalunya en la Mediterrània oriental. – Barcelona, 1926. – 262 p.

FAILLER A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymérés (livres VII–XIII) // REB. – Paris, 1990. Vol. 48. P. 5–87.

Georges Pachymérés. Relations historiques / Ed. et trad. par A. Failler. – Paris, 1999. T. IV: Liv. X–XIII. P. 306–727.

HENDY M. F. Studies in the Byzantine monetary economy, c. 300–1450. – Cambridge, 1985. – xxii, 773 p., [36] p. pl.

LAIUO A. E. Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328. – Cambridge, Mass., 1972. – xii, 390 p.

LAURENT V. Le basilicon, nouveau nom de monnaie sous Andronic II Paléologue // BZ. – München, 1952. Bd. 45. S. 50–58.

MORFAKIDIS M. Andrónico II y Roger de Flor: causas de su enfrentamiento // Erytheia. – Madrid, 1987. No. 8/1. P. 17–31.

MOTT L. V. Ships of the 13th-century Catalan Navy // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. – London, 1990. Vol. 19, No. 2. P. 101–112.

Muntaner 1860 – Crónica catalana de Ramon Muntaner / Ed. A. de Bofarull. – Barcelona, 1860. – 612 p.

Muntaner 1921 – The Chronicle of Muntaner / Transl. by L. Goodenough. – London, 1921. Vol. II. – P. xxiv, 371–760.

Regesten der Kaiserurkunden des Östromischen Reiches von 565–1453 / bearb. von F. Dölger. – München; Berlin, 1960. T. 4: Regesten von 1282–1341. – xxx, 165 S.

SCHILBACH E. Byzantinische metrologische Quellen. – Θεσσαλονίκη, 1982. – xxvi, 204 S.

ZAKYTHINOS D. A. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. – Athènes, 1948. – 151 p.

В. В. МАЙКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

В. В. ВАХОНЕЕВ

Институт истории материальной культуры РАН
(Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РЕПЕРАХ ВИЗАНТИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ТАВРИКИ XII В.

В последние годы дискуссия о степени и характере византийского присутствия в Таврике в XII в. является одной из важных византиноведческих проблем. Для её аргументированного решения источники археологические, в том числе сфрагистические и нумизматические, имеют первостепенное значение. Их пополнение – залог успешного продвижения вперед. Однако, помимо увеличения источниковой базы необходимо выделять в ней и находки, являющиеся хронологическими реперами для членения древностей средневизантийского периода. В качестве таких массовых хронологических реперов, помимо редкого сфрагистического и нумизматического материала, логично рассматривать только амфорные находки. При этом наши рассуждения по этому поводу будут верны только в том случае, если признать последовательную эволюцию основных типов византийских амфор второй половины X–XIII вв. и отсутствие длительного сосуществования предшествующих и последующих типов.

Относительно Таврики, экономические связи которой с Империей в указанный хронологический период были чрезвычайно интенсивными, механизм и время смены одного типа амфор другим были практически синхронными.

В настоящее время для юго-восточной Таврики можно уверенно говорить о четырёх наиболее массовых типах византийских амфор, поступавших в эту часть полуострова с середины X и до середины XII в.

Именно такими хронологическими рамками, исходя из закрытых комплексов Сугдеи, датируется и чаще всего встречаемый тип с венчиком в виде так называемого отложного воротничка. Он подробно описан в литературе, что избавляет от повторений. В данной работе хочется обратить внимание на наиболее поздний вариант этих амфор, который, согласно эволюции их развития, и должен датироваться первой половиной XII в.

Источником для исследований послужили археологические материалы, полученные в ходе подводных археологических работ 2017 и 2019 гг. в бухте посёлка Новый Свет, являвшейся в рассматриваемый хронологический период основным товарным портом средневековой Сугдеи. Так, в 2017 г. на участке исследований с остатками кораблекрушения XI–XII вв. была заложена полоса (участок № 2/2017) общей площадью 300 м². Этот участок исследований был необходим для выяснения общей картины характера распределения материала на этой территории в сторону моря на большие глубины. В 2019 г. на юго-западном участке был разбит разведочный шурф для выяснения характера распределения археологического материала и также уточнения границ его распространения в сторону берега. Выбор места для шурфа был обусловлен наличием значительных скоплений и развалов керамического материала на поверхности дна. Общие размеры шурфа составили 3×3 м, а средняя глубина – 0,75 м. Интересующие нас материалы из раскопок 2019 г. опубликованы в обобщающей работе о раскопках этого года, однако без какого-либо анализа [Горбунов, Иванов, Зеленко, 2020, с. 132, рис. 2, 3]. Материалы подводных работ 2017 г. пока не введены в научный оборот.

Рассматриваемый нами наиболее поздний вариант воротничковых амфор (Рис. 1, 1-4) хорошо известен. На основании массовых подводных находок он неоднократно анализировался и в плане морфологических особенностей, и в плане технологии изготовления [Гинькут, Лебединский, 2018, с. 151–165]. В последней типологии всех средневизантийских амфор из находок в бухте посёлка Новый Свет, составленной относительно недавно [Morozova, Waksman, Zelenko, 2020, fig. 1,9-11], интересующие нас сосуды традиционно выделены в тип III, являющийся переходным от амфор с венчиком в виде отложного воротничка к амфорам с высокоподнятыми ручками. В этой статье приведён и подробный химический анализ амфор из «кораблекрушения» X–XI вв. в бухте посёлке Новый Свет. Этот анализ показал неоднородность состава выделенных типов и, таким образом, вывод о сосуществовании разных типов в качестве груза одного корабля, на наш

взгляд, представляется невозможным. Совершенно не исключено, что мы имеем дело и с кораблекрушением, и с результатом активной деятельности Сугдейского порта со второй половины X и до конца третьей четверти XIII в.

Однако, на наш взгляд, не все амфоры, отнесённые к рамматриваемому типу, однородны даже морфологически. В данном случае нас интересуют образцы, у которых на месте перехода к венчику максимально сужено горло, а у самого слегка утолщённого венчика либо вообще отсутствует «воротничок» [Гинькут, Лебединский, 2018, с. 157, рис. V,2,3; Майко, 2014, с. 356, рис. 89,3] (Рис. 1,1,3), либо, напротив, он ярко выражен [Майко, 2014, с. 356, рис. 89,4-6] (Рис. 1,2,4). При этом ручки, почти всегда высоко поднятые над венчиком, могут быть и подовальными в разрезе, и подтреугольными (Рис. 1,3). Характерным отличием является и ярко выраженное «вдавливание» венчика в плоскость ручки, являющееся отличительным признаком классического варианта более поздних амфор с высокоподнятыми ручками.

К сожалению, для средневековой Сугдеи известно всего два комплекса, полностью закрытым из которых можно считать только один [Майко, 2014, с. 89, 90], где эти амфоры предположительно датируются первой половиной XII в. Находки из бухты посёлка Новый свет чёткой археологической привязки не имеют.

Одной из ярких и чрезвычайно редких находок сезона 2017 г. стало обнаружение верхней части рассматриваемого варианта амфор с дипинти, нанесенным черной краской (Рис. 1,4). Это всего третья находка для восточной Таврики, первые две, выполненные как чёрной [Майко, 2014, с. 365, рис. 98,1], так и красной краской [Майко, 2014, с. 365, рис. 98,2] были получены при проведении наземных раскопок Сугдеи. Нам неизвестны опубликованные находки дипинти на этом типе амфор из других регионов полуострова. Среди всех опубликованных материалов Таматархи подобная находка всего одна [Чхаидзе, 2008, с. 159, рис. 87,4]. Более того, среди всех остальных типов средневизантийских амфор восточного Крыма X–XII вв., дипинти, нанесённое чёрной краской, отмечено только на одном конически-вытянутом сосуде, являвшимся голосником храма Иоанна Предтечи в Керчи [Мыц, 2022, с. 213, рис. 4–6]. Как известно, более распространены дипинти на византийских амфорах с дуговидными ручками середины XIII–XIV вв., но этот тип амфорной тары выходит за рамки выбранной нами темы и не является предметом настоящего исследования.

Дипинти, единственное из трёх восточно-крымских образцов сохранившееся полностью, представляет собой монограмму имени Иоанна (Ιωάννης) с верхним титулом, усложнённую наличием в нижней части греческой буквы *φι* (ϕ).

Наиболее подробно дипинти на воротничковых амфорах были рассмотрены в статье В. В. Булгакова [Булгаков, 2001, с. 153–164]. Автор составил корпус из 77 образцов, зафиксированных на 75 сосудах, справедливо отнеся подавляющее число знаков к 17-ти именованным основам. В частности, имя Иоанна по частоте встречаемости занимает второе место [Булгаков, 2001, с. 155]. Среди приведенных 10 вариантов его написания несколько приближен к нашему только второй вариант [Булгаков, 2001, с. 161, рис. 8, № 12,25]. Это не удивительно, поскольку полностью тождественного дипинти с именем Иоанна (Ιωάννης) нет ни одного.

В плане выделения хронологических «амфорных» маркеров, как для первой, так и для второй половины XII в., безусловный интерес представляют амфоры переходного типа. Они уже рассматривались в литературе [Майко, 2014, с. 90]. На основании находок из Сугдеи была выделена группа сосудов, имеющих высокоподнятые овальные в сечении ручки, совершенно аналогичные классическому варианту амфор с высокоподнятыми ручками. Аналогично выполнен и уплощённый венчик с небольшим утолщением по краю. Однако у этих амфор не веретенообразное тулово, а грушевидное, полностью аналогичное не столько воротничковым, сколько сфероёмкостным амфорам. Очень близко и мелкое гребенчатое рифление, занимающее всю плоскость тулова, кроме горла и придонной части.

Именно такая амфора и была обнаружена в ходе подводных работ в Новом Свете в 2017 г. (Рис. 2,1). Совершенно аналогичная амфора давно известна специалистам и происходит из турецкого музея подводной археологии в городе Бодруме (Рис. 2,2). Впервые она была опубликована ещё в 1993 г. [Garver, 1993, p. 106, ill. 37]. При разработке типологии византийских амфор на неё обратил внимание и В. В. Булгаков [2000, рис. 46]. Однако ни один, ни другой исследователь не отметили её уникальность, а посчитали типичным образцом амфоры с высокоподнятыми ручками. Второй подобный экземпляр (Рис. 2,3), происходящий из коллекции Генического краеведческого музея, был опубликован В. Е. Науменко и Л. Ю. Пономарёвым [Науменко, Пономарёв, 2008, с. 210, рис. 3], также не обратившими внимание на необычность сосуда. Необходимо отметить и наличие граффити в виде крупной чётко прочерченной буквы *πι* (π) на публикуемой амфоре из Нового Света.

На амфоре из Генического музея также отмечены многочисленные граффити в виде нескольких греческих букв *фи*, *пи*, *альфы*, *лямбды* (ΦπΑλΔ), обрамленных двумя разнонаправленными трезубцами в виде «птичьих лапок» [Науменко, Пономарёв, 2008, с. 210, рис. 3]. В этой связи стоит напомнить, что именно на амфорах с воротничковым венчиком отмечено наибольшее количество известных граффити.

На наш взгляд, перед нами всё же сосуд переходного типа, возникший как раз в период эволюции рассмотренного выше наиболее позднего варианта воротничковых амфор к амфорам с высокоподнятыми ручками. При такой постановке вопроса такие сосуды можно рассматривать в качестве безусловного хронологического индикатора для древностей, по крайней мере, середины – второй половины XII в.

Таким образом, подводные археологические исследования в бухте посёлка Новый Свет пополнили коллекцию амфорного материала второй половины XI – XII в., который при обнаружении в археологических контекстах, тем более, в закрытых комплексах, может стать хорошим хронологическим индикатором.

Библиография

- БУЛГАКОВ В.В. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал. – 2000. № 4 (5), июль – август. Электронный ресурс (код доступа): <http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm> (дата обращения 14.01.23).
- БУЛГАКОВ В. В. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морська торгівля в Північному Причірномор'ї. – Київ, 2001. С. 153–164.
- ГИНЬКУТ Н. В., ЛЕБЕДИНСКИЙ В. В. «Воротничковые амфоры» типа Günsenin II с затонувшего близ Балаклавы византийского корабля // АДСВ. – Екатеринбург, 2018. Т. 46. С. 151–165.
- МАЙКО В. В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. – Киев, 2014. – 467 с.
- МЫЦ В. Л. Амфоры-голосники из храма Иоанна Предтечи в Керчи и проблема датировки памятника // Археология Евразийских степей. – 2022. № 4. С. 206–227.
- ГОРБУНОВ П. А., ИВАНОВ С. В., ЗЕЛЕНКО С. М. Подводные археологические исследования в акватории Судакской бухты у поселка Новый Свет в 2019 г. // ИАКр. – Симферополь, 2020. Вып. XIII. С. 129–134.
- НАУМЕНКО В. Е., ПОНОМАРЕВ Л. Ю. Средневековые амфоры из фондов Генического краеведческого музея // IX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. «Militaria» (Керчь 21–25 мая 2008 г.). Тезисы докладов и сообщений. – Керчь, 2008. С. 203–210.

ЧХАИДЗЕ В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. – М.: ТАУС, 2008. – 328 с.

GARVER E. L. Byzantine amphoras of the ninth through thirteenth centuries in the Bodrum Museum of Underwater Archaeology. – Unpublished MA thesis, Texas A & M University, 1993.

MOROZOVA Y., WAKSMAN S.Y., ZELENKO S. Byzantine amphorae of the 10th–13th centuries from the Novy Svet shipwrecks, Crimea, the Black Sea: Preliminary typology and archaeometric studies // Multidisciplinary approaches to food and foodways in the medieval Eastern Mediterranean. – Lyon, 2020. P. 429-446.

Рис. 1. Византийские воротничковые амфоры наиболее позднего варианта из подводных исследований в бухте поселка Новый Свет. 1, 2, 4 – Новый Свет, 2017 г.; 3 – Новый Свет, 2019 г.

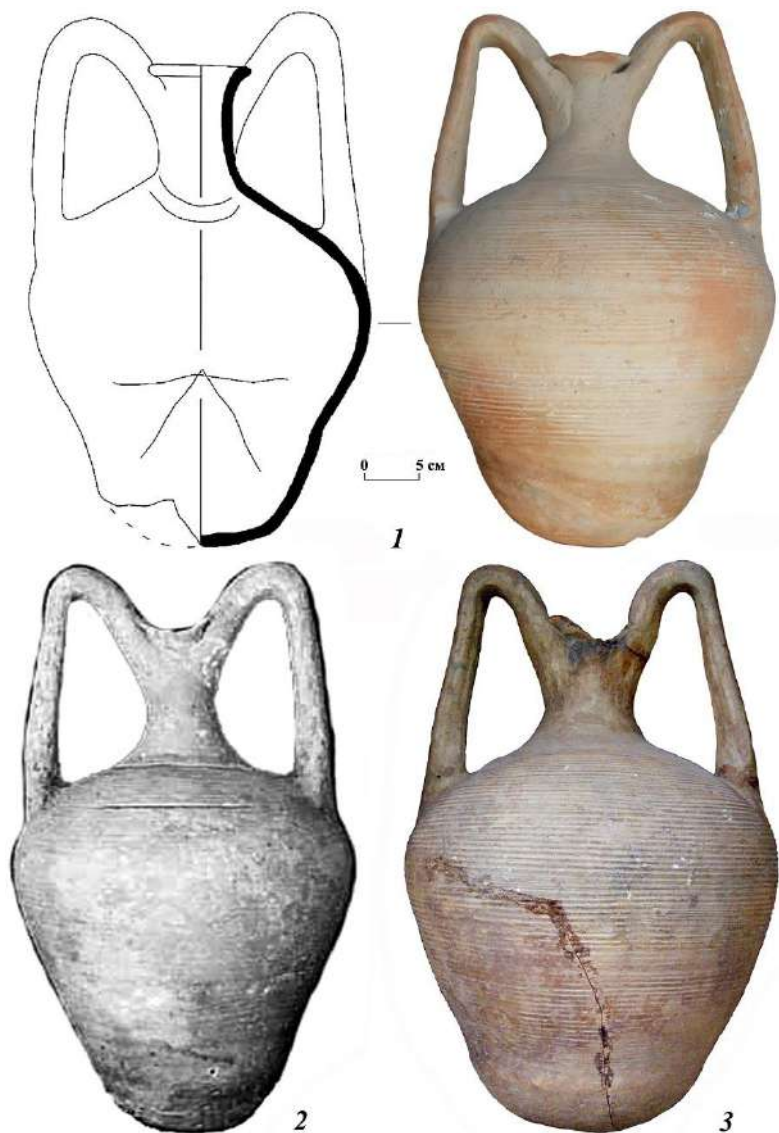

Рис. 2. Византийские амфоры переходного типа
из подводных исследований.
1 – Новый Свет, 2017 г.; 2 – музей подводной археологии г. Бодрум
(Турция); 3 – Генический краеведческий музей (Херсонская область).

А. В. МАСТЫКОВА

Институт археологии РАН
(Москва)

**РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ БУСЫ
ПОСЕЛЕНИЯ ЭЖ-ЖАУЗЕ (EJ-JAOUZÉ) В ЛИВАНЕ¹**

Поселение открытого типа Эж-Жаузе (Ej-Jaouze) находится в 45 км к востоку от Бейрута, в горах Центрального Ливана, на высоте 1410 м. Оно располагалось вдоль дороги античного и средневекового времени, функционирующей и поныне, между Бейрутом и Дамаском. Начиная с 2003 г. памятник исследуется миссией французского Института Ближнего Востока, под руководством Д. Пьери и Л. Накузи, при участии других французских и ливанских археологов [предварительная информация о раскопках: Nacouzi, Alpi, Pieri, 2004; Nacouzi, Pieri, Zaven, 2016; Nacouzi et al., 2018; Nacouzi, Pieri, 2019].

На памятнике выявлены остатки каменных строений, в том числе больших сооружений из тесанного камня в юго-восточной части поселения, в то время как в его северо-западной части зафиксированы более скромные однокамерные постройки. К северо-востоку от поселения, на возвышенности, находится античный некрополь, где на поверхности хорошо видны шесть больших саркофагов из известняка. Исследованиями установлено, что территория памятника была обжита уже в эпоху бронзы.

Раскопками выявлено два основных периода функционирования поселения: «ранневизантийский» (IV–VIII вв.) и «средневековый», эпохи королевств крестоносцев и мамлюков (XIII–XV вв.).

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Это горное поселение было интегрировано в экономическую жизнь региона, о чём свидетельствуют как предметы внешнего импорта, в частности бусы, о которых пойдёт речь, так и явные следы производственной, в первую очередь, сельскохозяйственной, впоследствии металлургической, деятельности (Рис. 1).

Для «ранневизантийского» периода выявлены остатки богатой резиденции, терм, двух виноградных прессов, а также три коллективные могилы с относительно богатым инвентарём (золотые серьги) и монетами конца IV в. К этому периоду жизни поселения относятся остатки импозантного сооружения прямоугольной формы (36×25 м), построенного из хорошо обтесанных блоков известняка, происходящих из ближайшего карьера (Рис. 2). Найдено большое количество архитектурных элементов, связанных с этим зданием: мраморные облицовочные плиты, фрагменты мозаики, черепица с клеймом *Maximos* и изображением так называемого мальтийского креста. Все эти элементы, необычные для рядового сельского поселения, свидетельствуют о существовании здесь богатой резиденции протовизантийского периода. Такая интерпретация подтверждается и находкой небольших терм, пристроенных к комплексу резиденции. Термы, сооружение прямоугольной формы, построены по хорошо известным канонам римских бань, с анфиладой из трёх помещений, соответствующих этапам посещения бани у римлян: вымощенный известняковыми плитами «холодный» зал с хорошо сохранившейся ванной, обложенной белым мрамором, со скамьями, скрепленными бронзовыми аграфами. «Теплый» и «горячий» залы оборудованы гипокаустом и отопительным каналом. Винодавильни, обнаруженные на поселении, отличаются большими размерами, они могли производить от 600 до 800 амфор вина в год.

На памятнике выявлены слабые следы обитания X–XI вв., о чём можно судить по находкам керамики соответствующего времени. Поселение «крестоносного» и «мамлюкского» периодов (XIII–XV вв.) имеет уже более скромный характер, чем в протовизантийский период. Для сооружений этого времени нередко используются остатки ранневизантийских построек или же скальная стена. Для средневекового периода фиксируются следы активной деятельности по производству железа, что вероятно связано с близостью месторождений с качественной железной рудой. Остатки ранневизантийской резиденции трансформированы в зону ремесленной деятельности, здесь обнаружена железоделательная печь. Следы развитого железоделательного производства отмечены и на соседних средневековых поселениях.

В одной из могил (F2-41) поселения Эж-Жаузе были обнаружены стеклянные бусы, составлявшие единый набор, в который входили разнообразной формы небольшого размера удлинённые цилиндрические и призматические синие, округлые желтые, биконические бирюзовые и другие бусы. Среди них выделяется две бусины, которые будут рассмотрены подробно. Первая – призматическая со скошенными углами из синего стекла с накладным декором в виде полихромного глазка: чёрно-жёлто-красного цвета (Рис. 3,11). Вторая бусина шаровидной формы, мозаичная, с чередующимися зелёными квадратами с жёлтыми лепестками, край бусины обрамлён красной полосой (Рис. 3,31).

Подобные бусы встречаются на средневековых памятниках Юго-Западного Крыма. На могильнике Лучистое представлены и мозаичные бусы, и призматические с накладным глазком, например, в погребении 3 склепа 38, первой половины VII в. или в погребении 1 склепа 42, 550–625 гг. [Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 35, табл. 184, 185]. В катакомбе 32 могильника Адым-Чокрак, расположенного у южных склонов Мангупа [Wemmann et al., 2013, Taf. 4:10.1; 14:5; 20:4.1], мозаичные бусы найдены вместе с двумя пряжками: цельнолитая с фигурным щитком, украшенным перекрещивающимися линиями (тип D 20) и цельнолитая с удлинённым щитком с дисковидным окончанием (тип D 15), которые, согласно хронологии М. Шульце-Дёррламм, датируются временем около 600/610 по 670/680 гг. [Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 184–186, 189–192, 247, 248].

Бусы обоих типов известны на могильнике Дюрсо (Черноморское побережье Кавказа), который оставили готы-тетракситы: погребение 135, второй половины V – второй половины VII в.; погребение 228, второй половины VI – первые десятилетия VII в. [Могильник Дюрсо, 2021, с. 232–234, 354, 355, рис. 169; 268:1.4.3]. На могильнике протоадыгского населения Пашковский № 1 (г. Краснодар) призматические бусы с накладным глазком обнаружены в погребении 2 1948 г., которое отнесено к шиповскому горизонту, т. е. 430/470–530/570 гг. [Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 81, табл. 26-1:60].

Мозаичные бусы и призматические с накладным декором представлены в антских древностях, например, в Гапоновском [Обломский, Гавритухин, 1996] и Куриловском кладах [Родинкова, 2010], которые можно датировать временем от второй половины / последней трети VI в. до первых десятилетий / середины VII в. (Рис. 4,1-3).

Бусы, найденные в Эж-Жаузе, хорошо известны на мерovingском Западе. Колье, в состав которого входят рассматриваемые бусы, лучше всего представлены в фазе 2 раннемерovingского периода (520/530 – 560/570 гг.), хотя появляются несколько ранее и продолжают существовать

позднее, до 600/610 гг. Напомню, что абсолютная хронология древностей западной части меровингского королевства основывается на изучении 192 закрытых комплексов, содержавших монетные находки или имеющих твердые дендродаты [Legoux, Périn, Vallet, 2016] (Рис. 5).

Подобные наборы бус представлены и у аламаннов. Аналогичные бусы-миллефиори известны, например, в некрополе Шрецхайм / Schretzheim (Южная Германия) в могилах 83, 128, 201, 207, 262, 284, 514, 579, которые по хронологии У. Кох относятся к третьему этапу, т. е. 565–590/600 гг.; а могилы 157, 335, 351, 445, 505, 553, 283, 461, с такими же бусами относятся к четвертому этапу, т. е. 590–620/630 гг. [Koch, 1977].

Эти внешние параллели иллюстрируют широкое распространение бус ранневизантийского периода, найденных в Эж-Жаузе, что подтверждает мнение исследователей памятника об интегрированности жителей этого поселения в экономическую жизнь того времени. С другой стороны, бусы рассмотренных здесь типов свидетельствуют о существовании общей моды, где одинаковые наборы бус повторяются на удалённых друг от друга территориях. Видимо, можно говорить о каком-то общем, вероятно, средиземноморском источнике их изготовления, откуда могли поставляться как отдельные изделия бус, так и уже составленные наборы ожерелий, которые и формировали моду на «средиземноморские» колье.

Библиография

- АЙБАБИН А. И., ХАЙРЕДИНОВА Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. – Симферополь; Керчь, 2008. – 334 с.
- МАСТЫКОВА А. В., КАЗАНСКИЙ М. М., САПРЫКИНА И. А. Пашковский могильник № 1: В 2-х томах. Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника № 1 / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. – 372 с.
- Могильник Дюрсо. Каталог. Часть 1. Коллективная монография (Дмитриев А. В., Клемшов А. С., Малышев А. А., Мастыкова А. В., Медникова М. Б.) / Под ред. А. А. Малышева. – М.: ИА РАН, 2021. – 448 с.
- ОБЛОМСКИЙ А. М., ГАВРИТУХИН И. О. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст // Раннеславянский мир. – М., 1996. № 3. – 296 с.
- РОДИНKOBA B. E. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. – 2010. № 4. С. 78–87.
- WEMMANN J., SCHNEIDER K., GERCEN A., ČERNÝŠ S., MAČZYŃSKA M., URBANIAK A., von FREEDEN U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuße des Mangup. – Mainz, 2013. – 160 p.
- KOCH U. Das Reihengräberfeld bei Schretzheim. – Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1977. 225 S.; 147 S. (Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit; Serie A. Bd. XIII).

LEGOUX R., PERIN P., VALLET F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. – Saint-Germain-en Laye: Association française d'Archéologie mérovingienne, 2016. – 71 p.

SCHULZE-DÖRRLAMM M. Byzantinische Gürtelschnallen im Römischen-Germanischen Zentralmuseum. Teil I: Die Schnallen mit ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit festen Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. – Mainz, 2002.

NACOUZI L., et alii. Ej-Jaouzé (Metn). Rapport des travaux menés en 2014, 2015 et 2016 // Bulletin d'Archéologie et d'Architecture libanaises – 2018. Vol. 18. P. 79–200.

NACOUZI L., ALPI F., PIERI D. Ej-Jaouzé (Metn, Liban). Mission de 2003 // Bulletin d'Archéologie et d'Architecture libanaises – 2004. Vol. 8. P. 211–261.

NACOUZI L., PIERI D. Ej-Jaouzé, village antique de la montagne libanaise // Dossiers d'archéologie. – 2019. N° 392. P. 36–37.

NACOUZI L., PIERI D., ZAVEN T. Ej-Jaouzé (Metn). Rapport des travaux menés en 2012–2013 // Bulletin d'Archéologie et d'Architecture libanaises – 2016. Vol. 16. P. 131–191.

Рис. 1. Общий вид памятника Эж-Жаузе (Ej-Jaouzé), Ливан
Фото А. В. Мастыковой.

Рис. 2. Эж-Жаузе. Ранневизантийская постройка
Фото А. В. Мастыковой.

Рис. 3. Эж-Жаузе. Стекланные бусы из могилы F2-41
Рисунок С. Л. Богаченко.

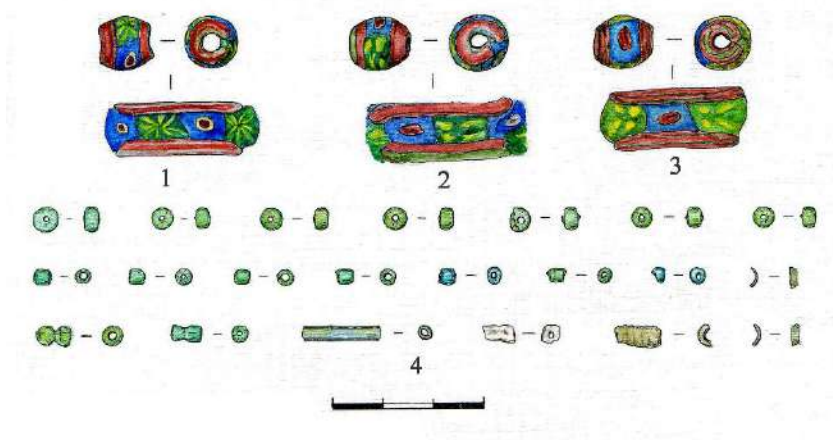

Рис. 4. Бусы из Куриловского клада
Рисунок С. Л. Богаченко.

Рис. 5. Колье II-го типа по меровингской хронологии
[по: Legoux, Périn, Vallet, 2016, p. 51].

А. И. НАБОКОВ

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Лаборатория «Византийский Крым»
(Симферополь)

АРХИТЕКТУРА ГРУНТОВЫХ СКЛЕПОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI–VIII ВВ. НА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКАХ ОКРУГИ МАНГУПА¹

В период 1989–2022 гг. Мангупской археологической экспедицией КФУ им. В. И. Вернадского (руководитель – А. Г. Герцен) изучались могильники ранневизантийского времени в округе Мангупского городища (Рис. 1). Наиболее ранний из них – Алмалыкский, расположенный на юго-восточном склоне Мангупского плато, датируется второй половиной – концом IV – VII в. [Науменко, Герцен, Набоков, 2022, с. 186, 187]. Могильники Южный I и Южный II на южном склоне Мангупа появляются во второй половине VI в. Несколько позднее, вероятно, в конце VI – начале VII в., в 0,55 км к югу от них, возникает Адым-Чокракский некрополь. Могильники Южный I, Южный II и Адым-Чокрак прекращают функционировать в конце VIII – первой половине IX в. [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 39]. На всех перечисленных раннесредневековых некрополях Мангупа археологические исследования носили, в основном, охранно-спасательный характер, что было связано с их масштабным ограблением в 90-х гг. XX – начале XXI в.

Типология грунтовых склепов, разработанная для могильников Мангупского городища, позволяет проследить изменения в их архитектуре в рамках нескольких столетий. Основываясь на анализе особенностей архитектуры склепов, их корреляции с датированными комплексами, удастся соотнести даже полностью ограбленные сооружения с определенным хронологическим периодом. Всего было

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

выделено 10 типов таких склепов: А1-А2, В1-В2, С1-С2, D1-D2, Е1-Е2 (Рис. 2). На Алмалыкском могильнике наиболее распространены ранние группы склепов типов А и В (второй половины/конца IV–VI вв.), типа С и, в меньшей степени, типов D1, D2, Е2. На остальных некрополях южной периферии Мангупа, в основном, встречаются склепы типов D и Е [Набоков, 2022]. Время сооружения последних – вторая половина VI – VII в., но, вероятно, они продолжали сооружаться или использовались до первой половины – середины VIII в. Некоторые склепы могли быть семейными усыпальницами, в ряде случаев фиксируются коллективные многоярусные захоронения.

Склепы *muna* **D1** имеют большие подпрямоугольные или подквадратные в плане погребальные камеры размерами в пределах 2,4×2,3 – 3,2×3,0 м. Своды камер коробовые, немного выпуклые, высотой от 1,10 до 1,40 м. Входные ямы подпрямоугольной формы, размерами 2,2–2,6×0,6–0,8 м, с вертикальными стенками. Перепад высот между дном входной ямы и полом камеры незначительный – от 0,2 до 0,4 м. Входные отверстия в камеры вырубались близко к полу либо в центральной части торцевых стенок, но из-за плохой сохранности их форму часто установить невозможно. Некоторые склепы имеют сильно скруглённые углы камер и входных ям, но обладают признаками склепов типа D1 – небольшим перепадом высот между дном входной ямы и полом широкой низкой камеры.

Tun D2 включает склепы с камерами подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами и размерами 1,9×2,6 – 2,5×3,6 м. Подпрямоугольные входные ямы размерами 1,5×0,55 – 2,0×0,65 м расположены со стороны длинных стенок. Своды камер коробовые, высотой от 1,1 до 1,4 м. Особенностью склепов этого типа является больший, чем в склепах типа D1, перепад высот между камерой и входной ямой (0,50–0,75 м), из-за чего вход в погребальную камеру располагался под потолком. У нескольких склепов группы D входные ямы смещены в сторону относительно центральной оси камеры. Вероятно, в некоторых случаях погребальная камера изначально имела меньшие размеры, как у склепов типа Е, но в ходе позднейших подзахоронений была расширена.

Склепы *muna* **E1** выделены только на территории могильников южной периферии Мангупа. Погребальные камеры имеют подпрямоугольную, подквадратную или трапецевидную форму, общие размеры в пределах 1,65×1,74–2,1×1,9 м. Входные ямы простые, подпрямоугольной формы и размерами в пределах 0,5–0,7×1,6×2,0 м.

Перепад высот между дном входной ямы и полом камеры незначительный и составляет 0,20–0,35 м. У всех склепов плохо сохранились своды погребальных камер, но, скорее всего, они были коробовыми.

Тип E2 представлен склепами, внешне схожими со склепами типа E1. Главным отличием является перепад высоты между дном камеры и входной ямы – от 0,4 до 0,8 м. Вход в камеру располагался под потолком или близко к нему. Сохранившиеся своды камер, в основном, коробовые.

У всех склепов на некрополе в балке Алмалык-Дере фиксируется разнообразие их внутренней архитектуры. В частности, у двух склепов типа D2 (№№ 4/1982 и 5/1982) в задней стенке по центру зафиксированы одиночные ниши размерами 0,23×0,34 м и глубиной 0,10–0,15 м. Они имели подпрямоугольную форму, но в более ранних склепах Алмалыкского могильника ниши были подтреугольными. В передних стенках входных ям склепов №№ 177, 179 (типа D2) и № 180 (типа E2) зафиксированы ниши-ступеньки (Рис. 3,2-4). Как и в случае с нишами в камерах, подобные элементы также часто встречались и у ранних склепов. Они устраивались для более удобного спуска во входную яму склепа, как в случае со склепами №№ 177 и 179, при их глубине, соответственно, в 1,30 и 1,50 м. На могильниках южной периферии Мангупского городища такие ниши отсутствовали даже в более глубоких входных ямах. В склепе № 180 в задней стенке камеры зафиксирована разрушенная подтреугольная ниша размерами около 1,40×0,38 м, под входом в погребальную камеру находилась небольшая ступенька. В противоположной ко входу стенке склепа № 108 обнаружено углубление в виде условной «абсиды» размерами 1,4×1,1 м и высотой около 1,0 м. На своде прослежен продольный желобок шириной 0,1 м и глубиной 0,06 м, с отходящими от него в стороны поперечными углублениями (Рис. 3,1). Всего здесь сохранилось четыре таких желобка, расстояние между которыми составляло около 0,25 м. Эти архитектурные элементы интерпретированы как подражание своду наземного христианского храма [Герцен, 2001, с. 13]. Склеп № 56/2000 имел коньковый свод, в полу вырублена могила прямоугольной формы, общими размерами около 1,65×0,37 м и глубиной 0,4–0,5 м (Рис. 5,1). Подобные могилы внутри камер грунтовых склепов встречаются довольно редко на синхронных могильниках Юго-Западного Крыма. Ближайшая аналогия – склеп № 52 Эски-Керменского могильника [Репников, 1932, рис. 32].

На могильниках Южный I, Южный II, Адым-Чокрак ниши и полки встречаются значительно реже. Подпрямоугольные в плане ниши размерами не более 0,22×0,20 м обнаружены в склепах № 22 и № 32 типа D

Адым-Чокракского некрополя (Рис. 4,6, 5,3). В камере склепа № 7 вырублена небольшая полочка вдоль западной стенки камеры шириной до 0,07 м и длиной до 2,0 м (Рис. 3,5). В склепе № 28 вдоль боковых стен под потолком зафиксированы подобные узкие полочки 0,06 м глубиной (Рис. 5,4).

На могильнике Южный I в камере склепа № 8 (типа E1) присутствовали слабо сохранившиеся следы двух ступеней, в юго-восточной стенке зафиксирована скругленная полка-лежанка размерами 1,24×0,43 м с конхообразным сводом высотой до 0,72 м (Рис. 4,1). В склепе № 12 (типа E2) в правой и передней стенках обнаружены две ниши-полки. Ниша в северной стенке размерами 0,5×1,32 м возвышалась над полом камеры на 0,25 м. Свод ниши плавно переходит в свод камеры, углы скруглены. Ниша в западной стенке имела размеры 1,3×0,4 м, при возвышении над полом на 0,25 м. В юго-восточном углу камеры в полу находилась яма прямоугольной формы размерами 0,85×1,20 м и глубиной до 0,25 м (Рис. 4,5). Интерпретировать данные элементы погребальных конструкций крайне сложно, но, вероятно, ниши-полки могли использоваться для детских погребений, а подквадратная в плане яма сооружена в качестве тайника. В склепе № 1 открыто углубление размерами 1,0×0,35 и глубиной 0,45 м, подобное открытому в погребальной камере склепа № 56/2000 и также, вероятно, являвшееся детской могилой. Здесь в задней стенке камеры была вырублена аркообразная в плане ниша размерами 0,50×0,30 м и глубиной до 0,11 м (Рис. 4,2).

Кроме этого, в некоторых склепах могильника Южный I, у которых была раскопана только погребальная камера с полностью обрушенным сводом, также присутствовали элементы внутренней архитектуры. В западной стене склепа № 4 вырублены две прямоугольные в плане ниши размерами 0,38×0,45 м и 0,40×0,52 м и глубиной около 0,20 м (Рис. 4,2). В камере склепа № 10/1989 под входным отверстием была сооружена плоская ступенька высотой 0,3–0,7 м и шириной 0,65 м (Рис. 4,4).

В склепе № 9а могильника Южный II в задней стенке погребальной камеры зафиксировано углубление размерами 0,85×1,20 м, перекрытое однорядной кладкой из пяти камней (Рис. 4,6). Среди других 20 склепов, которые были исследованы на этом некрополе, ниши или полки внутри погребальных камер не обнаружены. Можно предположить, что у населения, оставившего данный могильник, такие погребальные традиции были развиты слабо. В то же время, важно отметить, что на расположенном рядом с ним некрополе Южный I в пяти из 15 исследованных склепов зафиксированы дополнительные архитектурные элементы в погребальных камерах.

На могильниках округа Мангупа VI–VIII вв. обнаружены отдельные элементы христианской символики – вырубленные на стенах склепов кресты. В склепе № 56/2000 (типа D1) Алмалыкского некрополя над входом в погребальную камеру в материковом суглинке вырезан равноконечный крест с расширяющимися концами размерами 0,23×0,20 м (Рис. 5,1). На противоположной ко входу стенке склепа № 32 (типа D1) Адым-Чокракского могильника вырублен равноконечный крест с закругленными концами размерами около 0,25×0,23 м. По бокам и выше него вырезаны три ниши размерами не более 0,20×0,20 м (Рис. 5,3). В камере склепа № 34 (типа D1) на задней стенке вырублен равноконечный крест размерами около 0,39×0,43 м, а во входной яме над ходом в камеру вырезан похожий крест, но меньших размеров (0,22×0,24 м) (Рис. 5,2). Единственный крест в склепах типа D2 обнаружен на Адым-Чокракском могильнике (склеп № 28). В нём на противоположной ко входу стенке погребальной камеры зафиксирован прямоугольный «алтарь» размерами 0,52×0,40 м, в верхней части которого вырезан крест с расширяющимися концами и размерами около 0,14×0,15 м (Рис. 5,4).

Появление крестов в камерах грунтовых склепов традиционно связывается с процессом христианизации населения региона в эпоху раннего средневековья [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 150]. Наличие таких элементов в трёх из 14 изученных склепов могильника Адым-Чокрак свидетельствует о значительной роли христианской религии среди погребённых.

Склепы типов D и E Алмалыкского могильника имеют черты, характерные для более ранних типов таких погребальных сооружений. При этом они имеют широкие камеры и низкие своды высотой 1,10–1,40 м, за исключением склепа № 179, где высота потолка достигала 1,65 м. В склепах Алмалык-дере фиксируется наибольший перепад высот между входной ямой и погребальной камерой, ввиду чего подавляющее большинство поздних склепов этого некрополя относится к типам D2 и E2. Необходимо отметить, что такое соотношение высотных параметров, где пол камеры, в среднем, только на 0,5–1,0 м ниже дна входной ямы, характерно и для склепов более ранних типов A, B и C.

Архитектурные особенности склепов типа D – широкая камера, низкий свод, простая входная яма, позволяют выделить их в качестве датирующих маркеров для периода не ранее второй половины VI в. При этом классификация склепов могильников Мангупа не всегда может быть использована для анализа такого типа погребальных конструкций на других синхронных некрополях Юго-Западного и Центрального Крыма.

Очень похожие в своем архитектурно-планировочном решении склепы встречаются на более ранних памятниках, например, на могильнике Дружное III–IV вв. [Храпунов, 2002]. Подобные сооружения были выделены В. Ю. Юрочкиным в тип I некрополей Крыма, датированных, в целом, позднеантичным временем [Юрочкин, 2002, с. 129, рис. 1]. Близкие типам D и E склепы Скалистинского могильника имели, как правило, бóльшую высоту сводов погребальных камер и сооружались вместе со склепами с иными архитектурными особенностями [Веймарн, Айбабин, 1993].

Могильники Южный I, Южный II, Адым-Чокрак на южной периферии Мангупского плато возникают здесь во второй половине VI в., вероятно, в связи со строительством византийской крепости Дорос [Науменко, Герцен, с. 126–130]. Население, оставившее их, имело устоявшиеся погребальные традиции, которые предполагали либо отсутствие, либо незначительное количество ниш и полочек внутри погребальной камеры и полное отсутствие ниш-ступенек во входных ямах склепов. Ниши и полки распространены в склепах позднеантичных и раннесредневековых могильников Крыма [Хайрединова, 2010, с. 155], но в погребальных сооружениях VIII–IX вв. они, чаще всего, отсутствовали, за исключением склепов Скалистинского могильника [Айбабин, 1993, с. 127].

На раннесредневековых могильниках Юго-Западного Крыма сооружались конструктивно близкие Мангупу грунтовые склепы [Айбабин, 1999, с. 93, 199]. На примере погребальных сооружений второй половины VI–VIII вв. округа Мангупского городища можно наблюдать локальные отличия в архитектуре и планировке нескольких расположенных рядом некрополей, что можно объяснить существованием различных практик в архитектурном обустройстве погребальных камер и их входных ям. Кроме этого, на форму склепов влияли особенности рельефа местности и плотность материкового суглинки, в котором они были вырублены.

Библиография

- АЙБАБИН А. И. Могильники VIII – начала X в. в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. Вып. III. С. 121–134.
- АЙБАБИН А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – 352 с.
- АЙБАБИН А. И., ХАЙРЕДИНОВА Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). – Симферополь, 2017. – 366 с.
- ВЕЙМАРН Е. В., АЙБАБИН А. И. Скалистинский могильник. – Киев, 1993. – 206 с.

- ГЕРЦЕН А. Г. Новые раннехристианские памятники из некрополей Мангупа // Взаимоотношение религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Международная Крымская конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2001. – С. 11–13.
- ГЕРЦЕН А. Г., НАУМЕНКО В. Е., ШВЕДЧИКОВА Т. Ю. Население Дороса – Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). – М.; СПб., 2017. – 272 с.
- НАБОКОВ А. И. Склепы раннесредневековых могильников Мангупа: предварительная классификация // УЗ КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2022, Том 8 (74), № 3. – С. 104–137.
- НАУМЕНКО В. Е., ГЕРЦЕН А. Г. О времени строительства византийской крепости на Мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии? // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus... Тезисы докладов XXIII Всероссийской сессии византинистов РФ / отв. ред. С. П. Карпов. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 126–130.
- НАУМЕНКО В. Е., ГЕРЦЕН А. Г., НАБОКОВ А. И. Алмалыкский могильник в докрепостной (позднеримский) период истории Мангупского городища // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи. – М., 2022. С. 183–194.
- РЕПНИКОВ Н. И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1–8. С. 153–180.
- ХАЙРЕДИНОВА Э. А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006–2008 гг. // МАИЭТ. – Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 140–213.
- ХРАПУНОВ И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). – Люблин, 2002. – 313 с.
- ЮРОЧКИН В. Ю. Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. – СПб., 2002. Ч. 2. С. 125–137.

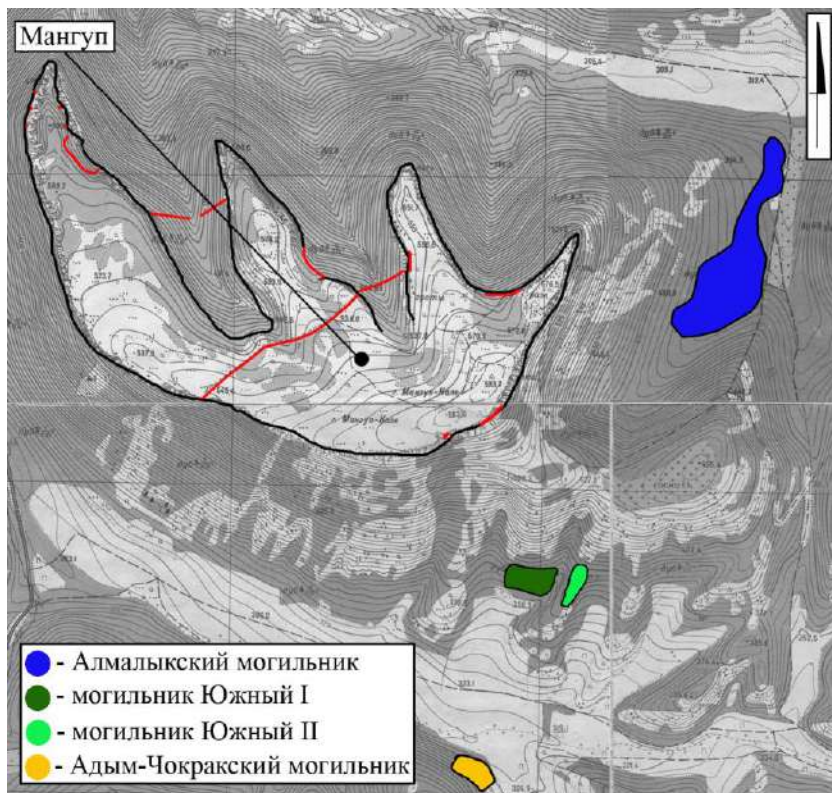

Рис. 1. Могильники округа Мангупского городища.

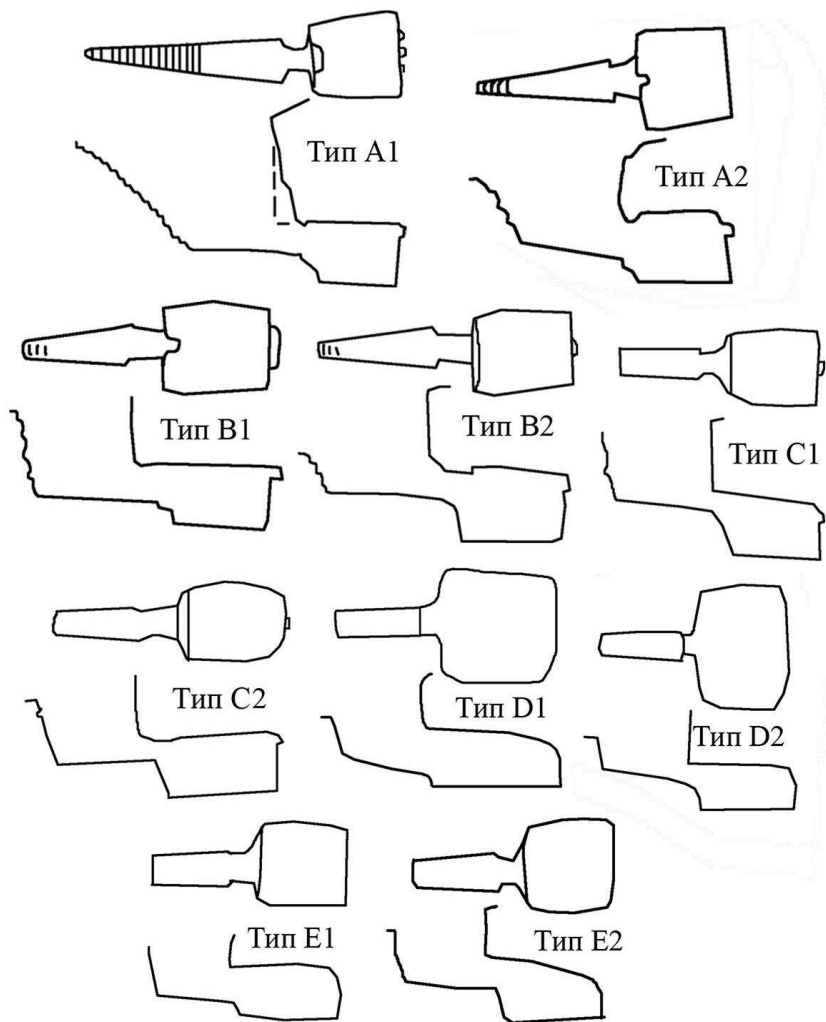

Рис. 2. Основные формы склепов в могильниках из округи Мангулского городища.

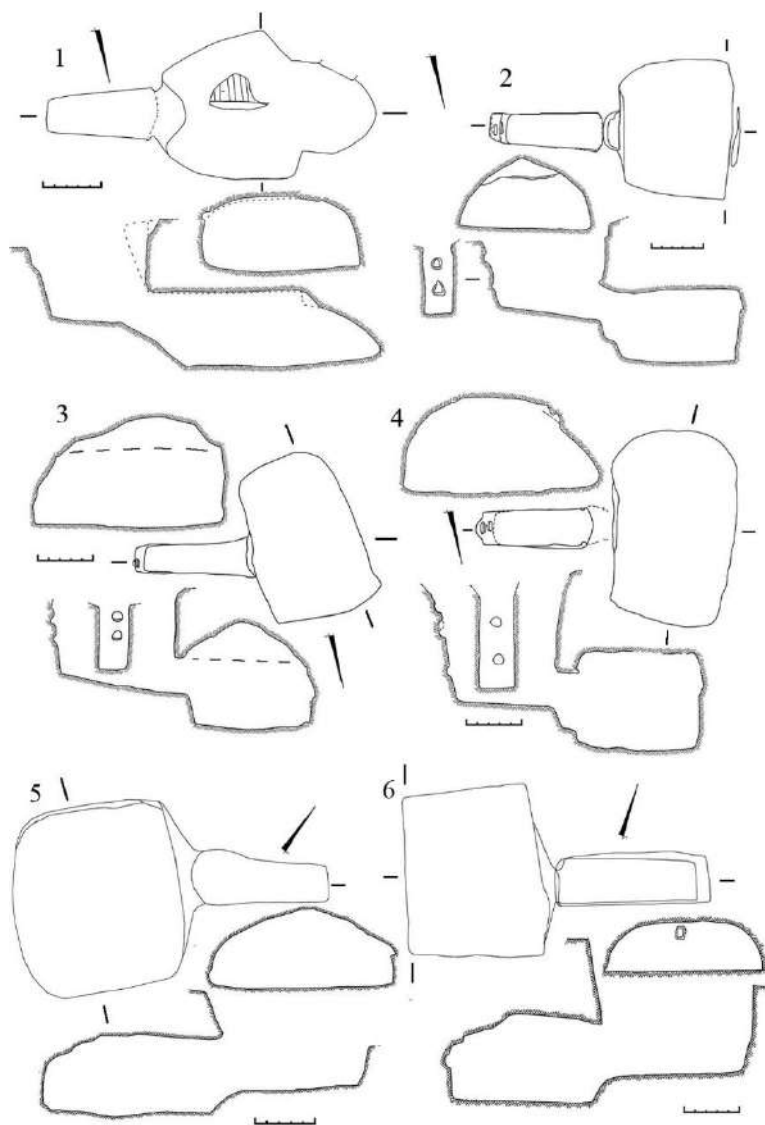

Рис. 3. Алмалыкский могильник. 1 – склеп № 108; 2 – склеп № 180;
3 – склеп № 177; 4 – склеп № 179; Адым-Чокракский могильник.
5 – склеп № 7; 6 – склеп № 22.

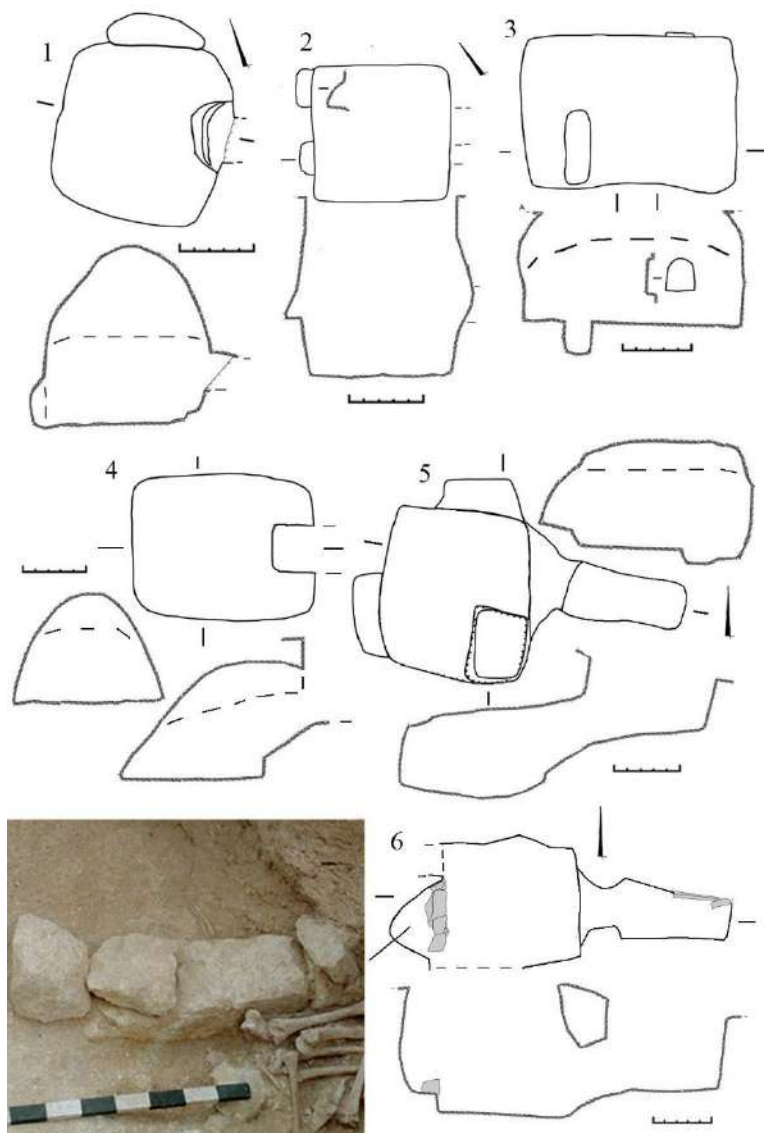

Рис. 4. Могильник Южный I:
1 – склеп № 8; 2 – склеп № 4; 3 – склеп № 1; 4 – склеп № 10/1989;
5 – Склеп №12. Могильник Южный II: 6 – склеп № 9а.

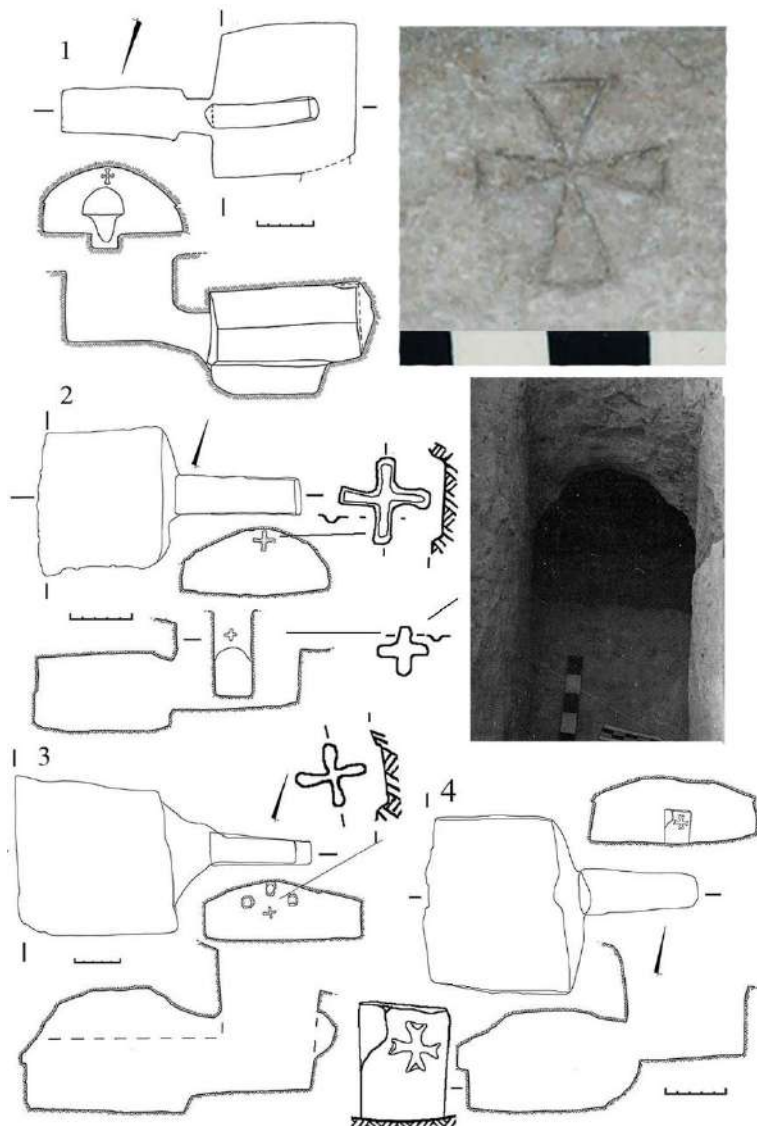

Рис. 5. Кресты в архитектуре склепов.
Алмалыкский могильник: 1 – склеп № 56/2000;
Адым-Чокракский могильник: 2 – склеп № 34;
3 – склеп № 32; 4 – склеп № 28.

В. Е. НАУМЕНКО

Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского
Лаборатория «Византийский Крым»
(Симферополь)

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

НОВАЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ РАСКОПОК МАНГУПА-ДОРОСА¹

В последние годы одним из главных объектов исследований Мангупского городища являлся дворец правителей княжества Феодоро, расположенный в центральной части Мангупского плато. Систематические раскопки в течение 13 полевых сезонов (2006–2010, 2014–2021 гг.) позволили установить точную дату памятника в пределах 1425–1475 гг. и получить необходимые данные для объективной реконструкции его размеров, планировки и композиционно-художественного облика. Однако, принципиально новым результатом современного этапа изучения дворцового комплекса всё же следует считать выявление в его стратиграфии строительных горизонтов додворцового (ранневизантийского, фемного и золотоордынского) и постдворцового (османского) времени, что ясно свидетельствует о функционировании регулярной застройки на месте дворца на протяжении практически всей истории крепости [общие итоги раскопок см.: Науменко, Герцен, 2022а].

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119. Выражаем признательность А. Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В. И. Вернадского, за возможность самостоятельной публикации материалов раскопок памятника.

Как показывают проведенные исследования, жилая застройка в этой части городища начинает формироваться, скорее всего, одновременно со строительством на вершине Мангупского плато сильной византийской крепости в конце правления императора Юстиниана I (527–565) [Науменко, Герцен, 2022б]. Ранневизантийский строительный ярус, представленный на всей площади раскопа сильно руинированными постройками с каменными стенами, хозяйственными ямами, вырубленными в скале или выкопанными в накопившемся культурном слое, участками сохранившейся дневной поверхности, функционировал без значительных изменений со второй половины VI в. и вплоть до возведения на его месте горизонта застройки феминого периода, очевидно, вскоре после включения крепости в состав византийской фемы в Крыму около 841 г. [об этом строительном ярусе на месте дворца см.: Науменко, 2022, с. 174–177]. Особенно показательными в этом смысле выглядят результаты раскопок раннесредневековой улицы шириной 3,00–3,50 м, открытой в 2019–2021 гг. на Западном участке исследований дворца на протяжении 13,40 м (Рис. 1–2). В её стратиграфии выявлены три сменявших друг друга горизонта мощения из мелкого камня, щебня, фрагментов керамики, датированных, соответственно, серединой VI – VIII в., первой половиной – серединой IX в. и концом IX – первой половиной XI в.

Анализ планировочных особенностей ранневизантийского квартала на месте Мангупского дворца и связанных с ним археологических комплексов находок определенно свидетельствует о его важной роли в системе внутрикрепостной застройки городища этого времени. К тому же он располагался в непосредственной близости от Большой базилики, главного храма и административно-топографического центра Мангупского городища в эпоху раннего средневековья. На площади раскопа обращает внимание обилие монет конца V – начала VIII в. (всего 242 единицы; около 24% от общего числа разновременных нумизматических находок на территории памятника) [их обзор см.: Науменко, Якушечкин, 2022, с. 169–172], разнообразие деталей костюма ранневизантийского времени [Науменко, Набоков, 2021], находки редких для Крыма византийских экзагий [Душенко, 2018, с. 255–262, рис. 1,2-3,5-6] и необычного военного трофея – сасанидского ложного перстня-печатки с изображением символов правящей династии второй половины VI – первой трети VII в. [Науменко, Герцен, 2021]. Из этого следует вполне вероятное предположение о том, что данный район Мангупа, скорее всего, был предназначен для проживания входивших в состав гарнизона крепости византийских солдат.

Сегодня круг ранневизантийских древностей из раскопок дворца, указывающий на неординарный характер функционировавшей здесь в этот период жилой застройки, может быть расширен благодаря находке печати с изображением орла с высоко поднятыми крыльями (Рис. 3).

Моливдовул обнаружен во время раскопок 2021 г. на Западном участке исследований дворца, в процессе выборки на площади квадрата № 49 верхнего горизонта заполнения раннесредневековой улицы, отнесённого, как уже говорилось, к концу IX – первой половине XI в. Датировка археологического контекста предполагает «переотложенный» характер нашей находки, связанной с наиболее ранним слоем мощения улицы, сформировавшимся в середине VI – VIII в. К сожалению, печать имеет общую плохую сохранность. При не самой высокой степени потертости её лицевой и оборотной сторон, полностью оказался сколотым внешний край изделия, обычно оформленный на таких буллах рядом рельефных точек. Диаметр моливдовула в пределах 22–24 мм, но это не полные его размеры.

Аверс. Изображение орла с высоко поднятыми крыльями, анфас; голова повёрнута вправо. В поле между крыльями, над головой орла – шестилучевая (?) звезда в круге. Легенды нет.

Реверс. Крестообразная монограмма. В центре – лигатура I и P, слева – лигатура E и C, внизу – буква A, справа – лигатура P и K (?) (другие варианты – B и P (?) или B и K (?)), сверху – лигатура T и O.

Типологически моливдовул принадлежит к группе аналогичных памятников, как правило, датируемых периодом 550–650 гг.

Печати с изображением орла с высоко поднятыми крыльями, как с дополнительными элементами между ними², так и без таковых, хорошо известны в византийской сфрагистике. Их наиболее крупные изданные серии известны по знаменитой коллекции Г. Закоса (166 экз.) [Zacos, Vegler, 1972, p. 490–546, 1624–1631, nr. 585–730, 2839–2858] и находкам с территории Кипра (128 экз.) [Metcalf, 2004, p. 302–326, nr. 307–405; 2014, p. 225–241, nr. 1026–1049]. Однако, общая география таких находок намного шире и охватывает практически все крупные регионы Византийской империи. Изредка печати с орлами встречаются на памятниках византийского Крыма. Помимо Мангуна, необходимо отметить три находки в составе так называемого «городского архива» Херсона³, а также две печати из раскопок Южного пригорода Херсонеса [Аржанов, 2023, с. 39, 41, 43, 44, №№ 3, 5, рис. 1,3, 2,2].

² Наиболее редко встречаются изображения звезды и креста или монограммы имени владельца; самыми распространёнными являются различные типы инвокативной монограммы, среди которых преобладает тип V по В. Лорану [Laurent, 1952, pl. LXX,V]

³ Все не изданы; в настоящее время хранятся в составе собрания моливдовулов музея Шереметьевых (Киев) – Akh-35, Akh 1599, б/№ (29).

Как правило, на обороте моливдовулов с изображением орла с распростёртыми крыльями помещается надпись или крестообразная монограмма (на наиболее ранних экземплярах она блочного типа), которая содержит информацию об имени, титуле или должности владельца.

Печати с орлами традиционно считаются одним из самых распространённых типов булл имперских чиновников различного ранга и частных корреспондентов в Византии для периода VI – начала VIII в. Однако, следует признать, что хронология различных вариантов изображений на моливдовулах разработана лишь в самом общем виде и остается до сих пор дискуссионной.

Аналогичный мангупскому моливдовулу тип печатей – с изображением орла со звездой в круге между его крыльев и крестообразной монограммой – среди памятников византийской сфрагистики встречается достаточно редко (несколько чаще присутствует изображение звезды без круга).

Г. Заκος два экземпляра из своей коллекции датировал периодом 550–650 гг. [Zacos, Veglery, 1972, p. 490, 533, nr. 585 (печать Аврамия), 697 (печать Феодора), pl. 64, 585, 70, 697]. И. В. Соколова, посвятившая иконографии печатей с орлами специальную работу, отнесла буллы со звездой (с кругом или без него) на лицевой стороне и крестообразной монограммой на обороте к числу наиболее ранних и также датировала их 550–650 гг. [Соколова, 1998, с. 301]. В. Зайбт и М.-Л. Зарниц выделили две стадии развития иконографии печатей с орлами. Авторы считают, что изображения орлов, в том числе с высоко поднятыми крыльями, появились на памятниках византийской сфрагистики только в конце VI в. и тогда не сопровождалась дополнительной символикой. Лишь на печатях VII в. и особенно начала VIII столетия такие символы становятся обычными [Seibt, Zarnitz, 1997, S. 169, 170]. Дискуссионность датировок печатей с орлами особенно хорошо видна на примере исследования Д. Меткалфом моливдовулов, происходящих с территории Кипра, в котором автор первоначально отнёс их, главным образом, к VII в., а спустя десятилетие предложил сузить эту хронологию до 653–710 гг., основываясь, по большей части, на анализе событий политической истории региона [Metcalf, 2004, p. 110; 2014, p. 220, 224, 225].

Одним из самых типологически близких нашей находке моливдовулов является недавно обнаруженная печать Зотика, происходящая из раскопок Кибиры, также датированная VII в. [Demireg, Elam, 2018, p. 261, 262, nr. 5].

Дополнительные возможности для установления более точной хронологии находки из раскопок Мангупского дворца могла бы дать информация, зашифрованная в крестообразной монограмме на оборотной

стороне моливдовула. Однако и здесь не всё так просто. Полностью аналогичных монограмм нам не удалось обнаружить. Среди изданных печатей нет ни одной именной или титулярной монограммы с лигатурой *tau / tetta* (T|Θ), даже среди инвокативных. Хотя не исключено, что лигатуры T|Θ и E–BK могут относиться к традиционному инвокативному обращению – Θεοτόκε βοήθει – Богородица, помоги.

Перечень представленных в монограмме, как минимум, 10 греческих литер (B, E, Θ, I, K, Λ, O, P, C и T), вероятно, подразумевает здесь имя и должность (или титул) владельца печати. Отсутствие дифтонга OV, скорее всего, предполагает отсутствие в тексте генетива.

Близкая, но не идентичная, крестообразная монограмма с таким дифтонгом известна на печати некоего Эфраима (VI в.); к сожалению, Ж.-К. Шене не дал её расшифровки [Cheynet, 1994, p. 443, 475, nr. 90].

Таким образом, с учётом всего выше сказанного, монограмма на печати с орлом из раскопок Мангупа допускает различные варианты атрибуции. Наиболее обоснованным, на наш взгляд, кажется вариант с именем и должностью владельца печати, скорее всего, Ἐλευθέριος, σκρίβωνος, хотя и здесь существует проблема с отсутствием буквы *ню* и невозможностью вписать в чтение букву *tau*. Тем не менее, если допустить это предположение, в нашем распоряжении появляется уникальный источник о неизвестной в истории ранневизантийского Крыма должности имперского чиновника.

Скрибоны (scribonēs) – элитный отряд телохранителей византийских императоров, учрежденный, вероятно, при Юстиниане I и просуществовавший в таком виде до середины VII в. [о них подробнее см.: Bury, 1911, p. 58, 59; Jones, 1986, p. 658, 659; Haldon, 1984, p. 137, 161–163; Treadgold, 1995, p. 92; Мохов, 2013, с. 60, 64, 69, 70]. Первое упоминание в источниках датируется 546 г., последнее – скорее всего, 654–655 гг. [Cosentino, 1996, p. 160 (scribon Ant(h)imus); PmbZ, 2001, S. 73, 74, Nr. 6480 (scriba/scribon Sagoleba)]. По данным тех же письменных источников, помимо функций дворцовой стражи и охраны покоев василевсов в ночное время, они также выполняли множество разнообразных по содержанию личных поручений правителей Византийской империи, выступая в качестве их послов к вождям варварских народов, доверительных посланников к римским папам и высокопоставленным чиновникам, военных офицеров с особыми полномочиями, производя аресты государственных преступников или раздавая жалованье армиям в отдалённых и сложных регионах империи [см. такие примеры: Агафий, 1953, с. 86 (III.14); Феофилакт Симокатта, 1957, с. 32 (I.4.7), 180 (VII.5.10-11); Cosentino, 1996, p. 160, 194, 255; 2000, p. 36, 325, 335, 336; Mango, Scott, 1997, p. 410]. Опубликованы множество

печатей скрибонов – личных представителей византийских императоров для периода 550–650 гг., в том числе, хотя и крайне редко, с изображениями орлов на их лицевой стороне и крестообразными монограммами либо многострочной надписью на обороте [Zacos, Veglery, 1972, p. 524, 525, 536, nr. 675, 678, 705; Metcalf, 2004, p. 312, nr. 326]. Считается, что скрибоны в это время одновременно входили в штат или даже были высшими офицерами корпуса императорской гвардии экскувитов. Но это предположение, по сути, основано лишь на одном свидетельстве источников о поручении скрибону по имени Саголеба (Sagoleba) и отряду экскувитов охранять в Константинополе арестованного римского папу Мартина I (649–655), первоначально, в течение 93 дней, в тюрьме Прандеария, примыкавшей к казарме экскувитов, в затем, в течение 85 дней, в тюремной камере custodia Diomedis. Перед отправкой в ссылку в Херсон в конце марта 655 г. папа Мартин провёл два дня в доме того же скрибона⁴ [PmbZ, 2001, S. 73, 74, Nr. 6480; Бородин, 2001, с. 151–160].

После середины VII в. положение скрибонов становится принципиально иным. Как отряд императорских телохранителей они перестают существовать, а сам термин превращается в один из многочисленных почётных титулов, которым жаловались чиновники различного ранга, как правило, связанные с судебными и фискальными функциями. Характер этой трансформации хорошо прослеживается на материалах сфрагистики. Особенно показательными выглядят печати Георгия, скрибона и главного коммерциария аптеки Константинополя или аптеки Азии, Хиоса и Лесбоса, датированные 690–691 гг. [Zacos, Veglery, 1972, p. 249, 250, nr. 168–169; DOSeals, 1994, p. 141, 142, nr. 51.3]. Ещё позже, после реформы Константина V (741–775), в результате создания военных тагм, скрибоны становятся командирами банд – подразделений тагмы экскувитов, и в таком качестве они, очевидно, присутствуют в источниках вплоть до X в. [Oikonomides, 1972, p. 330; Treadgold, 1995, p. 102–105, 122, 132; о реформе Константина V см., в целом: Мохов, 2013, с. 74–98]. Печатаей таких скрибонов-офицеров нам не известно.

⁴ О. Р. Бородин, описывая события перед отправкой папы Мартина в ссылку, называет Саголебу нотарием [Бородин, 2001, с. 159], очевидно, полагая, что последний относился к скрибасам (σκριβας), чиновникам-юристам, связанным с ведением документации и перепиской между судебными инстанциями столицы и провинций. Последние никакого отношения не имели ни к дворцовой охране, ни к службе телохранителей императора; эта должность существовала в Византии несколько позже, в X–XI вв. [ODB, 1991, p. 1913]; моливдовулы скрибасов известны только этого периода [Laurent, 1981, p. 670, 671, nr. 1196–1198; *Nota* – указание на собственника печати (VII–VIII вв.) с именем Маврикиана из коллекции Г. Закоса [Zacos, Veglery, 1972, p. 423, nr. 422] который, отнесён к скрибонам, а не к скрибасам].

Таким образом, опираясь на известные сведения из истории института скрибонов, анализ иконографии моливдовула из раскопок княжеского дворца на Мангупе и его эпиграфические особенности, осмелимся предложить нашу версию расшифровки заключённых в монограмму сведений и предположить, что его собственником мог являться один из представителей столичного корпуса телохранителей византийских императоров постюстиниановской эпохи – скрибон Элевтерий (хотя выбор имени здесь может быть и многовариантным). С учётом присутствия на печати между крыльями орла достаточно редко встречаемого элемента (звезды в круге), не блоковой, а крестообразной, многокомпонентной монограммы, содержащей, как минимум, два элемента легенды, на наш взгляд, возможно даже некоторое сужение широкой датировки в пределах столетия до полувекового периода – в хронологических рамках рубежа VI/VII – первой половины VII в.

Как нам представляется, находка печати скрибона на Мангупском городище не может являться примером какой бы то ни было частной корреспонденции между привилегированным чиновником императорского дворца в Константинополе и представителем местной византийской администрации на северных рубежах империи. Скорее всего, речь всё же идёт об особой миссии, которая была возложена василевсом на своего посланника. Нам вряд ли когда-нибудь станет известным точное содержание этого поручения. Однако, как и в случае с другими, ранее опубликованными, моливдовулами ранневизантийского времени из раскопок крепости [Герцен, Алексеенко, 2002, с. 61–65; Gertsen, 2015], эта находка ещё раз свидетельствует о важности Мангупа-Дороса в византийской политике в регионе и пристальном внимании императоров за происходящими здесь событиями.

Библиография

- Агафий. О царствовании Юстиниана / перевод и примечания М. В. Левченко. – М.; Л., 1953. 223 с.
- АРЖАНОВ А. Ю. Несколько ранневизантийских моливдовулов из раскопок Южного пригорода Херсонеса // «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». XIII Международный Византийский семинар (Севастополь – Балаклава, 5–9 июня 2023 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 37–44.
- БОРОДИН О. Р. Равеннский эскархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – 474 с.
- ГЕРЦЕН А. Г., АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. – 2002. Т. 33. С. 59–65.
- ДУШЕНКО А. А. Византийские разновесы из раскопок Мангупа // МАИЭТ. – 2018. Вып. XXIII. С. 255–268.

- МОХОВ А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. – Екатеринбург, 2013. 278 с.
- НАУМЕНКО В. Е. Мангуп-Дорос в фемный период истории // МАИЭТ. – 2022. Вып. XXVII. С. 166–208.
- НАУМЕНКО В. Е., ГЕРЦЕН А. Г. Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца. Проблемы атрибуции и интерпретации // АДСВ. – 2021. Т. 49. С. 97–114.
- НАУМЕНКО В. Е., ГЕРЦЕН А. Г. Основные итоги археологического изучения Мангупского княжеского дворца в 2006–2021 гг. // «Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма». I Солхатские чтения. Сборник научных трудов конференции / Ред.-сост. Э. И. Сейлалиев, Р. Р. Кадыров. – Симферополь, 2022а. С. 45–53.
- НАУМЕНКО В. Е., ГЕРЦЕН А. Г. О времени строительства византийской крепости на Мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии? // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus ... Тезисы докладов XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ. – Симферополь, 2022б. С. 126–130.
- НАУМЕНКО В. Е., НАБОКОВ А. И. Детали костюма ранневизантийского времени из раскопок Мангупского дворца // «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «кимперия» и «полис». XIII Международный Византийский семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь, 2021. С. 201–210.
- НАУМЕНКО В. Е., ЯКУШЕЧКИН А. В. Византийские монеты из раскопок Мангупского дворца. Общий обзор коллекции // «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». IX Международный Нумизматический симпозиум (Черноморское, 4–8 сентября 2022 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь, 2022. С. 167–182.
- СОКОЛОВА И. В. О некоторых критериях датировки орлов на византийских печатях VI – первой половины VIII вв. // Нумизматический сборник: к 80-летию В. М. Потина. – СПб., 1998. С. 301–310.
- Феофилакт Симокатта. История / перевод С. П. Кондратьева. – М., 1957. – 224 с.
- BURY J. V. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. – London, 1911.
- CHEYNET J.-C. Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse // TM. – Paris, 1994. Т. 12. P. 391–478.
- COSENTINO S. Prosopografia dell'Italia Byzantina (493–804). – Bologna, 1996. Т. I (A-F). – 547 p.
- COSENTINO S. Prosopografia dell'Italia Byzantina (493–804). – Bologna, 2000. Т. II (G-O). – 547 p.
- DEMIRER Ü., ELAM N. Lead Seals of the Kybira Excavations // ADALYA. – İstanbul: Koç University AKMED, 2018. No. 21. P. 245–276.
- DOSeals, 1994 – Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 1994. Vol. 2: South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor / Eds. J. Nesbitt and N. Oikonomides. – 233 p.

- GERTSEN A. G. A Vault with a Byzantine Seal in the Cemetery of Almalyk (Mangup) // *Byzantine and Rus' Seals. Proceeding of the International Colloquium on Rus' – Byzantine Sigillography* / Eds. H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt. – Kyiv, 2015. P. 25–35.
- HALDON J. F. *Byzantine Praetorians. An administrative, institutional and social survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580–900.* – Bonn, 1984. – 669 p.
- JONES A. H. M. *The Later Roman Empire. 284–602.* – Baltimore, 1986. Vol. I. 766 p.
- LAURENT V. *Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan.* – Paris, 1952. – 342 p., pl. I–LXX.
- LAURENT V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin.* Paris, 1981. T. II : L'administration central. – 744 p.
- MANGO C., SCOTT R. *The Chronicle of Theophanes Confessor. Byzantine and Near Eastern History, AD 284–813.* – Oxford, 1997. – 744 p.
- METCALF D. M. *Byzantine Lead Seals from Cyprus.* – Nicosia, 2004. – 598 p.
- METCALF D. M. *Byzantine Lead Seals from Cyprus.* – Nicosia, 2014. Vol. II. – 396 p.
- OIKONOMIDÈS N. *Les Listes de Présence Byzantines des IXe et Xe siècles.* – Paris, 1972. – 403 p.
- PMBZ: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867)* / Hrsg. von R.-J. Lilie, C. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow, B. Zielke. – Berlin; New York, 2001. Bd. 4. – 687 S.
- SEIBT W., ZARNITZ M.-L. *Das Byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk.* – Wien, 1997. – 231 S.
- ODB, 1991 – *The Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A. P. Kazdan. – New York; Oxford, 1991. Vol. I–III. – 2232 p.
- TREADGOLD W. *Byzantium and Its Army. 284–1081.* – Stanford, 1995. – 250 p.
- ZACOS G., VEGLERY A. *Byzantine Lead Seals.* – Basel, 1972. Vol. I. Part 1–3. – 1965 p.

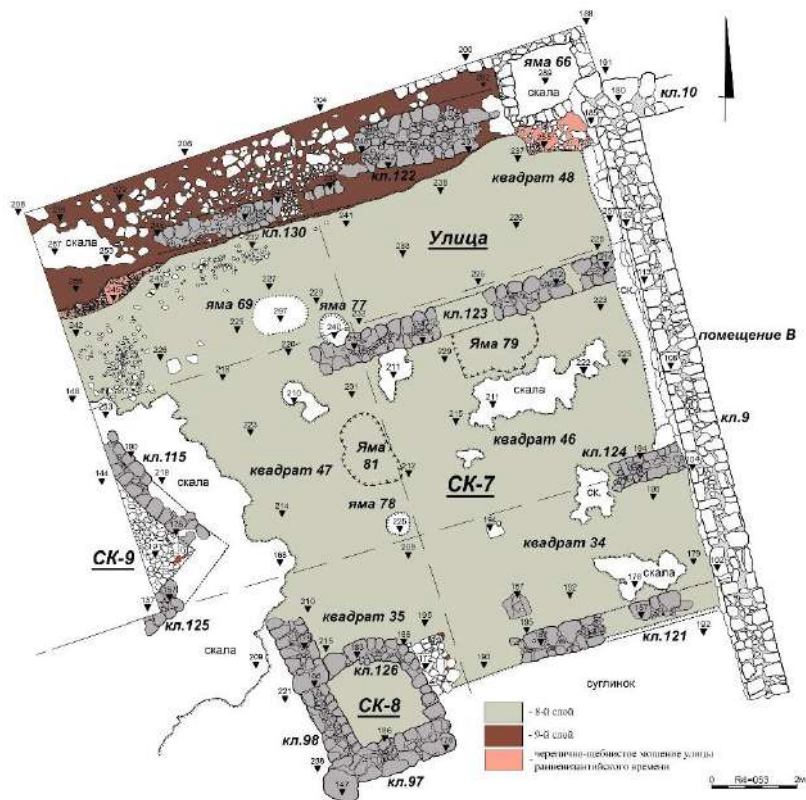

Рис. 1. Мангупское городище. Дворец. Западный участок исследований. Общий план строительного горизонта середины IX – середины XI вв.: СК – строительные комплексы; 8-й слой – дневная поверхность середины IX – середины XI вв.; 9-й слой – дневная поверхность ранневизантийского времени; помещение В и яма № 66 – строительные остатки периода 1425–1475 гг. (План составлен В. Е. Науменко и А. А. Душенко).

1

2

Рис. 2. Мангупское городище. Дворец.
Западный участок исследований. Квадраты №№ 48 и 49.
Раннесредневековая улица по уровню мощения середины VI – VIII в.
Общий вид с востока (1). Общий вид с запада (2). Аэрофото 2021 г.

Рис. 3. Моливодовул скрибона Элеутерия (?)
из раскопок Мангупского дворца.
Паспорт находки: МК-2021, дворец, западный участок,
квадрат № 49, 8-й слой, к. о. 91
(Фото В. К. Ганцева).

В. Е. НАУМЕНКО

Таврическая Академия
Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского
(Симферополь)

А. А. ДУШЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского
(Симферополь)

**СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ УКРЕПЛЕНИЙ
ЗАПАДНОГО ФЛАНГА СЕВЕРНОГО ФРОНТА
ГЛАВНОЙ ЛИНИИ ОБОРОНЫ МАНГУПА
(по материалам исследований 2020–2022 г.)¹**

Концепция оборонительной системы Мангупского городища была сформулирована А. Г. Герценом в 1990 г. Она включала выделение трёх линий обороны: Главной, Второй и Цитадели (Рис. 1). Главная (Внешняя) линия обороны² имела дискретный характер и обеспечивала оборону уязвимых мест всего контура Мангупского плато. Вторая линия представляла собой непрерывный пояс оборонительных стен и башен, сооруженный для защиты наиболее плотно заселённых центральной и восточной частей плато. Последним оборонительным рубежом была цитадель на мысе Тешкли-бурун. Ключевая роль в этой системе отводилась ГЛО. Этот фортификационный пояс насчитывает двадцать отдельных укреплений, перекрывающих все возможные пути проникновения на территорию Мангупского плато через балки его северного склона и расселины в обрывах его мысов и южного края [Герцен, 1990, с. 106, 128–132].

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта № 22-28-00296 «Фортификация византийского Мангупа: северо-западный фронт Главной линии обороны», поддержанного Российским научным фондом.

² Далее – ГЛО.

Построенная в 50-60-е гг. VI в. ГЛО с неоднократными ремонтами и изменениями планировки отдельных узлов функционировала вплоть до финального этапа жизни городища.

Западный фланг Северного фронта ГЛО защищает пути на плато Мангупа, ведущие через балку Табана-дере. Он включает восемь фортификационных сооружений (Рис. 2). Укрепления А.X и А.XI пересекают балку Табана-дере в её средней части. Укрепления А.VI–А.IX перекрывают доступ на территорию Мангупского плато через скальные расселины в восточном обрыве мыса Чамну-бурун. Аналогичную функцию несут укрепления А.XII и А.XIII, расположенные в расселинах западного обрыва мыса Чуфуг-Чеарган-бурун.

За исключением укрепления А.XI³, вся фортификация этого участка ГЛО была открыта А. Г. Герценом в ходе разведок 70-х гг. XX в. Результаты многолетних исследований оборонительной системы Мангупа обобщены в монографии, где содержатся схемы, иллюстрирующие представление исследователя об эволюции крепостного ансамбля городища в разные периоды его истории [Герцен, 1990, рис. 26, 29, 30, 42]. Согласно им, фортификационный узел в балке Табана-дере сооружается одновременно с другими участками ГЛО в последнее десятилетие правления Юстиниана I (527–565) [Герцен, 1990, с. 137, рис. 26]. Основным оборонительным сооружением на этом этапе было укрепление А.X, перегораживающее балку в её средней части. Его дополняли укрепления А.VI–А.IX на западном фланге и А.XII–А.XIII на восточном. Впоследствии укрепление А.VIII дважды подвергалось ремонтам, один из которых датирован IX–X вв. на основании тамгообразных знаков на отдельных блоках кладки, которые А. Г. Герцен интерпретировал как тамги хазарских патронимий [Герцен, 1990, с. 116–119]. В таком виде западный фланг Северного фронта ГЛО функционировал вплоть до захвата Мангупа турками в 1475 г. [Герцен, 1990, рис. 29, 30].

В начале османского периода истории городища укрепление А.X было разобрано и стало источником строительного материала для нового укрепления А.XI, построенного выше по склону [Герцен, 1990, с. 129, рис. 42]. Перед А.XI была сооружена протейхизма [Герцен, 1990, с. 154]. Фланговые укрепления, отсутствующие на схеме оборонительных сооружений османского периода [Герцен, 1990, рис. 42], по мнению А. Г. Герцена, к этому времени перестают функционировать.

³ Подробно об истории изучения этого фортификационного сооружения см.: [Душенко, 2022, с. 271–274].

Следует подчеркнуть, что гипотеза о переносе оборонительной линии в балке Табана-дере базировалась, главным образом, на датировке укрепления А.ХІ 1503-м годом, основанной на тексте надписи топотерита Цулы в прочтении В. В. Латышева [Латышев, 1902, с. 31–33]. Дискуссия о времени постройки укрепления А.ХІ, возобновившаяся после публикации А. Ю. Виноградовым своего варианта перевода надписи с датой 994–995 гг. [Виноградов, 2009, с. 263], вызвала необходимость получения объективных археологических данных об укреплениях ГЛО в балке Табана-дере.

В течение двух полевых сезонов Мангупской археологической экспедицией КФУ им. В. И. Вернадского под руководством А. Г. Герцена проводились исследования фортификационных сооружений западного фланга Северного фронта ГЛО. Ключевым результатом работ на укреплении А.ХІ в 2020 г. стали выводы о его постройке во второй половине VI в. и неоднократных ремонтах около середины IX в., в конце X в. и в конце XIII – начале XV вв. [Душенко, 2022, с. 281; Науменко, 2022, с. 175–179].

Раскопки укрепления А.Х в 2022 г. продемонстрировали крайне низкое качество кладки оборонительной стены, построенной насухо, без фундамента, из вторично использованных строительных блоков (Рис. 3). Отсутствие на раскопанной площади каких бы то ни было находок значительно затрудняет установление времени его постройки. Особенности строительной техники не позволяют рассматривать его в качестве основного фортификационного сооружения этого участка ГЛО. Более вероятным представляется использование этого объекта в качестве передового укрепления, задачей которого была пассивная защита ключевой оборонительной линии укрепления А.ХІ от осадных орудий. Необходимость срочного усиления участка ГЛО в балке Табана-дере могла возникнуть в условиях надвигающейся военной угрозы. С нашей точки зрения, наиболее подходящим под эти условия событием в истории Мангупа является завоевание Крыма войсками османского султана Мехмеда II в 1475 г. Из трёх балок северного склона Мангупского плато именно Табана-дере наиболее удобна для доставки и установки стенобитной артиллерии на расстоянии выстрела от городских стен. Исходя из этих соображений, данный участок обороны города в канун турецкой осады мог рассматриваться в качестве наиболее вероятного направления штурма и был дополнительно усилен передовым укреплением.

Ещё одним результатом исследований 2022 г. стало уточнение планировки и строительной техники фланговых укреплений А.ХІІ и А.ХІІІ. В лицевом панцире обоих сооружений удалось зафиксировать два

яруса кладки. Нижний ярус сооружен из крупных тщательно обработанных блоков, уложенных горизонтальными рядами (Рис. 4). Верхний ярус состоит из разнокалиберного бута с грубой лицевой подтёской, уложенного без соблюдения порядковки (Рис. 4). Очевидно, выделенные ярусы свидетельствуют о двух строительных периодах в истории укреплений А.ХII и А.ХIII. Установить их точную датировку не удалось по причине отсутствия находок.

Результаты археологических исследований укреплений западного фланга Северного фронта в 2020 и 2022 гг. позволяют выделить **шесть этапов** строительной истории этого участка ГЛО Мангупского городища.

1 этап (550–560-е гг.) – строительство основной фортификационной линии участка укрепления А.ХI и фланговых укреплений А.ХVI–А.ХIX, А.ХII–А.ХIII. Строительные остатки, связанные с этим этапом, включают первый ярус кладки куртин укрепления А.ХI, сложенный из крупных прямоугольных блоков [Душенко, 2022, с. 276, рис. 9,2, 11, 12,2–3] и нижние ярусы кладки лицевых панцирей укреплений А.ХII и А.ХIII. С точки зрения стратиграфии, с первым этапом соотносится заполнение строительной траншеи, изученной на площади шурфа № 3 и содержавшей фрагменты раннесредневековых амфор [Душенко, 2022, с. 280–281, рис. 7,5, 18, 24, 25,2–6]. Очевидно, строительство укреплений в балке Табана-дере осуществлялось одновременно с другими участками ГЛО в рамках строительства Мангупской крепости в последнее десятилетие правления Юстиниана I [Герцен, 1990, с. 132–137; Науменко, Герцен, 2022, с. 126–130].

2 этап (около середины IX в.) – ремонт укрепления А.ХI, перекладка отдельных участков куртин с использованием обработанного камня средних размеров (второй строительный ярус) [Душенко, 2022, с. 276, 277, рис. 9,2, 11, 12,2–3]. Стратиграфически ему соответствует 4-й слой в шурфе № 3, с поверхности которого, видимо, производились строительные работы. Датировку этапа определяет зафиксированный развал двух «причерноморских» и византийской «глобулярной» амфор [Душенко, 2022, с. 280, рис. 22, 23; Науменко, 2022, с. 176–179, ил. 7, 9]. Вероятнее всего, ремонт укрепления А.ХI был связан с включением крепости в состав византийской фемы [Науменко, 2022, с. 179].

3 этап (около 994–995 гг.) – следующий ремонт укрепления А.ХI, отмеченный в надписи топотерита Цулы [Виноградов, 2009, с. 263]. Место установки надписи позволяет предположить, что башня № 1 была сооружена именно на этом этапе. Судя по синхронной реконструкции укрепления А.ХIV, ремонтные работы носили масштабный характер и затронули разные участки ГЛО. Реконструкция ГЛО в конце X в., вероятнее

всего, стала реакцией византийской администрации в Таврике на возросшую военную угрозу со стороны Древнерусского государства [Науменко, 2022, с. 180].

4 этап (конец XIII – начало XIV в.) – масштабная реконструкция укрепления А.ХI, результатом которой стало появление третьего яруса кладки куртин А и В, сложенного из разнокалиберного бутового камня без соблюдения порядковки [Душенко, 2022, с. 277, рис. 9, 11, 12, 1]. Мощность оборонительной стены снизилась с 1,71–1,80 м до 0,80–1,00 м. Аналогичная строительная техника применена и в верхних ярусах кладки лицевых панцирей укреплений А.ХII и А.ХIII, что может указывать на их ремонт на этом этапе. Датировку этапа определяет группа археологического материала из слоев 1–3 в шурфах № 2 и № 3, заложенных в 2020 г. на трассе укрепления А.ХI, суммарно датирующаяся концом XIII – началом XV в. [Душенко, 2022, с. 278–280, табл. 1–5, рис. 16, 17, 19–21]. Сельджукская монета XIII в. и пул времени правления Ногая (около 1280–1299 гг.) позволяют предварительно сузить дату *4 этапа* до конца XIII – начала XIV в.

5 этап (около 1475 г.) – строительство на эспланаде объекта А.ХI передового укрепления А.Х с целью усиления участка ГЛО в балке Табана-дере как наиболее вероятного направления штурма города.

6 этап (конец XV – XVIII в.) – возможный ремонт участка куртины А укрепления А.ХI между скальным обрывом мыса Чуфут-чearган-бурун и калиткой. Кладка этого отрезка оборонительной стены иррегулярна и не имеет фундамента, что позволяет предположить его сооружение в османский период истории Мангупа [Душенко, 2022, с. 277, рис. 9, 2]. Впрочем, отсутствие подтверждающего это предположение чётко стратифицированного археологического материала делает выделение *6 этапа* в определённой мере гипотетическим.

Материалы раскопок 2020 и 2022 гг. позволили скорректировать строительную периодизацию укреплений западного фланга северного фронта ГЛО и продемонстрировали перспективность дальнейших археологических исследований фортификационных сооружений Мангупского городища.

Библиография

- ВИНОГРАДОВ А. Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. – Екатеринбург, 2009. Т. 39. С. 262–271.
- ГЕРЦЕН А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – Симферополь, 1990. Вып. I. С. 87–166, 242–271.
- ДУШЕНКО А. А. Укрепление А.ХI Главной линии обороны Мангупа // ИАКр. – Симферополь, 2022. Вып. XVI. С. 271–310.
- ЛАТЫШЕВ В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. // ИАК. – 1902. Вып. 3. С. 21–57.
- НАУМЕНКО В. Е. Два примера реконструкции Главной линии обороны Мангупской крепости в фемный период истории // АДСВ. – Екатеринбург, 2022. Т. 50. С. 165–184.
- НАУМЕНКО В. Е., ГЕРЦЕН А. Г. О времени строительства византийской крепости на Мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии? // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus... Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной сессии византинистов РФ. – Симферополь, 2022. С. 126–130.
- SULLIVAN D. A Byzantine Instructional Manual on Siege Defense: The De Obsidione toleranda. Introduction, English Translation and Annotations // Byzantine authors: texts and translations dedicated to the memory of Nicolas Oikonomides. – Leiden, Boston, 2003. P. 139–266.

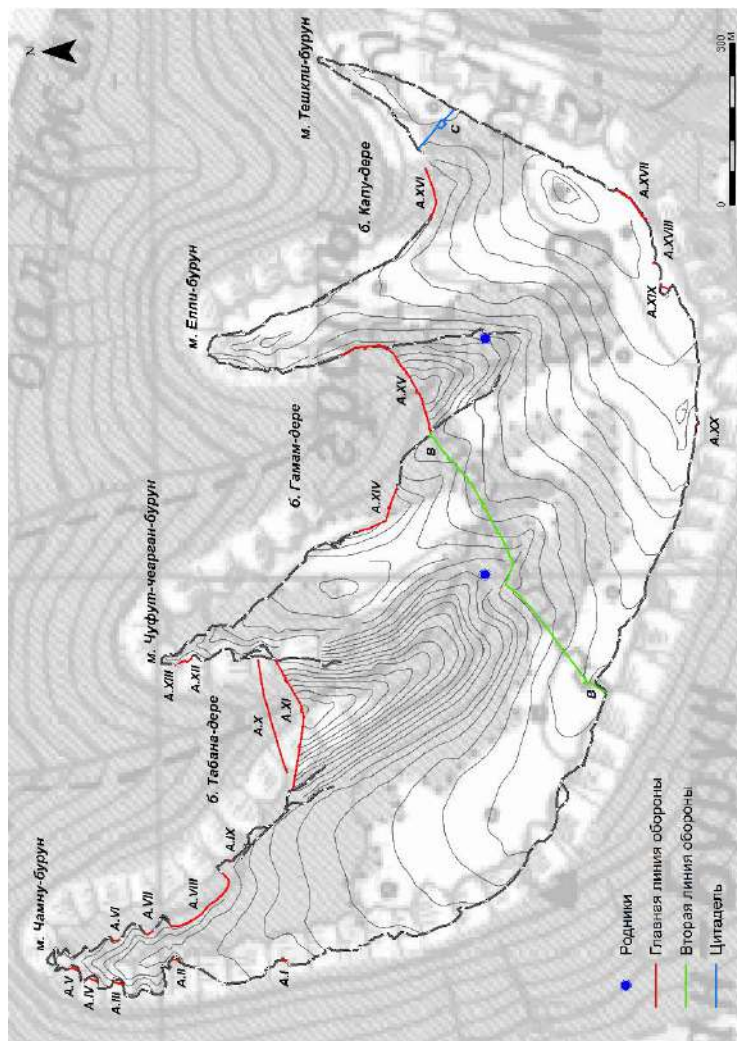

Рис. 1. План-схема оборонительных сооружений Мангульской крепости.

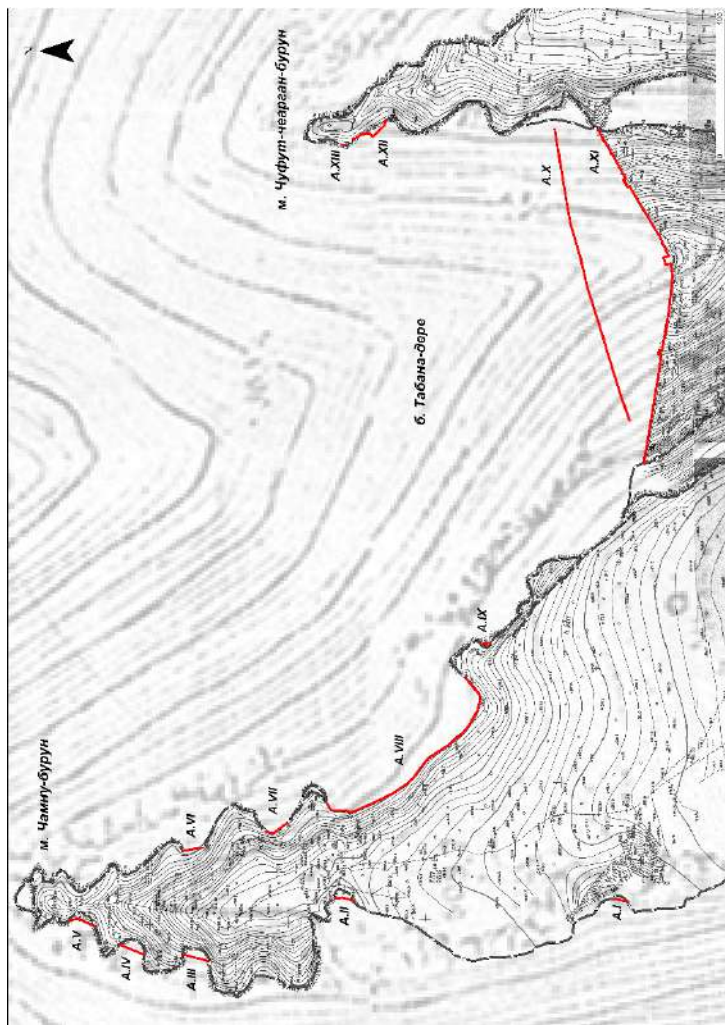

Рис. 2. План-схема оборонительных сооружений западного фланга северного фронта
Главной линии обороны Мангупской крепости.

Рис. 3. Мангупская крепость. Укрепление А.Х.

1 – Фас лицевого панциря куртины А;

2 – Фас лицевого панциря куртины В.

Рис. 4. Мангупская крепость. Укрепления А.ХІІ и А.ХІІІ.

1 – Фас лицевого панциря укрепления А.ХІІ, фрагмент.

2 – Фас лицевого панциря укрепления А.ХІІІ.

О. В. ОШАРИНА

Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

**ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ВЛИЯНИЯ
НА АМУЛЕТАХ-АПОТРОПЕЯХ VI–VII ВВ.
ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА**

В коптской коллекции Эрмитажа есть несколько тканых, а также изготовленных из кости и металла амулетов с изображением всадников, относящихся к широкому хронологическому периоду, с IV в. по XI в. Существует ли связь между образами, представленными на тканях и других материалах, и почему конные изображения продолжают столь длительное бытование уже в рамках исламской культуры?

Все изображения всадников, по мнению исследователей, можно условно разделить на три большие группы: охотник, император и святой [Brune, 1999, S. 110]. Отдельные работы, посвящённые генезису и эволюции этих образов, отсутствуют, исключение составляет предположение Сьюзен Льюис об использовании ранней однотипной группы памятников с махровым бордюром из неокрашенного льна, в качестве накидок или чехлов для погребальных подушек [Lewis, 1973, p. 50]. Однако материалы археологии это не подтверждают.

Образ всадника не принадлежал культуре Древнего Египта, он появляется здесь в позднептолемеевское время, в правление Лагидов, что было связано с пребыванием в этом регионе македонской армии. Особенно часто его изображения встречаются на погребальных и votивных стелах, как в виде рельефов [Lewis, 1973, p. 50, fig. 35], так и в росписях [La Gloire D'Alexandrie, 1998, p. 23.], в которых конь символизирует бессмертие героизированного умершего. Самые ранние изображения всадника на тканях, относящиеся к IV–V вв., представляют композицию, вытканную тёмным пурпуром с добавлением цветной шерсти по светлой льняной основе. Рука наездника поднята в победном жесте, фигура занимает весь медальон, а его образ, наделённый большой

внутренней энергией, свидетельствует об особом символическом назначении, олицетворяя триумфальную победу над смертью, следуя эллинистической традиции, согласно которой конь сопровождал героя в потусторонний мир в качестве психопомпа.

Образцом для создания образа охотника и императора стали известные изображения Александра Великого на саркофагах и предметах прикладного искусства эллинистического времени. Композиции двух медальонов из коллекции Дамбартон Оакс и музея Искусств в Кливленде, в виде двух симметрично расположенных всадников по сторонам древа жизни, сопровождаются надписью: «Александр Македонский» [Rutchowskaya, 1990, p. 143]. Исследуя отдельные детали памятников, Д. Шеперд приходит к выводу, что тканые медальоны были непосредственно скопированы с пластин слоновой кости [Sheperd, 1971, p. 247]. Подвиги, совершённые в сражениях, приравнивались к добыче охотничьих трофеев. Примером императорской охоты может служить изображение всадника-триумфатора в парадном персидском костюме (ДВ 11181) или императора-охотника в развевающемся плаще со скипетром в левой руке, увенчанным крестом (ДВ 11525). В основе этих композиций лежит греко-римская сцена с пленным варваром или символической фигурой, попираемой императором, восседающим на коне. Важно отметить, что на фрагменте другого тканого медальона VI–VII вв. из Эрмитажа, справа от всадника помещена связанная фигура со змеиным туловищем и женской головой (Рис. 1; ДВ 11524). Аналогичная композиция выткана и на более поздней по времени ткани, VII–VIII вв. (Рис. 2; ДВ 11523). Сцена со святым воином, поражающим демона в образе лежащей на земле женщины, VI–VII вв. также представлена на рельефе из Бруклинского музея [Late Egyptian and Coptic Art, 1943, p. 19]. По мнению большинства исследователей, это изображение св. Сисиния.

К византийскому периоду относится и известняковая плита с изображением святого на коне, происходящая из Ахмима [Wessel, 1963, S. 20, Abb. 14]. В правой руке, поднятой в победном жесте, всадник держит резной лист аканфа или пальмовую ветвь. Торжественный характер всей композиции, поза наездника, нимб, окружающий его голову, несомненно, принадлежат императорской иконографии. Изображение всадника на коптских стелах встречается и позднее, в VII–VIII вв., но не часто. В качестве примера можно привести две погребальные стелы из Луксора [Crum, 1902, p. 140, nr. 8681] и Карнака [Crum, 1902, p. 140, nr. 8682], хранящиеся в Коптском музее Каира, на которых оба всадника размещались в архитектурном обрамлении, в одном случае, в виде колончатого портика с треугольным, а в другом – полуциркульным фронтоном, подчёркивающим сакральность внутреннего

пространства. Посвятительная надпись из собрания Британского музея с именами апы Кене и апы Виктора, настоятелей монастыря, скончавшихся в результате эпидемии чумы, выбита на рельефе из Сохага с изображением двух, сидящих на лошадях, монахов по сторонам креста, зримого образа спасения [Beckwith, 1963, p. 29].

Особое значение композиции с изображением всадника получают в росписях VI–VIII вв. из монастырского комплекса Баут. Из часовни № XVII происходит роспись со св. Сисинием, поражающим копьём демона в виде женщины [Cledat, 1903, p. 80, pl. LIII]. Всадника окружают изображения скорпиона, кентавра, птицы ибиса, змеи с женской головой и надписью о том, что она дочь демоницы Алабастрии; под ногами коня – сама женщина-демон, обнажённая, с руками, связанными перед грудью. Аналогичную композицию, представленную на фрагменте тканого медальона, опубликовал Б. А. Тураев [Тураев, 1916, с. 176–201], определив скачущего на белом коне всадника как изображение св. воина Сисиния. Ещё один медальон с изображением всадника, попирающего лежащую на земле женщину, из коллекции Эрмитажа издала М. Г. Быстрикова, вслед за Б. А. Тураевым относя его к категории защитных амулетов [Быстрикова, 1978, с. 64–71].

Обратимся к предметам из кости (Рис. 3; ДВ 10361) и бронзы эрмитажного собрания. Это небольшого размера медальоны со всадником, поражающим копьём лежащую фигуру с женской головой и змеиным туловищем, композиционно и стилистически принадлежащие одному иконографическому типу.

Использование амулетов в Египте — дань греко-римской традиции. Греческие магические папирусы дают рецепты составления амулетов, изготовлявшихся по специальным образцам [Spier, 1993, p. 47]. Вера, что обитающий в теле дух может быть изгнан с помощью магических ритуалов, отражает практику всей Восточной империи. Уже ранние греческие тексты показывают важнейшие процедуры изгнания демонов – это обращение к богам-целителям и заклинание, отгоняющее демонов, приказывая им бежать. Коптские магические и греческие тексты обладают особым синкретическим характером, упоминая греко-египетские божества. Страх перед сглазом, болезнями или силами зла привёл к широкому распространению амулетов-апотропеев, в качестве которых могли выступать фрагменты папирусов и пергаменов, пластины и подвески из золота, серебра и бронзы, браслеты, печати, кольца и ткани. Из многочисленных свидетельств Отцов Церкви мы знаем, что различные амулеты использовались в христианских общинах позднеантичного Средиземноморья. Несмотря на отрицательное отношение церкви к использованию всевозможных амулетов, они продолжают встречаться

в течение длительного времени и после официального признания христианства [Gamble, 1995, p. 237.]. Употребление общих апотропейных формул на папирусах и амулетах является доказательством того, что они относятся к одним магическим практикам, сформированным позднеантичной средой [Kotansky, 1995, p. 274]. Сохранившиеся папирусы показывают, что для коптов определённые пассажи из Писания, написание имени Христа, знак Креста имеют силу защиты и уничтожения зла [Strawbridge, 2017, p. 316]. Главной причиной отрицательного отношения церковных властей к магии заключалось в размытости границ в использовании христианских символов, как со стороны христиан, так и для проведения магических ритуалов [Foskolou, 2014, p. 31]. В ответ на обвинения Цельса в том, что христиане черпают свою силу из демонов и заклинаний, Ориген пишет: «они получают силу, которой, по-видимому, обладают, не с помощью каких-либо заклинаний, а с помощью имени Иисуса и рассказами о нём» [Shandruck, 2012, p. 31].

Откуда же заимствуется сцена с изображением всадника на амулетах? В памятниках позднеримского искусства мотив всадника, пронзающего врага, символизировал победу и триумф. Эта палестинская по своему происхождению композиция с изображением царя Соломона, пронзающего копьем женскую фигуру, встречается уже в III веке на геммах из полудрагоценных камней, символизируя победу над демонами. В трактате «Завет Соломона», хорошо известном не только в Палестине и Сирии, но и в Египте, рассказывается о том, что Соломон через св. Михаила получил печать от Бога, с помощью которой он мог держать в повиновении всех демонов. Важно отметить связь образа с иудейской средой, гностическими учениями и солярными культами. В то время, когда в Византии велась непримиримая борьба с гностицизмом, в Египте продолжали использовать старые, привычные композиции. Неудивительно поэтому появление рельефа, выполненного из известняка, с изображением солнечного Бога – Сокола Гора, сразившего Сета в образе крокодила, из Лувра, символизирующего борьбу с тёмными силами зла [Ägypten, 1996, S. 84, № 17]. К этому же кругу памятников относится магическая гемма с изображением Гелиоса на лошадах из Государственного музея Касселя [Ägypten, 1996, S. 210, № 214 a-b] и два перстня-инталии IV в. (один – из Лувра [L'Art, 2000, p. 122, № 92], другой – из собрания Эрмитажа [Залеская, 2006, с. 87. № 94]) с изображением царя Соломона, преследующего демона в образе женщины.

Для борьбы с демонами применялись различные способы: чтение молитвы и заговора о его поимке, изображение подвигов святого воина, начертание его имени или использование в качестве филиakterия [Хайрединова, 2014, с. 146–210].

История св. Сисиния имеет много общего с рассказом о получении царем Соломоном печати бога для борьбы с демонами. В коптской легенде о св. Сисинии, святой пронзил копьём женщину-демона Алабастрию, которая могла превращаться в летучую мышь и высасывать кровь у младенцев [Смагина, 2017, с. 133–140]. Легенда о подвигах Сисиния зародилась на рубеже IV/V вв. в Сирии, а вскоре появляются и литые бронзовые подвески с именем этого святого, следующие традиции гностико-христианских магических амулетов [Barb, 1972, S. 344–355]. Так наблюдается преемственность между образом Соломона и святым всадником Сисинием, изображение которого часто встречается на памятниках коптского искусства.

Раскрыть символический замысел композиций со всадниками помогают аналогичные образцы, содержащие эпиграфический материал. Большая группа сиро-палестинских гравированных амулетов VI–VII вв. с фигурой всадника иконографически, стилистически и эпиграфически связана с изображениями Соломона и св. Сисиния [Pancaroglu, 2004, p. 152]. Так, на аверсе серебряного медальона из Музея искусства и археологии Эшмоле в Оксфорде показана сцена со всадником, попирающим демоницу, и греческой надписью, призывающей св. Сисиния, а на реверсе греческая надпись $\Sigma\phi\rho\alpha\gamma\acute{\iota}\varsigma \Sigma\acute{o}\lambda\omicron\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ – Печать Соломона [Spier, 1993, p. 30, no. 33, pl. 3 a]. Другой пример. При раскопках древнего Анемурия на берегу Средиземного моря был обнаружен амулет с композицией всадника, сражающегося со змеей, скорпионом, львом и греческой надписью на обороте Κύριε βοήθε – Господи, помоги [Vakaloudi, 2020, p. 197]. Кроме того, известно несколько амулетов VI–VII вв. с изображением всадника и демоницы, а также отрывками из 90 Псалма [Demirer and Kraus, 2015, S. 60]. Эта традиция сохраняется и в более поздний период, о чём свидетельствует находка папируса из Египта со строкой из 90 Псалма и обращение к Соломону, опубликованная У. Хорак [Horak, 1993, S. 85–87, Nr. 79]. Примечательно, что Г. ВIKAN, публикуя группу браслетов VI–VII вв. со всадниками, также отмечает, что на них преобладают фрагменты из 90 Псалма [Vikan, 1991/1992, p. 35].

Наряду с подписными амулетами встречаются и анонимные изображения. Медальоны с безымянным всадником были предметами серийного производства. Святой всадник относится к магическим заклинаниям, записанным или устным, а их изображение является ритуальным повторением этих заклинаний. Этот образ был настолько известен, что в надписи не было нужды. Различие между пластинами и подвесными амулетами заключается в том, что защитные свойства первых

обязаны начертанному на них апотропейному тексту и предшествующему магическому ритуалу. Филактерий же объединялся с визуальными изображениями, что характерно для культуры с низким уровнем грамотности.

Всадники на тканях продолжают встречаться и после арабского завоевания. Мусульмане почитали Христа как пророка, который предшествовал Мухаммеду. Они восприняли апотропейный характер образа всадника, что подтверждается многочисленными текстильными образцами. На одной шелковой ткани с изображением охотящихся амазонок есть арабская надпись, упоминающая имя Иисуса [Byzantium and Islam, 2012, p. 158, cat. G a-b].

Таким образом, композиции, представленные на тканях и рельефах, первоначально развиваются в русле эллинистической традиции, сложившейся под влиянием памятников с изображением Александра Великого, носящих, преимущественно, погребальный характер. В византийский период в Египте под влиянием метрополии появляется триумфальная императорская иконография. Амулетная же линия связана с сиро-палестинским регионом и гностико-соляной символикой. Развитый культ мученичества в Египте, распространение гностических ересей – всё это способствовало широкому развитию образа в раннехристианское время. Точки соприкосновения этих линий появляются в конце VI в. на фресках Бауита, бруклинском рельефе и отдельных тканых композициях с изображением императорского триумфа. После арабского завоевания эсхатологическое понимание образа всадника было утрачено, а его изображения, в основном, свелись к функции апотропея.

Библиография

- БЫСТРИКОВА М. Г. Коптские ткани-медальоны в роли защитных амулетов // ВДИ. – 1978. № 4. С. 64–71.
- ЗАЛЕССКАЯ В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв.— СПб.: ГЭ, 2006. – 272 с.: ил.
- СМАГИНА Е. Б. Святой Сисиний в коптской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. – М., 2017. С. 133–140.
- ТУРАЕВ Б. А. Абиссинские магические свитки // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. – М., 1916. С. 176–201.
- ХАЙРЕДИНОВА Э. А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. – Симферополь, 2014. Вып. XIX. С. 146–210.

- Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century: catalogue of the exhibition at the Metropolitan Museum of Art, November 19, 1977, through February 12, 1978/ ed. by K. Weitzmann. – New York, 1979. – 735 p.
- Ägypten. Schätze aus dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil: Katalog zur Ausstellung. – Wiesbaden, 1996. – 420 S.
- L'Art Copte en Égypte, 2000 ans de christianisme: cat. d'exp. / Institut du Monde Arabe. – Paris, 2000. – 253 p.
- BEKWITH J. Coptic Sculpture 300-1300. – London, 1963. – 116 p.
- BRUNE K.-H. Der koptische Reiter: Jäger, König, Heiliger. – Altenberge, 1999. 400 S.
- Byzantium and Islam: Age of Transition (7th–9th Century). The Metropolitan Museum of Art, New York, March 14–July 8, 2012. – New York: The Metropolitan Museum of Art, 2012. – 352 p.
- CLÉDAT J. Le monastère et la nécropole de Baouït // MIFAO. – Le Caire, 1916. T. 39. – 600 p.
- CRUM W. E. Coptic Monuments: catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. – Le Caire, 1902. 160 p.
- DEMIRER U., KRAUS T. Ein Bronze-Amulett aus Kibyra mit Reiterheiligem und griechischen Psalm 90 // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. – 2015. Bd. 195. P. 58–62.
- FOSKOLOU V. The Magic of the Written Word: the Evidence of Inscriptions on Byzantine Magical Amulets // Δελτίον. – 2014. XAE. 35. P. 329–348.
- GAMBLE H. Y. Books and Readers in the Early Church: A History of the Early Christian Texts. – New Haven, 1995. – 337 p.
- La Gloire D'Alexandrie. Musée du Petit Palais 6 mai–27 juillet. – Paris, 1998. – 335 p.
- HORAK U. Reiter und Reiterheilige // Christliches mit Feder und Faden. Nilus. Studien zur Kultur Ägyptens und Vorderen Orients. – Wien, 1993. Bd. 3. – 128 S.
- KOTANSKY R. Greek Exorcistic Amulets // Ancient Magic & Ritual Power / Eds. M. Meyer and P. Mirecki. – Leiden: E.J. Brill, 1995. P. 243–277.
- Late Egyptian and Coptic Art An Introduction to the collections in the Brooklyn Museum. – Brooklyn, 1943. – 54 p.
- LEWIS S. The Iconography of the Coptic Horseman in Byzantine Egypt // Journal of the American Research Center in Egypt. – 1973. Vol. X. P. 27–63.
- MAGUIRE H. Magic and Geometry in the Early Christian Floor Mosaics and Textiles // JÖB. – 1994. Bd. 44. S. 265–274.
- Pagan and Christian Egypt: Egyptian Art from the First to the tenth Century A. D. – New York, 1941. – 86 p.
- PANCAROGLU O. The Itinerant Dragon-Slayer: Forging Paths of Image and Identity in Medieval Anatolia // Gesta. – 2004. Vol. 43. No 2. P. 151–164.
- RUTSHOWSKAYA M.-H. Coptic Fabrics. – Paris, 1990. – 159 p.
- SHANDRUCK W. Christian Use of Magic in Late Antique Egypt // Journal of Early Christian Studies. – 2012. Vol. 29. No 1. Spring. P. 31–57.
- SHEPHERD D. Alexander- The Victorious Emperor // Bulletin of the Cleveland Museum of Art. – 1971. Vol. LVIII. P. 244–250.
- SPIER J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. – 1993. Vol. 56. P. 25–62.
- STRAWBRIDGE J. Early Christian Epigraphy. Evil and the Apotropaic Function of Romans 8.31 // Vigiliae Christianae. – Brill, 2017. Vol. 71. N 3. P. 315–329.

STRYGOWSKI J. Koptische Kunst: catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. – Vienne, 1904. – 362 p.

VAKALOUDI A. D. ΔΕΙΣΙΔΑΙΜΟΝΙΑ and the Role of the Apotropaic Magic Amulets in the Early Byzantine Empire // Byzantion. – 2000. Vol. 70. No. 1. P. 182–210.

VIKAN G. Two Byzantine Amuletic Armbands and The Group to Which They Belong // Journal of the Walters Art Gallery. – 1991/1992. Vol. 49/50. P. 33–51.

WESSEL K. Koptische Kunst. Die spätantike in Ägypten. – Recklinghausen, 1963. – 287 S.

Рис. 1. Медальон с изображением всадника. Египет. VI–VII вв. Лён, шерсть. Гобеленовое плетение. ГЭ (ДВ 11524).

Рис. 2. Медальон с изображением всадника. Египет. VII–VIII вв.
Лён, шерсть. Гобеленовое плетение. ГЭ (ДВ 11523).

Рис. 3. Медальон с изображением всадника. Египет. VII–VIII вв.
Кость. Резьба. ГЭ (ДВ 10361)
(фото увеличено).

Рис. 4. Амулет с изображением всадника. Египет. VII–VIII вв.
Кость. Резьба. ГЭ (ДВ 10359)
(фото увеличено).

А. А. РОМЕНСКИЙ

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ХЕРСОН И ВОСПОР В ЖИТИИ ИОАННА ПСИХАИТА

Составленное анонимным автором после 843 г. Житие Иоанна Психаита содержит крайне мало конкретных сведений о жизни и подвигах святого [Ševčenko, 1977, p. 117, n. 28]. Агиограф противопоставляет творения «языческих софистов» с их вниманием к обстоятельствам рождения и становления героя повествованию своему произведению, намереваясь говорить лишь о христианских добродетелях. Выбранный ракурс a priori не предусматривал точность и хронологическую последовательность биографической характеристики [Ven van den, 1902, p. 104; Сенина, 2019, с. 155]. Замечая, что Иоанн происходил из Вукеллариев в Галатии, автор не указывает названия храма, в котором священствовал его отец, Лев из «благородного рода»; умалчивает он и о местности в Никомидийской епархии, куда семейство было вынуждено переселиться [Ven van den, 1902, p. 105]. Лев вместе с тремя сыновьями (Феодором, Иоанном и Филиппом) приняли постриг в константинопольском монастыре Пиги во время настоятельства Георгия, «мужа, известного всей Вселенной» [Ven van den, 1902, p. 107; Сенина, 2019, с. 157]. В описании совершаемых Иоанном аскетических подвигов агиограф следует устоявшемуся шаблону; не указывает он и сведений о монастыре, в котором настоятельствовали Феодор и Иоанн (его название известно лишь из заголовка); лишь мимоходом упоминает о варварском набеге, из-за которого новому настоятелю пришлось восстанавливать монастырские постройки [Ven van den, 1902, p. 108–113; Сенина, 2019, с. 159–161]. Ничего конкретного автор не говорит и о судьбе паствы Иоанна: после начавшихся гонений иконоборцев он посылает своих сторонников «туда, куда угодно Богу» [Ven van den, 1902, p. 114; Сенина, 2019, с. 162]. Место двукратного изгнания святого в источнике также не называется, что стало причиной дискуссии исследователей.

После смерти василевса Льва V в жизни Иоанна наступают перемены: он получает свободу и направляется в город Херсон, расположенный поблизости от Воспора¹ (...ἐπὶ Χερσῶνα τὴν πόλιν χωρεῖ τὴν παρακεκμένην τῇ Βοσπόρῳ), однако, и там усердно занимается аскетическими трудами [Ven van den, 1902, p. 118]². В Херсоне Иоанн действует как тауматург, излечив руку пораженной демоном женщины, возвращая здоровье парализованному юноше, изгоняя демона из бесноватого кузнеца-медника Анастасия, исцеляя от морской болезни местного рыбака Исидора. Таким образом, святой ежедневно врачевал множество людей [Ven van den, 1902, p. 118–120]³. Народы, жившие вблизи Воспора, приходили к святому из-за его пределов (...συρρέοντων τῶν παρακεκμένων ἔθνῶν τῇ Βόσπορῳ θυραθέν τε τοῦ ἁγίου καθεζομένων) [Ven van den, 1902, p. 120], но он рассудил, что их сборища приносят вред, а похвалы умаляют добродетель, вследствие чего Иоанн, вместе с учеником Парфением отправляются в Константинополь. Но и в столице Иоанн не нашел покоя, продолжая выступать в качестве чудотворца и проповедника, так что из-за множества людей его с трудом смогли предать земле в смертный час.

¹ Здесь и далее название города приводится в соответствии с византийским произношением. Вероятнее всего, Иоанн Психаит освободился в связи с амнистией иконопочитателям, объявленной василевсом Михаилом II в начале 821 г. [см.: Афиногенов, 2003, с. 213; Сорочан, 2005, с. 1387, прим. 732].

² В комментарии к переводу Жития Т. А. Сенина замечает, что Херсонес «находится... не рядом с Боспором Киммерийским» [Сенина, 2019, с. 152], однако для константинопольского агнографа, к тому же не очень осведомленного с реалиями, такая географическая оплошность простительна. Расстояние между Херсоном и Воспором ошибочно определял и Прокопий Кесарийский, сообщивший, что между этими городами «двадцать дней пути» [Procopius of Caesarea, 1914, p. 96; Сорочан, 2005, с. 1239, прим. 24]. В трактате «О постройках» Прокопий поместил оба города за Меотидским озером, на краю римских границ [Procopius of Caesarea, 1961, p. 214; Сорочан, 2005, с. 1243].

³ Херсон в Житии представлен многолюдным городом, в котором развивались ремесла и рыбный промысел, что подтверждается археологическими источниками. Современные исследователи рассчитывают численность населения в городе, исходя из количества усадеб и примерных цифр населенности каждого дома. Так, А. Л. Якобсон полагал, что в Херсоне XII–XIII вв. находилось около 650 усадеб, в которых, в среднем, проживали порядка 7–8 человек, что дает 4 550–5 200 человек населения [Якобсон, 1961, с. 160; 1964, с. 167, прим. 49]. С. Ф. Стржелецкий считал эти расчеты заниженными, не учитывающими западную часть городища. По его мнению, в Херсоне могло быть порядка 1000 жилых домов и, соответственно, около 9 000 населения (карандашная помета на полях принадлежавшей С. Ф. Стржелецкому книги А. Л. Якобсона) [Якобсон, 1964, с. 109]. А. И. Романчук насчитывает в Херсоне IX–X вв. не более тысячи домов с населением 4 725–5 580 человек, принимая 4–5 человек за средний состав семьи, исходя из поздневизантийских аналогий [Романчук, 2007, с. 559, 560]. С. Б. Сорочан указывает количество населения в пределах 6–7 тысяч человек или около 7 800, оперируя цифрой в 1300 усадеб [Сорочан, 1998, с. 347, 348].

Наполненная противоречиями и умолчаниями фабула Жития доказывает невысокую компетентность его автора в задаче построения биографии своего героя и, видимо, отсутствие подробных известий о нём. Исследователям казалось странным то обстоятельство, что после освобождения Иоанн Психаит отправляется для отдыха (εἰς ἀνάψυξιν) в Херсон: Х. М. Лопарёв находил такое путешествие бесцельным и «совершенно необъяснимым», считая, что этот город был местом ссылки подвижника, а нелогичность в тексте возникла как результат контаминации нескольких преданий, одно из которых сообщало о добровольной поездке⁴. Как только «вышел указ об амнистии», Иоанн поспешил вернуться в Константинополь [Лопарев, 1911, с. 12, 13]. В дальнейшем эта гипотеза стала устоявшимся мнением среди специалистов [Da Costa-Louillet, 1955 (1954), p. 262; Auzeу, 2000, p. 326; Сорочан, 2005, с. 105, 106, 1387, прим. 730; Могаричёв, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 214; Могаричёв, Сазанов, Сорочан, 2017, с. 552]. Т. А. Сенина (Кассия), недавно опубликовавшая русский перевод источника, отметила небесспорность такой трактовки, допуская, что речь идёт «не о Крыме, а о большом Босфоре», куда подвижник и отправился после ссылки [Сенина, 2019, с. 152, 153]. Предположение исследовательницы маловероятно, поскольку употребляемый в тексте женский род (ἡ Βόσπορος) явно свидетельствует о том, что имеется в виду не пролив (Киммерийский или Фракийский), а город [Тохтасьев, 2018, с. 233, 234, прим. 1058; Виноградов, 2020, с. 997, 999].

Вопрос о месте ссылки Иоанна Психаита остается открытым, поскольку гипотеза Х. М. Лопарева не является единственно возможной интерпретацией источника. На наш взгляд, необходимо следовать буквальному прочтению текста, согласно которому Херсон был местом отдыха, а не изгнания подвижника. Нельзя исключить, что во время гонений он находился на подконтрольной хазарам территории Таврики. На это намекает информация жития о популярности святого среди окружающих Воспор народов (ἐθνῶν). Под последними, вероятнее всего, подразумевалось хазарское или болгарское население Восточного Крыма. Как представляется, отрицательное отношение Иоанна к их похвалам было связано не только со скромностью подвижника, не желавшего привлекать внимание толпы, но и с укоренённым среди ромеев предубеждением к варварам [Иванов, 2003, с. 334, 341].

⁴ Х.-Ф. Байер считал, что местом ссылки Иоанна Психаита были окрестности Константинополя, «Херсон был местом, откуда бежали», а в Воспор подвижник отправился, чтобы отдохнуть и творить чудеса [Байер, 2001, с. 352]. Но, согласно Житию, Иоанн отдыхал и исцелял людей именно в Херсоне.

Это предположение не противоречит имеющимся вариантам реконструкции политической истории региона в первой четверти IX в. В современной историографии существуют версии о господстве Хазарского каганата над восточным Крымом [Айбабин, 1999, с. 187–205; Ajbabin, 2011, S. 171–176; Крым, Северо-Восточное Причерноморье..., 2003, с. 53–55; Тортика, 2016, с. 144], византийско-хазарском совлaдении [Сорочан, 2005, с. 322–395; 2014, с. 288; Науменко, 2001, с. 350; 2005, с. 59–65] либо сохранении контроля Византии над этой территорией при выплата дани хазарам [Могаричёв, 2004, с. 167, 168; Могаричёв, Сазанов, Сорочан, 2017, с. 401–418]. Как известно, хазары не препятствовали организации церковной структуры в своих владениях [Айбабин, 1999, с. 205, 212; История Крыма, 2019, с. 244, 245] и, более того, предоставляли убежище отдельным опальным иерархам, о чём свидетельствует пример упомянутого в Константинопольском синаксаре некоего Стефана, пострадавшего ещё во время «первого иконоборчества», бежавшего из Херсона в Хазарию и ставшего там епископом [Delehaue, 1902, p. 264]. Возможно, удаление из столицы и дальнейшее «изгнание» было добровольным выбором игумена, обвиняемого не только в отступлении от императорского догмата, но и в растрате денежных средств. К такому выводу приводят вложенные в уста обвинителей Иоанна слова о том, что он помышлял о бегстве (δρασιὸν ὑλευθεῖς) [Ven van den, 1902, p. 115]. Его поездку в Херсон, ближайший форпост империи, сразу после кончины Льва Армянина можно истолковать как стремление скорее вернуться из чужеродной варварской среды в привычный мир ромейской культуры. Немедленное возвращение в Константинополь, видимо, не представлялось возможным. Не исключено, что «отдых» Иоанна в Херсоне пришёлся на время осады столицы войсками Фомы Славянина (821–823 гг.), а его встреча со старыми друзьями в Царственном городе произошла уже после разгрома мятежника.

Укоренившееся в научной литературе представление о том, что Херсон во время пребывания в нём настоятеля Психаитского монастыря был окружен некими «врагами», в которых иногда усматривают хазар, не выдерживает критики [Ahrweiler, 1971, p. 66; Баранов, 1990, с. 152; Романчук, 1992, с. 210; Сорочан, 2005, с. 544; Могаричев, Сазанов, Сорочан, 2017, с. 612, 616]. Источником этой информации является пересказ Х. М. Лопарёвым соответствующего пассажа Жития [Лопарёв, 1911,

с. 13]⁵, но в оригинале текста никаких сведений о врагах не содержится [Zuckerman, 1997, p. 221, n. 40]. Ученик святого Парфений опасался не враждебных намерений толпы, а неуместного рвения людей, опечаленных уходом чудотворца. Построенные на этом допущении выводы об отражении в Житии ситуации 860-х гг. и возможном знакомстве агиографа с кругом источников, связанных с Константином Философом [Могаричёв, Сазанов, Сорочан, 2017, с. 615–616], видятся безосновательными.

Библиография

- АЙБАБИН А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – 352 с.
- АФИНОГЕНОВ Д. Е. Что погубило императора Льва Армянина? // Мир Александра Каждана: к 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А. А. Чекалова. – СПб., 2003. С. 194–222.
- БАЙЕР Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – XX, 500 с.
- БАРАНОВ И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – Киев, 1990. – 165 с.
- ВИНОГРАДОВ А. Ю. Херсонес – Херсон, Пантикапей – Воспор: вопрос идентичности или общеимперский процесс? // ВДИ. – 2020. Т. 80. № 4. С. 995–1006.
- ИВАНОВ С. А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? – М., 2003. – 376 с.
- История Крыма: в 2-х томах. / Отв. ред. А. В. Юрасов. – М., 2019. Т. 1. – 600 с.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – 553 с.
- ЛОПАРЁВ Х. М. Византийские Жития Святых VIII–IX веков (продолжение) // ВВ. – 1911. Т. 18. С. 1–147.
- МОГАРИЧЁВ Ю. М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСб. – Севастополь, 2004. Вып. XIII. С. 163–180.
- МОГАРИЧЁВ Ю. М., САЗАНОВ А. В., ШАПОШНИКОВ А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007. – 348 с.
- МОГАРИЧЁВ Ю. М., САЗАНОВ А. В., СОРОЧАН С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. – М., 2017. – 744 с.
- НАУМЕНКО В. Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. – Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 336–361.
- НАУМЕНКО В. Е. К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в.: пример Херсона и Боспора // АДСВ. – 2005. Вып. 36. С. 51–66.

⁵ «Пригласив одного из своих учеников, Парфения, он посоветовал ему идти в Византию; но тот сказал, что это невозможно ввиду массы (врагов?), что трудно как выбраться из Херсона, так и вернуться в него...» [Лопарёв, 1911, с. 13]. Как видно, Х. М. Лопарев не был полностью уверен в том, что «враги» действительно препятствовали Иоанну Психаиту. К сожалению, исследователь не приводит «значительно отличное» чтение другого списка жития.

- РОМАНЧУК А. И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // АДСВ. – 1992. Вып. 26. С. 204–213.
- РОМАНЧУК А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Ч. 2. Византийский город. – Екатеринбург, 2007. – 663 с.
- СЕНИНА Т. А. (предисловие, перевод, комментарии). Житие Иоанна Психаита. ВHG 896 // МП. – Волгоград, 2019. Вып. 10. С. 147–176.
- СОРОЧАН С. Б. Nota I: Об Империи ромеев и её городах (проблема численности) // Сорочан С. Б. Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Структура механизмов обмена. – Харьков, 1998 (Изд. первое). С. 323–365.
- СОРОЧАН С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2 / Отв. ред. Г. Ю. Ивакин. – Харьков, 2005. – 1648 с.
- СОРОЧАН С. Б. Ещё раз о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму в конце VII – первой половине VIII в. // ВВ. – М., 2014. Т. 73 (98). С. 278–295.
- ТОРТИКА А. А. Византия в политике Хазарского каганата: эволюция отношений // Дивногорский сборник. – Воронеж, 2016. Вып. 6. С. 138–158.
- ТОХТАСЬЕВ С. Р. Язык трактата Константина Багрянородного De administrando imperio и его иноязычная лексика. – СПб., 2018. – 679 с.
- ЯКОБСОН А. Л. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. – 1961. Т. 19. С. 154–165.
- ЯКОБСОН А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М.; Л., 1964. 232 с.
- AHRWEILER H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines. – Athènes; Paris, 1971. Nr. 5. P. 44–70.
- AJBABIN A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in Byzantinischer Zeit. – Mainz, 2011. – XI, 276 S., 32 Taf.
- AUZEPY M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. – Симферополь, 2000. Вып. VII. P. 324–331.
- DA COSTA-LOUILLET G. Saints de Constantinople aux VIIIe, IXe et Xe siècles // Byzantion. – 1955. Т. 24 (1954). Fasc. 1. P. 179–263.
- DELEHAYE H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano. – Bruxelles, 1902. LXXXVI, 1180 p.
- PROCOPIUS OF CAESAREA. Vol. 1. History of the Wars, Books I and II / with an English transl. by H. B. Dewing. – London; New York, 1914. – XV, 583 p.
- PROCOPIUS OF CAESAREA. Vol. VII. Buildings. General Index to Procopius / with an English transl. by the late H. B. Dewing, with the collaboration of G. Downey. – Cambridge, MA; London, 1961. – XX, 542 p.
- ŠEVČENKO I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. University of Birmingham. March 1975 / Ed. by A. Bryer and J. Herrin. – Birmingham, 1977. P. 113–132.
- VEN VAN DEN P. La vie grecque de S. Jean le Psichaïte confesseur sur le règne de Léon l'Arménien (813–820) // Le Muséon. Études philologiques, historiques et religieuses. – Louvain, 1902. Vol. 21. P. 97–125.
- ZUCKERMAN C. Two notes on the early history of the thema of Cherson // BMGS. – 1997. Vol. 21. P. 210–222.

М. А. РУДНЕВА

Белгородский Государственный Национальный
исследовательский университет
(Белгород)

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СЕЙСМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ
НА ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АЛЕКСАНДРИИ
В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ**

Александрия Египетская была основана Александром Македонским в 331 г. до. н. э. Проблема изучения топографии такого масштабного города, чья история насчитывает сотни лет бурного развития, является достаточно сложной и многоплановой. Среди особенностей изучения топографии Александрии – отсутствие возможности полноценного исследования основной площади археологического комплекса города. Данная ситуация связана как с антропогенными факторами – разрушениями в результате восстаний, военных столкновений, внутригородских конфликтов и т. д., так и с природными – последствиями катастрофических природных явлений. Согласно мнению исследователей, многочисленные землетрясения, наряду с военными действиями, послужили упадку великого города древности [Stiros Stathis, 2001; Ребизов, 2011; Егоров, 2015; Belova, Ivanov, Belov, Laemmel, 2019 и др.].

Александрия была построена на склоне холма, простирающегося от озера Мареотида к Средиземному морю. Этот участок был достаточно благоприятным в сравнении с болотистой местностью, окружавшей его. Диодор Сицилийский указал, что город был построен «между озером и морем» (Diod. XVII. 52. 2). Фундамент городских построек расположен на достаточно ровном слое известняка [Naas, 1997, p. 21]. Этот узкий хребет, шириной в среднем около километра, протяжён с перерывами вдоль побережья моря от Канопы примерно на 56 км к западу [Naas, 1997, p. 21]. Этот плейстоценовый хребет, называемый Абу-Кир, достигает в своей западной

части высоты 35 м. Уязвимость Александрии к землетрясениям могла быть связана с расположением на осадочных слоях дельты Нила, которые значительно усиливали влияние сейсмической активности на городскую инфраструктуру [Pararas-Carayannis, 2011].

Результаты исследований, приведённые специалистами в области изучения сейсмической активности, включают выводы о том, что на протяжении существования Александрия подверглась воздействию около двадцати пяти разрушительных землетрясений (365, 746, 811, 881, 950, 956, 1201, 1202, 1303 гг. и др.) [Pararas-Carayannis, 2011]. Минимум четыре цунами имели сейсмическое происхождение, крупнейшими из них были катастрофические события 365 и 1303 гг., когда волны достигали 6 м [Зайцев, Бабейко, Куркин, Ялченир, Пелиновский, 2019]. О. Г. Ребизов отметил, что в «средние века происходило активное наступление моря на сушу, в результате чего многие постройки оказались под водой на глубине 6 – 8 м» [Ребизов, 2011].

Упоминание о землетрясениях, случившихся в Александрии, в письменных источниках встречается довольно часто. Феофан Исповедник сообщил о возникновении страшного землетрясения в первый год правления (ок. 313 г.) архиепископа Александра Александрийского (Theoph. Chron. 5812). Автор указал, что землетрясение повлекло за собой разрушение построек и многочисленные человеческие жертвы. Исследователи датируют землетрясение в Александрии близким к этому временем – примерно 319/320 гг. [Badawy, 1978, p. 26], однако данный эпизод считается малоисследованным и требует дальнейшего анализа [Kiss, 2007].

В другом фрагменте «Хронографии» Феофана описываются последствия землетрясения, случившегося ночью в 10 индикт во время пребывания императора Валента (364–378) в Маркианополе (Мизия). Характеризуя это событие, Феофан пишет, что корабли были пронесены стихией над высокими зданиями и стенами. Резкое повышение воды было неоднократным, поскольку люди, пытавшиеся разграбить выброшенные на берег корабли, погибли во время неожиданного резкого подъёма воды (Theoph. Chron. 5859).

Современные исследователи относят одно из наиболее крупных землетрясений, затронувших Александрию, к 365 г. По мнению Георга Парарас-Караянниса, землетрясение, случившееся 21 июля 365 г., возникло вдоль западного побережья острова Крит [Pararas-Carayannis, 2011]. Оно вызвало мегацунами, опустошившее южное и восточное побережье Средиземного моря и особенно затронуло Пелопоннес, Греческие острова, Сицилию, Ливию, Кипр, Палестину и Египет.

Приливная волна достигла побережья Александрии с юго-западного направления, поэтому остров Фарос и Гептастаций не могли обеспечить защиту города [Evelpidou, Repapis, Zerefos, Tzalas, Synolakis, 2019, p. 9].

Наиболее яркое литературное свидетельство, сопоставляемое с событиями 21 июля 365 г., принадлежит Аммиану Марцеллину (Amm. Res Gestae. 26. 10. 15–19). Он написал, что большие корабли силой стихии были выброшены на вершину зданий (Amm. Res Gestae. 26. 10. 19). Последствия этой катастрофы значительно сказались на историческом развитии региона [Pararas-Carayannis, 2011]. Вместе с этим, авторы разных источников склонны объединять в сообщениях о землетрясении 365 г. несколько подобных событий, случившихся в IV в. в регионе [Pararas-Carayannis, 2011, p. 253–292]. В Восточной гавани Александрии, согласно сообщению Страбона, располагался остров Антиродос. Перед ним лежала искусственная гавань. Остров являлся царской собственностью и здесь находился царский дворец. Вероятно, он погрузился в море в IV в., возможно, именно во время землетрясения и цунами 365 г. В 1996 г. экспедиция подводных археологов под руководства Франка Годдио обнаружила в гавани Александрии этот остров. Было выявлено, что он находится на противоположной стороне от места, указанного Страбоном. На острове были обнаружены скромный дворец и храм, вероятно, принадлежавший Исиде [Sandrin, Belov, Fabre, 2013, p. 44–59].

В работах исследователей также встречается информация о землетрясениях 447 г. и 535 г., обнаруживаемых преимущественно на основе анализа материалов археологии [Kołątaj, 2006, p. 191–201]. Так, большие общественные бани, расположенные в Ком-эль-Дикка по улице R4, имеют три основных этапа существования, в течение которых план оставался в основном таким же, как и в предшествующее время: симметричный прямоугольный план средиземноморского типа с некоторыми африканскими чертами. На более ранних этапах на этом участке были расположены богатые виллы греческого типа. Здания были разрушены или повреждены в конце III в., возможно, в результате землетрясений и/или во время военных вторжений. Их окончательное угасание относится к IV в. [Kołątaj, 1992; Kiss, 1993]. Строительство бань относится к концу IV в. Первое восстановление этого банного комплекса произошло после землетрясения 447 г., большие бассейны были заменены несколькими маленькими. Здание, похоже, было повреждено и в результате землетрясения 535 г., после чего оно было перепроектировано с преобразованием в кальдарий, который использовался для горячих и холодных ванн. Печи были приспособлены

к местному топливу из соломы и тростника. Эта фаза существования пространства продолжалась до начала VII в. Примечательно, что городские бани Александрии довольно часто упоминаются в труде Феофана (Theoph. Chron. 5933; 5945; 5957; 5959; 5961), где речь зачастую идёт об их восстановлении.

Ранневизантийский автор Агафий Миринейский (536–582 гг.) в своей «Истории» («О царствовании Юстиниана») привёл сообщение о землетрясении в Александрии, случившемся в 550-х гг., свидетелем которого он стал, находясь в городе в период обучения (Agath. Hist. II. 15). В изложении Агафия отмечается, что землетрясения в это время происходили во многих частях империи, особенно сильно пострадал Берит (Бейрут). Вместе с этим, автор сообщает, что данное явление для Александрии является довольно необычным, вызывающим «удивление у стариков». Землетрясение охарактеризовано как незначительное и кратковременное, но явственное сотрясение. Иоанн Никиусский описал землетрясение «в земле Египетской» периода правления императора Юстиниана (John. Nik. 89. 81-83). Согласно Иоанну, событие принесло тяжкие последствия, он отметил, что потрясения и катаклизмы завершились только по прошествии года (John. Nik. 89. 82). Изложение имеет религиозный характер и преподнесено как Божий гнев, сопряжённый с поведением императора Юстиниана (John. Nik. 89. 83).

Одну из наиболее ярких исследовательских проблем представляет отсутствие точных сведений о завершении исторического существования Александрийского маяка. Синезий в письме назвал маяк башней, упомянул её огонь, светящий кораблям (Synes. Ep. 68 (53)), следовательно, землетрясение 365 г. не прервало работу сооружения. Согласно мнению Георга Парарас-Караянниса, землетрясение, случившееся в 796 г., причинило более весомый ущерб Александрийскому маяку, лишившемуся третьего этажа. Следующий удар строению был нанесён в результате серии землетрясений, случившихся между 950 и 956 гг. Землетрясение 1261 г. разрушило его основную структуру, а землетрясение в 1303 г. привело к окончательному разрушению «Седьмого чуда света» [Pararas-Carayannis, 2011, p. 253–292]. В статье О. Г. Ребизова разрушение маяка отнесено к 1303 или к 1375 гг. [Ребизов, 2011, с. 110–137].

Значительная часть стен Александрии была разрушена во время землетрясения 1303 г., сопровождавшегося цунами [Evelpidou, Repapis, Zerefos, Tzalas, Synolakis, 2019, p. 9]. В результате стихийного бедствия затопило половину города, что повлекло за собой многочисленные жертвы.

Быстрые водовороты, созданные отступающими водами, уничтожили множество кораблей, оставив их разбитыми, в то время как другие были отброшены волнами на крыши [Evelpidou, Repapis, Zerefos, Tzalas, Synolakis, 2019, p. 8]. При этом исследователи отмечают, что сообщения о силе стихии, выбрасывающей корабли на вершины зданий, встречаются как в ранневизантийских, так и в арабских источниках [см. Evelpidou, Repapis, Zerefos, Tzalas, Synolakis, 2019, p. 8].

Таким образом, нахождение Александрии Египетской в сейсмоактивной зоне значительно сказалось на историческом развитии города. Землетрясения и цунами, наряду с другими факторами, привели к тому, что археологическое исследование древнего города к настоящему моменту значительно затруднено.

Библиография

- ЕГОРОВ В. К. Ренессанс российской египтологии / В. К. Егоров, Е. Г. Толмачева // И земля в ликовании... : Сборник статей в честь Г. А. Беловой / Под ред. С. В. Иванова и Е. Г. Толмачёвой. – М., 2015. С. 14–36.
- ЗАЙЦЕВ А. И., БАБЕЙКО А. Ю., КУРКИН А. А., ЯЛЧЕНИР А., ПЕЛИНОВСКИЙ Е. Н. Оценка опасности цунами на Средиземноморском побережье Египта // Известия Российской академии наук. Физика атмосферы и океана. Т. 55. – М., 2019. № 5. С. 94–102.
- РЕБИЗОВ О. Г. Археологические исследования в Александрии Египетской: проблемы и перспективы // Христианское чтение. – 2011. № 5. С. 119–137.
- BADAWY A. Coptic Art and Archaeology: The Art of the Christian Egyptians. – Cambridge, 1978. – 416 p.
- BELOVA G. A., IVANOV S. V., BELOV A. A., LAEMMEL S. Russian underwater archaeological mission to Alexandria. General report (2003–2015) 2003-20 // Egypt and Neighbouring Countries. – 2019. №. 3. P. 1–31.
- EVELPIDOU N., REPAPIS CH., ZEREFOS CH., TZALAS H., SYNOLAKIS K. Geophysical Phenomena and the Alexandrian Littoral. – Oxford, 2019. – 146 p.
- HAAS C. Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict. – Baltimore; London, 1997. – 494 p.
- KISS Z. Alexandria in the fourth to seventh centuries // Egypt in the Byzantine World, 300–700 / Ed. R. S. Bagnall. – Cambridge, 2007. P. 187–206.
- KISS Z. L'évolution de la structure urbaine d'Alexandrie romaine a la lumiere des fouilles recentes // XIVe Congreso int. de arqueologia clasicista. – Taragona, 1993. P. 262–263.
- KOŁAŁAJ W. Imperial Baths at Kom el-Dikka // Alexandrie. – Warsaw, 1992. Т. 6. P. 79–82.
- PARARAS-CARAYANNIS G. The earthquake and tsunami of July 21, 365 AD in the Eastern Mediterranean Sea – Review of impact on the ancient world – Assessment of recurrence and future impact // Science of Tsunami Hazards. 2011. V. 30. P. 253–292.

SANDRIN P., BELOV A. FABRE D. The Roman Shipwreck of Antirhodos Island in the Portus Magnus of Alexandria, Egypt // *International Journal of Nautical Archaeology*. – 2013. № 42 (1). P. 44–59.

STIROS STATHIS C. The AD 365 Crete Earthquake and Possible Seismic Clustering During the Fourth to Sixth Centuries AD in the Eastern Mediterranean: A Review of Historical and Archaeological Data // *Journal of Structural Geology*. – 2001. № 23 (2–3). P. 545–562.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
(Казань)

**«ВИЗАНТИЙСКАЯ» ТАРНАЯ КЕРАМИКА
ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА СОЛХАТ
(постановка проблемы)**

Улус Джучи всё время своего существования контролировал трансконтинентальные и локальные торговые маршруты. Среди значительного количества товаров важное место занимала продукция, для транспортировки которой до потребителя и хранения в месте производства, продажи или употребления использовалась специальная группа сосудов. Перевозка жидкостей (вина, масла), сыпучих продуктов (зерно) требовала особой тары, которая в современной литературе получила название «тарная керамика». Традиционно к тарной керамике Золотой Орды относят различного рода амфоры, пифосы, хумы, сфероконические сосуды, тарные кувшины и т. д. [Федоров-Давыдов, 2001, с. 141–162; Гинькут, 2021, с. 303]. При этом, несмотря на развитые торгово-экономические отношения, следует учитывать и региональную специфику распространения тарных керамических сосудов.

В рамках настоящего доклада мы постарались выявить и рассмотреть так называемую тарную посуду «византийского культурного круга», происходящую из раскопок городища Солхат.¹ Для предварительного обзора мы взяли лишь немногочисленные показательные находки, хотя следует отметить, что доля фрагментов тарной

¹ Выражаю искреннюю благодарность М. Г. Крамаровскому за предоставленную возможность обработки материалов Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и Д. Э. Сейдалиевой за консультации в ходе подготовки доклада.

посуды среди керамических находок городища Солхат весьма значительна. Эта группа керамических сосудов встречается на всех внутрикомплексных памятниках городища Солхат и сельских поселениях округи, но опубликован материал лишь частично [Крамаровский, Гукин, 2002; 2006; 2007; Сейдалиева, Майко, Сейдалиев, 2022].

Мы разделили обнаруженные материалы на несколько категорий. В первую очередь это так называемые пифосы. Исследователи золотоордынских древностей для обозначения крупных керамических сосудов, предназначенных для хранения и, реже, для транспортировки жидких или сыпучих веществ, используют название, распространенное у тюркоязычных или ираноязычных народов на Ближнем и Среднем Востоке, а именно «хум». Мы предлагаем называть эти сосуды, исходя из места производства или ремесленной традиции: среднеазиатские – «хум», греческие или византийские – «пифос».

Пифосы, выявленные среди солхатских находок, представлены двумя видами. В первую очередь это сосуды, украшенные по тулову так называемой лентой из медальонов (Рис. 1) [Гинькут, 2021, с. 303]. Черепок в изломе светло-коричневоглиняный, тесто содержит кварцевый песок, слюду и, вероятно, толчёные раковины моллюсков (?). Такие пифосы часто встречаются при раскопках крымских памятников золотоордынского периода, датируются в пределах XIII–XV вв. и выделяются И. Б. Тесленко в группу II. [Тесленко, 2015, с. 133–135]. По составу керамического теста Н. В. Гинькут предполагает их происхождение с островов Средиземноморского региона, побережья Мраморного моря или Южной части Понта. В случае с солхатской находкой мы также можем предположить, что имеем дело с подражанием из группы керамики ЮЗК, о чём свидетельствуют и более тёмный цвет, и несколько иной состав формовочной массы [Тесленко, 2014, с. 495, 497].

Второй вид пифосов представлен находками фрагментов стенок, венчиков и недавно обнаруженным целым сосудом. По морфологическим и технологическим особенностям производства солхатские находки имеют ряд аналогий. Преимущественно они известны в пределах Южного Крыма, но встречаются также и в Центральной Анатолии. Все аналогии, как и солхатская находка, принадлежат типу сосудов с реберчато-желобчатой поверхностью, выделенных И. Б. Тесленко в отдельную категорию (группу) на материалах Крыма [Тесленко, 2015, с. 132]. Два фрагментированных пифоса найдены при раскопках замка Фуна [Тесленко 2015, каталог №№ 36, 53] и три – в крепости Алустон [Тесленко 2015, каталог №№ 3.1, 10.1, 21].

Из числа находок в крепости Алустон назовем пифос из раскопок усадьбы из 3-х помещений (помещение № 94); пифос из помещения № 19 (усадьба из 3-х помещений). В помещении № 85 также сохранился остаток одного сосуда, но его размеры не указаны. Наибольший интерес, благодаря своей близости к находке в Солхате, вызывают два пифоса из Алустона (из помещений №№ 94 и 19) [Тесленко, 2015, рис. 4.1-2]. Формовочная масса этих сосудов со значительным количеством включений шамота и дресвы алевролитов (размером от 1,5 мм до 5 мм). По наблюдениям И. Б. Тесленко, в Крыму в комплексах XIV–XV вв. эти сосуды встречаются редко [Тесленко 2015, с. 134]. Под уровнем дна нашего сосуда найдено три монеты с тамгами ханов Золотой Орды Токты (1291–1313) и Узбека (1313–1341). Вероятно, такие сосуды производились на территории юго-западного Крыма, и наша находка может относиться к категории изделий «византийского культурного круга».

Среди находок амфор подавляющее большинство фрагментов на Солхатском городище принадлежит сосудам типа Gunsenin IV (производство Ганос), традиционно их также выделяют в Класс 45 по Херсонесской классификации. Обычно это фрагменты стенок, ручек, венчиков и доньев, иногда целые формы (Рис. 2–7). Глиняное тесто – красное, плотное, содержит песок, в верхней части тулова снаружи белый ангоб, иногда его потёки встречаются и на внутренней поверхности сосудов. Исследователи акцентируют внимание на том, что это «самая многочисленная группа амфор для XIII в.» [Гинькут, 2021, с. 305]. Часто на стенках или ручках этих амфор встречаются граффити в виде крестов, букв или геометрических фигур [Сейдалиев, Сейдалиева, 2022, с. 209–214], реже клейма, которые традиционно располагаются на нижнем прилепе ручки.

Клейма на солхатских находках можно поделить на несколько видов. К первой, и наиболее многочисленной, группе относятся оттиски в виде решётки, заключенной в круг. Они встречаются как на самом городище, так и на сопутствующих ему селищах округа (Рис. 2,1-2) [Крамаровский, Гукин, 2002, с. 55, табл. 13,3]. Аналогии таким клеймам представлены как на памятниках Крыма (Судак, Херсонес, Чембало), так и за его пределами (Азак) [Гинькут, 2021, с. 306].

Второй вариант клейма представляет собой оттиск в виде розетки или цветка с семью округлыми лепестками в виде точек и с точкой же в центре (Рис. 2,3) Единичный экземпляр представлен находкой, происходящей с поселения Кринички II в округе золотоордынской столицы Крыма [Крамаровский, Гукин, 2002, с. 52, табл. 10,4].

О клеймах с надписями из раскопок Солхата в своё время упоминал И. В. Волков [Волков, 2001, с. 213]. Нам пока известно только одно такое клеймо, обнаруженное также на поселении Кринички II [Крамаровский, Гукин, 2002, с. 53, табл. 11,2]. Ещё один экземпляр, происходящий «из окрестностей средневекового Солхата», опубликован В. В. Майко; однако, точное место и контекст находки неизвестны [Майко, Василенко, Соков, Тищенко, 2014, с. 332, Рис. 4,2].

Фрагменты амфор константинопольского производства были обнаружены также при раскопках средневековой бани Солхата, в том числе среди них встречены и фрагменты стенки с граффити [Сейдалиева, Майко, Сейдалиев, 2022, с. 16, 17].

Отдельную категорию керамики составляют амфоровидные плоскодонные кувшины, также с дуговидными ручками, аналогичные константинопольским. Тесто этих кувшинов красно- или сероглинянное, иногда в верхней части присутствует зональное рифление [Сейдалиева, Майко, Сейдалиев, 2022, с. 16, 17].

Учитывая важную роль Солхата на торговых маршрутах, соединявших портовые города Каффу и Солдайю с Востоком, тарная керамика византийского круга, обнаруженная здесь, может характеризовать торгово-экономические связи столицы золотоордынского Крыма как с центрами производства или торговли в Малой Азии и за её пределами, так и локальные торговые отношения в границах полуострова.

Библиография

- БУЛГАКОВ В. В. Византийские амфорные клейма XIV в. из Солхата, Херсонеса и Судака / Византийские амфоры. Электронный ресурс. Код доступа: <http://archaeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/stamps/bulgakov2.htm> (дата обращения 14.01.2023).
- ВОЛКОВ И. В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – Київ, 2001. С. 202–215.
- ГИНЬКУТ Н. В. Некоторые группы тарной керамики XIV–XV вв. из раскопок генуэзской крепости Чембало (предварительный обзор) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ. XIII Международный Византийский семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021 С. 303–314.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г., ГУКИН В. Д. Золотоордынское поселение Кринички II (Результаты археологических исследований). – СПб., 2002.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г., ГУКИН В. Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.), – СПб., 2006.

КРАМАРОВСКИЙ М. Г., ГУКИН В. Д. Отчёт об археологических исследованиях средневекового поселения Бокаташ II в 2005 году. – СПб., 2007.

МАЙКО В. В., ВАСИЛИНЕНКО Д. Э., СОКОВ П. В., ТИЩЕНКО И. Б. Материалы к типологии, хронологии и клеймению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и Западного Закубанья) // БИ. – Керчь, 2014. Вып. XXX. С. 329–343.

СЕЙДАЛИЕВ Э. И., СЕЙДАЛИЕВА Д. Э. Фрагменты керамики с граффити из раскопок городища Солхат в 2021 г. // Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы X Международной научной конференции по церковной археологии, посвященной 160-летию Д. В. Айналова / Ред.-сост. В. В. Майко, Э. А. Хайрединова, Т. Ю. Яшаева. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – С. 209–214.

СЕЙДАЛИЕВА Д. Э., МАЙКО В. В., СЕЙДАЛИЕВ Э. И. Керамический комплекс Бани средневекового Солхата (по материалам раскопок 2021 г.) // Сборник научных трудов конференции I Солхатские чтения. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма. / Ред.-сост. Э. И. Сейдалиев, Р. Р. Кадыров. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 15–24.

ТЕСЛЕНКО И. Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 2015. С. 125–163.

ТЕСЛЕНКО И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // ИАКр. – Симферополь, 2014. Вып. I. С. 495–512.

Рис. 1. Фрагмент стенки пифоса.
СКАЭГЭ-2021. Раскоп XLIX. Могильник на южной окраине Солхата.
Участок К14. Яма 1. Светло-коричневый суглинок с углём
(здесь и далее иллюстрации подготовлены Д. Э. Сейдалиевой).

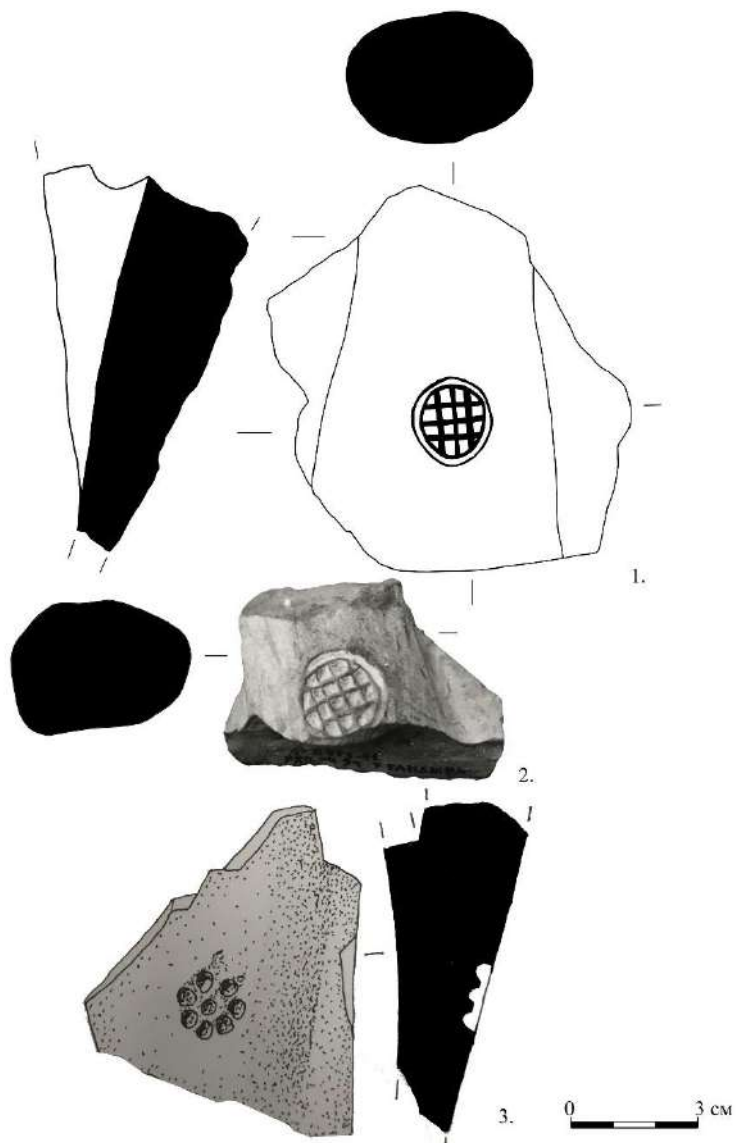

Рис. 2. Фрагменты амфорных ручек с клеймами.
1 – СКАЭГЭ-2017. Раскоп 46. Участок ВЗ. Штык 5. КО 163а;
2 – СКАЭГЭ-1991. Караван-Сарай. Раскоп XII. Участок 5. Тандыр;
3 – СКАЭГЭ-1998. Кринички II. Раскоп XIX.

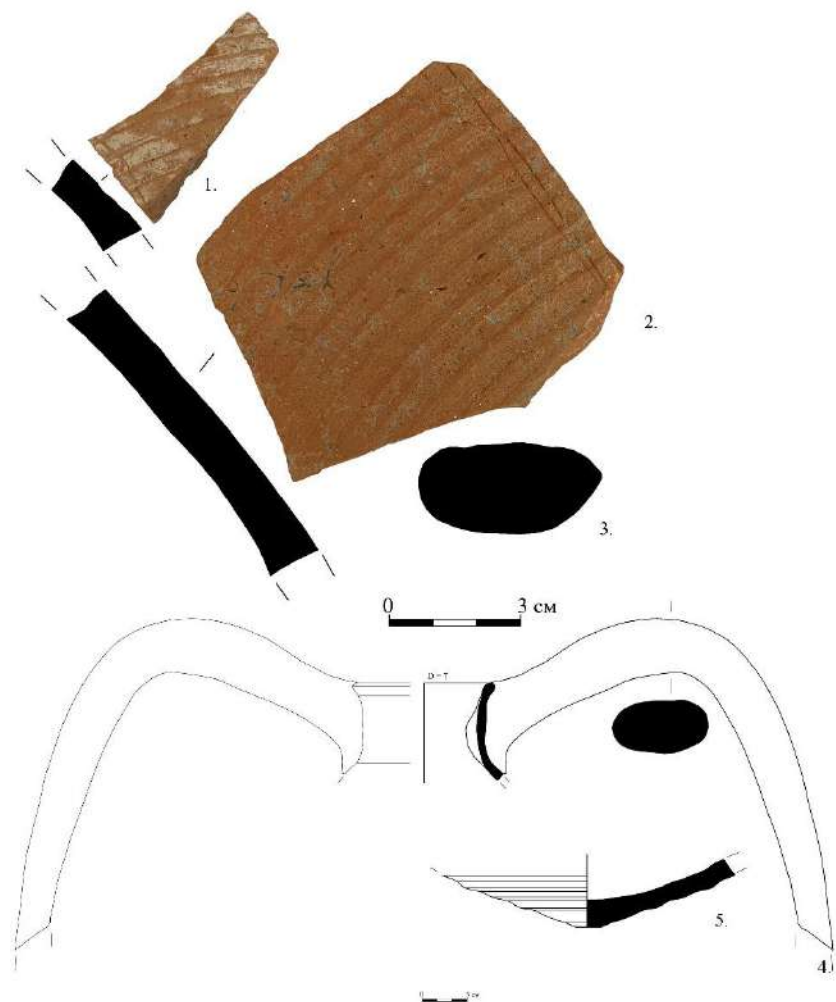

Рис. 3. Фрагменты амфор.
1–5 – СКАЭГЭ-2022. Раскоп ХІА. Участок 2.
Тёмно-коричневый суглинок.

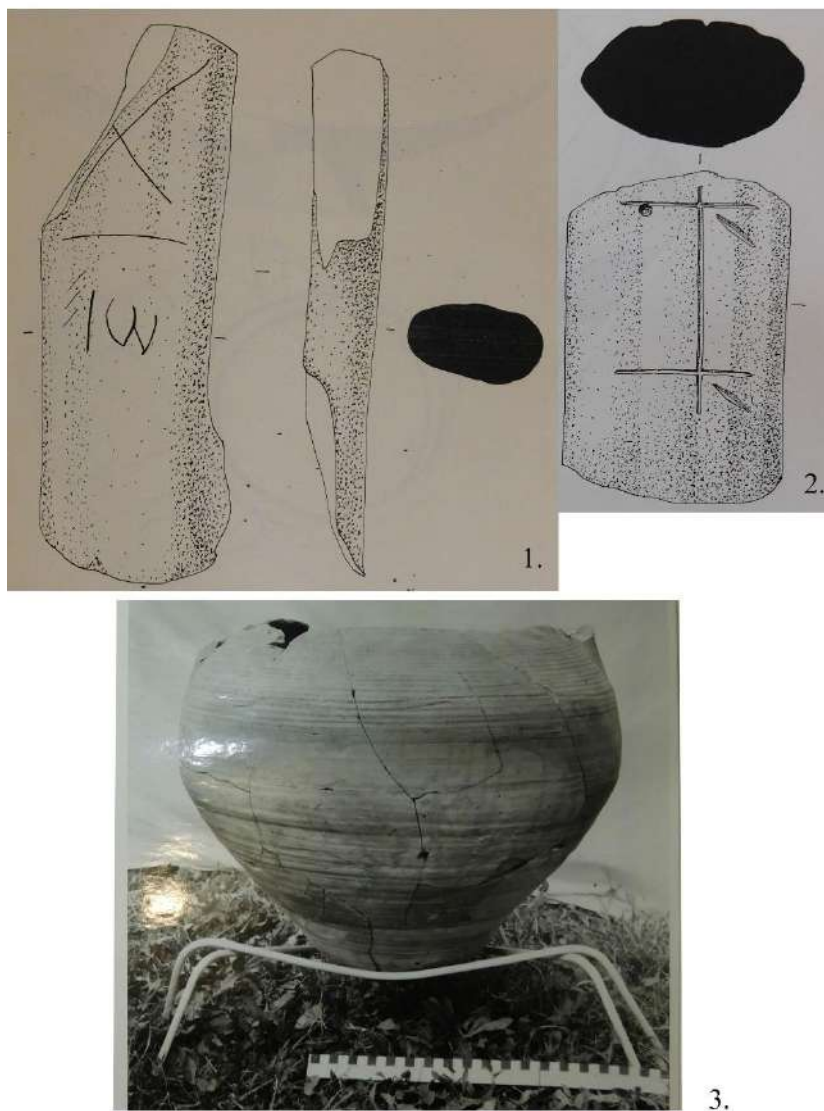

Рис. 4. Фрагменты амфор.

- 1 – СКАЭГЭ-1993. Караван-Сарай. Раскоп XII. Участок 50;
2 – СКАЭГЭ-1994. Караван-Сарай. Раскоп XII. Участок 38;
3 – СКАЭГЭ-1992. Караван-Сарай. Раскоп XII.

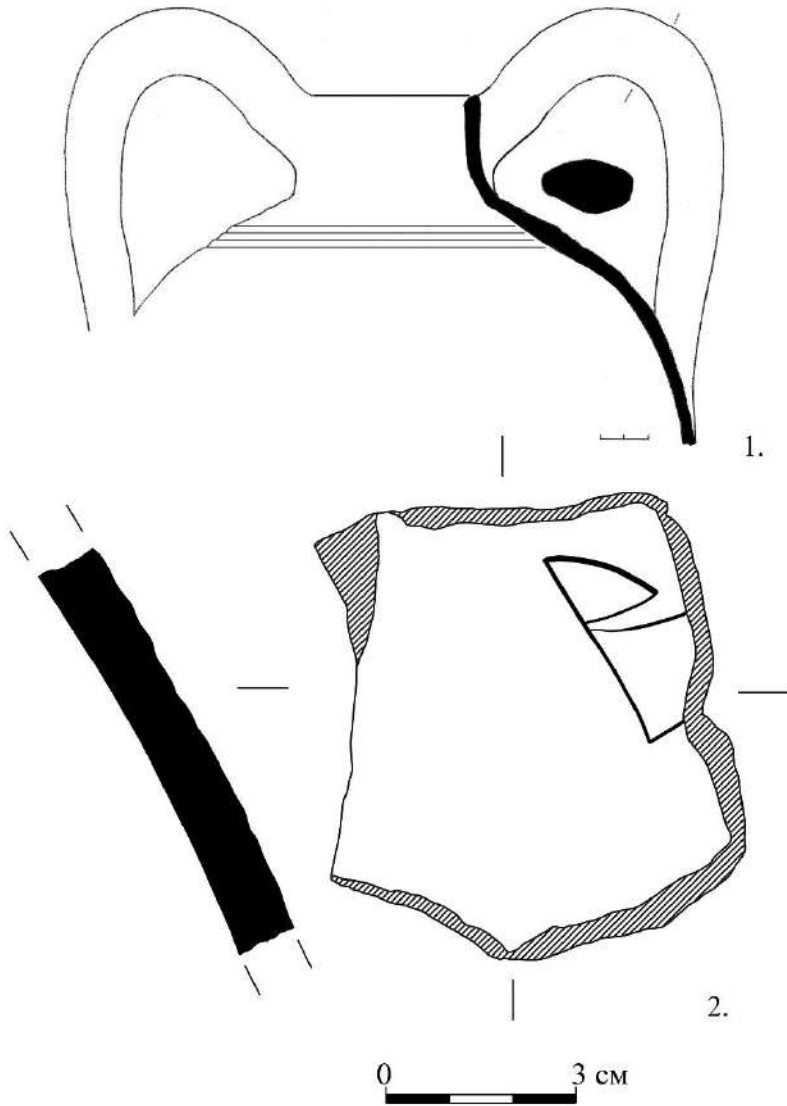

Рис. 5. Фрагменты амфор.
1 – Средневековая баня-2011; 2 - СКАЭГЭ-2017. Шурф 2.

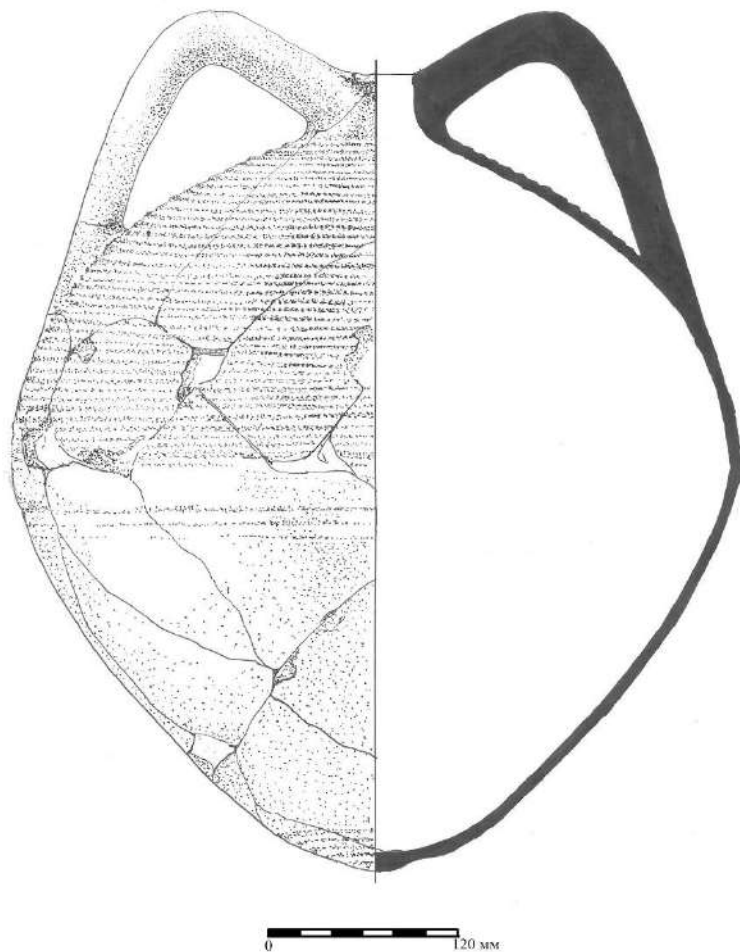

Рис. 6. Амфора.
СКАЭГЭ-16. Раскоп 42. Кенасса. Квадрат В2. Штык 4.

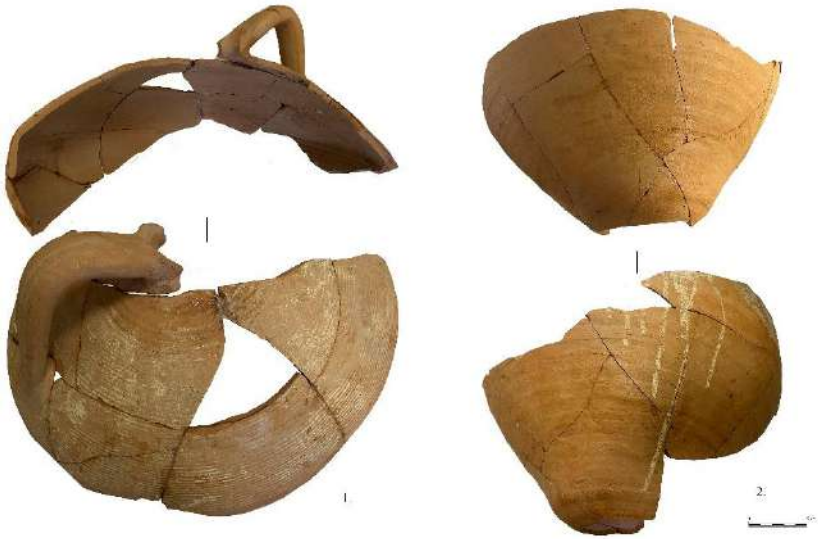

Рис. 7. Фрагмент амфоры.
СКАЭГЭ-2021. Раскоп XLIX. Могильник на южной окраине Солхата.
Участок К14. Яма 1. Светло-коричневый суглинок с углем.

В. А. СИДОРЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского
(Симферополь)

МАМАЙ И «СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ» КЛАД

История событий, связанных с темником и ханом Мамаем, происходивших как в Золотой Орде, так и золотоордынском Крыму, упоминаемых русскими летописями и другими источниками, широко и объёмно освещена в работах русских, советских и современных, включая российских, учёных. Её историография и список работ, которые прямо или косвенно касаются хронологии правлений ханов 50–70-х гг. XIV в., достаточно велика, но, как представляется, она может быть дополнена новыми страницами биографии хана Мамаю, реконструируемыми из совокупности наблюдений и заключений, построенных на исследованиях в области археологии и привлечения данных нумизматики.

В 1954 г. в Крымский областной краеведческий музей в Симферополе старшим инженером одного из засекреченных строительноств на полуострове Г. Г. Бадьяном была передана необычная археологическая находка – антропоморфный бронзовый фигурный сосуд-водолей – акваманил¹ (Рис. 1).

Артефакт (высота 30 см; ширина в основании – 17 см) в 1958 г. был опубликован Э. А. Лапковской, которая так о нём пишет: «В 1954 г. в горной местности Юго-Восточного Крыма (на территории бывшего

¹ Информацию о месте находки Г. Г. Бадьян отказался сообщить по причине подписки о неразглашении государственной тайны о назначении и местонахождении строительного объекта. Однако сведения об условиях обнаружения сосуда всё-таки были сообщены О. И. Домбровскому и стали известны автору этих строк ещё со времени работы по темам, нашедшим отражение в нашей публикации [см.: Домбровский, Сидоренко, 1989]. При этом следует отметить, что О. И. Домбровский просто не мог поверить рассказанному при полном отсутствии каких-либо подтверждений; учёный подозревал, что рассказчик что-то явно привирает, чтобы запутать следы и не выдать места секретного объекта.

Кизил-Ташского монастыря, в 17 км от Судака) при строительных работах был обнаружен интереснейший памятник – бронзовый фигурный сосуд-водолей в виде бюста юноши» [Лапковская, 1958, с. 176]. Однако информация о месте находки, представленная как утверждение, вымышленная, порождённая логикой, что единственным секретным объектом в горной местности к западу от Старого Крыма, судя по исчезновению его с топографических карт, является монастырь Кизилташ.

Э. А. Лапковская определяла акваманил как изделие европейского происхождения, а датировку его концом XII–XIII вв. мотивировала следующим образом: «Кроме причёски, за это (*Sic!* – В. С.) говорят и своеобразная величавость образа, и характер отвлечённых орнаментальных деталей» [Лапковская, 1958, с. 181]. Дело стало напоминать запутанный детектив, где все что-то подозрительно скрывали за ложью. Акваманил никак не мог иметь аналогий, *таки* найденных Э. А. Лапковской, в достаточно полном издании Г. Райффершайда [Reifferscheid, 1913]. Автор публикации, возможно, чтобы не опровергать своих аналогий, не заметила явного наличия диадемы на голове фигуры и ручки в виде косы как элемента причёски. Даже не специалисту очевидно, что перед нами скульптурный портрет некоего юного восточного монарха с европейскими чертами лица, явно не имеющий отношения Крыму.

Так же неправдоподобным выглядел и рассказ Г. Г. Бадьяна, предупредившего о секретности своей информации. На прямой вопрос О. И. Домбровского – Это Кизил-Таш? – он просто не ответил, и его молчание было расценено собеседником как подтверждение этой догадки. Г. Г. Бадьян сообщил, что в этом бронзовом сосуде (с одного бока специально проломленном) находился большой клад драгоценностей, вещей из золота и серебра, со вставками из камней. Всё это было найдено в пустотной полости, вскрытой строительными работами, возможно, замурованной пещере. Клад был сдан государственным органам (или изъят), а бронзовый водолей оставлен у него, как не представляющий никакой ценности.

В 1976 г. в публикации В. А. Мальм появилось сообщение о пайзе без имени хана на ней (как можно понять – непрописанным) и «Симферопольском» кладе, поступившим в Государственный Исторический музей [Мальм, 1976]. Сообщалось, что пайза была согнута пополам и восстановлена трудом реставраторов [Мальм, 1976, с. 72 рис. б/№], но увидеть фотографию всех вещей из клада стало возможным только после выхода специальной брошюры [Мальм, 1980] (Рис. 2). Сведениям В. А. Мальм о поступлении клада из таможни,

значительно позже опровергнутым М. Г. Крамаровским [Крамаровский, 2000], тогда приходилось доверять, в то же время его находка якобы в Симферополе, возле выдуманной и никогда не существовавшей мечети на Красной горке, должна была вызвать сомнения у любого проживающего в этом районе симферопольца. Только, когда М. Г. Крамаровский обнаружил, что клад поступил в музей не из таможни, а из Государственного хранилища при Министерстве финансов СССР без указаний на его происхождение [Крамаровский, 2000, с. 288], стало очевидным, что главный инженер Г. Г. Бадьян рассказывал О. И. Домбровскому правду о кладе, который находился в бронзовом водолее. Исследования учёного уточнили и дату поступления клада в музей. Судя по записи в Главной инвентарной книге, это произошло не в 1967 г., как указывала В. А. Мальм, а в январе 1965 г. [Крамаровский 2000, с. 288].

К 2019 г. клад с научной интерпретацией его находок был опубликован полностью [Крамаровский 2000; 2001; 2002; 2019]. Его нахождение в Гохране Минфина СССР (клад состоял из 328 предметов из драгметаллов общим весом 2 кг 584 г), предшествовавшее передаче музею в январе 1965 г., подтверждает сведения Г. Г. Бадьяна о том, что водолей-акваманил не был причислен к сокровищам, как не имеющий ценности с точки зрения Министерства финансов. Наличие в нём искусственно пробитого пролома объясняет причину его появления в связи с помещением в него негабаритных предметов клада.

Более подробно история находки «Симферопольского» клада представлена нами в специальной работе [Сидоренко, 2023], где пристальное внимание обращено на особую роль пайзы хана Кильдибека [Münküev, 1977] в определении характера клада. Выясняется, что вещи попали в него помимо воли их хозяев или лиц, которым были доверены. Условия сокрытия в замурованной пещере и артефакты «Симферопольского» клада с пайзой в нём не оставляют сомнений в том, что он представлял собой своеобразный «общак» шайки разбойников, контролировавших участок проезжей почтовой дороги на выезде из Солхата на запад. Ограблению подвергались и генуэзские купцы, и индийское посольство, и держатель пайзы хана, имя которого на ней было написано по-монгольски как *klidibuya* (Рис. 3,1). Но с одним из своих последних дел банда разбойников, очевидно, крупно просчиталась.

Как уже отмечалось, в вопросе хронологии правлений ханов смутного времени с 1357 по 1365 г. остается ещё много неясностей [Сидоренко, 2000, с. 39–42]. Прояснить некоторые из них, как кажется, может позволить «Симферопольский» клад.

Середина XIV в. – это было время, когда правители четырёх улусов распавшейся великой Монголии заключили между собой договор, о котором В. В. Бартольд пишет так: «Главы отдельных государств должны были обязаться жить в мире друг с другом, под номинальным главенством каана; торговля на всём пространстве империи должна была быть совершенно свободной» [Бартольд, 1963, с. 72, 73]. Целью его была централизация власти и в самих монгольских государствах. «Все царевичи, владельцы уделов, являлись вассалами монгольского императора и правили хаган-и су-дур, т. е. «счастьем-величием императора». Во главе каждого удела-улуса, в том числе и «великого улуса», должен был стоять один царевич, так же, как во главе империи один император» [Владимирцов, 1934, с. 100]. Убийство владельца ханской путевой пайзы, хотя и каралось смертью, но оказалось не самым тяжким проступком. Присвоение знаков рыцарства, возглавляемого египетским султаном мусульманского ордена – преступление куда серьезнее, можно сказать, государственное и политическое. Посольств Кильдибека не зарегистрировано султанской канцелярией, а вот переписка с Мамаем, подразумевающая регулярный обмен посольствами, была выделена в особый раздел в формуляре султанской канцелярии [Тизенгаузен, 1884, с. 350]. Как видно, посольство, возвращавшееся от египетского султана и ограбленное солхатскими разбойниками, принадлежало всевластному темнику Мамаю. Кильдибек, пайзой которого пользовались возвращающиеся послы Мамаю, незаметно сходит с арены и судьба его неизвестна. По мнению А. Н. Насонова, его свергли и убили осенью 1362 г. [Насонов, 1940, с. 120, пр. 3]. Но кто, кроме самого Мамаю, мог его свергнуть? А. П. Григорьев относит время гибели Кильдибека к промежутку между сентябрем 1365 и сентябрем 1366 г., поскольку ему были известны азакские монеты Абдуллаха «только от» 766 г. х. (28.09.1364 – 17.09.1365) и 768 г. х. (7.09.1366 – 27.08.1367), но концом правления считает «время изгнания его из столичного города Нового Сарая, т. е. сентябрь 1362 г.» [Григорьев, 1983, с. 32]. Монеты Абдуллаха чеканки Азака существуют и 764 г. х. (21.10.1362–9.10.1363), и 765 г. х. (10.10.1363 – 27.09.1364), и следующих за ними пяти лет. По мнению Ю. Е. Варваровского, «Кильдибек, а также все последующие креатуры Мамаю оказались в Крыму после отмеченных выше событий, связанных с утверждением в Сарае «заяицкого» хана Хызра. Вероятно, также, что лишь после поражения и смерти Кильдибека летом или осенью 1362 г. [см. Насонов, 1940, с. 120], в «Мамаевой Орде» состоялась инаугурация

Абдуллаха, бывшего, по словам Ибн Хальдуна, «отроком из детей Узбека» [Варваровский, 1999, с. 278, 279]. С этим можно согласиться, но в Крыму креатур Мамай не оказалось, но зато появился он сам. Что же могло заставить его отказаться от власти над «Мамаевой ордой» и, доверив её Абдаллаху, направиться в Крым?

В 1362 г. Мамай провозгласил себя ханом, что отражает монета Азака (Рис. 3,6), чеканенная от имени хана Мамай в 763 г. х. (31.10.1361 – 20.10.1362). На выпуск датированных 763 г. х. монет Мамаю оставалось только 20 дней (сентября 1362 г.), если считать время правления Кильдибека по А. Н. Насонову и А. П. Григорьеву. Тогда же и могло быть отправлено посольство к султану с вестью от нового хана. Продолжения чеканки в следующем году, похоже, не было. Если прежде возможность обнаружения монет хана Мамай других годов оставляла надежды, то с появлением всё сообщающего интернета они приблизились к нулю. С 764 г. х. в оставленном им Азаке начинается чеканка его ставленника Абдуллаха. Мамай же, очевидно, дождался возвращения посольства с теми атрибутами от султана, которые являлись мусульманским признанием и подтверждением легитимности ханской власти. Но так и не дождавшись, очевидно, пытался выяснить судьбу посольства и узнал, что пропало оно на обратном пути, как только покинуло Солхат. В посольстве, как обычно, могли принимать участие послы султана, и их исчезновение (очевидная гибель) никак не укрепляли отношений с египетским султаном. Оставшийся неподтвержденным ханом и, возможно, поэтому прекративший монетную чеканку, пострадав по иронии судьбы, он, естественно, не собирался прощать и виновных в этом, и подозреваемых. Ими являлись наместник Солхата, проявивший (по самому скромному обвинению) халатность и не снабдивший посольство достаточно надежным сопровождением, и всё мужское население города. Судя по тому, что для базирования войска Мамай в Крыму был выбран Базар (Ордубазар, Карасубазар), о чём сообщает армянский свидетель, хозяин Крымского улуса и его люди были непричастны к бесчинству по отношению к посольству. Дальнейшие кровавые события описаны в источниках, критически рассмотренных М. Г. Крамаровским в связи со строительством солхатских оборонительных стен, которыми, как было замечено исследователем при проведении раскопок, не успели обнести город, замкнув их кольцо и даже достроить фундаменты (если так можно назвать каменную насыпку). Конечно, мамаево войско проявляло и некий «гуманизм», сохранив некоторым жителям Солхата мужского пола жизнь, продав их на рынке рабов в Каффе.

Судя по тому, что «Симферопольский» клад остался не востребуемым вплоть до его находки в 1954 г., Мамай не ошибся в виновных. В Крыму он правит как «император Солхата» вплоть до поражения, понесенного от войск Токтамышша, и смерти, наступившей его здесь же под Солхатом или под Каффой. Аллах от него во второй раз отвернулся. Но это уже другая история.

Библиография

- БАРТОЛЬД В. В. Сочинения. Т. II. Часть I. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 1024 с.
- ВАРВАРОВСКИЙ Ю. Е. «Мамаева орда» (по данным письменных источников и нумизматики) // *Stratum plus*. – 1999. № 6. С. 276–287.
- ВЛАДИМИРЦОВ Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: АН СССР, 1934. – 224 с.
- ГРИГОРЬЕВ А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // *Историография и источниковедение стран Азии и Африки*. – Л., 1983. Вып. VII. С. 9–54.
- ДОМБРОВСКИЙ О. И., СИДОРЕНКО В. А. Солхат и Сурб-Хач. – Симферополь: Таврия, 1978. – 128 с.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Симферопольский клад // *Алтын Урда хэзинэлэре. Сокровища Золотой Орды*. – СПб.: Славия, 2000. С. 288–335.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб.: Славия, 2001а. – 364 с.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // *Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и её наследие*. – М.: Восточная литература РАН, 2002. С. 212–224.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г. «Симферопольский клад»: первые владельцы и гипотеза стоимости сокровищницы в XIV в. // *АДСВ*. – Екатеринбург, 2019. Т. 47. С. 195–209.
- ЛАПКОВСКАЯ Э. А. Водoley, найденный в Крыму, и круг родственных ему произведений // *История и археология средневекового Крыма*. – М.: АН СССР, 1958. С. 176–189.
- МАЛЫМ В. А. Пайцза из Симферопольского клада // *Средневековая Русь*. – М.: Наука, 1976. С. 71–74.
- МАЛЫМ В. А. Симферопольский клад / Буклет из серии «Сокровища Государственного ордена Ленина Исторического музея». – М., 1980. – 24 с.
- НАСОНОВ А. Н. Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). – М.: Л., 1940. – 178 с.
- СИДОРЕНКО В. А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // *МАИЭТ*. – 2000. Вып. VII. С. 267–288.

СИДОРЕНКО В. А. Бронзовый акваманил и «Симферопольский» монетно-вещевой клад: к истории их находок // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Сборник научных трудов / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. – Симферополь, 2023. Вып. 3. ΕΤΟΣ ΙΕ ΙΝΔΙΚΤΙΩΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ (в печати).

ТИЗЕНГАУЗЕН В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. – 566 с.

MÜNKÜEV N. Ts. A New Mongolian P'aitzu from Simferopol // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1977. Vol. 31 (2). P. 185–215.

REIFFERSCHIED H. Über figürliche Giessgefäße des Mittelalters. – Nürnberg, 1913. – 93 S.

Рис. 1. Акваманил, поступивший в Крымский областной краеведческий музей в Симферополе в 1954 г. [по: Лапковская, 1958, рис. 1].

Рис. 2. «Симферопольский» клад [по: Мальм, 1980].

Рис. 3. Пайза «Симферопольского» клада с именем Клидибуги (Кильдибека) и монеты ханов Кильдибека (2–5) и Мамаю (6):
1 – Пайза; 2–3 – Кильдибек, Сарай, 762 г. х.; 4 – Кильдибек, Азак, 762 г. х.;
5 – Кильдибек, Азак, 763 г. х.; 6 – Мамаю, Азак, 763 г. х.

К. Д. СМЫЧКОВ

Независимый исследователь
(Беловодск)

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ПЕЧАТЕЙ ВИЗАНТИИ ИЗ ЧАСТНОГО СОБРАНИЯ

В истории Древней Руси и становлении её Церкви ещё достаточно белых пятен. В этой связи появление каждого нового источника является ценным и важным открытием.

Так, например, возникновение Белгородской кафедры, относящееся ко времени около 90-х гг. X в., а завершающий период её существования выпадает на конец XII – 30-е гг. XIII в., до сих пор остро дискутируется и не имеет однозначного решения [Щапов, 1998, с. 36, 37; ср. Фомина, 2015, с. 191]. В своде notiций Константинопольского патриархата (*Notitiae* 13 / XII в.), среди епископий «Великороссии» Белгородская епархия предшествует Новгородской [Darrouzes, 1981, p. 367, n. 760; Бибиков, 2010, с. 248–251]. В списке белгородских архиереев первым епископом указан Никита, упоминаемый в Успенском сборнике под 1072 г. [Успенский сборник, 1971, с. 62₅₋₁₅; Щапов, 1998, с. 36, 207, список 1]. Однако, была ли Белгородская епархия самостоятельной или викариатством Киевских митрополитов, по-прежнему неясно, и этот вопрос остаётся предметом широкой дискуссии.

Нередко, источниковую базу существенно дополняют памятники сфрагистики, в том числе и происходящие с древнерусских земель.

С территории, на которой некогда находился, заложенный Владимиром Святославичем «въ лѣто 6504» (992 г.) [ПСРЛ, 1862, с. 66, прим. 2; ПСРЛ, 1908, с. 75] на правом берегу реки Ирпень, город Белгород/Бѣльградъ (ныне село Белгородка, Бучанского района Киевской обл.) происходит моливдовул билатерального стиля (с надписью, расположенной на обеих сторонах печати), оттиснутый на заготовке малого модуля¹.

¹Автор выражает глубокую благодарность профессору В. Зайбгу и Н. А. Алексеенко за ценные консультации и помощь при изучении моливдовула.

Рис. 1. Печать Никифора, монаха, императорского клирика (монастыря) Каракалла (последняя четверть XI – начало XII в.).

1. D – 14,5 мм; толщина пластинки – ок. 4,0 мм; вес – 4,07 г (Рис. 1).

На оборотной стороне разрыв поля на выходе канала; светло-коричневая патина.

Аверс. Трёхстрочная надпись в жемчужном ободке, украшенная сверху крестиком между двух лепестков:

- + -
 ΣΦΡΑ
 ΓΙCNI
 ΚΙΦCΑ*

--
 Σφρα
 γίς Νι
 κηφ(όρου) (μον)αχ(οῦ)

Реверс. Четырёхстрочная надпись, продолжающая легенду лицевой стороны, в жемчужном ободке, украшенная сверху жемчужиной между двух лепестков:

--
 ΡΑCΙΛ
 ΚΩΚΛΗΡ
 Η.ΚΑΡ
 Α.ΑΛ

- • -
 βασιλ(ι)
 κῶ κληρ(ικοῦ)
 (τ)ῆ[ς] Καρ
 α[κ]άλλ(ου)

+ Σφραγίς Νικηφόρου μοναχοῦ βασιλικῶ κληρικοῦ Καρακάλλου –
 Печать Никифора, монаха, императорского клирика
 <из монастыря>Каракалл.

Аналогий не найдено.

Публикуется впервые.

Стилистические особенности – использование мелкого квадратного шрифта и билатерального типа, который широко бытовал в сфрагистической практике XI в., предполагают датировку данного моливдовула последней четвертью XI – началом XII столетия.

В соответствии с легендой, владельцем моливдовула, по нашему мнению, может являться один из представителей клира хорошо известного монастыря, носившего имя Каракалл.

Эта монашеская обитель входила в православный монастырский центр на горе Афон, была основана в начале XI в. в честь апостолов Петра и Павла. Первое упоминание о нём встречается в акте 1018/1019 г., которым прот Никифор устанавливал границы между монастырями Каракалл (Ἱερά Μονή Καρακάλλου) и Амальфион (ἡ μονὴ τῶν Ἀμαλφινῶν) [Actes de Lavra, 1970, p. 168–170, nr. 23]. Известные сведения о его расположении, наименовании и времени возникновения сообщает епископ Порфирий (Успенский). В его «Истории Афона» отмечается, что ктитором каракальского монастыря был римский монах Антоний Каракал [Порфирий, 1877, с. 110–114]. Сообщается также, что в конце XI в. в монастыре жили одни греческие монахи под началом игумена Михаила, подпись которого известна на одном из Афонских актов (1087) [Порфирий, 1877, с. 112–114]². Известно, что каракальскому игумену Михаилу предшествовал игумен – катигумен (καθηγουμένος) Феодул, известный по акту прота Павла 1076 г. из архива Хиландарского монастыря [Actes de Chilandar, 1998, т. 1, п. 2³⁰].

Если наше предположение об атрибуции печати верно, находка печати монастыря Каракал в древнем Белгороде очевидное свидетельство контактов между священнослужителями Белгородской кафедры и афонским монастырём, куда, возможно, могли совершать паломничества русские пилигримы.

Ещё одна печать относится к группе памятников сфрагистики, содержащих географические названия.

В 679–680 гг. на европейском берегу Босфора была учреждена фема Фракия для защиты империи от угрозы со стороны болгар и славян [Oikonomides, 1972, p. 349]. Новый моливдовул, происходящий с территории Турции, принадлежит стратигу фемы Фракия.

² К сожалению, нам остались недоступны Акты монастыря Филофея, где есть упоминания о игумене Михаиле [Actes de Philothée, 1975, N 1].

Рис. 2. Печать, Артавазда, императорского спафария и стратига Фракии (вторая четверть VIII в.).

2. D – 24–25 мм; толщина пластинки – ок. 3,5 мм; вес – 8,95 г (Рис. 2).

Аверс. В ободке из мелкой литьвы крестообразная инвокативная монограмма обращения к божественной помощи (Laurent, 1952, тип VIII). В углах тетраграмма: .Ω – CΩ | ΔϺ – ΛΩ – [τ]ϕ̄ σ̄ϕ̄ δούλω.

Реверс. В ободке из мелкой литьвы шестистрочная надпись:

..
 ΤΑΥΑΣΔ
 ΒϚСПΑΘΣ
 ..ΡΑΤΗΓ
 ΤΗΣΘΡ.
 Κ.Ϛ

[Αρ]
 ταύασδ(ω)
 β(ασιλικῶ) σπαθ(αρίω) (καί)
 [στ]ρατηγ(ῶ)
 τῆςΘρ[ᾶ]
 κ[η]ς

Κύριε βοήθει τῶ σῶ δούλω Ἀρταυάσδω
 βασιλικῶ σπαθαρίω καὶ στρατηγῶ τῆς Θράκης –Господи, помоги
 твоему рабу Артавазду, императорскому спафарнио и стратигу Фракии.

Аналогичная печать, изданная Г. Закосом, с монограммой обращения к Господу, датирована VIII в. [Zacos, Veglery, 1972, p. 998, nr. 1744]. По стилистике сфрагистического типа, использованного шрифта, знаков сокращения и расположению литер в строках, она очень близка нашей печати, что позволяет допустить принадлежность обоих моливдовулов одной паре матриц. Надписи исполнены широким шрифтом и, как отмечал Н. П. Лихачёв, такие моливдовулы «не должны быть выносимы из VIII века» [Лихачёв, 1991, с. 54, 56]. Одним из элементов надписи печатей является знак сокращения в виде штриха, расположенный вверху около букв *бета* (Β) и *тета* (Θ). По наблюдениям исследователей-сфрагистов, такой знак сокращения и его

расположение появляется на печатях в 20–30-х гг. VIII в. [Соколова, 1986, с. 157, 158, прим. 8]. Отмеченные элементы дают возможность уточнить датировку печатей и отнести их к 30–50-м гг. VIII в.

Ещё один моливдовул стратига Фракии Артавазда из коллекции Г. Сейрига, с монограммой обращения к Богоматери и формулой τῶ σῶ δοῦλω, издатели датируют второй четвертью VIII в. [Cheynet, Morrison, Seibt, 1991, p. 141, nr. 199]. Расположение надписи аналогично вышеприведённым печатям, но отличается иной расстановкой литер в строках, что позволяет говорить об иной паре матриц.

Из находок в Кировоградской области происходит моливдовул с изображением фигуры Богородицы.

Рис. 3. Печать Феттала (VII в.).

3. D – 20–18 мм; толщина пластинки – ок. 5,0 мм; вес – 8,93 г (Рис. 3).

Аверс. Изображение Богородицы Одигитрии в рост с младенцем на левой руке; по сторонам – звезда (слева) и крестик (справа). Легенды нет.

Реверс. В жемчужном ободке крестообразная монограмма имени владельца, состоящая из греческих букв: слева – *тета* (Θ); справа – *эпсилон* (Ε); сверху вертикальная лигатура *тау* (Τ) с дифтонгом *о микрон* и *и псилон* (ϝ); внизу – *альфа* (Α). Имя владельца моливдовула, очевидно, можно расшифровывать как Феттал, представленное в генетиве – *Θεττάλω* – [Печать] Феттала.

Близкий по типу моливдовул с монограммой имени Феттал и ростовым изображением Богоматери Одигитрии на лицевой стороне издан Г. Закосом [Zacos, Veglery, 1972, p. 760, nr. 1224, pl. 98]; датировка печати VII в. В то же время следует отметить, что изображение Богородицы на изданной печати передано анфас и по сторонам фигуры расположены крестики. Отмеченные различия позволяют предположить, что перед нами две разные печати одного владельца, который сменил один буллотирий на другой. В сфрагистической библиографии известны

сведения ещё о двух печатях Феталла, аналогичных экземпляру из каталога Г. Закоса [SBS 5, 1998, p. 187, nr. 48; SBS 8, 2003, p. 155, nr. 2], изданные в своё время И. Барней [Barnea, 1984; 1997].

Как видим, новые экземпляры византийских моливдовулов не только представляют аналоги уже изданным памятникам сфрагистики, но и знакомят нас с неизвестным персонажем одного из монастырей Афона, с которым в своё время тесно переплетались церковные и монашеские связи Древней Руси.

Библиография

- БИБИКОВ М. В. Список епископий Константинопольской церкви // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М., 2010. Т. II. Византийские источники.
- ЛИХАЧЕВ Н. П. Моливдовулы греческого Востока // Научное наследство. – М., 1991. Т. 19. – 359 с.
- ПОРФИРИЙ (УСПЕНСКИЙ) епископ. История Афона – Киев. 1877. Часть III.1. Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. – СПб., 1908. Т. 2. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1862. Т. 9.
- СОКОЛОВА И. В. Знак сокращения на византийских печатях VIII – первой половины X в. // ВВ. – 1986. Т. 47. С. 157–162.
- ЩАПОВ Я. Н. Государство и церковь Древней Руси. – М., 1998.
- ФОМИНА Т. Ю. Очерк истории Белгородской епископии (до конца XII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы истории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 11. Ч. 1. С. 188–192.
- Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова–М.: Наука, 1971. –770 с.
- Actes de Chilandar / Éd. M. Živojinović, Ch. Giros, V. Kravari. – Paris, 1998. T. I. Desorigines à 1319 – Paris, 1998 (Archives de l’Athos, vol. XX).
- Actes de Lavra. / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos. – Paris, 1970 Première partie. Des origines à 1204 (Archives de l’Athos, vol. V).
- Actes de Philothée / Publ. W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev. – Amsterdam, 1975. (Actes de l’Athos; 6).
- BARNEA I. Sigilie byzantine din colecția Muzelului de istorie al Republicii Socialiste România // SCN – 1984. Vol. 8. P. 95–104.
- BARNEA I. Sigilie byzantine inédits de Dobrouja // Études byzantines et postbyzantines. – Bucarest, 1997. Vol. III. P. 93–98.
- CHEYNET J.-Cl., MORRISSON C., SEIBT W. Les seaux byzantins de la collection Henri Serig. – Paris, 1991. – 299 p., XXVIII pl.
- DARROUZES J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. – Paris, 1981.
- OIKONOMIDÈS N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. – Paris. 1972. Seals Published 1931–1986 // SBS. – Washington, D.C. 1998. Vol. 5. P. 43–202.
- Seals Published 1997–2001 // SBS. – Leipzig, 2003. Vol. 8. P. 151–216.
- ZACOS G., VEGLERY A. Byzantine Lead Seals. T. I. – Basel, 1972.

В. П. СТЕПАНЕНКО

Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

НЕСКОЛЬКО НЕРЕШЁННЫХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО X–XII ВВ.¹

Археологические исследования Боспора как европейской, так и азиатской его части, в последние годы продвинулись достаточно далеко [Айбабин, 2003; Чхаидзе, 2017]. Но остается ряд вопросов, на которые невозможно ответить на основе анализа существующей источниковой базы, учитывая, что преобладают преимущественно археологические источники, интерпретация которых зависит не столько от их полноты, сколько от задач, поставленных перед собой тем или иным исследователем; т. е. она достаточно субъективна [Науменко, 2016, с. 67–80]. Очевидно, что в отсутствие письменных источников невозможно на основе данных археологии реконструировать политическую историю региона, попытки чего неоднократно предпринимались. На наш взгляд, они абсолютно бесперспективны и не могут быть приняты даже в качестве гипотез. Так что остается ряд вопросов, в частности:

1. Кому принадлежала азиатская часть Боспора в IX–X в.? Казалось бы, после издания каталога таманских печатей В. Н. Чхаидзе можно сделать однозначный вывод – Византии [Чхаидзе, 2015]. Тем более, что значительную часть их представляют печати логофетов геникона, традиционно считающихся чиновниками казны, куда стекались поступления от налогов и где хранились податные списки. Казалось бы, можно сделать вывод о том, что аппарат логофета собирал налоги с населения азиатского Боспора как принадлежащего Византии. Но находка большой группы печатей в Лондоне и на Руси [Cheynet, 2003, р. 85–100; Bulgakova, 2004, S. 55–57, Nr. 1.2.5] вынуждает предположить, что логофеты геникона могли быть связаны с внешнеэкономической

¹ Мои благодарности друзьям и коллегам Е. В. Степановой, Н. А. Алексеенко и М. Н. Бутырскому.

деятельностью империи. Так что сделать на этой основе однозначный вывод о государственной принадлежности региона невозможно. находка здесь печатей иных категорий византийских чиновников свидетельствует лишь о том, что они вели переписку с контрагентами и не более того. Показательно, что в самой Керчи и окрестностях византийские печати (надеюсь, пока!) присутствуют лишь в незначительном количестве.

2. Н. П. Лихачёвым была издана найденная на Тамани печать «переправы» [Лихачев, 2014, с. 44–45; ср. Ермолин, 2015, с. 38–47], позже переизданная Е. В. Степановой и датированная X в. [Степанова, 2007, с. 372, 373]. Она уникальна и не имеет аналогий. Можно ли интерпретировать её как свидетельство существования здесь византийской таможни или же пункта контроля на проливе? При положительном ответе на данный вопрос возникает новый – это внутренняя таможня (если таковые имели место быть) или же пограничная, как в Девельте [Йорданов, 1992] на византийско-болгарской границе? Кому же тогда принадлежал азиатский берег Боспора?

Найденная в окрестностях Керчи (?) печать турмарха Готии второй половины X в. [Алексеенко, 2006, с. 564–570] свидетельствует ли однозначно о принадлежности Боспора в данный период Византии? Если бы не находка в Преславе второго экземпляра печати Аркадия, протоспафария и стратига Боспора [Йорданов, 2018, с. 87–90] (Рис. 1,2) и свидетельства Эскуриальского тактика о существовании здесь фемы в 975 г. [Oikonomidès, 1972, p. 269, 363], ответить на этот вопрос было бы невозможно. И как тогда интерпретировать информацию Льва Диакона о том, что во время переговоров посланцев Цимисхия со Святославом, датированных 971 г., император требовал, чтобы «он получил обещанную императором Никифором за набег на мисян награду и удалился в свои области и к Боспору Киммерийскому» [Лев Диакон, 1988, с. 55, 56]. Как следствие, русское присутствие на азиатском (?) Боспоре можно датировать до 971 г. Но тогда византийское на европейском берегу между 971–986 гг. это не более чем относительно документированная гипотеза, но не более того [ср. Сахаров, 1982, 148, 149].

3. Какой пост занимал зимой 1015/1016 гг. Георгий Цула? Насколько адекватна реконструкция И. В. Соколовой [Соколова, 1971, 68–74] надписи печати Цулы из ГИМа? Поиски и находка печати в коллекции музея, вероятно, дали бы возможность уточнить чтение плохо сохранившейся надписи. Сомнения в адекватности чтения отчасти снимаются тем, что в данном случае, скорее всего, мы имеем дело с ошибкой резчика матрицы так же, как в случае с печатью неизвестного спафария Опсикия [Prigent, 2010, p. 168, 187, fig. 4]. Что есть Хазария Скилицы [Степаненко, 1993, с. 254–263; 2011, с. 153–161; 2012, с. 157–168; 2014, с. 368–378] и надписи печати

Никифора Алана [Алексеевко, Цепков, 2012, с. 7–17]? Вновь, несмотря на огромную историографию, внятных ответов на данные вопросы нет, а гипотезы малообоснованны [см. библиографию: Чхаидзе, 2016].

4. Надпись князя Глеба, найденная на Тамани: «В лето 6576 (1068) индикта 6 Глеб князь мерил море по льду от Тмутаракани до Корчева – десять тысяч и четыре тысячи сажень») имеет колоссальную историографию [Медынцева, 1979]. Хотя береговая линия пролива за тысячу лет и претерпела существенные изменения [Новиков, 2014, с. 153–167], вызывает существенное сомнение утверждение о том, что «расстояние в 14 тысяч маховых сажень (24 км) в точности совпадает с расстоянием между центральными храмами Тмутаракани (церковь Богородицы, от которой остался только фундамент) и Корчева (церковь Святого Иоанна Предтечи), что доказывает вхождение обоих городов в Тмутараканское княжество, так как князь должен был иметь возможность войти в центр каждого города» [см., например: Володихин, 2016, с. 294–205].

Статус Боспора в XII в. не ясен. Вероятно, после 1094 г., в правление Алексея Комнина на рубеже XI/XII вв. власть империи на Боспоре после некоторого перерыва была восстановлена [Kazhdan, 1983, p. 344–358] и все византийские владения в Крыму вошли в состав катепаната. После 1204 г. полуостров принадлежал Трапезунду и позже – Генуе [Айбабин, 2003, с. 277–306]. Последнее подтверждается данными генуэзских источников. Что до XIII в., то архитектура церкви Иоанна Предтечи, по крайней мере, в том виде, который она приобрела после реконструкции XX в. (Рис. 2), органично вписывается в круг византийских памятников (тот же Несебр) и не имеет ничего общего с архитектурой Трапезунда [Вруер, 1985]. Как следствие, культурные связи с Константинополем все же сохранялись, как сохранял их и Трапезунд.

Библиография

- АЙБАБИН А. И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. Вып. X. С. 277–306.
- АЛЕКСЕЕВКО Н. А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. по данным памятников сфрагистики // МАИЭТ. – Симферополь, 2006. Вып. XII (2). С. 564–570.
- АЛЕКСЕЕВКО Н. А., ЦЕПКОВ Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. – Севастополь, 2012. Вып. XVII. С. 7–17.
- БИБИКОВ М. В. Новые данные Тактикона Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. – М., 1976. С. 87–88.

- ВОЛОДИХИН Д. М. Русский период в истории средневекового Восточного Крыма // Проблемы национальной стратегии. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2016. № 2 (35). С. 194–205.
- ЕРМОЛИН А. Л. Древняя переправа через Керченский пролив и её оборона // НВБГУ. Серия История. Политология. – Белгород, 2015. № 7 (204). С. 38–47.
- ЙОРДАНОВ И. Печатите на коммеркията Деветл // Поселишни проучвания. – София. 1992. Т. 2. – 88 с.
- ЙОРДАНОВ И. Византийското присъствие в Преслав (971–986). Приносът на сфрагистиката // Преслав. – Велико Търново, 2013. Т. 7. С. 267–302.
- ЙОРДАНОВ И. Печатите на Аркадий, стратег на Боспора (X–XI в.) из Преслава // «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». X Международный византийский семинар. Материалы научной конференции. – Севастополь, 2018. С. 87–90.
- Лев Диакон. История. – М., 1988. – 240 с.
- ЛИХАЧЁВ Н. П. Изображения на печатях до-монгольского периода // Н. П. Лихачёв. Избранные труды. – М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1 (Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2). С. 30–45.
- МЕДЫНЦЕВА А. А. Тмутараканский камень. – М.: Наука, 1979.
- НАУМЕНКО В. Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XII вв. // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2016. Т. 21, № 6. С. 67–80
- Новиков П. В. «Колонны храма Ахилла». Мраморные колонны, обнаруженные Н. А. Дебряком в начале XIX в. у северо-западной оконечности Таманского полуострова. К вопросу об их дальнейшей судьбе и современном местонахождении // Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. – Краснодар, 2014. Вып. IV. С. 153–167.
- САХАРОВ А. Н. Дипломатия Святослава. – М., 1982.
- СОКОЛОВА И. В. Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983.
- СОКОЛОВА И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе // ПС. – 1971. Т. 23. С. 68–74.
- СТЕПАНЕНКО В. П. К статусу Тмутаракани в 80–90-х гг. XI в. // МАИЭТ. – 1993. Вып. 3. С. 254–263.
- СТЕПАНЕНКО В. П. Архонт Хазарии – стратиг Херсона? // ХСб. – Севастополь, 2011. Вып. XVI. С. 153–161.
- СТЕПАНЕНКО В. П. «Архонт и дука Тмутаракани в XI в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Сборник научных статей. – Севастополь, 2013. Вып. 01. Империя и полис. С. 157–168.
- СТЕПАНЕНКО В. П. Ещё раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. – Симферополь, 2014. Вып. XIX. С. 368–378.
- СТЕПАНОВА Е. В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н. П. Лихачева // МАИЭТ. – 2007. Вып. XIII. С. 364–374.
- ЧХАИДЗЕ В. Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии // МИАСК. – Армавир, 2006. Вып. 6. С. 139–174.
- ЧХАИДЗЕ В. Н. Византийские печати из Тамани. – М., 2015.
- ЧХАИДЗЕ В. Н. «Хазария» в XI в. К вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). – М., 2016 (препринт).

ЧХАИДЗЕ В. Н. Тмутаракань: печальный опыт историографии начала XXI в. – М., 2017 (препринт).

BRYER A. Byzantine monuments and topography of the Pontos. I–II vol. – Washington: DO, 1985 (Dumbarton Oaks Studies. Vol. 20).

BULGAKOVA V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa Die funde auf dem Territorium Alttrtslands. – Wiesbaden. 2004.

CHEYNET J.-CL. Les sceaux byzantins de Londres // SBS. – 2003. Vol. 8. P. 85–100.

KAZHDAN A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources // Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtinth Birthday by his Colleagues and Students. – Harvard, 1983. P. 344–358 (Harvard Ukrainian Studies 7).

OIKONOMIDÈS N. Les Listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. – Paris, 1972. – 404 p.

PRIGENT V. La Sicile de Constant II: l'apport des sources sigillographiques // La Sicile de Byzance a l'Islam / Études réunies par A. Nef et V. Prigent. – Paris, 2010. P. 157–187.

Рис. 1. Моливдовулы Аркадия, протоспафария и стратига Боспора:

- 1 – из Афинского Нумизматического музея;
- 2 – из Археологического музея Велики Преслав
(по: Йорданов, 2018, с. 87, 88, обр.1, 2).

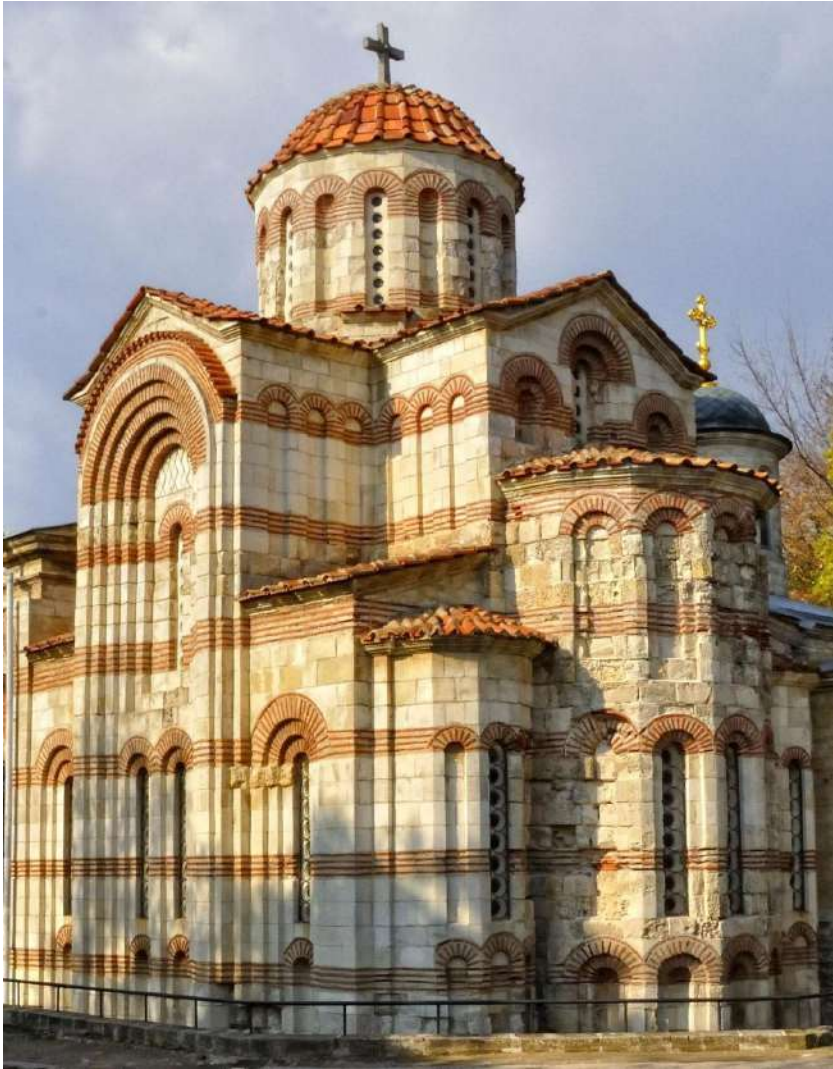

Рис. 2. Храм Иоанна Предтечи в Керчи
(состояние на XIII в. после реконструкции XX в.)
Фото автора.

Е. В. СТЕПАНОВА

Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

НАЧАЛО ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ: КОНУСОВИДНЫЕ ПЕЧАТИ

Истоки появления и пути формирования такого явления как византийские свинцовые печати остаются во многом неясными. Привычного вида двусторонние моливдовулы, вероятно, появляются ещё в IV в. К этому времени исследователи причисляют ряд императорских печатей [Seibt, 1978, S. 52–56, Nr. 2–4; Соколова 2007, с. 19, № 1]. К более раннему времени, по всей видимости, относятся так называемые конусовидные печати (в научной литературе их иногда называют пломбами). Это название они получили, поскольку большинство из них (но не все!) имеют форму конуса. Изображение либо монограмма помещались лишь на основании этого конуса, таким образом, печать изначально являлась односторонней. Канал, куда продевалась веревочка или нить, посредством которой печать прикреплялась к документу, располагался в её толще.

Самые ранние экземпляры такого рода печатей относятся к первым векам нашей эры. Среди них особо выделяются императорские печати. Так, О. Дембски самую раннюю из них относит ещё ко второй половине I в. (времена династии Флавиев), кроме того им опубликовано несколько печатей Александра Севера (222–235), предположительно Константина I Великого (306–337), которую автор датирует началом IV в., и ряд других булл [Dembski, 1995, p. 83–87, nr. 2–11]. Наряду с ними, тем же ранним периодом датируются печати с изображениями женских и мужских голов в профиль, античных героев или мифологических сцен. Ближайшие аналогии таким изображениям можно найти на античных геммах и тессерах [Rostovtsew, Prou, 1900]. К несколько более позднему времени, вероятно, относятся печати с монограммами, в подавляющем большинстве блоковыми. В их число входит значительная группа моливдовулов, относимых к VI в., с изображением монограммы, которую

предположительно можно раскрыть как ΕΠΑΡΧΟV – т. е. епарха. Кл. Соде высказывает гипотезу о том, что эти печати могли быть связаны с ведомством столичного епарха [Sode, 1997, S. 300]. Печатаей с христианскими символами или изображениями совсем немного. К ним относятся изображение хризмы, возможно, ряд сцен, а также кресты небольших размеров, сопровождающие монограммы.

Особенность этих печатей состоит, на наш взгляд, в сложности их изготовления. В. Зайбт предполагает, что для этого в небольшом сосуде, в форме ковшика, расплавлялся свинец, затем в него вводилась веревочка, а после того как металл остывал до необходимой температуры, на его поверхности делали оттиск геммой, штемпелем или кольцом-печаткой [Seibt, 1978, S. 33]. Судить о том, было ли массовым применение такого рода печатей (тем более, учитывая способ их изготовления), достаточно сложно, поскольку они редко публикуются в византийских сигиллографических трудах, и то, как правило это лишь издание отдельных экземпляров [см., например: Dembski, 1995, p. 81–96; ср.: Бутырский, 2013, с. 37, 38; Алексеенко, Нессель, 2016, с. 59–69].

В Государственном Эрмитаже хранится около ста подобных печатей. В основном, они происходят из коллекции Н. П. Лихачева, отдельные экземпляры были переданы в Эрмитаж из состава музея Русского археологического института в Константинополе.

Библиография

- АЛЕКСЕЕНКО Н. А., НЕССЕЛЬ В. А. Позднеримские и ранневизантийские пломбы из Херсона и его окрестностей // УЗ КФУ. – Симферополь, 2016. Вып. 2 (68). № 1. С. 59–69.
- БУТЫРСКИЙ М. Н. Новые находки византийских моливдовулов в округе Адрианополя // Материалы Международного colloквиума по русско-византийской сфрагистике «Сфрагистический меридиан КИЇВ – КОРСУНЬ/ХЕРСОН – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ» (Киев, 13–16.09.2013). – Киев; Севастополь: СПД Арефьев, 2013. С. 37–38.
- СОКОЛОВА И. В. Печати византийских императоров. Каталог коллекции – СПб., 2007. – 120 с.
- DEMBSKI G. Die römischen Bleiplomben aus Österreich // SBS. –Washington, 1995. Vol. 4. P. 81–96.
- ROSTOVTSSEV M., PROU M. Catalogue des plombs de l'Antiquité, du Moyen Age et des Temps modernes au Département des Médailles et Antiques de la Bibliothèque Nationale. – Paris, 1900. – 416 p.
- SEIBT W. Die byzantinischen Bleisiegel in Osterreich. – Wien, 1978. Teil I. – 349 S.
- SODE Cl. Byzantinische Bleisiegel in Berlin. Bd. 2 // ΠΟΙΚΙΛΙΑ ΒΥΖΑΝΤΙΝΑ. – Bonn, 1997. T. 14. – 338 S. Tafel 1–25.

Е. Г. ТОЛМАЧЁВА

Российский православный университет Иоанна Богослова,
Центр палеоэтнологических исследований
(Москва)

ПРЕДМЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОЧНОГО КОСТЮМА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТИЛЯ НА ПАМЯТНИКЕ ДЕРАХЕЙБ (СУДАН)

Представляемые сегодня материалы являются продолжением и развитием темы, связанной с археологическим текстилем, которой было посвящено наше предыдущее сообщение [Толмачева, 2022]. Основным направлением исследований на этот раз станут вопросы, касающиеся новых достижений в области научных реконструкций предметов восточного костюма, основанные на материалах раскопок последних лет Нубийской археологической экспедицией Научно-исследовательского института и музея антропологии им. Д. Н. Анучина Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова на памятнике Дерахейб (Судан) [подробнее о памятнике см., например: Крол и др., 2019; 2021; Krol et al., 2022].

Выгодное географическое расположение Дерахейба (на расстоянии около 400 км от Нила и 200 км от Красного моря), известного в средние века как Аль-Алаки, делало его центром пересечения караванных путей от красноморского порта Айзаб к египетскому Асуану. В Аль-Алаки некогда могли останавливаться многочисленные купцы и торговцы, которые доставляли в Каир и порты Средиземного моря товары из стран Африки, Ближнего Востока, Индии и Китая. Известные по письменным источникам сведения о значении города Аль-Алаки подтверждают и данные археологических раскопок. За полевые сезоны 2019–2022 гг. на памятнике Дерахейб были найдены многочисленные археологические материалы (люстровая керамика из Ирака, фрагменты китайского селадона, индийские хлопковые ткани, обсидиан из Эфиопии и другие предметы торговли).

Находки археологического текстиля являются важным источником наших сведений о бытовой и социально-экономической жизни средневекового Аль-Алаки. Особенности природно-климатических условий и почв данной местности способствуют вполне удовлетворительной степени сохранности тканей. Практически все находки текстиля происходят либо из так называемой Северной крепости, предположительно укрепленного замка местного правителя, предварительно датированного IX–XII вв., либо из местного некрополя. Сохранность большинства тканей очень фрагментарна; зачастую, текстильные находки — это всего лишь небольшие, сильно разрушенные фрагменты тканей, без следов швов или характерного декора. Однако, несколько новых, обнаруженных в ходе раскопок 2019–2022 гг., тканей, при сопоставлении с известными аналогиями из музейных собраний, позволяют использовать их для гипотетической реконструкции отдельных предметов костюма.

Около 150 фрагментов археологического текстиля были обнаружены в Северной крепости при расчистке прямоугольного сквозного проёма в центре северо-западной стены, под которым находился холм грабительского выброса из Помещения I, расположенного внутри Крепости [Крол и др., 2021]. Предположительно, некогда здесь размещались туалеты замка, о чём свидетельствуют, в частности, следы фекалий на некоторых находках, а также большое количество фекальных масс в слое заполнения Помещения 1 [Крол и др. 2021, с. 130].

Среди тканей, найденных в Помещении 1, есть фрагменты, изучение которых может дать предположительный ответ на вопрос об их назначении. Например, образцы хлопковых тканей с Z-круткой, на которые декор синего цвета нанесён в технике набойки или по резерву. Не исключено, что это индийский импорт. На многих фрагментах сохранились швы, свидетельствующие, что из этих тканей некогда были сшиты предметы костюма. Надо отметить, что тканям, декорированным после ткачества в технике набойки, существует довольно много аналогий в средневековом Египте (Фустат, Кусейр-аль-Кадим), Нубии, на Ближнем Востоке и в Палестине. Чаще всего их относят к мамлюкскому времени (XIII–XVI вв.). Однако последние работы, в частности с применением методов радиоуглеродного датирования показали, что самая ранняя зафиксированная дата подобного рода текстиля – XI в. [Barnes, 1997], что вполне соответствует датировке основного комплекса тканей из Дерахейба.

К числу роскошных тканей, свидетельствующих о статусе Аль-Алаки и вероятного правителя местного замка, относятся несколько фрагментов шёлковой ткани с изображениями восьмиконечных звёзд и

птиц, выполненные в технике лампас, датируемые XI в. [подробнее об этой ткани см: Толмачева, 2022]¹. Сегодня нам удалось выполнить реконструкцию декора этого интересного образца средневекового текстиля (Рис. 1,1). Заметим, что фрагмент абсолютно аналогичной шёлковой ткани с идентичным декором хранится в Метрополитен-музее (№ 46.156.11b)², где она датирована XI–XII вв. К сожалению, нью-йоркский экспонат депаспортизирован. Известно только, что ранее ткань принадлежала некоему Дж. Санджорджи, итальянскому коллекционеру тканей, который, в свою очередь, унаследовал её вместе с бизнесом своего отца. В 1946 г. она была приобретена антикваром А. Леви, который и продал её в Метрополитен-музей.

Особо следует обратить внимание на полную идентичность (как с точки зрения технологии изготовления, так и с точки зрения декора) обоих шёлковых фрагментов, как из музея Метрополитен, так и из Северной крепости Дерахейба. Подобного рода совпадения, в случае, если речь не идёт об объектах, намеренно разделённых между разными музейными собраниями, удивительны, однако дальнейшее изучение аналогий показало ещё более любопытную картину. Во-первых, удалось отыскать полностью (технологически и иконографически) идентичные ткани ещё в трёх музейных собраниях: в Кливлендском музее искусств³ (Рис. 1,2), музее Виктории и Альберта (№ Т 127-1896)⁴ и Британском музее [Rogers, 1983, p. 45]. Во-вторых, все три предмета оказались практически целыми изделиями (хотя и в разной степени сохранности) и представляют собой мужские шапки-калансувы, которые носили в эпоху средневековья высокопоставленные представители знати [Maskie, 2015, p. 136]. В практике подобного рода стёганные мужские шёлковые шапочки могли также дополнительно обвязывать тюрбаном (Рис. 1,3). К сожалению, все три находки также депаспортизированы, лишь о шапочке из коллекции музея Виктории и Альберта известно, что она происходит «из гробницы в Египте» [Rogers, 1983, p. 45]. На наш взгляд, находка, как минимум, четырёх, буквально до нитки, идентичных предметов⁵ свидетельствует об их широко налаженном производстве на Ближнем Востоке в XI в. Одним из возможных центров изготовления шёлков, которые

¹ О ранних этапах развития техники лампас см.: [Schorta, 1997].

² <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/140008023?rpp=60&pg=23&ao=on&ft=Textiles+Btantine&pos=1335> (дата обращения 25.02.2023 г.).

³ <https://www.clevelandart.org/art/1950.525> (дата обращения 25.02.2023 г.).

⁴ <https://collections.vam.ac.uk/item/O353018/cap-headgear/> (дата обращения 25.02.2023 г.).

⁵ Калансува из Кливлендского музея была, вероятно, ещё и перелицована.

шли на подобного рода текстильные изделия представляется Антиохия [см.: Толмачева, 2022]. Ввиду недостаточности данных, сложно утверждать, использовался ли шёлк с таким декором исключительно для шитья *калансув*, или из него изготавливались и другие элементы восточного средневекового костюма. Однако, сам факт того, что сохранилось три абсолютно идентичные шапочки из шёлка с одинаковыми характеристиками, на наш взгляд, даёт все основания предложить вероятную реконструкцию и находки из Дерахейба (Рис. 1,3).

Среди фрагментов ткани из Помещения 1 Северной крепости обращает на себя внимание также и гобеленовая вставка из шёлка и хлопка с растительным декором и арабографичной надписью (Рис. 1,4). Подобного рода вставки очень часто украшали широкие шарфы или шали, которые могли также использовать как тюрбан или наплечную верхнюю одежду. В музейных коллекциях присутствует достаточно большое число аналогий нашей находке из Дерахейба [Abbas, Salim, 1997; Певзнер, 2015, №№ 5, 6, 58–60 и др.]

Интересен ещё один фрагмент тёмно-синей шерстяной ткани с гобеленовой вставкой с изображением маленькой утки (Рис. 1,5). Скорее всего, это фрагмент шерстяной шали, возможно, из Египта. Аналогичные ткани получили в литературе условное название «фаюмских» и чаще всего датируются IX–XI вв. [Cornu et al., 1997: изображения уток – BAV 6912, 555; BAV 6883, 479; шали – BAV 6842, BAV 6725; Evans, Ratliff, 2017, p.185, nr. 125 AB и др.]

Однако среди находок из Северной крепости, были и ткани, изделия из которых явно принадлежали самым простым жителям Аль-Алаки, известного ещё со времён фараоновского Египта как крупный центр золотодобычи. В Помещении 1 было обнаружено несколько фрагментов грубой туники из хлопка с Z-круткой с многочисленными следами ремонта, практически полностью искажившими первоначальную форму подола (Рис. 1,6). На тунике фиксируются загрязнения чёрного цвета, возможно, сажа. Сама по себе туника чрезвычайно простой формы — туника-мешок без рукавов, также известная с фараоновских времён. Стандартная туника-мешок имела «т-силуэт» и шилась из прямоугольного куска ткани, который складывался пополам вдоль нитей утка и прошивался по боковым сторонам с оставленными участками для рук [Орфинская, Толмачева, 2020, с. 171–186]. Горловина прорезалась по центру сложенного куска. В данном случае туника была сшита из трёх кусков: перёд и спинка были, вероятно, надставлены прямоугольными фрагментами ткани по талии.

Другой источник находок текстильного материала – Южный некрополь Дерахейба. Раскопки некрополя проводились, главным образом, в два археологических сезона 2022 г.: в феврале-марте и ноябре-декабре. Ситуация с текстильными находками оказалась неоднозначной. Результаты сезона февраля-марта 2022 г. были вполне предсказуемыми для раскопок мусульманских средневековых погребений. Фрагменты полуистлевшего текстиля были обнаружены в 14 погребениях. Отсутствие тканей в некоторых могилах – скорее, результат неблагоприятных природно-климатических условий и особенностей гниения, чем явление ритуального значения. Все найденные ткани представляли собой более-менее единую группу: в основном, хлопок хорошего и среднего качества (льняные ткани были обнаружены всего в двух погребениях), полотняного сбалансированного переплетения, насколько позволяет судить сохранность, без следов износа, швов и ремонта. Шерстяные и шёлковые ткани обнаружены не были.

Таким образом, начала складываться достаточно чёткая картина совершения погребального обряда: покойные были захоронены, закутанными в саваны – специально подготовленные для погребения широкие куски чаще всего хлопковых тканей.

В ноябре-декабре 2022 г. на Южном некрополе было продолжено изучение археологического текстиля. И вновь ткани были обнаружены в 14 погребениях. В то же время, результаты изучения текстильных находок представляются довольно неожиданными.

Во-первых, находки этого сезона оказались гораздо разнообразнее. И хотя хлопчатобумажные ткани, по-прежнему, составляли большинство находок (они присутствуют в 12 из 14 погребений), льняные ткани со стандартной S-круткой были найдены уже в трёх погребениях. Кроме того, удалось зафиксировать редчайший случай для текстильных комплексов нубийских некрополей: в трёх погребениях были найдены шёлковые ткани. Помимо этого, в заполнении могилы 46 был найден фрагмент шерстяной ткани (возможно коврик), а в яме 40 были обнаружены несколько образцов шерстяных изделий. Таким образом, в этом сезоне на некрополе были найдены фрагменты разнообразных текстильных изделий, по крайней мере, из четырёх видов ткани: хлопка, льна, шерсти и шёлка.

Во-вторых, если в погребениях, обследованных в предыдущие сезоны, были найдены, в основном, хлопчатобумажные саваны, то в этом сезоне в ряде захоронений были обнаружены ткани, сильно отличающиеся друг от друга по техническим характеристикам волокна, технологическими особенностями ткацкого переплетения и функциям.

Так, в могилах 33 и 41 были обнаружены фрагменты шёлковой шали (?), украшенной красными полосками.

Наиболее интересным оказалось детское погребение 48. Ребёнок возрастом от одного до полутора лет был запелёнат в разорванное на куски женское платье (?) со швами и потом (!) завернут в саван.

Таким образом, впервые на некрополе были найдены фрагменты одежды, точная интерпретация которых станет возможной после реставрации и изучения. Ещё не все фрагменты платья обработаны, однако, опираясь на аналогичный материал из египетских некрополей (например, некрополь Дейр-эль-Наклун в Фаюме [Czaja-Szewczak, 2005, р. 133–142]), предварительно можно представить один из вариантов реконструкции найденного в погребении платья (Рис. 1,7). Мы можем с уверенностью утверждать, что данный предмет костюма не был сшит специально для захоронения, поскольку на одном из фрагментов хлопковой ткани был обнаружен фрагмент заплаты, пришитой шёлковой нитью. Эта деталь может показаться незначительной, однако является в высшей степени красноречивым свидетельством уровня благосостояния некоторых похороненных на некрополе жителей средневекового Аль-Алаки.

Библиография

- КРОЛ А. А., БЕРЕЗИНА Н. Я., ЧИРКОВА А. Х., ФЕДОРЧУК О. А., ГОРДЕЕВ Ф. И., КАЛИНИНА О. С., ТОЛМАЧЁВА Е. Г. Исследования Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ в Центральном Атбае (2017–2022) // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. – М., 2022. № 3. С. 100–124
- КРОЛ А. А., ГОРДЕЕВ Ф. И., ЗАЙЦЕВ Ю. П., СЕМЕНОВ Е. В., СЛЕПЧЕНКО С. М., ТОЛМАЧЁВА Е. Г. Сезон 2020 года Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова на памятнике Дерахейб (Республика Судан) // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. – М., 2021 № 4. С. 126–145.
- ПЕВЗНЕР С. Б. Художественные ткани средневекового Египта в собрании Государственного Эрмитажа. – М.: ИД Марджани, 2015. – 195 с., цв. ил.
- ТОЛМАЧЕВА Е. Г., ОРФИНСКАЯ О. В. Проблемы изучения и реконструкции древнеегипетской одежды по данным археологии: из раскопок ЦЕИ РАН в фиванской гробнице TT 23 (Луксор) // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция. Материалы Российско-Германского семинара (Москва, 11–13 марта 2018). – М., 2019. С. 171–186.
- ABBAS M., SALIM M. The function of some woven fabrics in Riggisberg // *Islamische Textilkunst des Mittelalters: Aktuelle Probleme*. – Riggisberg, 1997. P. 65–70.
- BARNES R. From India to Egypt: The Newberry Collection and the Indian Ocean Trade // *Islamische Textilkunst des Mittelalters: Aktuelle Probleme*. – Riggisberg, 1997. P. 79–92.

CORNU G., VALANSOT O., MEYER H. Tissus islamiques de la collection Pfister. – Vatican, 1992.

CZAJA-SZEWCZAK B. Tunics from Naqlun // Christianity and monasticism in the Fayoum Oasis: Essays in honor of Martin Krause. – Cairo, 2005. P. 133–142.

EVANS H. C., RATLIFF B. (Eds.) Byzantium and Islam. Age of transition, 7th–9th century. [Exhibition catalogue the Metropolitan Museum of Art, New York]. – New York, 2012.

KROL A. A., BEREZINA N. Y., CHIRKOVA A. Kh., FEDORCHUK O. A., GORDEEV F. I., KALININA O. S., TOLMACHEVA E. G. Research of the Nubian archaeological and anthropological expedition of the Research Institute and the Museum of anthropology of Moscow State University in Central Atbai (2017–2022) // Moscow University Anthropology Bulletin. – M., 2022. № 3. P. 100–124.

MACKIE L. W. Symbols of Power: Luxury Textiles from Islamic Lands, 7th–21st Century. – New Haven; London, 2015.

ROGERS C. (Ed.) Early Islamic Textiles. – Brighton, 1983.

SCHORTA R. Zur Entwicklung der Lampastechnik // Islamische Textilkunst des Mittelalters: Aktuelle Probleme. – Riggisberg, 1997. P. 173–180.

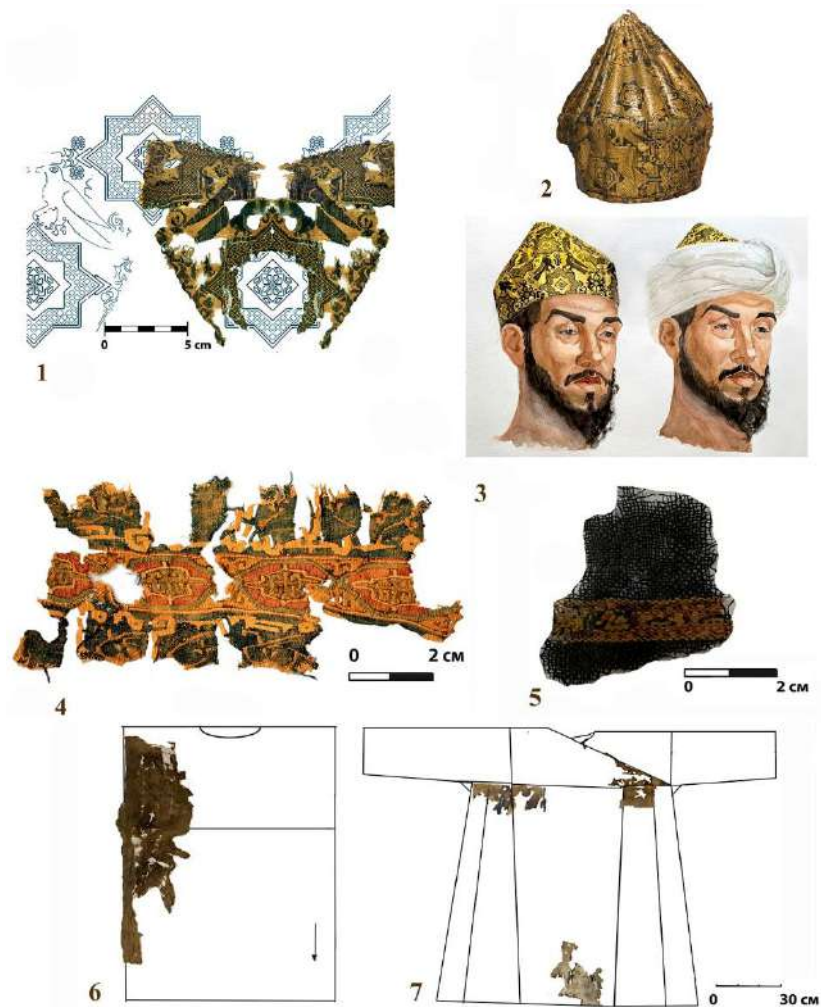

Рис. 1. Предметы археологического текстиля из Северной крепости Дерахейба: 1 – реконструкция декора фрагмента шёлкового изделия; 2 – калансува из Кливлендского музея искусств (по: <https://www.clevelandart.org/art/1950.525>); 3 – реконструкция способа ношения калансувы; 4 – фрагмент гобеленовой вставки с растительным декором и арабской надписью (хлопок, шёлк); 5 – фрагмент гобеленовой вставки декора шерстяной шали; 6 – реконструкция грубой хлопковой туники без рукавов; 7 – вариант реконструкции женского платья типа «галабея» из могилы 48 (авторы реконструкций О. В. Орфинская, Е. Г. Толмачева, художник О. Калинина).

Э. Р. УСТАЕВА

Таманский музейный комплекс
(Тамань)

В. Н. ЧХАИДЗЕ

Институт археологии РАН
(Москва)

ДВА ВИЗАНТИЙСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ ПРОСФОРНЫХ ШТАМПА С ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Византийские просфорные штампы имели достаточно широкое распространение на территории империи, начиная с эпохи поздней античности. Эти изделия из керамики и известняка встречены как в крупных городских (в том числе, столичном) центрах [Davidson, 1952, p. 330–333, no. 2850–2869, pl. 135; Harrison, 1986, p. 276, no. 731; e.t.c.], так и в провинции. В частности, на территории Таврики к настоящему времени зафиксировано более 30 экземпляров [Седикова, 2012, с. 35, 36; Майко, 2021а, с. 20–24, рис. 1–2; 2021б, с. 185–189, рис. 1; Майко, Иванов, 2022, с. 143–145, рис. 1; и др.]. Одно изделие обнаружено на территории Предкавказья; в Краснодарском музее хранится каменный штамп (происходит из Убинского могильника в Закубанье?) с изображением Крещения Господня [Малахов, Тихонов, 2004, с. 170–172, рис. 5; Пинкин, Савенко, 2009, с. 32].

Находки двух просфорных штампов известны и на территории Таманского полуострова.

Первый штамп (Рис. 1,1) был обнаружен в 2001 г. при раскопках Таманского городища (раскоп «Северный», пл. ХХХА/15-16) в слое X–XI вв. [Устаева, 2001, л. 34, рис. 151]. Диаметр – 6,9 см. Штамп изготовлен из ножки амфоры с усечённо-конусовидным дном IV–III вв. до н. э. На штампе – в медальоне помещено изображение креста с прямыми лучами, по концам лучей – круглые углубления. Через центр креста, вдоль каждой из его осей, толстой линией прочерчен ещё один крест. В каждом секторе между лучами креста прочерчены небольшие косые кресты. С верхней части штампа проделано сквозное отверстие, выходящее на боковую сторону.

Согласно предложенной недавно предварительной систематизации штампов Крымского полуострова, штамп из Тамани относится к пятой стилистической группе, а ближайшими аналогиями ему являются штамп, вырезанный на ножке амфоры из поселения Биели возле Керчи [Майко, Белик, 2016, с. 84–86; Майко, 2021а, с. 23, рис. 2,10], а также экземпляр из Саленто (Апулия), вырезанный на ножке амфоры и отнесённый к «византийскому периоду» [Galavaris, 1970, p. 60, fig. 29].

Второй штамп (Рис. 1,2) был обнаружен в 1986 г. при раскопках Голубицкого городища, в комплексе X–XI вв. Отчёт по этим раскопкам в полевой комитет представлен не был. Коллекция из раскопок оказалась разделена между Институтом археологии РАН, Государственным Историческим музеем и Таманским музеем (где штамп сегодня и хранится). Диаметр штампа – 5,9 см. Изготовлен из ножки античной амфоры (Книд?). На штампе изображена восьмиконечная звезда, в которую вписаны два сцепленных овала (так называемый «узел бесконечности») с точкой посередине.

В научной литературе содержатся неоднократные упоминания этой находки, с неизменно неверным описанием. Первоначально исследователи, обнаружившие штамп, описали его как «глиняный штамп для ритуальных хлебцев с изображением змеевика и «мальтийского креста» [Десятчиков, Мирошина, 1988, с. 124]. В другой публикации находка была представлена как «штамп-змеевик прибалтийского происхождения» [Десятчиков, 1998, с. 9]. Так как изображений штампа данные публикации не содержали, эта же формулировка была продублирована в ещё одной работе [Захаров, 2002, с. 148]. Затем находка превратилась в «глиняный штамп для ритуальных хлебцев с изображением змеевика и “мальтийского креста”, прибалтийского происхождения» [Паромов, 2003, с. 168, 169; ср.: Чхаидзе, 2004, с. 235]. Как видим, эти описания в корне не соответствуют изображению, представленному на штампе, не говоря уже о его якобы «прибалтийском» происхождении.

Прямые аналогии этому штампу по орнаментальному мотиву не известны; в качестве отдаленного примера можно привести лишь штамп VI в. из Египта, хранящийся в собрании Британского музея [Galavaris, 1970, p. 37, fig. 19].

Таким образом, два рассмотренных керамических штампа с территории Таманского полуострова дополняют коллекцию подобных изделий Северного Причерноморья, в том числе занимая в ней свою уникальную позицию.

Библиография

- ДЕСЯТЧИКОВ Ю. М. Станица Голубицкая // Тамань археологическая (II раздел). Сборник 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани. – Тамань, 1998. С. 8–9.
- ДЕСЯТЧИКОВ Ю. М., МИРОШИНА Т. В. Работы Таманской экспедиции // АО 1986 года. – М., 1988. С. 123–124.
- ЗАХАРОВ В. А. История раскопок раннесредневековых слоев Таманского городища и поселений Таманского полуострова в XVIII–XX вв. // От Тмуторокана до Тамани. Сборник Русского исторического общества. – М., 2002. № 4 (152). С. 127–153.
- МАЙКО В. В. Керамические и каменные просфорные штампы Таврики. К вопросу о выделении стилистических групп // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2021а. Том 26. № 6. Византийское общество: история, право, культура. С. 19–30.
- МАЙКО В. В. Византийский хлебный штамп из раскопок комплекса гончарных печей возле с. Лесное Судакского района // «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». XIII Международный Византийский семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.) Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021б. С. 185–190.
- МАЙКО В. В., БЕЛИК Ю. Л. Просфорный штамп из раскопок средневекового поселения Биели // Таврические студии. – Симферополь: АНТИКВА, 2018. № 16. С. 84–88.
- МАЙКО В. В., ИВАНОВ А. В. Новые керамические хлебные штампы средневековой Таврики // «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». XIV Международный Византийский семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 2 июня 2022 г.) Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 143–146.
- МАЛАХОВ С. Н., ТИХОНОВ С. А. Два византийских штампа из Закубанья // МП. – Волгоград, 2004. Вып. 5. С. 163–172.
- ПАРОМОВ Я. М. Тмутараканский период (X – начало XIII в.) / Поселения и дороги на Таманском полуострове в VII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. – М., 2003. С. 168–170.
- ПИНКИН А. Н., САВЕНКО С. Н. Архыз – древний центр христианства. – Ставрополь, 2009. – 63 с.
- СЕДИКОВА Л. В. Штампы для изготовления литургического хлеба из Херсонеса // «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». IV Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции. – Севастополь, 2012. С. 35–36.
- УСТАЕВА Э. Р. Отчёт об охранно-спасательных археологических работах на территории городища Гермонасса–Тмутаракань Северного раскопа – берегового участка городища при исследовании средневековых слоёв памятника Тмутараканской археологической экспедицией КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицина г. Краснодар в 2001 году в ст. Тамань (Темрюкский р-н, Краснодарский край). – Краснодар, 2001 // Архив ИА РАН. Р-1. Д. №№ 49533, 49534.
- ЧХАИДЗЕ В. Н. Голубицкое городище (к вопросу об исторической интерпретации) // МИАСК. – Армавир, 2004. Вып. 4. С. 234–244.

DAVIDSON G. R. Corinth. Results of Excavations. – Princeton, 1952. Vol. XII. The Minor Objects. – 366 p.

GALAVARIS G. Bread and the liturgy; the symbolism of early Christian and Byzantine bread stamps. – Madison; Milwaukee; London, 1970. – 235 p.

HARRISON R. M. Excavations at Sarāçhane in Istanbul. – Princeton, 1986. Vol. 1. The Excavations, Structures, Architectural Decoration, Small Finds, Coins, Bones and Molluscs. – 434 p.

Рис. 1. Керамические просфорные штампы Таманского полуострова:
1 – Таманское городище, 2001 г.; 2 – Голубицкое городище, 1986 г.

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

**КОСТЮМ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА
НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН X–XIV ВВ.
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ**

Металлические аксессуары одежды (пряжки, пуговицы, поясные детали) и украшения, обнаруженные как среди руин построек, так и в погребениях, дают вполне определённое представление о костюме X–XIV вв. жителей города на плато Эски-Кермен.

К наиболее распространенным находкам деталей одежды относятся небольшие сферические пуговицы, которыми застёгивался ворот платья или рубахи. Бытовали пуговицы двух типов: 1 – бронзовые цельнолитые диаметром 0,9–1,1 см с пластинчатой петелькой для пришивания; 2 – серебряные полые диаметром 1,0–1,2 см, составленные из двух половинок с припаянной проволочной петелькой. Пуговицы *первого* типа могли делать местные ремесленники: в квартале 1, в одном из помещений усадьбы 4, погибшей в пожаре конца XIII в., найдена каменная литейная форма для изготовления таких предметов [Хайрединова, 2021, с. 43]. Процесс производства пуговиц *второго* типа гораздо сложнее: их корпус спаивался из двух штампованных деталей; сверху припаивалась проволочная петелька, затем многие покрывались позолотой, наносившейся путем амальгамирования [Лобода и др., 2019, с. 282, 283]. Такие пуговицы, изготовленные в специализированных мастерских, скорее всего, были привозными.

Пуговицы использовались как в мужской, так и в женской одежде.

В XIII в. мужчины опоясывали верхнюю одежду узким ремнём, застегивавшимся небольшой железной пряжкой с круглой или сегментовидной рамкой с подвижным язычком. Богатые пояса украшались металлическими накладками и наконечниками. В помещении 1 усадьбы из центральной части города найдены детали богатого византийского ременного гарнитура из меди, покрытого

позолотой и украшенного врезным декором в виде изогнутого стебля с полупальметтами [Хайрединова, 2021, с. 81, рис. 58,2-3]. К поясному ремню подвешивалась небольшая, застёгнутая железной пряжкой кожаная или тканная сумочка, в которой лежали кресало с кремнием, железный нож и шило.

Женщины носили различные украшения. В X–XIII вв. популярностью пользовались простые парные проволочные серьги или серьги с напускными металлическими бусинами из скани, скромные ожерелья из стеклянных бусин, бубенчиков, крестиков или крестовключённых подвесок. В X–XII вв. руки украшали стеклянными браслетами, кольцами и перстнями. Взрослые женщины носили по одному браслету, дети и девочки-подростки – по два или три браслета на каждой руке. Найденные в усадьбах и в погребениях из храмов в кварталах I и II перстни и кольца XII–XIII вв., относящиеся к изделиям византийского круга, – небогатые, с простым декором или без него, изготовленные из бронзы. Часто такие украшения носились взрослыми женщинами парой или набором из трёх экземпляров [Хайрединова, 2021а].

В XIV в. женский убор меняется. В моду входит одежда, горловина которой украшена золотными нитями. Так, в погребении женщины 18–20 лет из могилы 5/2020 на правой лопатке, шейных позвонках и в верхней части грудной клетки выявлены фрагменты узкой тесьмы из металлических нитей и отдельные фрагменты такой же нити. От узкой тесьмы шириной 0,4 см сохранилось пять фрагментов длиной 3,2, 3,4, 5,2, 8,0 и 11,3 см (Рис. 1,2,4). Тесьма сплетена из прядёных серебряных нитей, навитых на шелковую основу [Антипенко и др., 2021; Пожидаев и др., 2021]. Учитывая расположение фрагментов на костяке – на правой лопатке, ключице и в области шейных позвонков, можно говорить о том, что тесьма была нашита на горловину платья. Внутри одного из обрывков тесьмы сохранился фрагмент темно-коричневой нити, при помощи которой изделие пришивалось к ткани платья. Два фрагмента (Рис. 1,2,4) сохранили форму узора, образованного нашитой на ткань тесьмой: основу его составляли каплевидные петельки размером 1,0×1,5 см, расположенные на расстоянии 4,7 см друг от друга. Отсутствие текстильных остатков в могиле не позволяет говорить о фасоне платья погребённой, поэтому нами представлено два варианта возможной реконструкции горловины – с разрезом и без него (Рис. 2,А,Б). Установлено, что технология изготовления металлических нитей соответствует изделиям средиземноморских ремесленных мастерских [Антипенко и др. 2021, с. 235]. Учитывая это обстоятельство, в качестве образца для нашей реконструкции использованы изображения на картине Бернардо Дади (Флорентиец) «Благовещение», созданной около 1335 г.

и хранящейся в Лувре. Горловина одежды ангелов, а также края горловины, рукавов платья и накидки Девы Марии расшиты тонкой тесьмой, образующей узор в виде волнистой линии с каплевидными выступами (Рис. 2,1-3). Горловина платья женщины, погребённой на плато Эски-Кермен в первой половине XIV в., декорирована в аналогичном стиле, надо полагать, в соответствии с модой того времени, запечатленной и на картине итальянского художника.

Среди необычных украшений отметим находку из могилы 4/2020. Здесь, в погребении подростка 12–15 лет (костяк 6), на нижних рёбрах лежали бронзовые предметы, завернутые в органический материал: две цепочки, пластинчатая заклепка овальной формы и монетный (?) кружок. В органическом покрытии бронзовых изделий выделяется три слоя: нижний, прилегающий непосредственно к изделиям, представляет собой тонкую ткань; средний – остатки сетки с ромбовидным узором, связанной из нитей; верхний – остатки темно-коричневой шерстяной (?) ткани и шерстяных нитей.

Цепочки, длиной 15,0 см каждая (одна разломана на несколько частей), образованы небольшими, диаметром 0,5 см, колечками, скрученными из узкой пластины. На концах цепочки скреплены овальными петельками. Одна из них – сплошная, размером 1,4×1,6 см, сделана из тонкой, круглой в сечении проволоки. Вторая петля, размером 1,1×1,4 см, скручена из толстой, круглой в сечении проволоки с заостренными, заходящими друг за друга концами. Описанное изделие, скорее всего, относится к аксессуарам одежды, крепившимся на ткани платья или накидки при помощи петель. Располагавшиеся между ними в два ряда цепочки свободно свисали, образуя своеобразное украшение, а при натяжении удерживали края распашной одежды. Цепочки могли быть и частью головного убора. В этом случае петли крепились в тканой части убора, а цепочки располагались на лбу в два ряда. Отметим, что среди органических материалов, покрывавших бронзовые украшения, зафиксированы остатки сетки, которая, судя по иконографическим данным XIII–XV вв., также могла использоваться в головном уборе. Возможно, бронзовое украшение вместе с пластинчатой заклепкой и монетовидным кружком, завернутые в тонкую ткань и сеть, были уложены в поясную сумочку из более грубой шерстяной ткани.

Жительницы города на плато Эски-Кермен ухаживали за своей внешностью, о чём свидетельствуют находки пинцетов, зеркал и гребней. Деревянные гребни были важным элементом бытовой культуры средневекового населения Юго-Западного Крыма. В повседневной жизни

гребень служил для ухода за волосами, с его помощью следили за гигиеной головы. Одна сторона гребня использовалась для расчесывания волос, а вторая сторона с мелкими зубьями – в гигиенических целях, для вычесывания вшей и гнид. Гребень – один из немногочисленных бытовых изделий, помещавшихся вместе с умершим в могилу, что ещё раз подчеркивает значимость этого предмета для средневекового человека. На плато Эски-Кермен в гробнице 6/2019 из одновефного храма в квартале II гребень лежал *in situ* на грудных позвонках женщины 45–50 лет, похороненной в XIII в. [Хайрединова, 2020, с. 305, 306, рис. 2,4, 3,1, XIII, 6], а в плитовой могиле 7/2020 первой половины XIV в. – на грудной клетке ребенка 10–11 лет. Оба гребня, по определению специалистов НИЦ «Курчатовский институт», выполнены из самшита [Лобода и др., 2021, с. 40–43]. Особый интерес представляет цельный двусторонний гребень из плитовой могилы 7/2020. Он разделён на три, почти равные, горизонтальные части – центральное поле высотой 3,0 см и боковые стороны с зубцами по 2,7 см высотой каждая. На одной стороне гребня выпилено 47 крупных зубцов, на противоположной стороне сделано 67 тонких зубцов, плотно прилегающих друг к другу. У основания зубцов прорезаны тонкие поперечные параллельные линии. В центральной части гребня желтой краской изображен горизонтально расположенный прямоугольник с листовидными заостренными выступами на завершениях. Фигура заполнена ажурным декором из расположенных в шахматном порядке мелких круглых отверстий. На одной из боковых сторон гребня сохранились остатки ткани, возможно, от чехла, в который был помещён предмет. По форме, размерам и ажурному декору из мелких круглых отверстий он подобен бытовавшим в Египте в XIII–XIV вв. деревянным гребням, часто имеющим ещё и арабские благожелательные или шуточные надписи [Abd Ar-Raziq, 1972, p. 399–403, Nr. 1–6, fig. 1–4, pl. XXI–XXII].

В XIV в. у жительниц города на плато Эски-Кермен входят в моду бронзовые серьги из витой проволоки и имевшие массовое распространение в эпоху Золотой Орды на широкой территории от Дуная до Иртыша, золотые серьги в виде знака вопроса, декорированные жемчугом. При этом девочек зачастую хоронили с неполным набором украшений: в двух захоронениях из могил 8/2020 и 9/2021 найдено только по одной золотой серьге. В захоронении молодой женщины из могилы 2/2019 такие серьги были парными. Украшения рук XIV в. представлены только перстнями, часть из которых можно отнести к изделиям византийского круга, а часть – к продукции сельджуковских мастеров. Причём преобладают дорогие,

выполненные из серебра или золота украшения. В XIV в. перстни были принадлежностью женского и детского уборов. Девочки носили только по одному перстню на среднем пальце левой руки; молодые женщины – 18–25 лет – по одному перстню на безымянном пальце правой руки; женщины постарше – 30–35 лет – украшали левую руку набором из двух, выполненных в едином стиле перстней. Специальных перстней для детей не существовало, для них переделывались украшения взрослых. Разница в ассортименте украшений XII–XIII вв. и XIV в. объясняется не только сменой моды, но и различием в социальной принадлежности жителей разных районов провинциального города. В кварталах I и II, откуда происходят только бронзовые украшения, в XII–XIII вв. жили рядовые горожане. На участке перед базиликой, в центре города, где в плитовых могилах найдены серебряные и золотые украшения, в XIV в. хоронили представители богатых семейств.

Библиография

- АНТИПЕНКО А. В., ЛОБОДА А. Ю., ХАЙРЕДИНОВА Э. А., ИСМАГУЛОВ А. М., ВАЩЕНКОВА Е. С., ТЕРЕЩЕНКО Е. Ю., ЯЦИШИНА Е. Б. Золотные нити из плитовых могил XIV в. на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – Симферополь, 2021. Вып. XXVI. С. 229–245.
- ЛОБОДА А. Ю., АНТИПЕНКО А. В., ПРЕСНЯКОВА Н. Н., РЕТИВОВ В. М., ВАЩЕНКОВА Е. С., ТЕРЕЩЕНКО Е. Ю., ЯЦИШИНА Е. Б. Особенности изготовления полых сферических пуговиц XIII – начала XIV в. (по находкам из могилы 1/2018 на плато Эски-Кермен) // МАИЭТ. – Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 277–289.
- ЛОБОДА А. Ю., ПОЖИДАЕВ В. М., МАЛАХОВ С. Н., ХАЙРЕДИНОВА Э. А., ЯЦИШИНА Е. Б. Исследование гребня для волос из плитовой могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // Геоархеология и археологическая минералогия – 2021. Материалы VIII Всероссийской научной конференции имени профессора В. В. Зайкова. – Миас; Челябинск: ЮУрГГПУ, 2021. Т. 8. С. 40–43.
- ПОЖИДАЕВ В. М., КАМАЕВ А. В., ЛОБОДА А. Ю., ТЕРЕЩЕНКО Е. Ю., ХАЙРЕДИНОВА Э. А., ЯЦИШИНА Е. Б. Исследование материала сердечника золотных нитей из плитовых могил XIV в. на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – Симферополь, 2021. Вып. XXVI. С. 246–254.
- ХАЙРЕДИНОВА Э. А. Деревянные гребни из Эски-Кермена // МАИЭТ. – Симферополь, 2020. Вып. XXV. С. 295–312.
- ХАЙРЕДИНОВА Э. А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова – Симферополь: Антиква, 2021. С. 26–143 (Серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции». Вып. 1).
- ХАЙРЕДИНОВА Э. А. Кольца и перстни XII–XIV вв. из Эски-Кермена // МАИЭТ. – 2021а. Вып. XXVI. С. 205–228.
- ABD AR-RAZIQA. Les peignes égyptiens dans l'art de l'Islam // Syria. – 1972. Т. 49. Fasc. 3–4. P. 399–412.

Рис. 1. Плитовая могила 5/2020. Погребение 1, верхняя часть костяка.
1 – общий вид сверху (К1); 2, 3 – отдельные участки; 4 – фрагменты
тесьмы из серебряных пряденных нитей; 5 – бронзовая серьга.

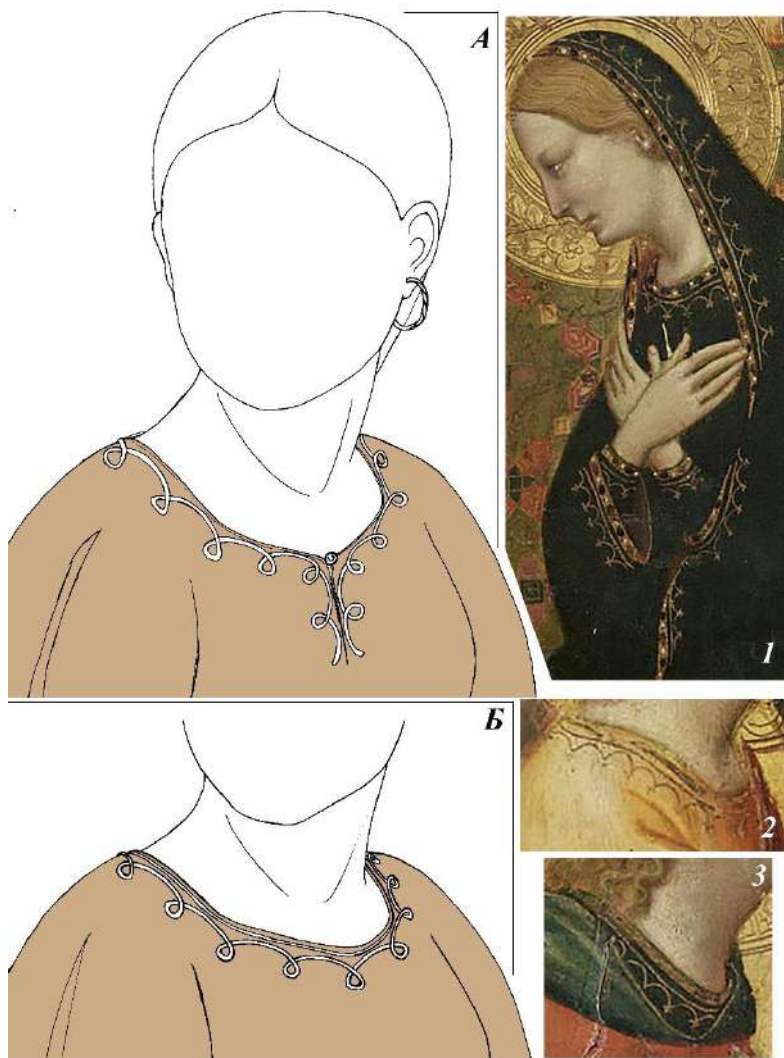

Рис. 2. Плитовая могила 5/2020. Погребение 1.

А, Б – варианты реконструкции декора горловины платья узкой тесьмой (реконструкция и рисунок автора); 1–3 – фрагменты картины Бернардо Дадди «Благовещение» (около 1335 г.) с изображением декорированных деталей одежды, использованные в качестве образца для реконструкции.

Н. И. ХРАПУНОВ

Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского
Лаборатория «Византийский Крым»
(Симферополь)

ЭБЕНЕЗЕР ХЕНДЕРСОН – ЗАБЫТЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КРЫМСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ¹

Эбенезер Хендерсон (в русскоязычной историографии иногда Гендерсон, 1784–1858), известный шотландский религиозный деятель и автор путевых заметок о России, побывал в Крыму в 1821 г. [см.: Henderson, 1859; Храпунов, 2022, с. 201–216, с библиографией]. Обычно его деятельность на юге империи рассматривают в контексте мероприятий британских миссионеров и религиозной политики Александра I [Баталден, 2004; Храпунов, 2017]. В данном докладе речь пойдёт о наблюдениях Э. Хендерсона над историей и археологическими памятниками. Шотландец интересовался прошлым и знал полтора десятка языков, включая древние, то есть мог самостоятельно читать греческие, латинские и еврейские тексты. В сочетании с наблюдательностью и критическим мышлением это позволило ему сделать ряд любопытных наблюдений, отразивших определённый этап в развитии знаний о прошлом Крыма, – но, к сожалению, имя Э. Хендерсона осталось практически неизвестным историкам науки. Этим и объясняется актуальность темы исследования.

Книга Э. Хендерсона (Рис. 1) *«Библейские исследования и путешествия по России, включая путешествие в Крым и переход через Кавказ»* вышла в 1836 г. [Henderson, 1826]. Имеется и качественный русский перевод [Гендерсон, 2006; Храпунов, 2010]. В основе травелога – путевой дневник, который был значительно расширен автором после возвращения на родину, с использованием разнообразных публикаций, ссылки на которые встречаются в тексте и в подстрочных примечаниях.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму», поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, мегагрант № 075-15-2022-1119.

Это описания Крыма Кл.-Ш. де Пейссоннеля, К. И. Габлица, П.-С. Палласа, травелоги Э.-Д. Кларка (с цитатами из записок Р. Хебера) и М. фон Энгельгардта – Фр. Паррота, исторические сочинения Ж. де Гиня, А.-Л Шлёцера, С. Сестренцевича-Богуша и Н. М. Карамзина. В книге Э. Хендерсона можно найти отсылки к сочинениям Геродота, Полибия, Страбона, Плиния Старшего, Помпония Мелы, Клавдия Птолемея, Иордана, Прокопия Кесарийского, Стефана Византийского и Константина Багрянородного, причём автор нередко не просто цитировал, но анализировал их сведения. Список древних и современных авторов, упомянутых Э. Хендерсоном, можно без труда расширить, пусть, конечно, не всегда можно быть уверенным, что шотландец работал с именно отдельными сочинениями, а не с цитатами в обобщающих трудах.

Рассказ о Крыме в его книге занимает 92 из 538 страниц английского текста. Подробное описание региона включает экскурсии в прошлое и описание важнейших археологических памятников. Об интересе путешественника к прошлому говорит, например, то, что рассказ о современном Севастополе занимает одну страницу, а о Херсонесе и его прошлом – шесть [Henderson, 1826, р. 341–348]. Иногда, чтобы обратиться к истории былых времен, нужен был только повод: хотя Хендерсон не добрался до Керчи, он счёл нужным рассказать о Пантикапее, «Боспорской империи» и Митридате VI Евпаторе [Henderson, 1826, р. 376–377].

В самом начале описания Крыма путешественник поместил краткое изложение своих представлений об истории полуострова. По его словам, древнейшими обитателями региона были тавры, предположительно потомки киммерийцев, вытесненные скифами под защиту Крымских гор. Именно тавры основали Боспорское царство, просуществовавшее до IV в. н. э. После того Крым *«превратился в арену беспрестанных завоеваний и захватов аланами, готами, римлянами, гуннами, хазарами и татарами...»*. Последние владели им с 1238 по 1783 г. [Henderson, 1826, р. 290, 291].

Особое внимание Э. Хендерсон уделял топонимике, пытаясь разместить на карте все известные древние названия и подобрать современные тюркские соответствия античным именам географических объектов (Рис. 2). В эпоху, когда историческая лингвистика делала первые шаги, ему приходилось доверять интуиции, а потому ошибки чередовались с удачными решениями. Он справедливо критиковал Р. Хебера, которого ввело в заблуждение созвучие тюркского *or* («ров») и французского *or* («золото»), в связи с чем Ор-Капы (Перекоп) стал «Золотыми воротами» [Henderson, 1826, р. 289]. Но затем наш автор отождествил Балаклаву не только с Симболон-Лименом, но и с Калос-Лименом, а заодно и с Палакием, вероятно, по созвучию [Henderson, 1826, р. 354, 355].

Местоположение упомянутых древними географических объектов путешественник определял, главным образом, сопоставляя сведения источников и наблюдения над крымскими пейзажами. Таким образом он отождествил упомянутые Константином Багрянородным «замки Климатов» с частью «скалистого горного района», начинающегося к востоку от Кучук-Коя (ныне пгт. Парковое) на Южном берегу Крыма и заканчивающегося, возможно, близ Алушты [Henderson, 1826, p. 360]. «Древнюю гавань Ктенунт» из трактата Страбона шотландец локализовал в восточной оконечности Севастопольской бухты, и отсюда же, по его мнению, начиналась стена, в древности тянувшаяся до Балаклавы и защищавшая Гераклеийский полуостров от скифов [Henderson, 1826, p. 348]. Харакс Клавдия Птолемея Э. Хендерсон идентифицировал с «очаровательной долиной Алупки», а Лагиру – с селением Ялта; Страбонов Криуметопон, по его мнению, это «величественный мыс Аюдаг», а Лампада древних географов – залив близ Большого и Малого Ламбатов [Henderson, 1826, p. 361, 363, 364]. А вот храм Таврической Дианы у него «раздвоился»: путешественник сначала «отыскал» его «где-то в окрестностях [Георгиевского] монастыря», а затем – на Аюдаге, в месте, где позднее возвели церковь Константина и Елены [Henderson, 1826, p. 354, 363].

Рассказывая о южнобережном Партените, путешественник не только поведал о том, что там родился епископ Готии Иоанн, но и об антропологических особенностях местных жителей. *«Их черты почти совершенно европейские, а многочисленные особенности их диалекта не составляют места сомнения, что они являются потомками генуэзцев и других европейцев, которые владели этим берегом в не столь отдалённое время. Подтверждается это утверждение и тем фактом, что имена их предков в третьем поколении были христианскими, например, Пётр, Андрей и пр.»* [Henderson, 1826, p. 363–364].

Доверяя своим познаниям в языках, Э. Хендерсон использовал их для «проверки» соответствия топонимов природно-географической и исторической ситуации. Так, если местность в окрестностях Бахчисарая, где находились древние мавзолеи, называлась Эски-Юрт, то есть *«Древнее владение или место жительства»*, значит, там некогда находилась резиденция крымских ханов [Henderson, 1826, p. 340]. Живописный сад Ханского дворца заставил путешественника заключить, что *«он вполне оправдывает название дворца и города – Бахчисарай, то есть “Райский дворец”»* [Henderson, 1826, p. 298].

Из всех крымских памятников подробнее всего шотландец описал Херсонес. Рассказ о посещении городища сопровождал довольно подробный экскурс в историю. По мнению путешественника, город был основан около 600 г. до н. э. и был окончательно разрушен, когда *«страной овладели монголы и татары»* [Henderson, 1826, p. 342–345].

Интересно, что, подобно К. И. Габлицу и многим другим авторам, он решил, что в древности город занимал большую часть Гераклеийского полуострова, а на берегу Карантинной бухты располагалась его цитадель [Henderson, 1826, p. 347]. По словам Э. Хендерсона, *«Кое-где отчётливо заметны улицы, но в целом вся местность покрыта мусором и столь обезображена попытками выкопать большие камни, образующие фундаменты домов, что ничего похожего на план строений различить нельзя»* [Henderson, 1826, p. 346]. В Карантинной бухте он заметил остатки портовых сооружений – *«ступени лестницы, ведущей от моря к городу. Сегодня они спускаются на три фута от уреза воды и, очевидно, были построены для облегчения торговых операций»* [Henderson, 1826, 346]. В центре городища была *«огромная насыпь или куча – развалины какой-то громадной постройки; но был ли то храм Дианы или церковь св. Василия – не обнаружены пока факты, позволившие бы рассудить»* [Henderson, 1826, p. 346]. Неплохо сохранилась и крепостная стена *«чудовищной мощи и толщины, образованное двумя слоями, сложенными из больших камней, пространство между которыми заполнено обломками кирпичей и глиняной посуды, и всё вместе накрепко сцеплено цементом»* [Henderson, 1826, p. 346].

Другой подробно описанный город – Феодосия, по мнению Э. Хендерсона, был построен милетцами *«за несколько сот лет до рождения Христа»*, в XIII в. приобретён генуэзцами у монголов и обнесён стенами, а в 1475 г. захвачен османами. По словам путешественника, во все времена это был крупнейший торговый центр, а в эпоху генуэзцев епархия католического епископа Каффы простиралась от Сарая на Волге до Варны в Болгарии [Henderson, 1826, p. 373–375]. *«Сегодня в городе видны следы его бывшего облика – еще сохранились мечети, бани, стены и башни, но большая часть древних зданий разрушена, отчасти из-за военных опустошений и отчасти в виду строительства красивого причала и других сооружений современного стиля и назначения. Большую часть их можно осмотреть в окрестностях Карантина, который окружен громадными стенами, построенными генуэзцами для защиты своей торговли»* [Henderson, 1826, p. 375]. К северо-востоку от Феодосии, у селения Кой-Асан (ныне с. Фронтное Ленинского района) Э. Хендерсон, как он уверял, видел остатки «стены», сооруженной «боспорским князем Асандром» для защиты западной границы «Боспорской империи». Она тянется от Феодосийского залива до Азовского моря, причём *«через равные промежутки видны колоссальные круглые насыпи, которые, несомненно, являются остатками башен...»* [Henderson, 1826, p. 376].

Когда сведений письменных источников не хватало, Э. Хендерсон, кажется, мог довериться народным легендам. Так, он воспроизвёл

крымско-татарское поверье, утверждавшее, что когда османы подчинили Крым своей власти, было заключено соглашение, согласно одному из пунктов которого *«в случае, если когда-либо род Османов пресечётся, турецкий трон должен перейти к правящему в Крыму хану»* [Henderson, 1826, p. 300]. Известно, что крымские татары называли генуэзцев строителями «пещерных городов». Видимо, непосредственно или через записки других путешественников, эта мысль попала к Э. Хендерсону. По его словам, «древняя крепость Инкерман» возникла в античную эпоху, *«но была, скорее всего, захвачена и перестроена генуэзцами в последующее время»* [Henderson, 1826, p. 352]. В другом месте он сообщал, что генуэзцы некогда владели Мангупом, который в третьем отрывке оказался уже «древним готским замком» [Henderson, 1826, p. 312, 341].

Заинтересовавшись вероучением караимов, Э. Хендерсон постарался собрать сведения об их древней истории. Во время поездки на Чуфут-Кале он посетил караимское кладбище, где читал надписи на надгробиях, пользуясь познаниями в древнееврейском. Старейший памятник, по мнению шотландца, имел дату 5004 г. иудаистской эры, то есть 1364 г. н. э. [Henderson, 1826, p. 313, 314], или, точнее, 1243/4 г. н. э. По его словам, он не нашёл подтверждения информации де Пейссоннеля о том, что караимы пришли в Крым из Бухары вместе с монгольскими завоевателями. Э. Хендерсон утверждал, что *«единственное распространённое среди них (караимов. – Н. Х.) предание»* утверждало, что их предки прибыли из сирийского Дамаска около 500 лет назад, то есть не ранее XIV в. [Henderson, 1826, p. 314, 315].

Любопытно, что современный вид памятников прошлого мог вызвать у путешественника чувство, очень напоминающее благочестивую меланхолию. Так, о развалинах Херсонеса он писал: *«Однако не только лишь в этом интересном месте видны разрушенные памятники древних построек; они обнаруживаются повсеместно на большей части этого полуострова, указывая на то, что он был одним из самых многолюдных и населённых районов мира. Но дни эти давно прошли; и пока христианин пристально смотрит с грустным чувством на эту безжизненную сцену, <...> он не может не вспомнить о том, что многие сотни тысяч бессмертных душ, которые некогда строили, или населяли, или посещали, или помогали разрушить этот обширный город, всё ещё пребывают в состоянии сознательного существования и запечатлели на скрижалях своей памяти деяния из Херсонесских анналов, в которых они приняли участие, и которые, пусть и не отмечены на земле, хранятся в записях Всеведущего [Бога] вплоть до последнего дня истории мира»* [Henderson, 1826, p. 348]. Не пощадило время и мусульманские памятники. Хотя после присоединения Крыма *«[П]равительством были отданы распоряжения о сохранении всякой вещи в [Бахчисарайском ханском]*

дворце в том же восточном стиле, в котором его оставили ханы, но многие его части испытали неодолимое действие времени, а весь его вид производит на рассудок впечатление исчезнувшего величия Азиатского двора. Смерти подобная тишина и мрачный вид каждого из окружающих предметов совершенно неопишутемы» [Henderson, 1826, p. 299].

В травелоге Э. Хендерсона исторические и археологические зарисовки вплетены в общую ткань повествования, рассказывающего о путешествии автора по Крыму. Как правило, они возникают в связи с конкретным объектом – укреплениями на Перекопском перешейке или ханским дворцом в Бахчисарае, развалинами Херсонеса или крепостью в Балаклаве. Случаются повторы и внезапные переходы от одной темы к другой. Э. Хендерсона можно назвать интересующимся историей, любознательным и способным к критической мысли наблюдателем. Его метод заключался в сравнении вычитанного в книгах с увиденным на месте. Вероятно, его труд можно сравнить с такими известными описаниями Крыма, как сочинения Э.-Д. Кларка и И. М. Муравьева-Апостола, в которых особое внимание уделялось прошлому полуострова. Сочинение Э. Хендерсона – одно из последних в списке работ учёных путешественников, любивших прошлое дилетантов, ещё не обладавших тем, что сегодня считается профессиональными умениями историка, но зато бывших не самыми плохими литераторами. Их травелоги познакомили образованную публику с культурным наследием Крыма и немало поспособствовали превращению памятников прошлого в туристические достопримечательности. Это был очередной «конец прекрасной эпохи». Начало археологических раскопок во второй четверти XIX в. и появление исследований историков сделали изучение прошлого Крыма делом профессионалов.

Библиография

- БАТАЛДЕН С. Мусульманский и еврейский вопросы в России эпохи Александра I глазами шотландского библиста и путешественника // ВИ. – 2004. № 5. С. 46–63.
- ГЕНДЕРСОН Э. Библейские разыскания и странствия по России. – СПб., 2006.
- ХРАПУНОВ Н. И. Рец. на кн.: Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России // Ab Imperio. – 2010. № 1. С. 242–255.
- ХРАПУНОВ Н. И. Западноевропейские миссионеры в Крыму // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. – Севастополь, 2017. С. 289–304.
- ХРАПУНОВ Н. И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. – Севастополь, 2022. – 324 с.
- HENDERSON E. Biblical Researches and Travels in Russia, Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus. – London, 1826. – 538 p.
- HENDERSON Th. S. Memoir of the Rev. E. Henderson, D. D., Ph. D. Including His Labours in Denmark, Iceland, Russia, etc., etc. – London, [1859]. – 476 p.

Рис. 1. Эбенезер Хендерсон
(по: Henderson Th., 1859, шмуцтитул).

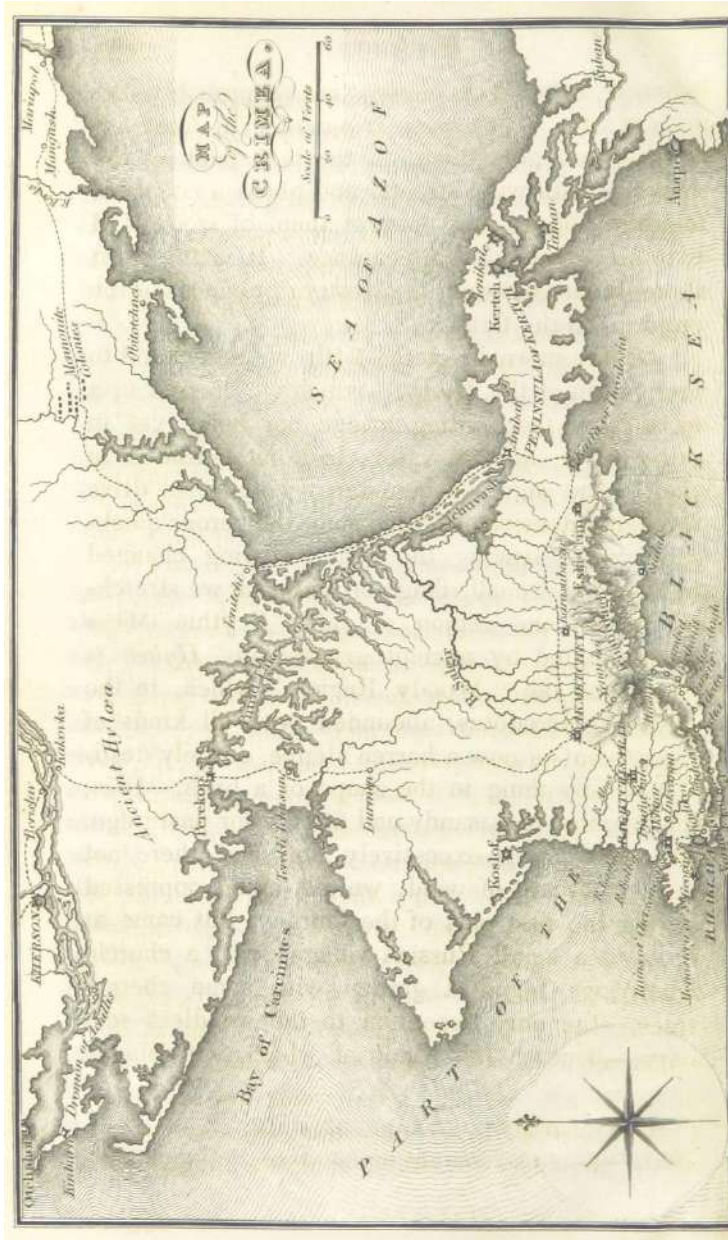

Рис. 2. Карта Крыма (по: Henderson E., 1826, вклейка).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА	– Археологический альманах
АДСВ	– Античная древность и Средние века
АО	– Археологические открытия
БГСб.	– Борисо-Глебский сборник
БИ	– Боспорские исследования
БИАС	– Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ВВолГУ	– Вестник Волгоградского государственного университета
ВИ	– Вопросы истории
ДГВЕ	– Древнейшие государства Восточной Европы
ЖМНП	– Журнал министерства народного просвещения
ЗРВИ	– Сборник радова Византолошког института
ИАК	– Известия императорской археологической комиссии
ИАКр	– История и археология Крыма
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА	– Краткие Сообщения Института Археологии
МАИАСП	– Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИАСК	– Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МП	– Мир православия
НВБГУ	– Научные ведомости Белгородского Государственного университета
НПЛ	– Новгородская первая летопись
НСЭ	– Нумизматика, сфрагистика и эпиграфика
ОАК	– Отчёт Археологической Комиссии
ПА	– Поволжская археология
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПС	– Палестинский сборник
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
СВ	– Средние века
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
УЗ КФУ	– Учёные записки Крымского Федерального университета
ХВ	– Христианский Восток
ХСб.	– Херсонесский сборник

Список сокращений

BHG	– Bibliotheca hagiographica graeca
BMGS	– Byzantine and Modern Greek Studies
BZ	– Byzantinische Zeitschrift
BZS	– Dumbarton Oaks Byzantine Seals collection
CFHB	– Corpus Fontium Historiae Byzantinae
DOP	– Dumbarton Oaks Papers
DOS	– Dumbarton Oaks Studies
DOSeals	– Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art
EA	– Epistulae Antiquae
IOSPE ³ V	– Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae edition tertia, tomus V (https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html)
JÖB	– Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
MIFAO	– Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale
ODB	– The Oxford Dictionary of Byzantium
REB	– Revue des Études Byzance
SBS	– Studies in Byzantine Sigillography
SCN	– Studii si cercetari de numismatica
ScSl	– Scando-slavica
TAPA	– Transactions of the American Philological Association
TM	– Travaux et Mémoires

Для заметок

**XV Международный
Византийский семинар**

**ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
ИМПЕРИЯ И ПОЛИС**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ответственный редактор Н. А. Алексеенко

Перевод на английский язык Н. И. Храпунов
Корректоры В. А. Нессель, К. С. Ушакова
Компьютерная верстка Н. А. Алексеенко

Оригинал-макет изготовлен ФГБУН
«Институт археологии Крыма РАН»
295007, Симферополь, пр. Вернадского, 2.
ОГРН 1159102130660 от 05.12.2015
Тел.: + 7 (3652) 549 116
E-mail: arc.crimea2@gmail.com

Формат 60x84/16. Усл. печ л. 19,07 Тираж 300 экз. Заказ № 04А/06.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru